РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «СОЦИОЛОГИЯ»

Нарбут Н.П. — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН — *главный редактор*

Пузанова Ж.В. — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, заведующая социологической лабораторией факультета гуманитарных и социальных наук РУДН — *заместитель главного редактора*

Троцук И.В. — доктор социологических наук, доцент кафедры социологии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН — *ответственный секретарь редколлегии*

Члены редколлегии

Бакиров В.С. — доктор социологических наук, профессор, ректор Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, академик НАН Украины, президент Украинской социологической ассоциации (Украина)

Бронзино Л.Ю. — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Гаспаришвили А.Т. — кандидат философских наук, доцент, заведующий лабораторией Центра социологических исследований МГУ им. В.М. Ломоносова

Голенкова З.Т. — доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследований социальной структуры и социального расслоения Института социологии РАН

Диас Николас Х. — доктор политологии, профессор социологии в Университете Гранады, Университете Малаги и Мадридском университете Комплутенсе (Испания)

Иванов В.Н. — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, советник РАН

Маркович Д. — доктор философских наук, профессор Белградского университета (Сербия)

Пан Д. — доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук (КНР)

Подвойский Д.Г. — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Ротман Д.Г. — доктор социологических наук, профессор, директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Сурманидзе Л. — профессор кафедры социологии и социальной работы факультета социальных и политических наук Тбилисского государственного университета им. И. Джавахишвили (Грузия)

Татарова Г.Г. — доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН

Херпфер К. — профессор политологии университета Абердина (Великобритания)

Чамбаликова М. — доктор философии, профессор, научный сотрудник Института социологии Словацкой академии наук, заведующая кафедрой социологии и социальной психологии высшей школы Данубиуса (Словакия)

Шубрт И. — доктор философии, профессор, заведующий кафедрой исторической социологии факультета гуманитарных исследований Карлова университета (Чехия)

EDITORIAL BOARD OF THE "SOCIOLOGY" SERIES

Narbut N.P., *Editor in Chief*, D.Sc (Sociology), Professor, Head of Sociology Chair of PFUR Faculty of Humanities and Social Sciences (Russia)

Puzanova Zh.V., *Deputy Chief Editor*, D.Sc (Sociology), Professor, Head of Sociological Laboratory of PFUR Faculty of Humanities and Social Sciences (Russia)

Trotsuk I.V., *Executive Secretary*, DSc. (Sociology), Associate Professor of Sociology Chair of PFUR Faculty of Humanities and Social Sciences (Russia)

Members of the editorial board

Bakirov V.S., D.Sc (Sociology), Professor, Rector of Kharkiv National University named after V.N. Karazin, academician of National Academy of Sciences of Ukraine, President of Ukrainian Sociological Association (Ukraine)

Bronzino L.Yu., D.Sc (Sociology), Professor of Sociology Chair of PFUR Faculty of Humanities and Social Sciences (Russia)

Gasparishvili A.T., PhD in Philosophy, Associate Professor, Head of Center for Sociological Studies of Lomonosov Moscow State University (Russia)

Golenkova Z.T., D.Sc (Philosophy), Professor, Head of the Center for Social Structure and Social Differentiation of the Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences (Russia)

Díez Nicolás J., D.Sc (Political Sciences), Professor of Department of Sociology II (Human Ecology and Population) of School of Political Sciences and Sociology of Complutense University of Madrid (Spain)

Ivanov V.N., D.Sc (Philosophy), Professor, Corresponding Member and Advisor of Russian Academy of Sciences (Russia)

Marković D., D.Sc (Philosophy), Professor of Belgrade State University (Serbia)

Pan D., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Sociology Institute of Shanghai Academy of Social Sciences (China)

Podvoiskiy D.G., PhD in Philosophy, Associate Professor of Sociology Chair of PFUR Faculty of Humanities and Social Sciences (Russia)

Rotman D.G., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Center for Sociological and Political Research of Belorussian State University (Belorussia)

Surmanidze L., Professor of Sociology and Social Work Division of Faculty of Social and Political Sciences of Tbilisi State University named after I. Javakhishvili (Georgia)

Tatarova G.G., D.Sc (Sociology), Professor, Senior Researcher of Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences (Russia)

Haerpfer C., PhD in Political Sciences, Professor of Political Science of Aberdeen University (United Kingdom)

Čambáliková M., Ph.D. in Sociology, Professor, Researcher at Institute of Sociology of Slovak Academy of Sciences, Head of Sociology and Social Psychology Chair of Higher School Danubius (Slovakia)

Šubrt J., PhD in Sociology, Professor, Head of Historical Sociology Chair of Faculty of Humanities of Charles University (Czech Republic)

ВЕСТНИК
Российского университета дружбы народов

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1993 г.

Серия
СОЦИОЛОГИЯ

Май 2016, том 16, № 2

Серия издается с 2001 г.

Российский университет дружбы народов

Костя, пожалуйста, когда мне журналы отдаете, пишите какой месяцдолжен быть, он во всех четных колонтитулах и в выходных данных. После верстки практически по всему журналу проверять надо, если исправления будут

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Díez-Nicolás J. The perception of security in the international comparative perspective ... 219

Павленко Е.С. Взросление как процесс формирования идентичности: возможности анализа нарративов ... 258

Ильмухин В.Н. Социологический анализ практик медиапотребления: виды и методы исследований ... 270

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Дементьева И.Ф. Факторы риска развития детства в современной России ... 285

Самыгин П.С., Попов М.Ю., Самыгин С.И. Правовая социализация молодежи в условиях кризисного состояния современного российского общества ... 295

Миняжев Т.Р., Вэй Жочжу. Социологическая оценка изменений в развитии института семьи в КНР как объекта семейной политики ... 304

Тарасова Е.О. Семейные ценности в мировых религиозных конфессиях и их влияние на российскую семью ... 312

Kharchenko E.I. Gender inequality indices for the European partnership countries comparison 323

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, КЕЙС-СТАДИ

Оносов А.А., Гаспаришвили А.Т. Измерения идентичности русских: социологические оценки и гуманитарная экспертиза 336

Максимова С.Г., Морковкина А.Г. Гражданская и этническая идентичность как маркеры межэтнических отношений в приграничных регионах России 347

Розанова Н.Н. Оценка репутации региональной исполнительной власти (на примере Смоленской области) 359

Trotsuk I.V., Ivlev E.A. Few words on the high level of social distrust among the Russian youth: Civil servants' social image 375

Чилипенок Ю.Ю., Осипова О.С. Ресурсы работников малого и среднего бизнеса и их самочувствие на рынке труда 386

Максимова О.Б. Конструирование гендерной идентичности в виртуальной политической коммуникации: дискурсивные стратегии и практики самопрезентации в социальных сетях 403

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Джантеев Т.Х. Основные направления социологического обеспечения диагностики и предупреждения организационных рисков в органах внутренних дел 418

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

Лебедев С.Н., Замараева Е.И. Проблемы государства в учении евразийцев 426

РЕЦЕНЗИИ

Социальные метафоры и «конструкция» человека в научной публицистике о теле. Рецензия на книги: *Нудельман Р.* Неизвестное наше тело. О полезных паразитах, оригами из ДНК и суете вокруг гомеопатии... М.: Ломоносовъ, 2014. — 240 с.; *Найт Р.* Смотри, что у тебя внутри. Как микробы, живущие в нашем теле, определяют наше здоровье и нашу личность / Пер. с англ. Е. Валкина. М.: Изд-во АСТ: CORPUS, 2015. 160 с. 438

НАШИ АВТОРЫ 449

© Российский университет дружбы народов, 2016
© Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология, 2016

BULLETIN
of Peoples' Friendship University of Russia

SCIENTIFIC JOURNAL

Founded in 1993

Series
SOCIOLOGY

May 2016, Vol. 16, N 2

Series founded in 2001

Peoples' Friendship University of Russia

CONTENTS

HISTORY, THEORY AND METHODOLOGY OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

Диас Николас Х. Трактовки понятия «безопасность»: международный сопоставительный контекст 219

Pavlenko E.S. Life trajectory as a process of identity formation: The potential of narrative analysis 258

Ilmukhin V.N. Sociological analysis of the media consumption practices: Types and methods of the empirical study 270

CONTEMPORARY SOCIETY: THE URGENT ISSUES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

Dementieva I.F. Risk factors in the development of childhood in contemporary Russia 285

Samygin P.S., Popov M.Yu., Samygin S.I. Legal socialization of the youth under the crisis conditions of the contemporary Russian society 295

Minyazhev T.R., Wei Zhochzhu. Sociological assessment of the changes in the development of family institution in China as an object of state policy 304

Tarasova E.O. Family values in the world religious confessions and their influence on the Russian family 312

Харченко Е.И. Использование международных индексов гендерного неравенства для сравнительной оценки ситуации в странах европейского партнерства 323

SURVEYS, EXPERIMENTS, CASE STUDIES

Onosov A.A., Gasparishvili A.T. Measurements of the Russian identity: Sociological assessments and humanitarian expertise 336

Maximova S.G., Morkovkina A.G. Civil and ethnic identities as markers of inter-ethnic relations in the Russian border regions 347

Rozanova N.N. Assessment of the regional executive power reputation (on the example of the Smolensk region) 359

Троцук И.В., Ивлев Е.А. Несколько слов о причинах высокого уровня социального недоверия в молодежной среде: образ гражданского служащего 375

Chilipenok Yu.Yu., Osipova O.S. Resources of the workers of small and medium business and their well-being in the labor market..... 386

Maximova O.B. Gender identity construction in virtual political communication: Discourse strategies and self-representation practices in social networks 403

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Dzhanteev T.H. Main areas for the sociological support of organizational risks diagnostics and prevention in the internal affairs bodies 418

SOCIOLOGICAL LECTURES

Lebedev S.N., Zamaraeva E.I. The state in the Eurasian doctrine 426

REVIEWS

Social metaphors and the human "construction" in the scientific publicism on the body. Books review: *Nudelman R.* Neizvestnoe nashe telo. O poleznyh parazitah, origami iz DNK i suete vokrug gomeopatii… [Our Unknown Body. On Beneficial Parasites, DNA Origami, and the Bustle around Homeopathy...]. M.: Lomonosov, 2014. 240 s.; *Knight R.* Smotri, chto u tebja vnutri. Kak mikroby, zhivushhie v nashem tele, opredeljajut nashe zdorove i nashu lichnost [Follow Your Gut: The Enormous Impact of Tiny Microbes] / Per. s angl. E. Valkina. M.: Izd-vo AST: CORPUS, 2015. 160 s. 438

AUTHORS 449

© Peoples' Friendship University of Russia, 2016
© Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology, 2016

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

THE PERCEPTION OF SECURITY IN THE INTERNATIONAL COMPARATIVE PERSPECTIVE*

J. Díez-Nicolás

Universidad Europea de Madrid
Villaviciosa de Odón, 28670 Madrid

The author considers security a key value in present societies all around the world due to the general change in values since the end of the 20th century, which is characterized by a certain return to more materialistic values and a reduction of personal and economic security under the globalization. The article provides two different but complementary theoretical frameworks for the sociological study of security. The first theoretical frame was developed in the late 1970's as a reaction to the excessive optimism generated by the high levels and rates of economic development during the previous years. Within this conceptual frame the author groups 59 countries into seven geo-cultural world regions, and identifies the change in values not only as a reduction of post-materialist values, but also as an increase in desires for greater authority in the future, particularly in more developed societies. In the second theoretical scheme all forms of social organization (political, economic, family, educational, etc.) including value systems, are instruments of adaptation of human societies to their environment. Thus, the main hypothesis here is that values change because of the levels of security in society, both personal and economic security: as security levels rise or decline, values change. The author considers both theoretically and empirically four indexes of security — personal, community, national and total. According to the European surveys data, developed countries seem to feel subjectively more secure than less developed countries, but variation even among countries within the same world geo-cultural region is very wide. On the basis of three sets of variables used to explain the four indexes of security (socio-demographic, attitudinal, national defence and a combination of the previous three) the author shows that the combined set seems to be the most robust to explain all four indexes of security. However, there is a great variation in the levels of the four types of security among the seven geo-cultural world regions, and among the countries within each region. This implies that the country continues to be the most important unit of analysis in international comparisons, which should take into account both subjective and objective measures of security.

Key words: security; materialistic values; post-materialistic values; geo-cultural world regions; subjective and objective measures of security; indexes of security; personal security; community security; national security; total security.

* This paper has been part of a research funded by the Plan Estatal de Investigación Científica y Técnica de Innovación 2013—2016: Perception of Security in a Comparative International Perspective (PESPIC). 2014—2015 (project within the National Research Plan CSO2013-48073-R). A first version of this article was presented at 5th LCSR International Conference "Cultural and Economic Changes under Cross-National Perspective", Higher School of Economics, Moscow, 15—20 November 2015.

SECURITY AS A KEY VALUE IN PRESENT SOCIETIES

Security has always been an important value in traditional societies, but it has become a key value in present societies, both developed and less developed, particularly since the end of the Cold War. During that period most of the literature on security referred to national or state security because of the military (nuclear) equilibrium between the two blocks. But when that period ended, the concept of security has been enlarged to individual, societal, global, human security, as will be briefly discussed below.

As the Human Development Report 1994 [45] points out, the concept of security has been related more to nation-states than to people, while for most people Human Security means being free from the threat of hunger, disease, unemployment, crime, social conflict, political repression, environmental hazards, etc. However, it also means protection from disruptions of daily life in homes, jobs and communities. For the authors of this report Human Security is a universal concern whose components are interdependent, that is easier ensured through early prevention (through early warning indicators) than to late intervention, and which is people centred. Thus, the concept of security must change from territorial security to people's security, from security based on armaments to security based on sustainable human development. The enlargement of the concept of Human Security must therefore include economic, food, health, environmental, personal, community and political security, to mention only some domains. At present, because of the globalization process, security must also be global, and some of the threats to Global Security are unchecked population growth (world population will double in 50—60 years), disparities in economic opportunities (social and economic inequalities continue to increase, both within and between countries), migration pressures (as recent flows on Europe escaping from hunger-Sub Saharan Africa or from war and political repression-refugees from Syria, Iraq, Libya, Afghanistan), environmental degradation (climate change, melting of the poles), drug trafficking (organized crime, money laundering) or international terrorism (mainly Islamic). The emphasis on Human Security in contrast to state security has become very popular among scholars [1; 43].

The concept of security has changed because of globalization, because of the very important change in the world social environment. First, the city provided security to individuals, later the state provided security to its citizens, but at present, the nation-state is not capable of providing security. That is the reason why most scholars, researchers and politicians are developing interest in other instances that can provide individual and societal security. P. Bilgin [4] has developed the concept of "common security" to imply that security must be sought and maintained not against one's adversaries but with them. This idea is similar to the concept of stable peace developed by J. Galtung [22; 24]. Galtung distinguishes between negative peace (the absence of war) and positive peace (based on the establishment of conditions for social justice), and he also distinguishes between direct violence (physical) and indirect violence (structural and cultural). And K.E. Boulding also advances that stable peace is not based on threat, and prefers the terms global or world security to international security, because the state (the main actor in international politics) is less and less able to provide for security, which leads him to accept the concept of "risk society" proposed by U. Beck

to define present societies. Apart from that, Boulding makes a distinction between developed and less developed societies, so that the later face a "insecurity dilemma", because they are more preoccupied with internal rather than external security.

Though it is widely accepted to differentiate between national and international security, the fact is that both are very much interrelated, because its relationship is "tightly connected to a political, legal and military framework that should allow for their manifestation without any conflicting standpoints" [32]. And "the notion of borders is fading away and giving rise of the old notion of lines or fronts and regions (NAFTA, Schengenland)" [3], for which reason the concepts of internal and external security are merging into a new one, "field of security", because both have the same enemy. For Bigo liberty is not the limit of security but the condition of security, so that security has no limits, it is unlimited, it needs to be global.

The idea that internal and external security are not separate, as they were during the Cold War period is present in most works of the post-Cold War period, or at least the emphasis is placed on the idea that they are very interrelated. Nevertheless, though most scholars after the Cold War period emphasize the interdependence between internal and external security, the academic division of labour continues to differentiate them, if only for heuristic purposes. Thus, a very important literature focus on internal security, that deals more with police and similar security forces [2; 5; 20; 39; 41]. The concept of security has not been the exclusive object of experts in international relations and politics, but has also received great attention by social scientists, which precisely have focused on the multiple aspects of security, not only state but also individual and societal security).

Only during the short period between the end of World War II and the fall of the Berlin Wall security was not the main concern of individuals, in particular in more developed societies. This short period is also the period of change from industrial to post-industrial societies, or the change from industrial capitalism to financial capitalism. Two theoretical lines with a more sociological perspective give some new insights to explain why security has become such a key value in present societies.

The first theoretical frame of reference started in the late 70's, as a reaction to the excessive optimism generated by the high levels and rates of economic development during the previous fifteen years, and its beginning could be placed on the first oil crisis of 1973 and the publication of the first report to the Club of Rome, Limits to Growth [38]. Many well known reports at that time described a future following a chain of events that started with (1) an unprecedented rate of world population growth that (2) would impose an accelerated intensive use of world natural resources, especially on energy, that (3) would produce a lower quality of life (in spite of accelerated growth of technology), (4) which would lead to increasing social and economic inequalities between countries and within countries (because those individuals, groups and countries in positions of power would tend to defend and improve their quality of life at the expense of those with less power), that would lead to (5) increasing social conflicts, latent or manifest, between countries and within countries. The corollary of this forecast was that increasing social conflicts would probably lead those in positions of power to recur to

more authority, bringing about more authoritarian (left or right) political regimes, as the most rapid and efficient way to resolve conflicts. This hypothesis, which in great part seems to have been confirmed by facts, especially in recent times, with the financial crisis that started in 2007, is producing high levels of social and economic inequalities, and therefore insecurity in the populations, and thus a new concern for security [10; 17].

In many respects this hypotheses, formulated in the late 1970's, is compatible with Inglehart's theory of value change in modern societies. In fact, Inglehart's theory establishes that values were traditional and materialistic (scarcity, survival values) in traditional pre-industrial societies because people were primarily concerned about their personal and economic security [33]. After World War II, those two sources of insecurity were more or less controlled through the world peace brought by the bi-polar power system of the Cold War and through the welfare state. However, the WVS (1) data from the 2005 and 2010 waves provided evidence for many of the more developed countries suggesting that a change from the new post-materialistic, self-expression or emancipative values that had grown since the end of World War Two till the year 2000 was taking place, a change that implied a certain return to materialistic values and to greater wishes for more authority, because of the growth of personal insecurity (many local wars, the Gulf, the Balkans, international and national terrorism, organized crime, narco-traffic, etc.) and the growth of economic insecurity (unemployment, early retirement, migrations, financial capitalism, globalization, etc.). The growth of insecurity in all realms of life is present in everyday's news programs (food, health, environment, traffic, unemployment, poverty, terrorism, national defence, crime, energy, stock exchanges, etc.), and it is producing a very important change in values, including a higher demand for authority (as observed in the WVS waves of 2005 and 2010), which probably will lead to justify more authoritarian governments even in traditional democracies [14]. The time series from the 1981 to the 2010 waves of WVS shows a significant decline of post-materialist values (2) since 2000, in contrast with previous waves, and a significant growth of the desire for more authority, especially in more developed countries.

Data from the WVS 2010—14 wave confirms the decline in post-materialist values already observed in the 2005 wave. Thus, if we take the nine countries that have participated in the six WVS waves it appears that post-materialist values have increased from 1981 to 2000, with the exceptions of South Africa and South Korea. And if we compare the last three waves, including only the 47 countries that used the post-materialist scale of four items in the last wave (2010—2014), it appears that post-materialist values decreased in 28 countries, increased in 12, and remained more or less the same in 9. The distribution of countries according to their average post-materialism index by wave and geo-cultural region, show that the decrease has been predominant in most regions of the world, regardless of their degree of economic or political development, a change that implies more concern for security and for authority. Nevertheless, some less developed countries still show an increase in their post-materialist values, as they are still going through the process of industrialization and modernization.

Thus, the three Anglo-Saxon countries (3) plus six of the nine European Union countries (Cyprus, Estonia, Germany, Netherlands, Slovenia and Spain) show a reduction

of post-materialist values from 2000 or 2005 to 2010, and only three countries (Poland, Romania and Sweden) still show an increase in post-materialist values. It seems that, with the exception of Sweden, the less developed countries in this group of countries still show some growth of post-materialism, while the more developed countries (especially the three Anglo-Saxon countries plus Germany, Netherlands, Spain and Slovenia) show a decline in these values.

A predominant decrease in post-materialist values is also shown among four of the seven East European and Balkan countries (Azerbaijan, Armenia, Georgia and Kyrgyzstan), but they increase in Ukraine, and remain more or less the same in Belarus and Russia. Five out of six countries in the MENA region show a decline in their post-materialist values between 2000 and 2010 (Iraq, Jordan, Morocco, Turkey and Egypt), and only one maintains more or less the same values. There is more contrast in Asia, where four countries show an increase in post-materialist values (Taiwan, India, Pakistan and the Philippines) while four reduce them (China, Japan, Malaysia and Singapore), and two experience no or little change (South Korea and Thailand). Once more, the reduction of post-materialist values seems to be more frequent among the more developed countries. A certain predominance of reduction rather than increase in post-materialist values is evident in Latin America and in Sub-Saharan Africa. Thus, reduction of post-materialism is present in four out of eight countries in Latin America (Argentina, Peru, Trinidad and Tobago and Uruguay), while an increase is shown in three countries (Chile, Colombia and Mexico), and one shows no change (Brazil). Two countries show a decline in post-materialism in Sub-Saharan Africa (Ghana and Rwanda), one shows an increase (South Africa) and another one shows no change (South Africa).

In summary, it can be accepted that a reduction in post-materialist values seems to have occurred in all regions of the world, though more evident in most developed countries, an assertion that implies that the change has been predominant everywhere, while the growth of those values had been also almost universal between 1981 and 2000.

It has been argued that the change of values has implied not only a certain return from more post-materialistic values to more materialistic values, but also a change regarding the desire for "greater respect for authority". It must be remembered that, according to Inglehart, respect for authority and achievement motivation were among the most important values that made possible industrialization and modernization, that is, the passing from traditional to industrial society. On the contrary, the passing from industrial to post-industrial society has been characterized by a great reduction on the importance attached to authority. During the industrialization process authority not only was present in most social institutions (family, religion, education, work, politics, etc.), but they also reinforced each other. However, in the post-industrialization process authority has been contested in all social institutions, while satisfaction of the well-being of the individual has been emphasized. Besides, there is no more reinforcement of authority in the different social domains.

The question that asks the respondent if he/she considers that "more respect for greater authority" in the future is a good thing or a bad thing, has been part of the WVS questionnaire in all six waves. Since the expected change should have started after 2000, only the three last WVS waves have been analyzed. Data in Table 2 shows

that there is still a majority of societies that prefer less authority, but the important thing to underline is that the countries that prefer more authority are mainly the more developed ones.

Thus, the average index in favour of "greater respect for authority" shows that only one of the three Anglo Saxon countries (New Zealand) considers more authority a good thing, while a majority in the other two countries (Australia and the United States) considers it a bad thing. However, five of the eight EU countries consider "more authority" a good thing (Cyprus, Germany, Netherlands, Spain and Sweden), and only two (Estonia and Poland) consider it a bad thing, while one has not a clear opinion (Romania). There seems to be more equilibrium between the two options in East European and Balkan countries, so that while a majority in three countries considers "more authority" a good thing (Azerbaijan, Kyrgyzstan and Russia), other three countries consider it a bad thing (Armenia, Belarus and Ukraine). And the same equilibrium seems to be true of Latin American countries, since three consider "greater authority" a good thing (Chile, Mexico and Uruguay), three consider it a bad thing (Argentina, Peru and Colombia), and one is undecided (Brazil). The opinion that "more authority" is a bad thing prevails in all other regions. Thus, four of the five MENA region countries consider that "more authority" is a bad thing (Algeria, Jordan, Morocco and Turkey), and only one would think it is a good thing (Egypt). In the same line, five out of the eight countries from Asia think that "more authority" is a bad thing (China, India, Pakistan, Singapore and Taiwan), only two (South Korea and Philippines) think it is a good thing, and one is undecided (Japan). Finally, the three countries from Sub-Saharan Africa region consider "more authority" a bad thing (Nigeria, South Africa and Zimbabwe).

In summary, though one can still observe a predominance of the opinion that "greater authority" is a bad thing, it is very clear that this is an opinion that prevails in the less developed countries, while the opinion that it is a good thing seems to prevail in more developed countries, a finding that is coherent with the theory.

Most countries seem to be closer to the post-materialistic pole in the last wave of the WVS, 2010—2014, but only five out of forty seven show an index higher than 2 points (in the scale 1 to 3) and only five show an index lower than 1.5. However, 28 countries show a reduction of the index from the 2000 to the 2010 waves, while only 12 show an increase in post-materialism. This implies that most countries experienced in the past a change towards more post-materialist values, but that there is a trend towards a return to more materialistic values since 2000, a change that seems to be taking place earlier in the most developed countries, though it is being followed by the less developed ones.

Regarding the opinion on the desire for "greater respect for authority" in the future, the data show that most countries have an index over 2 points in the 2010 WVS wave, thus, the opinion that it is a good thing still predominates, and only in four countries the index is below 2 points (Japan, South Korea, Sweden and Taiwan), indicating a certain predominance of the opinion that "greater authority" is a bad thing. But the comparison with the results in the 2000 WVS wave shows that there has been an increase in that opinion in fifteen out of forty countries (most of them more developed countries), while

in twenty two the prevalent opinion is that it is a bad thing, and therefore they would not like "more authority" in the future, an opinion which is characteristic of the post-industrialization process.

If these data are taken as pointing to a trend for the near future, it may be concluded that the trends in both sets of data suggest a reduction of post-materialism in the near future, as well as an increase in desires for "greater respect for authority". More developed countries seem to be the vanguard in both trends, thus confirming also the center-periphery theory [21; 23; 28], in the sense that change of values always starts at the social centre (in this case the more developed countries) and from it is disseminated to the social periphery (the less developed countries).

It seems appropriate to say that the 20th century was characterized by the confrontation of two very important values: Freedom vs. Equality, but the 21st century will be characterized by the confrontation between two other values: Freedom vs. Security, so that the problem will be to know how much freedom societies are ready to give up in order to guarantee a certain level of security. It is not a coincidence that Security has become the fastest growing business in the world today, and not only because of the arms race, but because of the industry of security in all realms of our life (food, health, energy, economy, justice, finance, crime, national defence, etc.).

As a provisional corollary, and drawing still on another theoretical scheme (social ecosystem theory [29; 30], all forms of social organization (political, economic, family, educational, etc.) including value systems, are instruments of adaptation of human societies to their environment, and together with technology, they constitute the peculiar and unique way that human societies use to survive in their environment (non-material and material culture), contrary to plants and animals, whose adaptation is always mechanic, given by genetic heredity. Technology, especially innovations in communication and transportation would be the main producers of change, because of their effects in expanding the environment (from the nomads' sustenance economy to the present globalization of the economy) were men find their resources, and consequently producing change in the material and non-material culture, especially in the forms of social organizations.

Human history demonstrates that the interaction between population and environment, through the intervening effect of technology, mainly communication and transportation technology, have affected the responses produced by societies through changes in the social organization (economic, political, educational, familial, etc.) and values systems. This suggests that maybe we are at the point of a great change that may affect the present model of economic organization (capitalism, and especially financial capitalism) and the present model of political organization (parliamentary democracy). Not having a crystal ball it is difficult to predict what will be the new models, though it is well known that through human history these two models have changed many times, and that it would be very unusual that they will perpetuate forever when the other three elements of the social ecosystem have changed so much in the past decades (population, environment and technology). Therefore, present insecurity might also be a result of the objective and subjective perception that the two main social organizations: the economy and the polity are changing dramatically, without our knowing where

the world is heading to. It is quite obvious that peoples that lived through the Industrialization or the Enlightenment were not conscious that they were living such huge societal changes [16].

The main hypothesis sustained here is that values change because of the levels of security in society, both personal and economic security. Thus, following Inglehart, there was a change in attaining higher security levels after the end of World War II. But as security levels declined more recently, values are changing again, and the data of WVS-2005 and even more those of WVS-2010 seem to provide evidence of this new change, actually a reversal towards less post-materialist values and greater desire for authority.

However, it seems necessary to argue why the former security levels have declined since, more or less, the beginning of the 21st century. Power exists and is a necessary function in all societies. One can distinguish between economic power, that regulates the production and distribution of resources, and political power, that regulates social relations through normative systems. Through human history, these two powers have cooperated or, at times, have confronted each other. In any case, both powers have adopted a multiplicity of forms to adapt to societal changes. Very recently, however, one has witnessed more and more clearly a differentiation between financial and economic powers. During industrial capitalism economic power (that is, firms, companies) had control over banks (the financial power), but as financial capitalism has grown, financial power has acquired the control of economic power. Globalization has favoured the growth of financial power, because it is not real but virtual, and because it has no need to be attached to a territory, and therefore linked to any political power (which is generally linked to a territory). Financial power is therefore much more free from the power of any polity; it is in fact the only globalized power, while economic power is more linked to a territory, and therefore more subject to a political organization, to a particular government. While financial power is globalized, political power is fragmented into more than 200 so called, "sovereign states" [13]. The present situation may be characterized by a more or less open confrontation between financial power and political power to decide who controls who, and the confrontation seems to have one winner. But why should this process have an effect on the security of individuals and societies?

The logic of financial power, because it is globalized, is to maximize benefits. To that effect, the world is a closed system. Before globalization, there were a variety of interacting systems, but after globalization the world is more and more only one system. Globalization means, among many other things, that the two separate parts that were different, as they merge into one single whole, will eliminate or reduce differences between them. Two processes have followed the logic of financial power: industrial relocation and immigration. Through the first process, industries have been relocated to territories where labour was cheaper. The process has been advantageous to the receiving territory, but negative to the sending territory, because it creates jobs in the former while it destroys them in the one that loses industries. Those who suffer, mainly in the developed countries, are the workers, but there are also some gains for

the less developed territory. A similar pattern describes the effects of migration flows. Immigrants, in a large proportion without documentation, cannot have legal contracts, and even if they do, they get lower wages than local workers. Unemployment among the population of the more developed countries usually characterizes both processes, and as a result, a reduction of economic security for the middle and working classes in those countries, and larger benefits for investors and financial power in general, because of cheaper labour costs.

In addition, it is possible to argue that, during the Cold War years, after World War II, the "free market economy world" had to distribute national resources in a more equitable way in order to avoid the "proletarian revolution" that was being exported and supported (even through the threat of nuclear missiles) from the "state planned economy world". That took place especially during the decades of the 1960's and 1970's, and one of its main consequences was the consumption revolution, the expansion of the welfare state, and the enlargement of middle classes and, consequently, the reduction of economic and social differences in the more developed world. However, once the German Wall fell down in 1989, the fear for the "exported proletarian revolution" was very much reduced, for which reason financial capitalism was not forced any more to distribute resources better. Domestic anti-system movements are much more local and do not have the support of one of the two world powers. And economic and social differences began to increase since the 90's, until the present situation after the financial crisis of 2007. As social and economic differences continue to increase, insecurity, both personal and economic, also increases, social welfare benefits have been reduced everywhere, and the middle classes are the ones paying the highest price. However, if security decreases, values will also change, and social conflicts will increase [19].

It seems clear, on the basis of the data already examined, that values are changing, especially in the more developed societies, towards a more materialistic and authoritarian orientation, because of increasing insecurity. That is why it is necessary to have a well grounded measure of perceived (subjective) security that will allow observing the evolution of that important and decisive sentiment in future years.

MEASURING THE CONCEPT OF SECURITY

The above reflections, which I have developed in several publications since more than a decade ago, are the basis for the theoretical scheme that I have developed to do research on Security (4):

INTERNAL SECURITY	EXTERNAL SECURITY	
	OBJECTIVE	SUBJECTIVE
OBJECTIVE		
SUBJECTIVE		

Thus, a first research in 2007 with a national representative sample of 1,200 face-to-face interviews in Spain allowed the construction of a Synthetic Index of Subjective Security, covering internal and external security [15]. The concept of Subjective

Security was first defined through an item measuring R's General Self-evaluation of their Personal Security which was used as a referent, and then 17 different dimensions of security were explored to examine which ones seemed to best explain R's self evaluation. The 17 dimensions were: 1) general satisfaction with life in general, 2) self-evaluation of health status, 3) perception of changes in general self-evaluation of personal security with respect to 10 years before, and the following indexes: 4) affective security, 5) neighbourhood security, 6) perception of problems in the neighbourhood, 7) daily fears and threats, 8) worries on health and integrity, 9) worries on external and environmental conditions, 10) personal precautions, 11) automobile precautions, 12) household precautions, 13) access to weapons, 14) personal-family economic worries, 15) personal-social economic worries, 16) external-international threats, and 17) personal experience of victimization. Each of these dimensions was measured through several items or indicators, which were combined to construct an index after statistical analysis of the indicators for each dimension: frequency distributions, correlation matrix of indicators, main component analysis and final construction of the index. The total number of items to construct the indexes was 70. A similar process was followed with the 17 constructed indexes plus R's General Self-evaluation of their Personal Security, finalizing with a main component analysis that is presented below.

Table 1

Main component analysis of indexes of different dimensions of security, Spain 2007 [15]

		Components					
		1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**
1.	**R's General Self-evaluation of Personal Security**	**.626**	**–.018**	**.194**	**.235**	**.313**	**.021**
2.	General satisfaction with life in general	.057	–.121	.437	–.060	.561	.238
3.	Self-evaluation of health status	–.090	–.089	.700	.178	.091	.108
4.	Perception of changes in personal security with respect to 10 years before	.248	.408	.110	.437	.251	.106
5.	Affective security	.098	.103	.707	.005	–.152	–.313
6.	Neighbourhood security	.722	–.280	–.055	.061	.254	–.073
7.	Problems in the neighbourhood	.842	–.209	–.094	.051	.051	–.046
8.	Daily fears and threats	.828	–.169	.065	.066	–.089	–.075
9.	Worries on health and integrity	–.236	.786	–.140	–.031	.059	–.032
10.	Worries on external and environmental conditions	–.261	.789	–.050	.064	–.037	–.008
11.	Personal precautions	–.086	.060	–.175	–.813	.097	–.080
12.	Automobile precautions	.023	.238	.377	–.430	–.116	.168
13.	Household precautions	–.062	.020	–.037	.017	–.104	.898
14.	Access to weapons	–.515	–.029	–.028	.409	–.016	–.188
15.	Personal-family economic worries	–.266	.703	.332	–.097	.097	–.032
16.	Personal-social economic worries	–.535	.302	.103	.084	.235	.034
17.	External-international threats	–.075	.758	–.003	–.107	–.142	.046
18.	Personal experience of victimization	–.072	–.036	.193	–.008	–.728	.255

Method of extraction: Main component analysis
Rotation method: Normalization Varimax with Kaiser
Rotation converged in 14 iterations

This analysis made it very clear that three indexes were really related to R's General Self-evaluation of Personal Security: the perception of security in the neighbourhood of residence, the problems perceived in the neighbourhood, and the daily personal fears and threats perceived by R. A correlation matrix confirmed that the highest correlation coefficients were those between R's general self-evaluation and the three cited indexes (all above .40 and statistically significant at .01 level). The correlation coefficients among the three indexes were high but not tautological (between .50 and .70).

The decision was taken to construct an Index of Subjective Security based on these three indexes. In fact, since each index was the product of a combination of different items or indicators, several indexes were constructed on the basis of different criteria that used different items or indicators from each dimension-index. Thus, to test the real validity of the analysis, a total of six indexes were constructed: Security-Index-1 was built using the two indicators with the lower correlation coefficient between them from each one of the three dimensions, in order to obtain the least overlapping possible. It combined, then, six such indicators. Security-Index-2 was constructed on the basis of the two indicators with the higher and lower saturation values on the main components analysis for each dimension-index; once more the index included six such indicators. Security-Index-3 was constructed adding the values of all indicators in each of the three dimensions, aggregating them in one index at the end. Security-Index-4 was constructed adding the values of all indicators in each of the three dimensions, aggregating besides the values of all indicators in two more dimensions: affective security and worries on health and integrity. Insecurity-Index-1 was constructed adding the standardized values of all indicators in the three dimensions that have been used in most indexes: neighbourhood security, neighbourhood problems and daily fears. Insecurity-Index-2 was constructed adding the standardized values of all indicators in the three dimensions mentioned plus the sum of the standardized values of all indicators in five other dimensions: worries on health and integrity, worries on external and environmental conditions, personal-family economic worries, personal-social economic worries, and external-international threats.

Table 2

Correlation coeficientes * (Pearson's r) between security indicators among them and with R's general self-evaluation of personal security, Spain 2007 [15]

	R's General Self-evaluation of Personal Security	SEC1	SEC2	SEC3	SEC4	INSEC1	INSEC2
R's General Self-evaluation of Personal Security	1	.45	.48	.49	.47	−.49	−.38
SECURITY 1	.45	1	.92	.94	.92	−.94	−.78
SECURITY 2	.48	.92	1	.93	.90	−.94	−.76
SECURITY 3	.49	.94	.93	1	.96	−1.00	−.81
SECURITY 4	.47	.92	.90	.96	1	−.96	−.88
IN SECURITY 1	−.49	−.94	−.94	−1.00	−.96	1	.81
IN SECURITY 2	−.38	−.78	−.76	−.81	−.88	.81	1

* All correlation coefficients are significant at.01 level.

The most interesting finding is that all six indexes, in spite of the great variation in their construction, seem to have a very similar relationship with R's general self-evaluation of personal security. Only Insecurity-2 shows a correlation coefficient slightly below .40. Furthermore, the correlation coefficients between each one of the six indexes and the other five are generally above .90. The interpretation seems to be that no matter what items or indicators are selected from the three main dimensions (Security Indexes 1, 2 and 3), their relationship with R's general self-evaluation of personal security is practically the same, or expressed differently, that the indicators used to measure each dimension are interchangeable. This finding is very important in the sense that what really matters is the dimensions, rather than the specific items-indicators used to measure each dimension. The total number of items or indicators that were used to measure the three basic dimensions mentioned above is only 25. This feature facilitates validation of the Subjective Security Index in different cultures, because it allows selection of 6 of them among a total of 25, but always taking 2 items-indicators from each one of the three dimensions. An additional validation of these findings was made through a main component analysis of the 25 items-indicators, which produced three components, each one of them including precisely the items-indicators that were used to measure each dimension.

To complete this analysis, several regression models were constructed, using different groups of potential micro- explanatory/independent variables: socio-demographic, social status, attitudinal/ideological, territorial, as well as social-economic structure macro- explanatory/independent variables, to explain the Subjective Security Index as dependent variable. The final regression model adopted used a total of 13 independent explanatory variables including: size of place of residence, post-materialism-4 index, victimization index, four different measures of occupational structure and unemployment, and six indexes of dimensions different from the three that were used to calculate Security 1, 2 and 3. This regression model, that used variables not included at all for the construction of the three cited Indexes of Security, explained 55% of the variance in each of the three Subjective Security Indexes (1, 2 and 3). Most explanatory contributions were significant at the.01 level, and all of them were significant at the .05 level.

Finally, the Subjective Security Indexes were used as predictors, as explanatory/independent variables in regression models to explain variation in several dependent variables, like general satisfaction with life, worries about health, environmental worries, personal worries, access to weapons, personal-family worries and personal-social worries, jointly with other independent variables: socio-demographic, social status, attitudinal/ideological, territorial, as well as social-economic structure macro- explanatory/independent variables. In all cases, the Subjective Security Index was the best predictor of the dependent variable.

VALIDATION OF THE SUBJECTIVE SECURITY INDEX

In 2008, a second survey was conducted in Madrid, based on a sample of 8,600 individuals, to allow territorial comparisons in the 21 city districts. Both the questionnaire

and the methodology were similar to the ones used for the survey in Spain. Thus, every single methodological step was replicated, in many cases separately for each one of the 21 city districts. And the results were practically the same, with small and not significant differences in some district because of its population composition. Besides, however, and due to the opportunity to have city districts, one more dimension was added: perceived dangers in the district, for which 13 items/indicators were used. A main component analysis showed the existence of two different components, one measuring serious dangers, and the second measuring light dangers. This new dimension seemed to contribute to refine the construction of the Subjective Security Index.

The main conclusions derived from the two independent surveys in Spain and Madrid may be summarized as follows:

(1) The validity and reliability of the Subjective Security Index was demonstrated, even with different alternatives for its construction on the basis of different items/indicators, provided they belong to the three dimensions mentioned in the above discussion.

(2) The relationship between any of the SS's and R's general self-evaluation of personal security is strong in both surveys, a finding that seems to demonstrate that an individual's feeling of personal security depends mainly from three sets of factors, their perception of neighbourhood security, their perception of neighbourhood problems, and their daily fears and perception of threats. The survey in Madrid also added the perception of dangers, serious and/or light.

(3) Individual micro-variables, socio-demographic or attitudinal, explain very little of the variation in SSI's.

(4) On the contrary, contextual macro-variables do have a much greater predictive power to explain variation in SSI's, both in Spain and in Madrid.

(5) To live in one region of Spain or another does not have any explanatory power in the SSI's, but to live in one city district or another does have a great explanatory power, a finding that suggests that it is the more immediate social environment, the neighbourhood and not the wider community (the region) that really has importance on individuals' perception of personal security or insecurity.

The 2010 WVS wave gave the opportunity to validate the Subjective Security Index just described by accepting to include a new battery of questions that, for the most part, replicated items from the Spanish battery, though it introduced a couple of new items. However, as has been explained and demonstrated, the SSI can accept many different items provided they measure the same dimensions. The questions included in the 2010 WVS questionnaire were the following:

V165. Could you tell me how secure do you feel these days in your neighbourhood?

Very secure	1
Quite secure	2
Not very secure	3
Not at all secure	4
DK/NA	–1

V166. How frequently do the following things occur in your neighbourhood?

	Very	Quite	Not frequently	Not at all frequently	DK/NA
V167. Robberies	1	2	3	4	–1
V168. Alcohol consumption in the streets	1	2	3	4	–1
V169. Police or military interfere with people's private life	1	2	3	4	–1
V170. Racist behaviour	1	2	3	4	–1
V171. Drug sale in streets	1	2	3	4	–1

Which of the following things have you done for reasons of security? (multiple response)

	Yes	No
V172. Didn't carry much money	1	5
V173. Preferred not to go out at night	1	5
V174. Carried a knife, gun or other weapon	1	5

V175. Have you been the victim of a crime during the past year?
V176. And what about your immediate family--has someone in your family been the victim of a crime during the last year?

	V175. Respondent	V176. Family
Yes	1	1
No	5	5
DK/NA	–1	–1

To what degree are you worried about the following situations?

	Very much	A good deal	Not much	Not at all	DK/NA
V177. Losing my job or not finding a job	1	2	3	4	–1
V178. Not being able to give my children a good education	1	2	3	4	–1
V179. A war involving my country	1	2	3	4	–1
V180. A terrorist attack	1	2	3	4	–1
V181. A civil war	1	2	3	4	–1
V182. Government wiretapping or reading my mail or email	1	2	3	4	–1

Following the methodology of the Spanish surveys, a main component analysis has been produced with all the items that derived from the questions mentioned above. The results of this main component analysis, allowing for free number of components, were very similar to those found in Spain. The first factor showed three items with saturations over .8 (war involving my country, terrorist attack and civil war), all of them related to national security, plus one other item more or less related to national security (government wire-tapping) with lower saturation (.67), and two items that really refer to personal security (losing my job and not being able to give one's children a good education). But two of these three items had saturations over.6 and only one over .7, high but not as high as the three related to national security. The second factor included the five items measuring things that happened usually in their neighborhood, all with saturations over .7. The third factor included two items measuring personal security: not carrying much money when going out, and not going out at night, with saturations over .8. The fourth factor included three items, one related to personal security (carrying

weapons for reasons of security) and two measuring being the victim of a crime (respondent or family member), both of which showed saturations over .7. These results seem to suggest that respondents clearly differentiate three levels of security: personal (that includes both the respondent and closest relatives), community (basically the neighborhood or town of residence), and national (relative to national defense and security, threats from outside the country, etc.). Thus, a new main component analysis was computed asking for only three factors.

The main difference between the two main component analyses is that three items do not seem to belong to any of the three components: carrying a weapon, and respondent or relative being the victim of a crime. As was already noticed in the analysis of the surveys in Spain, and is now confirmed with the WVS data, only a very small proportion of the sample (more than 85,000 respondents in 59 countries) answers that, for reason of security they carry a weapon (6%), or that respondent (8%) or some family member (11%) have been the victim of a crime. Nevertheless, in spite of its very small frequency, but because carrying a weapon measures a great level of insecurity, we have kept this item for the construction of the Personal Security Index (PSI), as will be explained later.

The three levels of security were therefore differentiated: personal, community and national. The five items related to the neighborhood had similar saturation values and were components of the second factor. The two items related to personal security had similar saturation values and were the components of the third factor. However, the first factor included not only the four items measuring national security, but also two factors that measured personal security. The explanation seems to be that all six items had similar question wording, all of them starting with "how worried are you about...". This would be an example of "halo effect", in the sense that respondents probably gave a similar answer to all of them. Nevertheless, the three items more clearly related to national security show saturation values above .7, while the others are only slightly over .6.

Table 3

Main component analysis of indexes of different indicators of security (WVS-2010, 59 countries), 3 components

	Component		
	1	2	3
Secure in neighbourhood	**–.024**	**-.461**	**-.320**
How frequently do the following things occur in your neighborhood: Robberies	.082	.749	.129
Alcohol consumed in the streets	.097	.711	.139
Police or military interfere with people's private life	.067	.708	-.043
Racist behavior	.050	.713	-.050
Drug sale in streets	.069	.768	.086
Things done for reasons of security: Didn't carry much money	.048	.021	.817
Preferred not to go out at night	.126	.022	.790
Carried a knife, gun or other weapon	.013	.178	.207
Respondent was victim of a crime during the past year	–.005	.309	.273
Respondent's family was victim of a crime during last year	.002	.321	.286

End of table 3

	Component		
	1	2	3
Worries: Losing my job or not finding a job	.669	.120	.061
Not being able to give one's children a good education	.726	.087	.077
A war involving my country	.878	-.002	.034
A terrorist attack	.876	-.001	.040
A civil war	.882	.030	.028
Government wire-tapping or reading my mail or email	.674	.091	.009

Extraction Method: Principal Component Analysis
Rotation Method: Varimax with Kaiser Normalization
Rotation converged in 5 iterations

In order to gain a better knowledge of the different indicators in relation to the general feeling of security, a new main components analysis was calculated fixing only one component, so that items would scale themselves on the basis of their saturation levels. This new analysis demonstrated that the higher saturations were obtained with the six indicators of worries, those related to national security leading the scale, followed immediately by personal worries. Lower in the scale are the indicators related to neighbourhood problems, still with medium saturation levels, and even lower one finds the indicators of things done because of security, the two indicators of victimization, and the item on carrying weapons closing the scale.

After several statistical analyses it was decided to construct an index of perception of security for each one of the three dimensions, plus a fourth one that would summarize the previous three, with the fewer number of items that would combine the different dimensions of security, and would avoid as much as possible unnecessary redundancies. Four indexes were therefore constructed, based on the following individual items/indicators:

- Personal Security Index (PSI): Preferred not to go out at night, Didn't carry much money, Carried a knife, gun or other weapon.
- Community Security Index (CSI): Drug sale in the streets, Robberies, Alcohol consumption in the streets.
- National Security Index (NSI): Worry about international war, Worry about terrorist attack, Worry about civil war.
- Total Security Index (TSI): Sum of Indexes of Personal (PSI), Community (CSI) and National (NSI) Security.

Each index (PSI, CSI and NSI) can vary between 3 and 12 points in the scale, where 3 = low security and 12 = high security. Therefore, the TSI scale can vary between 9 and 36 points.

The feeling of security in the neighbourhood is significantly and positively related to the Total Security Index and its three component indexes, but especially to the Community Security Index, while the lowest relationship seems to be with the National Secu-

rity Index. This was due to the wording of the question, slightly different in the WVS questionnaire. Thus, in the Spanish questionnaires the question asked for perception of security in general in the city or town of residence, and in the neighbourhood, so that an index was constructed by aggregation of the two, while in the WVS question there is an explicit focus on perception of security in the neighbourhood. As expected, the Total Security Index shows the strongest relationships with other three indexes, since it was constructed by aggregation of the other three.

Table 4

Correlation matrix of the feeling of security in the neighbourhood and the four constructed indexes of security (WVS-2010, 59 countries)

	Secure in neighbourhood	PSI	CSI	NSI	TSI
Secure in neighbourhood	1	.209**	.412**	.067**	.319**
PSI	.209**	1	.210**	.106**	.657**
CSI	.412**	.210**	1	.111**	.612**
NSI	.067**	.106**	.111**	1	.690**
TSI	.319**	.657**	.612**	.690**	1

* All correlation coefficients are significant at.01 level.

The comparison of the perception of security in the neighbourhood from the aggregate data in the 2010 WVS wave with the Spanish data, based almost completely in the same items/questions, suggests that security in most countries is mainly based on the experiences of security in the neighbourhood, in the relatively small space in which people develop their daily life. The data from a great number of countries discriminates the three levels of security more clearly, but confirms that Community Security seems to have a greater weight on the feeling of security of individuals than the perception of personal security, and even more than national security.

One of the main differences in the composition of the four Security indexes using the WVS data, in comparison with the Spanish data, has been the inclusion of "carrying a knife or a weapon" for constructing the Personal Security Index (PSI). We decided to include it as one of the three items precisely because it is an extreme measure of personal insecurity. A person carrying a weapon certainly feels insecure. Besides, the two other items measuring personal security (losing job and children's education) probably suffered the halo effect, as has been suggested, because of being in the same battery together with items measuring national security. Regional differences regarding the frequency of "carrying a knife, gun or other weapon for reasons of security" are very large, so that the largest percentage is observed in Anglo Saxon countries (8.6%), followed by MENA region countries (8.1%) and Sub Saharan African countries (8.0%), while the proportion is lower in Asia (7.4%) and East Europe and Balkan (4.0%), and much lower in European Union countries (2.6%).

Table 5

Means and standard deviations in the four standardized indexes of security for the total sample and the geo-cultural regions (WVS-2010, 59 countries)

	CULTURAL REGIONS 1							
	Personal Security	Community Security	National Security	Total Security	PSI	CSI	NSI	TSI
TOTAL SAMPLE 59	**8.7**	**9.5**	**6.5**	**24.7**	**2.7**	**2.4**	**3.2**	**5.5**
Anglo Saxon	9.2	9.8	8.4	27.4	2.7	2.0	2.5	5.0
European Union	9.1	10.4	8.4	28.0	2.4	1.8	3.0	4.5
East Europe & Balkans	8.1	9.8	6.0	24.1	2.5	2.2	2.8	4.8
MENA	9.5	9.6	5.5	24.4	2.8	2.5	2.9	5.5
Asia	8.1	10.1	6.4	24.7	2.7	2.0	2.9	5.2
Latin America	8.1	7.9	6.4	22.3	2.6	2.6	3.4	5.6
Sub Saharan Africa	8.8	8.6	5.8	23.2	2.9	2.5	3.2	5.2

It may be seen that the perception of security in the Community is higher than the other two indexes in the total aggregate sample, and in the seven geo-cultural regions that have been defined for this analysis (with the exceptions of Latin America and Sub-Saharan Africa, where Personal security is higher than Community security). The perception of National security is significantly lower than Personal security for the total sample and for the seven regions. The variance among regions is not large regarding Personal and Community security, but it is much higher regarding National security. Data suggests that the perception of Total security is higher in European Union and Anglo Saxon countries, and it seems to decline respectively in Asia, MENA, East Europe and the Balkans, Latin America and Sub Saharan African countries. But this rank-order is different for each of the measures of perceived security. Thus, Anglo Saxon countries show higher Personal security than European Union countries, though MENA countries rank a little higher than both; and Sub-Saharan countries show higher Personal security than the other three regions. With respect to perceived security in the Community, European Union and Asian countries rank significantly higher than Anglo Saxon and East European and Balkan countries, while countries in Sub Saharan Africa and Latin America seem to perceive the lowest Community security. And, regarding the perception of National security, European Union and Anglo Saxon countries have higher perceptions than the rest, but Sub Saharan African and MENA countries show the lower perceptions of National security. The values of the different standard deviations are not high in any case, and very similar in all cases.

SECURITY IN THE INTERNATIONAL COMPARATIVE PERSPECTIVE

In Table 6, countries have been rank-ordered in each of the four indexes of security. Some countries have been omitted because they did not ask some of the items that where necessary to construct some of the four indexes. In most countries, Community security is higher than Personal or National security, but only in two countries perceived National security seems to be higher than the other two indexes: Argentina and Sweden.

And in 17 countries Personal security is the highest perceived security: Algeria, Australia, Brazil, Ecuador, Palestine, Ghana, Jordan, Lebanon, Mexico, Philippines, Qatar, Rwanda, South Africa, Spain, Tunisia, Egypt and Uruguay. It is impossible to make an interpretation of each individual country in this paper, something that would require, in addition to other facts, taking into consideration the socio-economic-political context at the time when data were collected in each particular country. Nevertheless, it seems that the analysis by geo-cultural regions gives some good insight that in general is supported by individual country data.

With respect to Personal Security, it must be underlined that among the ten countries that have the highest PSI six are from the MENA region, two from Sub-Saharan Africa, one from Asia and the other one from the European Union. This fact suggests that either the less developed countries enjoy higher day to day security, or that they are used to a high insecurity and therefore are not conscious of it. When we conduct an analysis of Objective Security based on statistical indicators (i.e., crime rates, etc.) it will be possible to find out the explanation. It is not surprising, on the other hand, to see that Mexico and Brazil occupy ranks 53 and 52 out of 59 countries regarding Personal Security, when one takes into account the news about violent deaths and all kinds of violence affecting the population at large in those two countries. The same seems to be the case also in China, Pakistan, Malaysia and Thailand, for different reasons (political unrest and demonstrations, etc.). The data also suggest a great deal of variation among countries within each geo-cultural world region. Thus, it is remarkable the great difference observed between Spain (rank 3) and The Netherlands (rank 42) in subjective Personal Security. One may ask whether the differences are real or they depend on the levels of insecurity that individuals in the two countries are ready to accept in order to consider themselves secure or insecure. This is always the problem with subjective indicators, and that is also the reason why the two levels of security, subjective and objective, must be investigated and compared.

Brazil and Mexico are again the two countries where perceived Security in the Community is lowest; they occupy the last two positions in the ranking, followed by South Africa, Ecuador and Egypt. It is certainly noteworthy that eight Latin American countries are among the fifteen with the lowest perceived security in the Community. And it is also not surprising that Anglo Saxon and European Union countries are among the countries with higher perceived National and Defence Security, while less developed countries constitute the majority of countries at the bottom of the ranking, showing low perceived National and Defence security. Once more, the comparison between objective and subjective security regarding National and Defence security will be most interesting and illustrative.

Finally, since the Total Index of Security has been computed by aggregation of the other three, it reflects the combined effect of the three indicators. The top countries in the ranking are mainly countries from the more developed regions (Anglo Saxon and European Union), while the bottom of the ranking includes most of the less developed countries, though, as already said, there are great differences among countries within each world geo-cultural region (i. e., Singapore vs. Malaysia and Philippines in Asia).

Table 6

Ranking of countries according to the four standardized indexes of security (WVS-2010, 59 countries) (5)

Rank	PERSONAL SECURITY		COMMUNITY SECURITY		NATIONAL SECURITY		TOTAL SECURITY	
1	Qatar	11,3	Uzbekistan	11,2	Netherlands	10,3	Sweden	29,5
2	Jordan	10,9	China	11,1	Sweden	10,2	Germany	29,4
3	Spain	10,6	Azerbaijan	11,1	New Zealand	9,4	Singapore	29,1
4	Palestine	10,4	Singapore	11,0	Germany	9,1	Netherlands	28,8
5	Yemen	10,4	Slovenia	11,0	Argentina	8,9	Slovenia	28,4
6	Tunisia	10,4	Yemen	10,9	Australia	8,7	New Zealand	28,4
7	Rwanda	10,3	Japan	10,9	Slovenia	8,5	Australia	28,3
8	Kuwait	10,2	Cyprus	10,8	Hong Kong	8,4	Uzbekistan	28,0
9	Ghana	10,1	Germany	10,8	Uzbekistan	8,1	Spain	28,0
10	Singapore	9,9	Armenia	10,7	Chile	8,1	Jordan	28,0
11	Cyprus	9,9	Netherlands	10,6	Singapore	8,0	Cyprus	28,0
12	Australia	9,8	Taiwan	10,6	Trinidad & Tobago	7,9	Palestine	27,6
13	Armenia	9,8	Turkey	10,5	United States	7,9	Romania	26,7
14	Romania	9,8	Kuwait	10,5	Uruguay	7,8	United States	26,6
15	Turkey	9,6	Poland	10,5	Poland	7,7	Turkey	26,3
16	Sweden	9,4	Palestine	10,4	Estonia	7,4	Poland	26,2
17	Germany	9,4	Iraq	10,3	China	7,4	Hong Kong	26,1
18	Iraq	9,4	South Korea	10,2	South Africa	7,4	China	25,9
19	Lebanon	9,1	Malaysia	10,2	Spain	7,3	South Korea	25,8
20	New Zealand	9,1	Romania	10,1	Jordan	7,2	Argentina	25,6
21	Uruguay	9,1	Thailand	10,1	Cyprus	7,1	Yemen	25,5
22	Algeria	9,0	Spain	10,0	Thailand	6,9	Iraq	25,5
23	Slovenia	8,8	United States	10,0	Morocco	6,9	Uruguay	25,2
24	Morocco	8,8	Jordan	9,9	South Korea	6,9	Taiwan	25,1
25	Argentina	8,8	Sweden	9,8	Palestine	6,9	Trinidad & Tobago	24,9
26	United States	8,7	Hong Kong	9,7	India	6,8	Armenia	24,8
27	South Korea	8,7	Libya	9,7	Romania	6,8	Estonia	24,8
28	Uzbekistan	8,5	Australia	9,7	Belarus	6,6	Chile	24,7
29	South Africa	8,5	Rwanda	9,7	Taiwan	6,5	Morocco	24,5
30	Ecuador	8,5	Estonia	9,6	Brazil	6,3	Azerbaijan	24,4
31	Trinidad & Tobago	8,3	Tunisia	9,6	Ukraine	6,2	Belarus	24,3
32	Philippines	8,2	New Zealand	9,5	Russia	6,2	Thailand	24,2
33	India	8,2	Nigeria	9,5	Turkey	6,2	Ghana	23,9
34	Chile	8,2	Belarus	9,4	Zimbabwe	6,1	Rwanda	23,6
35	Hong Kong	8,2	Kyrgyzstan	9,3	Pakistan	6,0	Lebanon	23,5
36	Colombia	8,1	Pakistan	9,2	Lebanon	5,8	South Africa	23,5
37	Poland	8,1	Kazakhstan	9,1	Kazakhstan	5,8	Tunisia	23,4
38	Belarus	8,0	Ukraine	9,1	Iraq	5,7	India	23,4
39	Russia	8,0	Ghana	9,1	Azerbaijan	5,5	Ukraine	22,9
40	Peru	8,0	Morocco	8,9	Ecuador	5,5	Nigeria	22,6
41	Taiwan	8,0	Trinidad & Tobago	8,7	Nigeria	5,5	Kazakhstan	22,4
42	Netherlands	7,9	Zimbabwe	8,6	Peru	5,3	Pakistan	22,4
43	Estonia	7,9	Peru	8,5	Japan	5,2	Russia	22,4
44	Egypt	7,9	Lebanon	8,5	Algeria	5,2	Kyrgyzstan	22,3
45	Azerbaijan	7,8	India	8,5	Kyrgyzstan	5,2	Algeria	22,2
46	Kyrgyzstan	7,8	Colombia	8,4	Egypt	5,0	Zimbabwe	22,0

End of table 6

Rank	PERSONAL SECURITY		COMMUNITY SECURITY		NATIONAL SECURITY		TOTAL SECURITY	
47	Zimbabwe	7,7	Chile	8,4	Philippines	5,0	Libya	22,0
48	Libya	7,7	Uruguay	8,3	Ghana	4,7	Peru	21,8
49	Nigeria	7,7	Philippines	8,1	Libya	4,6	Ecuador	21,7
50	Ukraine	7,7	Russia	8,1	Mexico	4,4	Philippines	21,4
51	Kazakhstan	7,6	Algeria	8,0	Armenia	4,3	Malaysia	21,2
52	Brazil	7,6	Argentina	7,9	Yemen	4,2	Brazil	21,0
53	Mexico	7,6	Egypt	7,8	Malaysia	4,1	Egypt	20,7
54	China	7,4	Ecuador	7,7	Rwanda	3,4	Mexico	19,2
55	Pakistan	7,2	South Africa	7,6	Tunisia	3,3	Colombia	
56	Malaysia	7,0	Mexico	7,2	Colombia		Japan	
57	Thailand	7,0	Brazil	7,1	Kuwait		Kuwait	
58	Japan		Qatar		Qatar		Qatar	

THE EXPLANATION OF SUBJECTIVE SECURITY

So far, we have attempted to describe the subjective perception of security in four levels and in 59 countries grouped into seven geo-cultural world regions. We have also attempted to explain what leads to perceive more or less security in the different countries and world geo-cultural regions. To that effect, regression linear models have been computed with different sets of explanatory (independent) variables. Three sets of explanatory variables have been used: socio-demographic, attitudinal, and defence and national. A fourth set of variables was used, composed of 16 variables extracted from the three previous sets that seemed to show strongest explanatory power. In Table 7 the summary of standardized beta coefficients to explain Total Security for the total sample of 59 countries are presented and using the fourth regression model composed of the strongest 16 predictors in the models based on socio-demographic, attitudinal and national defence independent variables.

It may be observed that this set of variables explains 13% of the total variance of the National Security Index and 10% of the Total Security Index, but only 4% and 1% of the Community and the Personal Security Indexes. Most independent variables show a statistically significant contribution (at least .01 level) to the explanation of the variance in each of the four indexes, but that is due mainly to the large number of cases (more than 85,000 in the analysis). However, as already mentioned, the largest proportion of the variance explained is only 13% for the National and Defence Index.

Table 7

Summary of standardized beta coefficients from regression model to explain security indexes for the total sample

	PSI	CSI	NSI	TSI
Adjusted R^2 =	**.013**	**.045**	**.127**	**.103**
Feeling of happiness	.000	.000	–.043**	–.029**
R Family savings	.040**	.030**	.025**	.040**
Social class (subjective)	–.002	.066**	.029**	.045**
Future changes: Greater respect for authority	–.014**	–.030**	–.046**	–.051**
Self positioning in political scale	–.012**	–.006	–.021**	–.020**
Confidence: The armed forces	–.015**	.030**	–.033**	–.011
Confidence: The police	.061**	.109**	.038**	.100**
How important is God in your life	–.067**	–.083**	–.213**	–.206**

End of table 7

	PSI	CSI	NSI	TSI
Satisfaction with financial situation of household	–.008	.025**	.040**	.032**
Information index	–.028**	–.055**	.021**	–.022**
Post-materialist index (4-item)	.010	–.061**	.065**	.009
Social Position –6	.010	.059**	.045**	.060**
Willingness to fight for your country	–.018**	.009	–.074**	–.054**
Interest in politics	.027**	.007	–.014**	.013**
How democratically is this country being governed today	.011	.014**	.082**	.059**
How proud of nationality	–.020**	.007	.100**	.049**

** Significant at.01 level.

A more detailed analysis of the data shows that there are only two cases where the percent of the variance explained by this set of 16 variables is greater (6), the TSI in Anglo Saxon countries (14%) and the NSI in European Union countries (14%). The analysis of all the regression models that have been computed can be summarized as follows.

1. The regression model that used 16 selected variables (supposedly with strongest explanatory power) seems to be better than the separate models that used socio-demographic, attitudinal or national-defence variables for the explanation of the variance in each of the four indexes of security. Thus, comparing always the adjusted R^2 within the same geo-cultural region and Security Index, it may be observed that, out of 112 adjusted R^2 only in 13 cases the proportion of the variance explained by the model using 16 combined variables is lower than that explained by some of the other three regression models.

2. The regression model using the 16 combined explanatory variables seems to explain better the National Security Index than the other three (TSI, PSI and CSI). This is true in five of the seven geo-cultural regions. Only in Anglo Saxon countries the set of 16 variables explains a greater proportion of the variance in the Personal Security Index (14% vs. 12%), and in East European and Balkan countries it explains a greater proportion of the variance in the Community Security Index (13% vs. 7%).

3. The results in Table 7 also suggest that confidence in the police and importance of God in one's life seem to be the most important variables in explaining the variance in the four indexes, indicating that the greater the confidence in the police the greater subjective security, and that the less importance of God in one's life, the greater perception of security. Though this is true for the TSI, PSI and CSI, there are differences regarding the National Security Index. Thus, importance of God in one's life is the variable with the strongest (and negative) explanatory power of the variance, but national pride is the second strongest variable, so that those who feel proud of their nationality feel more secure at the National level. Those who think that their country is democratically governed feel also more secure. But those who are willing to fight to defend the country feel less secure at the National level than those who are not willing to fight (precisely that may be the reason for willing to fight to defend the country, because they don't think the Nation is secure) (7).

4. However, there are large differences when comparing geo-cultural regions, always regarding the explanation of Total Security Index. Thus, each geo-cultural region seems to have its own and unique pattern of explanation for its Total Security. In Anglo Saxon countries Total Security is negatively related to importance of God in one's life and positively related to subjective social class. In European Union countries, a positive evaluation of how democratically the country is being governed today is positively related to Total Security, but Importance of God in one's life is negatively related to TSI. In East European and Balkan countries, the less interested in politics and the less exposed to information show higher Total Security. In MENA region countries the less exposed to information and the ones that evaluate positively how their country is governed show higher Total Security. In Asian countries importance of God in one's life and exposure to information are negatively related to Total Security. In Latin American countries, importance of God in one's life is negatively related to Total Security, but confidence in the police is positively related. In Sub-Saharan African countries, positive evaluation of how democratically the country is being governed is positively related to Total Security, but exposure to information is negatively related.

5. Taking into account the two most important explanatory variables for Total Security in the seven geo-cultural regions, it seems that Importance of God in one's life and Exposure to information are the ones that appear more frequently, both with a negative relation.

6. It doesn't seem to need verification that, if so much variation is found when comparing the seven geo-cultural regions, much more variation is found when comparing the 59 countries individually, and much more variation is found when comparing the explanatory power of the 16 variables for each of the other three Security Indexes (Personal, Community and National). Of course, it would be impossible to analyze all these differences in this paper.

7. Table 7 provides information on how each one of the 16 predictors in the regression model contributes to the explanation of each one of the four Security Indexes for the total sample of 59 countries. Thus, regarding the explanation of Personal Security, it seems that importance of God in one's life (negatively related), confidence in the police, family savings, exposure to information (negatively) and interest in politics are the variables that contribute more to the explanation of its variance. However, it must be remembered that the model explains only 1.3% of the variance in PSI. The model explains a greater proportion of the variance in Anglo Saxon countries (6%), and the least in Asian countries (1%). Besides, six variables do not contribute significantly to the explanation of the variance: feeling of happiness, subjective social class, satisfaction with financial situation of the household, post-materialistic values (8), social position (9), and evaluation of how democratically this country is being governed today. However, there are significant differences among the seven regions. Taking into account the two variables with the strongest contribution to the explanation of the variance in each of the seven regions it may be seen that importance of God in one's life is mentioned negatively in three (Anglo Saxon, Latin American and Sub-Saharan Africa), confidence in the police, exposure to information (negatively), social position, and evaluation of how democratically the country is governed today, are men-

tioned among the two strongest in two regions, and family savings (negatively), greater respect for authority in the future (negatively), and post-materialist values (negatively) in one region.

8. With respect to Community Security we have already mentioned (see Table 7) that confidence in the police, importance of God in one's life (negatively), subjective social class, post-materialist values (negatively) and social position are the variables that contribute more to the explanation of its variance in the total sample of 59 countries. However, feeling of happiness, self-positioning in the political scale, willingness to fight for country, interest in politics and national pride do not contribute significantly to the explanation of its variance. And the model explains 4.0% of the variance. The model explains a greater proportion of the variance in East European and Balkan countries (13%) and the least in Latin American countries (3%). Taking into account the two variables with the strongest contribution to the explanation of the variance in each of the seven regions it may be seen that importance of God in one's life is mentioned in three regions (only positively in East European and Balkan countries), and exposure to information is also mentioned in three regions (negatively in all three). Social class, confidence in the police and satisfaction with financial situation of the household are mentioned in two regions each, and interest in politics (negatively), evaluation of how democratically the country is governed, and national pride (negatively) are mentioned in one region each.

9. Regarding National Security it has been said (Table 7) that importance of God in one's life (negatively), national pride, willingness to fight for country (negatively) and interest in politics (negatively), are the variables that contribute more to the explanation of its variance in the total sample of 59 countries. In this case the 16 variables contribute significantly to the explanation of the variance, and jointly they explain 13% of it, though the greater proportion explained is in European Union countries (14%), and the least in Sub-Saharan African countries (7%). Taking into account the two variables with the strongest contribution to the explanation of the variance in each of the seven regions it may be seen that importance of God in one's life is one of the two strongest predictors in five of the seven regions (negatively), desire for greater respect for authority in the future (negatively), exposure to information (negatively), evaluation of how democratically is the country governed today and national pride are among the two strongest in two regions each, and interest in politics (negatively) is also present in one region.

10. Finally, Table 7 shows that Total Security is explained in the total sample of 59 countries mainly by importance of God in one's life (negatively) and confidence in the police. Besides, other variables contributing significantly to the explanation of its variance are social position, evaluation of how democratically is the country governed today and willingness to fight for country (negatively). But confidence in the armed forces and post-materialist values do not contribute significantly to the explanation of its variance. And the model explains 10% of the variance in the total sample of 59 countries. The model explains a greater proportion of the variance in Anglo Saxon and Asian regions (14% and 11% respectively), and the least in Sub-Saharan African region

(3%). Taking into account the two variables with the strongest contribution to the explanation of the variance in each of the seven regions it may be seen that importance of God in one's life and exposure to information (both negatively related) are in four regions among the two variables that contribute more to the explanation of the variance in Total Security. Evaluation of how democratically is the country governed today is among the two in three regions. And subjective social class, confidence in the police and interest in politics (negatively) are present in one region each.

CONCLUSION AND DISCUSSION

Security has become a key value in present societies around the world because of the general change in values since the final years of the 20th century, characterized by a certain return towards more materialistic values, because of a general reduction of personal and economic security, which has accompanied globalization. Increase in insecurity was foreseen from two different but complementary theoretical frameworks. The data from the WVS 2010-14 wave, which includes 59 countries and a total of more than 85,000 interviews, has allowed replication of several surveys in Spain in 2007—08, including the batteries of items to measure different dimensions of security (personal, community and national). Countries were grouped into seven geo-cultural world regions, so that these regions have been used as units of analysis. The change in values has implied not only a reduction of post-materialist values, but also an increase in desires for greater authority in the future, particularly in more developed societies, as "centre" countries from which the change will be transmitted to "periphery" (less developed) countries.

Following previous research, four indexes of security have been computed (personal, community, national and total), each one based on three items, except the total security index, based on the aggregate values of the other three. A summary of the ten more secure and the 10 less secure countries based on the four indexes of perceived or subjective security is as follows: Six of the ten countries with higher Personal security are from the MENA region (Qatar, Jordan, Palestine, Yemen, Tunisia and Kuwait), two from Sub-Saharan Africa (Rwanda and Ghana), one from Asia (Singapore) and one from European Union (Spain). But four of the ten countries with the lower PSI are from Asia (Thailand, Malaysia, Pakistan and China), two from Latin America (Mexico and Brazil) and two from East European and Balkan (Kazakhstan and Ukraine), one from Sub-Saharan Africa (Nigeria) and one from the MENA region (Libya).

With respect to Community security, among the ten more secure countries three are from each of the three following regions: East European and Balkan, Asia and European Union (Uzbekistan, Azerbaijan and Armenia; China, Singapore and Japan; Slovenia, Cyprus and Germany), and one from the MENA region (Yemen). And among the ten countries with lower perceived CSI five are from Latin America (Brazil, Mexico, Ecuador, Argentina and Uruguay), two from the MENA region (Egypt and Algeria), and one each from Asia (Philippines), East Europe and Balkans (Russia), and Sub-Saharan Africa (South Africa).

Regarding National security, among the ten more secure countries four are from the European Union (Netherlands, Sweden, Germany and Slovenia), two each from Anglo Saxon countries and Latin America (New Zealand and Australia; Argentina and Chile), and one each from Asia (Hong Kong) and East Europe and Balkans (Uzbekistan). And among the ten countries with lower NSI four are from the MENA region (Tunisia, Yemen, Libya and Egypt), two each from Asia and Sub-Saharan Africa (Malaysia and Philippines; Rwanda and Ghana), and one each from East Europe and Balkans (Armenia) and from Latin America (Mexico).

Finally, with respect to the Total security, among the ten more secure countries five are from European Union (Sweden, Germany, Netherlands, Slovenia and Spain), two from Anglo Saxon countries (New Zealand and Australia), and one each from Asia (Singapore), East Europe and Balkans (Uzbekistan), and MENA region (Jordan). And among the ten countries with lower Total security, four are from Latin America (Mexico, Brazil, Ecuador and Peru), three from the MENA region (Egypt, Libya and Algeria), two from Asia (Malaysia and Philippines) and one from Sub-Saharan Africa (Zimbabwe).

As might be expected, and has been verified with the data from the sixth wave of the WVS, developed countries seem to feel subjectively more secure than less developed countries, but variation among countries within the same world geo-cultural region is very wide.

This paper has focused not only on the description of differences in the values of security in the mentioned three dimensions (plus one more measure of total security, built through the sum of other three), but it attempts to search for the variables that better explain differences in the indexes of security. On the basis of three sets of variables used to explain the four indexes of security (socio-demographic, attitudinal, national defence and a combination of the previous three) it was found that the combined set seems to be the most robust to explain four indexes of security, but no regression model explains more than 14% of the variance.

The two variables that seem to explain a greater proportion of the variance in the four levels of security (personal, community, national and total) are the importance of God in one's life and confidence in the police, implying that people who do not attach importance to God in their lives and who trust the police perceive in general more personal security, more security in the community where they live, more national security and more total security (10). However, in the case of the explanation of the variance in National Security, national pride and willingness to fight for country show greater explanatory power than confidence in the police. Thus, those who are proud of their country and those not willing to fight for their country in case of war seem to feel more secure at the National level than those who feel insecure (11). In general it can be concluded that the same set of 16 independent variables explains more of the variance in National Security than in Community or Personal security. In general too, national and defence variables explain a greater proportion of the variance than attitudinal or socio-demographic variables, something common to all world regions and to all countries.

It must be underlined that exposure to information usually leads to less, and not to more, perception of security. In fact, it is evident in most countries and with respect to the four indexes of security, that those individuals who are more exposed to media perceive less security than those who are less exposed to media. This is a very important finding that deserves more research, given the growing importance of media consumption in all societies. The first analysis of TV news programs in Spain shows that the great majority of news conveys messages that have a negative content with respect to security, which would explain why people more exposed to media (mainly TV) feel less secure. Another important finding is that there is a great variation in the levels of four types of security, among the seven geo-cultural world regions, and among the countries within a region. This implies that the country continues to be the most important unit of analysis in international comparisons. A second major finding is that the variables used to explain subjective security in any of the four levels cannot really explain an important proportion of the variance (14% seems to be the highest). And this finding supports the idea that to explain perception of security one needs not only subjective measures, but also objective measures, like crime rates, proportion of the PIB devoted to defence, personnel in the armed forces and other security institutions, social and political conflicts, etc. Indicators for these objective measures are more difficult to obtain, but previous research in Spain has suggested that macro-variables (properties of countries rather than of individuals) have more explanatory power than individual properties as the ones deriving from social surveys, as is here the case.

NOTES

(1) World Values Survey is an international comparative research project on social and cultural values. It has conducted 6 waves since 1981, including a total of more than 100 countries and about half a million personal interviews (www.worldvaluessurvey.org).

(2) Post-materialist values have been measured through the 4 items scale developed by Inglehart, in which 1 = materialist values, 2 = mixed values and 3 = post-materialist values.

(3) The distribution of countries by geo-cultural regions is as follows: Anglo Saxon (Australia, New Zealand and United States), European Union (Cyprus, Estonia, Germany, Netherlands, Poland, Romania, Slovenia, and Spain.

(4) I was not the only one, not even the first one, to differentiate between internal and external security, and between subjective and objective security. Without an specific focus on objective security, the other three terms were already used by Christian Haerpfer in several papers written after the fall of the Berlin Wall and the dissolution of the former Soviet Union [25—27].

(5) Bahrain has been excluded because it did not have data to compute the indexes of security. Japan was excluded from the PSI; Qatar was excluded from the CSI; Colombia, Kuwait and Qatar were excluded from the NSI; and Colombia, Japan, Kuwait and Qatar were excluded from the TSI, in all cases because they lacked data for some of the items needed for the computation of the specific index of security.

(6) It must be said that the fourth set of variables always explains a greater percent of the variance in any index and geo-cultural region than the variance explained separately by the models based on socio-demographic, attitudinal or national-defence variables.

(7) In fact, it is possible that the relationship is the reverse, that is, respondents who feel unsecure probably are more willing to defend their country, and they also tend to give more importance to God in their lives.

(8) This index is based on the 4 items scale as defined by Inglehart [34].
(9) This index was created by J. Galtung and redefined by J. Diez-Nicolás [11].
(10) As has been said before, the relationship might be reversed in the sense that people who do not feel secure tends to give more importance to God in their lives.
(11) Probably the relationship is reversed, that is, people who do not feel secure is more willing to fight to defend their country.

REFERENCES

[1] *Alkire S.* (2003) A Conceptual Framework for Human Security. Working Paper 2. Centre for Research on Inequality, Human Security and Ethnicity, CRISE. Queen Elizabeth House, University of Oxford.
[2] *Arriagada I., Godoy L.* (1999) Seguridad ciudadana y violencia en América Latina: diagnóstico y políticas en los años noventa. CEPAL, United Nations. Santiado de Chile.
[3] *Bigo D.* (2000) When Two Become One: Internal and External Securisitations in Europe. In M. Kelstrup, M. Williams. International Relations Theory and the Politics of European Integration. Power, Security and Community. London: Routledge.
[4] *Bilgin P.* (2003) Individual and societal dimensions of security. International Studies Review. Vol. 5.
[5] *Bosch J.L.C., Farras J., Martin M., Sabate J., Torrente D.* (2004) Estado, mercado y seguridad ciudadana: Análisis de la articulación entre la seguridad pública y privada en España. Revista Internacional de Sociología. Vol. 39.
[6] *Butterfield H.* (1951) History and Human Relations. London: Collins.
[7] *Brimmer E.* (ed.) (2008) Five Dimensions of Homeland and International Security. Center for Transatlantic Relations, The John Hopkins University.
[8] *Dahrendorf R.* (1959) Class and Class Conflict in Modern Society. Stanford: Stanford University Press.
[9] *Davis K.* (1949) Human Society. London: McMillan.
[10] *Díez-Nicolás J.* (1980) La España previsible" (Forecast of Spain). Revista Española de Investigaciones Sociológicas. Vol. 12.
[11] *Díez-Nicolás J.* (2009) Cultural differences on values about conflict, war and peace. In Y. Esmer, H.-D. Klingemann, B. Puranen (eds.) Religion, Democratic Values and Political Conflict. Festschrift in Honor of Thorleif Pettersson. World Values Survey. Uppsala University.
[12] *Díez-Nicolás J.* (2009) Some theoretical and methodological applications of centre-periphery theory and the social position index. In K. van der Veer, A. Hartmannn, H. van den Berg (eds.), J. Díez-Nicolás, J. Galtung, H. Wiberg. Multidimensional Social Science. Rozenberg, Amsterdam.
[13] *Díez-Nicolás J.* (2010) Poder político y poder financiero (Political Power and Financial Power). Tercera, ABC, 30 August.
[14] *Díez-Nicolás J.* (2011) ¿Regreso a los valores materialistas? El dilema entre seguridad y libertad en los países desarrollados (Return to materialist values? The dilemma between security and freedom in developed countries). Revista Española de Sociología. Vol. 15.
[15] *Díez-Nicolás J.* (2011) La Seguridad subjetiva en España: Construcción de un índice sintético de seguridad subjetiva (ISSS) (Subjective Security in Spain: Construction of a Synthetic Index of Subjective Security). Madrid: Ministerio de Defensa.
[16] *Díez-Nicolás J.* (2013) Desequilibrios demográficos (Demographic imbalances). In Instituto Español de Estudios Estratégicos, Los potenciadores del riesgo (Risk Enhancers). Madrid: CESEDEN, Ministerio de Defensa.
[17] *Díez-Nicolás J.* (2013) ¿Crisis económica, crisis financiera o crisis del sistema social global? (Economic crisis, financial crisis, or crisis of the global social system?). Revista Española de Sociología. Vol.19. FES, Madrid.

[18] *Díez-Nicolás J.* (2013) Measuring the Concept of Security in a Comparative Perspective. Social and Economic Survey Research Institute (SESRI)-World Values Survey-Arab Barometer-Qatar University, Doha.
[19] *Díez-Nicolás J.* (2014) La globalización y las crisis (Globalization and Crisis). Tercera, ABC, 11 April.
[20] *Fuentes C.F., Basombrio C.I., Dellasoppa E.E., Frühling H.E.* (2011) Seguridad ciudadana en América Latina. Instituto de Asuntos Públicos. Santiago de Chile.
[21] *Galtung J.* (1964) Foreign policy opinion as a function of social position. Journal of Peace Research. Vol. 34.
[22] *Galtung J.* (1969) Violence, peace, and peace research. Journal of Peace Research. Vol. 6.
[23] *Galtung J.* (1976) Social position and the image of the future. In H. Ornauer et al. (eds.) Images of the World in the year 2000. Paris: Mouton.
[24] *Galtung J.* (1996) Peace by Peaceful Means: Peace and Conflict, Development and Civilization. London: Sage.
[25] *Haerpfer C., Wallace C.* (1997) Internal and external security in post-communist Eastern Europe. Results of a 10-nation study. Institute for Advanced Studies. Wien, Sociological Series. No. 20.
[26] *Haerpfer C., Wallace C., Rose R.* (1997) Public perceptions of threats to security in post-communist Europe. Studies in Public Policy. No.293. University of Strathclyde, Glasgow.
[27] *Haerpfer C., Milosinksi C., Wallace C.* (1999) Old and new security issues in post-communist Eastern Europe: Results of an 11 nation study. Europe-Asia Studies. Vol. 51. No. 6.
[28] *Halle N.H.* (1966) Social position and foreign policy attitudes. Journal of Peace Research. Vol. 1.
[29] *Hawley A.H.* (1950) Human Ecology. New York: The Ronald Press Company.
[30] *Hawley A.H.* (1962) La Estructura de los sistemas sociales (Structure of Social Systems). Madrid: Tecnos.
[31] *Herz J.* (1951) Political Realism and Political Idealism: A Study in Theories and Realities. Chicago: Chicago University Press.
[32] *Ilie F.A.* (2012) National and international security objectives: some correlations. Journal of Defense Resources Management. Vol. 3. Issue 1.
[33] *Inglehart R.* (1977) The Silent Revolution. Princeton: Princeton University Press.
[34] *Inglehart R.* (1990) Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton: Princeton University Press.
[35] *Inglehart R.* (1997) Modernization and Post-Modernization. Princeton: Princeton University Press.
[36] *Jarvis R.* (1976) Perception and Misperception in International Politics. Princeton: Princeton University Press.
[37] *Jarvis R.* (1978) Cooperation under the security dilemma. World Politics. Vol. 30. No. 2.
[38] *Meadows D.H. et al.* (1972) The Limits to Growth. New York: Universe Book.
[39] *Medina J.* (2003) Inseguridad ciudadana, miedo al delito y policía en España. Revista Electrónica de Ciencia Penal y Criminología.
[40] *Newman E.* (2010) Critical human security studies. Review of International Studies. Vol. 36.
[41] *Nieto Huertas L.* (2003) El estado del arte de la seguridad urbana. Circunstancia. Vol. I. No. 2. Septiembre 1—21.
[42] *Posen B.R.* (2006) European Union security and defence policy: Response to unipolarity? Security Studies. Vol. 15. No. 2.
[43] *Rowley C., Weldes J.* (2011) The evolution of international security studies and the everyday: Suggestions from the buffyverse. School of Sociology, Politics and International Studies, Working Paper 11—12. University of Bristol.
[44] *Tang S.* (2009) The security dilemma: a conceptual analysis. Security Studies. Vol. 18. No. 3.
[45] Unites Nations (1994) New Dimensions of Human Security. Chapter 2. Human Development Report 1994.

ТРАКТОВКИ ПОНЯТИЯ «БЕЗОПАСНОСТЬ»: МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ*

Диас Николас Х.

Университет Европы в Мадриде
Виллависьоза де Одон, 28670, Мадрид

Автор рассматривает безопасность как ключевую ценность для всех современных типов обществ, что объясняется радикальным изменением ценностной системы с конца XX века, суть которой состоит в определенном возрождении материалистических ценностей и снижении уровня личной и экономической безопасности под воздействием глобализации. В статье представлены две различные, но взаимодополняющие концептуальные модели социологического анализа проблем безопасности. Первая оформилась в конце 1970-х годов в ответ на чрезмерный социальный оптимизм, порожденный высоким уровнем и темпами экономического развития в предыдущие десятилетия. В рамках этой модели автор группирует 59 стран в семь геокультурных мировых регионов, где ценностные изменения состояли не только в сокращении постматериалистических предпочтений, но и в возрастании заинтересованности в большем социальном контроле, особенно в развитых странах. Вторая концептуальная модель определяет все формы социальной организации (политические, экономические, семейные, образовательные и пр.), включая ценностные системы, как инструменты адаптации общества к своему окружению. Соответственно, здесь основная гипотеза состоит в том, что ценности меняются под влиянием уровня безопасности — и личной, и экономической — и в случае его возрастания, и в ситуации его падения. Автор рассматривает на теоретическом и эмпирическом уровнях четыре индекса безопасности — личный, групповой, государственный и глобальный. Согласно результатам европейских опросов общественного мнения, развитые страны чувствуют себя в большей субъективной безопасности, чем развивающиеся страны, однако даже внутри каждого геокультурного региона наблюдаются серьезные различия. На базе трех групп переменных, объединенных в четыре индекса безопасности (социально-демографические, установочные, госбезопасности и комбинации всех трех), автор показывает, что наибольшим объяснительным потенциалом по отношению ко всем четырем индексам безопасности обладает комбинированный набор переменных. Однако следует помнить о серьезных различиях четырех типов безопасности — как между семью геокультурными регионами, так и между странами внутри каждого из них. Это означает, что именно страна/государство остается наиболее важной единицей анализа в любых межстрановых сопоставлениях, которые, в свою очередь, должны основываться и на субъективном, и на объективном измерениях безопасности.

Ключевые слова: безопасность; материалистические ценности; постматериалистические ценности; геокультурные регионы мира; субъективное и объективное измерения безопасности; индексы безопасности; личная безопасность; групповая безопасность; государственная безопасность; глобальная безопасность.

БЕЗОПАСНОСТЬ КАК КЛЮЧЕВАЯ ЦЕННОСТЬ НЫНЕШНИХ ОБЩЕСТВ

Безопасность всегда играла важную роль в жизни традиционных обществ, но в современном мире обрела фундаментальное значение для всех типов стран — развитых и развивающихся, особенно после окончания Холодной войны. В этот период большинство исследований безопасности фокусировались на националь-

* Данный материал представляет собой краткий реферативный перевод предваряющей его статьи Х. Диаса Николаса на английском языке.

ной или государственной безопасности в ситуации сложного военного (ядерного) баланса между двумя геополитическими блоками. Однако после завершения данного периода трактовка безопасности была пересмотрена и включила в себя личную, социальную, глобальную, общечеловеческую безопасность, которые и будут кратно рассмотрены ниже.

Как правило, понятие безопасности применяется скорее для характеристики государств, чем конкретных людей, поскольку для любого из нас личная безопасность означает гарантии отсутствия угрозы голода, болезней, безработицы, преступности, социальных конфликтов, политических репрессий, экологических загрязнений и т.д., а также отсутствия сбоев в повседневном существовании дома, на работе и в локальных сообществах. Для сотрудников ООН человеческая безопасность — универсальное понятие, состоящее из множества взаимосвязанных компонентов, а потому ее легче обеспечить посредством ранней диагностики ее ключевых индикаторов, чем постфактум, хотя люди предпочитают последнее. Соответственно, сегодня следует отойти от трактовки безопасности как связанной с определенной территорией к человеческой безопасности, от безопасности, гарантируемой оружием, — к безопасности, обеспечиваемой устойчивым социальным развитием, т.е. нужно расширить содержание безопасности экономическими, продовольственными, медицинскими, экологическими, личными, групповыми и политическими аспектами. В настоящее время в условиях глобализации безопасность также должна трактоваться как глобальная, и в качестве угроз глобальной безопасности можно назвать неконтролируемый рост населения (в следующие 50—60 лет оно увеличится вдвое), экономическое неравенство (социальные и экономические различия продолжают возрастать как между государствами, так и внутри стран), миграционное давление (особенно вследствие нынешнего притока в Европу беженцев, спасающихся от голода в регионах Африки к югу от Сахары и от войны и политических репрессий в Сирии, Ираке, Ливии и Афганистане), экологические проблемы (изменение климата, таяние ледников), наркотрафик (организованная преступность, отмывание денег) и международный терроризм (в основном исламские группировки).

Глобализация изменила содержание понятия безопасности, потому что повлекла за собой серьезные трансформации социального ландшафта. Во-первых, прежде индивидам гарантировали безопасность города, затем аналогичную функцию по отношению к своим гражданам стали выполнять государства, но сегодня национальное государство уже не в состоянии обеспечить безопасность, что заставило ученых и политиков обратиться к иным источникам личной и социальной безопасности. П. Билгин [4] предложил понятие «общая безопасность», чтобы подчеркнуть необходимость обеспечения безопасности не против противников, а вместе с ними. Эта идея согласуется с концепцией стабильного мира Ю. Галтунга [22; 24]: он различает негативный мир (отсутствие войны) и позитивный мир (создание условий для социальной справедливости), а также прямое насилие (физическое) и непрямое (структурное и культурное).

Хотя принято различать национальную и международную безопасность, они тесно взаимосвязаны благодаря «зависимости от того политического, юридиче-

ского и военного контекста, который позволяет им не проявляться без резких противоречий» [32]. Кроме того, «постепенно размывается понятие государственных границ, вследствие чего возрождаются прежние понятия — водоразделов, областей или регионов (например, страны Шенгенского соглашения)» [3], поэтому термины «внутренняя безопасность» и «внешняя безопасность» сливаются в единое «поле безопасности», ибо их объединяет общий враг. Соответственно, свобода сегодня — это не ограничение безопасности, а ее условие: безопасность не имеет границ, она глобальна.

Идея слияния внутренней и внешней безопасности, что отражало реалии Холодной войны, сегодня присутствует в большинстве работ, написанных после ее окончания. Однако академическое разделение труда заставляет исследователей в познавательных целях придерживаться разных точек зрения. Например, важный блок литературы фокусируется на внутренней безопасности как гарантируемой полицией и другими органами охраны правопорядка [2; 5; 20; 39; 41]. Проблемы безопасности никогда не были предметом изучения исключительно экспертов по международным отношениям и политике, а привлекали внимание социальных ученых, которых интересовали множественные аспекты безопасности — не только государственные, но также личные и социальные. Лишь в короткий период между окончанием Второй мировой войны и падением Берлинской стены безопасность рассматривалась как не имеющая индивидуального измерения, в основном в развитых странах. Этот период совпал с переходом от индустриального к постиндустриальному обществу, от промышленного капитализма к финансовому, что позволило выделить в проблемах безопасности социологическое содержание и заставило ученых задаться вопросом, почему безопасность стала столь значимой ценностью в современных обществах.

Первая концептуальная система координат в изучении безопасности оформилась в конце 1970-х годов как реакция на чрезмерный оптимизм, обусловленный высокими темпами экономического роста в предыдущие пятнадцать лет, и ее начало можно связать с первым нефтяным кризисом 1973 года и публикацией первого доклада Римского клуба «Пределы роста» [38]. Множество известных докладов того времени описывали будущее как результирующее из последовательности событий, запущенных (1) беспрецедентным ростом мирового населения, (2) который приведет к интенсивному потреблению естественных ресурсов, особенно энергии, (3) снизит качество жизни (несмотря на взрывное развитие технологий), (4) увеличит социально-экономическое неравенство стран и отдельных обществ (поскольку индивиды, группы и государства, обладающие властью, стремятся сохранить и улучшить свое качество жизни за счет тех, у кого власти меньше), и это (5) породит скрытые и явные социальные конфликты между странами и внутри них. Предполагалось, что рост числа и масштабов социальных конфликтов заставит властные структуры вернуть себе прежние широкие полномочия и установить более авторитарные политические режимы (левого или правого толка) в качестве максимально быстрого и эффективного способа разрешения конфликтов. Эта гипотеза оказалась в значительной степени подтверждена, осо-

бенно с началом финансового кризиса в 2007 году, который породил высокий уровень социально-экономического неравенства и, соответственно, беспокойства населения, запустив новый виток дискуссий о проблемах безопасности [10; 16].

Данная гипотеза, сформулированная в 1970-е годы, созвучна теории Р. Инглхарта об изменении системы ценностей современного общества: в доиндустриальных обществах превалируют традиционные и материалистические ценности, поскольку люди преимущественно озабочены собственной и экономической безопасностью [33]. После Второй мировой войны эти два источника угроз оказались более или менее подконтрольны благодаря установлению мира в биполярной системе Холодной войны и реализации модели государства всеобщего благосостояния. Однако Всемирное исследование ценностей с 2005 по 2010 годы показало, что многие развитые страны начали переход от постматериалистических, ценностей свободы и самовыражения, усилившихся после окончания Второй мировой войны к 2000 году, к очевидным материалистическим приоритетам и желанию большего контроля вследствие снижения уровня личной безопасности (локальные военные конфликты, война в Персидском заливе, на Балканах, международный и внутренний терроризм, организованная преступность, наркотрафик и т.д.) и экономической безопасности (безработица, ранний выход на пенсию, миграция, финансовый капитализм, глобализация и пр.).

Нарастание уровня опасностей во всех областях жизни хорошо прослеживается в новостных выпусках и порождает важное изменение в ценностях, в частности, потребность в более жесткой руке, которая может стать фундаментом авторитарных правительств даже в традиционно демократических странах [14]. Результаты опросных волн Всемирного исследования ценностей в период с 1981 по 2010 годы демонстрируют значительное снижение приверженности населения постматериалистическим ценностям с 2000 года, а также существенный рост запроса на больший контроль, особенно в самых экономически развитых странах. Причем падение значимости постматериалистических ценностей продолжилось и в 2010—2014 годы в большинстве регионов мира, независимо от уровня их экономического и политического развития, порождая все более выраженный запрос на безопасность и контроль (Кипр, Эстония, Германия, Нидерланды, Словения, Испания, Азербайджан, Армения, Грузия, Кыргызстан, Китай, Япония, Малайзия, Сингапур). Некоторые страны все еще демонстрируют рост значения постматериалистических ценностей, поскольку все еще проходят через этапы индустриализации и модернизации (Польша, Румыния и Украина, Тайвань, Индия, Пакистан и Филиппины, Чили и Мексика). Снижение значения постматериалистических ценностей характерно для более развитых стран, хотя аналогичная тенденция, пусть и менее выражено, прослеживается в Латинской Америке (Аргентина, Перу, Уругвай) и регионах Африки к югу от Сахары (Гана и Руанда).

Считается, что изменение в ценностях выразилось не только в возвращении от постматериалистического мировоззрения к материалистическому, но и в возрождении «безмерного уважения к власти». Согласно Инглхарту, уважение к власти и достижительная мотивация — важнейшие ценности, определившие возмож-

ность индустриализации и модернизации, т.е. перехода от традиционного общества к индустриальному. Однако затем переход от индустриального общества к постиндустриальному был осуществлен, напротив, посредством снижения авторитета власти в большинстве социальных институтов (семья, религия, образование, работа, политика и т.д.) и акцентирования значения личной удовлетворенности и благополучия. Безусловно, до сих пор большинство обществ предпочитают меньший контроль, считая что «большие властные полномочия — это плохо» (Австралия, США, Эстония, Польша), но в основном именно более развитые страны предпочитают больший контроль (Новая Зеландия, Кипр, Германия, Нидерланды, Испания, Швеция, Россия). Получается, что в обозримом будущем развитые страны будут идти в авангарде перехода к материалистическим ценностям и запросу на «большее уважение к власти», подтверждая тем самым теорию центра-периферии [21; 23; 28]: изменение ценностей начинается в социальном центре (в более развитых странах), а отсюда распространяется на социальную периферию (менее развитые страны). Таким образом, если XX век вошел в историю как столкновение двух важнейших ценностей — свободы и равенства, то в XXI веке его сменила борьба ценностей свободы и безопасности: вопрос в том, какими свободами готовы пожертвовать общества, чтобы гарантировать себе определенный уровень безопасности.

Вторая концептуальная модель анализа безопасности (теория социальной экосистемы [29; 30]) рассматривает все формы социальной организации (политические, экономические, семейные, образовательные и пр.), включая ценностную систему, как инструменты адаптации общества к окружению, посредством которых общества, используя также технологические изобретения (особенно в сфере коммуникации и транспорта), создают материальную и нематериальную культуру для выживания. Эта теоретическая модель позволяет предположить, что мы находимся в той исторической точке, которая способна изменить нынешнюю модель экономической (капитализм, особенно финансовый) и политической организации (парламентская демократия). Эти две модели менялись в истории человечества множество раз, и вряд ли сохранятся навечно, учитывая, что три других элемента социальной экосистемы (население, природа и технологии) радикально изменились за прошедшие десятилетия. Нынешний низкий уровень безопасности может быть следствием объективного и субъективного восприятия изменений в двух социальных моделях — экономической и политической, результаты которых все еще непредсказуемы. Я полагаю, что ценности меняются вследствие изменения уровня безопасности — как личной, так и экономической. Следуя логике Инглхарта, после Второй мировой войны возрос уровень общественной безопасности, но поскольку в последнее время он снизился, ценности вновь меняются, демонстрируя приверженность населения развитых стран материалистическим ценностям и идее жесткого политического контроля.

Достигнутый ранее уровень безопасности снизился в начале XXI века по той причине, что власть — необходимый элемент любого общества, она может быть экономической — регулирование производства и распределения ресурсов, и по-

литической — управление социальными отношениями посредством нормативных систем, и в истории человечества эти две формы власти либо сотрудничали, либо конфликтовали, но неизменно адаптировались к социальным изменениям, а в последнее время мы наблюдаем расхождение финансовой и экономической властей. В рамках промышленного капитализма экономическая власть (компании) контролировала банки (финансовая власть), но по мере становления финансового капитализма финансовая власть подчинила себе экономическую, чему способствовала глобализация, отменившая привязку финансов к территории, т.е. к политической власти. Сегодня финансовая власть относительно свободна от политического контроля и потому глобальна, тогда как экономическая власть привязана к территории и подчиняется политическим институтам, в частности правительству, что делает ее фрагментарной. Будучи глобальной, финансовая власть стремится максимизировать прибыль в единой мировой системе, перемещая производство в страны с дешевой рабочей силой и запуская миграционные процессы — вместе они увеличивают безработицу в развитых странах и, соответственно, снижают экономическую безопасность среднего и рабочего классов, но приносят прибыль инвесторам и финансовому капиталу в целом.

В годы Холодной войны «свободная рыночная экономика» была вынуждена перераспределять национальные ресурсы справедливо, чтобы избежать экспорта «пролетарской революции» из «мира государственной плановой экономики», особенно в 1960-е и 1970-е годы, следствием чего стала потребительская революция, экспансия социального государства, рост среднего класса и сокращение экономических и социальных различий в развитых странах. Однако после падения Берлинской стены в 1989 году и исчезновения угрозы «экспорта пролетарской революции» финансовый капитал уже ничто не принуждало к справедливому распределению ресурсов — с 1990-х годов и по настоящее время мы наблюдаем рост социально-экономической дифференциации и, следовательно, снижение уровня личной и экономической безопасности, что не может не повлечь изменение ценностных систем в пользу большего материализма и авторитаризма и социальные конфликты [19].

ИЗМЕРЕНИЯ ПОНЯТИЯ «БЕЗОПАСНОСТЬ»

В 2007 году в Испании был проведен первый опрос на репрезентативной национальной выборке в 1200 человек методом личного интервью, чтобы сконструировать *синтетический индекс субъективной безопасности*, объединивший внутреннюю и внешнюю безопасности [15]. Понятие субъективной безопасности реконструировалось через измерение общей самооценки респондентами личной безопасности, а также с помощью 17 различных параметров безопасности, которые могли объяснить уровень общей самооценки: 1) удовлетворенность жизнью; 2) самооценка здоровья; 3) восприятие изменений в самооценке личной безопасности за последние десять лет; индексы: 4) аффективной безопасности, 5) соседской безопасности; 6) восприятия проблем по соседству; 7) ежедневных опасений и тревог; 8) беспокойства о здоровье и личной неприкосновенности; 9) тревоги

о внешних и экологических условиях; 10) личных мер предосторожности; 11) автомобильных мер предосторожности; 12) жилищных мер предосторожности; 13) доступа к оружию; 14) личных семейных экономических тревог; 15) личных социально-экономических переживаний; 16) внешних-международных угроз; 17) личного опыта виктимизации. Каждый параметр измерялся с помощью нескольких закрытий или индикаторов, которые затем посредством статистических процедур (частотные распределения, корреляционная матрица, факторный анализ методом главных компонент) были объединены в индексы.

Проведенный анализ показал, что общую самооценку личной безопасности определяют три индекса — восприятие безопасности соседства, проблемы по соседству и ежедневные личные страхи и тревоги, поэтому было принято решение сконструировать индекс субъективной безопасности на основе этих трех индексов. Поскольку каждый индекс был результатом комбинации разных индикаторов или вопросов, было сконструировано шесть индексов, чтобы оценить валидность результатов. Несмотря на серьезные различия в их конструкциях, оказалось, что все шесть индексов схожим образом определяли общую самооценку личной безопасности, т.е. используемые в измерении индикаторы были взаимозаменяемы. Иными словами, в измерении безопасности важна концептуальная модель измерения, а не конкретные вопросы-индикаторы. Тем не менее, использованные в исследовании 25 индикаторов позволяют оценивать субъективный индекс безопасности в разных культурах, потому что достаточно выбрать 6 ключевых индикаторов и замерить их посредством дихотомических шкал.

Предложенная модель измерения позволяет проводить регрессионный анализ на основе разных сочетаний независимых переменных — как микроуровня (социально-демографические параметры, социальный статус, установки/идеологические предпочтения, место жительства), так и макроуровня (структурные социально-экономические параметры) — для оценки субъективного индекса безопасности как зависимой переменной. Можно также использовать индексы субъективной безопасности как независимые переменные в регрессионных моделях, призванных объяснить вариации зависимых переменных (например, общая удовлетворенность жизнью, тревоги о здоровье, об экологических угрозах, доступ к оружию и др.) в сочетании с другими независимыми переменными (социально-демографические характеристики, социальный статус, установки, место жительства и др. социально-экономические структурные показатели).

В 2008 году в Мадриде по идентичной методологии (воспроизводилась пошагово) и инструментарию прошел второй опрос — выборки в 8600 человек в 21 городском округе, чтобы иметь возможность провести сравнительный анализ. Были получены практически аналогичные результаты с незначительными различиями по ряду округов в силу состава населения. Поскольку опрос проводился только в городах, было добавлено еще одно измерение безопасности — воспринимаемые на уровне городского округа угрозы, которые замерялись с помощью 13 закрытий/индикаторов. Конструкция субъективного индекса безопасности была несколько изменена, потому что факторный анализ методом главных компонент

выявил два аспекта дополнительного измерения безопасности — оценка серьезных угроз и оценка несерьезных угроз.

По итогам двух независимых опросов в Испании и Мадриде можно сделать следующие выводы: 1) были продемонстрированы валидность и надежность субъективного индекса безопасности даже на основе разных индикаторов при условии, что они характеризуют три измерения безопасности, указанные выше; 2) существует сильная связь между субъективным индексом безопасности и общей самооценкой личной безопасности, что свидетельствует о зависимости ощущения безопасности от трех групп факторов — восприятия безопасности соседства, оценки проблем соседства и ежедневных страхов и тревог; 3) индивидуальные микро-переменные (социально-демографические и ценностные) мало влияют на значения субъективного индекса безопасности; 4) наоборот, макро-переменные социального контекста имеют большой предсказательный потенциал применительно к значениям субъективного индекса безопасности; 5) регион проживания в Испании не влияет на субъективный индекс безопасности — важно, в каком городском округе проживает респондент, т.е. каково его соседское окружение.

По результатам опросов в Мадриде, Испании и в рамках волн Всемирного исследования ценностей было выделено три уровня безопасности: личный, групповой и национальный. После ряда статистических процедур для каждого уровня безопасности был сконструирован собственный индекс, а также четвертый индекс, объединяющий ключевые компоненты всех трех и разные измерения безопасности:

- *Индекс личной безопасности* (Personal Security Index — PSI): предпочитаю не выходить из дома по ночам, не ношу с собой много денег, всегда имею при себе нож, пистолет или другое оружие.
- *Индекс групповой безопасности* (Community Security Index — CSI): продажа наркотиков на улицах, грабежи, потребление алкоголя на улицах.
- *Индекс национальной безопасности* (National Security Index — NSI): боюсь международной войны, террористических атак, гражданской войны.
- *Общий индекс безопасности* (Total Security Index — TSI): сумма трех индексов. Поскольку значение каждого из входящих в его состав индексов может меняться от 3 (низкий уровень безопасности) до 12 (высокий уровень безопасности), то значения общего индекса безопасности меняются от 9 до 36.

Следует отметить, что ощущение безопасного соседства (в относительно небольшом пространстве, где протекает повседневная жизнь человека) положительно влияет на общий индекс безопасности и все три его компонента, хотя в наибольшей степени все же на индекс групповой безопасности, а в наименьшей — на индекс национальной безопасности, однако подобные различия, видимо, объясняются тем, что соответствующие вопросы анкеты различались в рамках испанского и европейского опросов. Наиболее существенные расхождения в результатах опросов в разных регионах мира обнаруживаются по параметру «ношения ножа или оружия», который используется для конструирования индекса личной безопасности, будучи индикатором крайней степени личной тревожности.

Региональные различия здесь существенны: самый высокий показатель прослеживается в англосаксонских странах (8,6%) и регионах Африки к югу от Сахары (8%), он снижается в Восточной Европе и на Балканах (4%) и Европейском Союзе (2,6%).

В целом по всем выборкам уровень групповой безопасности выше, чем другие два индекса, а уровень национальной безопасности — существенно ниже, чем личной безопасности. Различия между геокультурными регионами незначительны по показателям личной и групповой безопасности, но серьезно возрастают в случае национальной безопасности. В результате общий индекс безопасности выше в Европейском Союзе и англосаксонских странах, снижается в Азии, Восточной Европе и на Балканах, в Латинской Америке, на Ближнем Востоке, в Северной Африке и регионах к югу от Сахары. В англосаксонских странах выше уровень личной безопасности, чем в Европейском Союзе, на Ближнем Востоке и в Северной Африке — он еще больше возрастает, однако самые высокие показатели характерны для регионов Африки к югу от Сахары. Уровень групповой безопасности, наоборот, выше в Европейском Союзе и Азии, чем в англосаксонских странах, Восточной Европе и на Балканах, а самые низкие его показатели демонстрируют страны Латинской Америки и Африки в югу от Сахары. Уровень национальной безопасности выше в Европейском Союзе и англосаксонских странах, чем во всех прочих регионах, а самые низкие его показатели характерны стран для Африки и Ближнего Востока.

ИЗМЕРЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ В МЕЖДУНАРОДНОМ СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

В большинстве стран уровень групповой безопасности выше, чем личной или национальной, и лишь в двух странах из вошедших в выборку уровень национальной безопасности оказался выше всех прочих индексов — в Аргентине и Швеции. В 17 странах индекс личной безопасности превышает все прочие: в Алжире, Австралии, Бразилии, Эквадоре, Палестине, Гане, Иордании, Ливане, Мексике, Филиппинах, Катаре, Руанде, ЮАР, Испании, Тунисе, Египте и Уругвае. Среди 10 стран с наивысшим индексом личной безопасности оказалось шесть из Северной Африки и Ближнего Востока, одна из Азии и остальные из Европейского Союза, что говорит либо о том, что менее развитые страны наслаждаются повседневной безопасностью, либо же что они привыкли к высокому уровню опасности и не осознают ее как таковую.

Неудивительно, что Мексика и Бразилия оказались на 53 и 52 местах из 59 стран по индексу личной безопасности, если вспомнить новостные сообщения об убийствах и всех видах насилия, которые широко здесь распространены. То же самое можно сказать о Китае, Пакистане, Малайзии и Таиланде, однако по другим причинам — политической нестабильности, например. Кроме того, опросы показывают серьезные различия между странами внутри геокультурных регионов, например, между Испанией (второе место в рейтинге личной безопасности) и Нидерландами (42 место). Вопрос в том, насколько эти различия реальны

или же они зависят от того, какой уровень небезопасности граждане каждой страны воспринимают как угрожающий или не угрожающий. Это общая проблема всех субъективных индикаторов, поэтому всегда следует выделять субъективный и объективный уровни безопасности и проводить их сравнительный анализ.

Бразилия и Мексика продемонстрировали и самый низкий индекс групповой безопасности, заняв две последние позиции соответствующего рейтинга, перед ними идут ЮАР, Эквадор и Египет, недалеко от них ушли страны Латинской Америки. Неудивительно, что для англосаксонских стран и Европейского Союза характерны самые высокие показатели национальной безопасности, тогда как в конце данного рейтинга оказалось большинство менее развитых стран. И, наконец, общий индекс безопасности вывел в лидеры рейтинга наиболее развитые страны (англосаксонские и европейские), хотя внутри каждого геокультурного региона наблюдается серьезная дифференциация по уровню безопасности (например, между Сингапуром и Малайзией в Азии). Каждый регион отличают свои уникальные характеристики в сфере безопасности: например, в англосаксонских странах общий индекс безопасности отрицательно коррелирует с важностью веры в Бога и, наоборот, позитивно — с субъективной классовой идентификацией; в Восточной Европе и на Балканах наименее заинтересованные в политике и наименее информированные респонденты демонстрируют более высокую уверенность в общей безопасности, тогда как в Северной Африке и на Ближнем Востоке наименее информированные и довольные тем, как выстроена система управления в стране, обладают самым высоким уровнем общей безопасности и т.д.

В целом полученные данные позволяют утверждать, что две наиболее важные (хотя с обратным воздействием) для общего индекса безопасности объяснительные переменные во всех геокультурных регионах — это важность веры в Бога и информированность. Чем более информирован человек, тем выше, как правило, он оценивает уровень опасности. В большинстве стран, если оценивать четыре индекса безопасности, наиболее подверженные медийному воздействию респонденты обычно ниже оценивают уровень безопасности, чем не обращающиеся к средствам массовой информации. Это очень важный результат, который требует дальнейшего изучения, учитывая все возрастающую роль медийного потребления в жизни всех обществ.

ВЗРОСЛЕНИЕ КАК ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ: ВОЗМОЖНОСТИ АНАЛИЗА НАРРАТИВОВ*

Е.С. Павленко

Центр культурсоциологии и антропологии образования
Научно-исследовательский университет — Высшая школа экономики
Потаповский пер., 16-10, Москва, Россия, 101000

В условиях современного высокодифференцированного общества культура и связанные с ней символические процессы приобретают все большую значимость. Это затрагивает многие ключевые социальные феномены, в частности процесс взросления, или «переход к взрослости». Процесс взросления и сам образ взрослого изменяются, что требует привлечения новых концептуальных ресурсов для понимания их современной специфики. В разработке чувствительного к символическим процессам языка описания взросления значительно продвинулась культурпсихология. В ее рамках начал последовательно разрабатываться аппарат для изучения развития индивида с точки зрения его обусловленности нарративами. Однако, несмотря на то, что на уровне исследовательских задач авторы стремились разработать такой подход к взрослению, который бы учитывал социальные факторы (такие как роль сообщества, коллективных практик и представлений о процессе взросления), на деле социальная реальность оказывалась сведенной к идеологическому дискурсу. В рамках социологии инструментами для культурно-ориентированного анализа формирования жизненных траекторий и взросления располагает культурсоциология и предложенный в ее рамках способ работы с нарративами. С опорой на этот подход задача исследования взросления формулируется как выделение жанрового и категориального репертуара современного взросления в нарративах молодежи, восстановление тех категорий, которые создают для современной молодежи пространство осмысленного действия и возможность осмысленного высказывания о собственном взрослении.

Ключевые слова: нарратив; идентичность; система смыслов; взросление; молодежь; жанры взросления, культурсоциология; культура.

Поле исследования формирования жизненных путей на сегодняшний день наполнено как социологическими, так и психологическими работами. Психология представлена сразу в двух полях — с одной стороны, она ограничивается изучением средств повышения индивидом эффективности его работы по достижению благополучия [20]. Психологические направления здесь развиваются в крепкой связи с прагматически-ориентированным карьерным и жизненным консультированием. С другой стороны, психология представлена теориями развития индивида и личности (которая иногда заменяется идентичностью). Социология, в свою очередь, представлена в основном исследованиями жизненного курса (life course, которые создавались в качестве альтернативы психологической теории life span, описывая развитие как более социально-укорененное) и неравенства [9]. Социология также занимается изучением отдельных «стадий» развития — например, молодежи или людей пожилого возраста, фокусируясь либо на практиках этих

* В статье использованы данные панельного исследования «Траектории в образовании и профессии» (ТрОП – http://trec.hse.ru/). Исследование осуществлено при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

групп, либо на восприятии их сообществом. Фокусируясь на изучении групп, выделенных на основе «стадий» или «возрастов», социология, особенно изучая юные и молодежные возрастные когорты, инкорпорирует представление о дроблении и длительности жизненного пути из психологии. Поэтому исследователь, стремящийся построить социологический аппарат для описания формирования индивидуальной биографии или социализации, в конечном итоге обращается к аппарату, разработанному в психологии.

В исследованиях жизненного курса изучаются как пути (pathways), так и траектории (trajectories). При этом «путь» — обобщенная траектория, которая является результатом включенности индивида в работу институтов и которая легко объективируется, просчитывается в терминах дат и сроков начала и конца определенных периодов (школы, работы и т.д.). При этом объективация «пути» не берет в расчет перспективы акторов, которые его выстраивают. Это осуществляется при анализе «траекторий» — перспективы индивида, позволяющей рассмотреть в подробностях механику принятия решений [16]. Здесь основное проблемное поле формируется а) вопросами неравенства, тем как оно создается и наследуется, преодолевается в рамках одного пути или траектории; б) вопросами «взросления», понимаемого как вступление в ключевые роли: окончание образования, выход на рынок труда, отъезд из родительского дома, супружество, родительство; в) построением моделей принятия решений.

Несмотря на декларируемый интерес к конструированию траектории самими индивидами и изучению ее развития в динамике, социологические исследования жизненных траекторий в своей методологии остаются далеки от интерпретативной перспективы и не рассматривают траекторию как целостное смысловое единство, как работу по интерпретации, и как предмет интерпретации (в отличие от объяснения).

В то же время существует теоретически и методически проработанная традиция социологических исследований биографии, то есть жизнеописания, объединяющая множество разнородных концептуальных схем фокусом на одном объекте (биографии), включающая достаточно широко разработанный интерпретативный аппарат.

Можно выделить два широких направления биографических исследований [12]:

1. Традиционные, больше фокусирующиеся на биографии как объективированной структуре. Ярким примером таких исследований в отечественной науке является масштабный проект «Пути поколения» Мика Титмы [4]. Это направление исследований биографии существенно перекликается с исследованиями жизненных путей, в том виде, как они существуют сегодня.

2. Интерпретативные, связанные с рассмотрением и герменевтическим анализом перспективы субъекта биографии. Эти подходы сегодня ассоциируются с именами Габриэль Розенталь, Фрица Шутце (и стоящей за ним немецкой герменевтической традиции). Отечественные исследования здесь представлены такими авторами как В.Б. Голофаст [3], В.Г. Безрогов [2], В.В. Семенова [6], Е.Ю. Рождественская [6].

Развитие социальной мысли XX в., связанное со структурализмом и вниманием к литературе, как в России, так и за рубежом, привело к тому, что исследователи стали работать с биографией как с нарративом. В России нарративный подход к биографии наиболее полно разработан Е.Ю. Рождественской [6]. В ее исследованиях вводится концепт «нарративная идентичность» и делаются шаги по интеграции перспективы нарративной идентичности с целью насыщения герменевтических возможностей биографического метода.

У Поля Рикера «нарративность» в вопросе о нарративной идентичности отсылает не только к связности повествования, наличию сюжета, начала и конца [18]. «Нарративность» — это то, что позволяет связать воедино самые гетерогенные элементы: случайные обстоятельства, открытия, актора действия и реципиента, вынужденного справляться с последствиями. В трактовке нарративной идентичности, данной Е.Ю. Рождественской, она рассматривается как ситуативный символический продукт, производимый в момент проведения интервью. Такой подход дает насыщенные результаты, однако работает с нарративами сложившихся биографий, не располагая аппаратом для анализа формирования биографии, как и аппаратом, позволяющим изучать источники нарративов. Кроме того, этот подход не позволяет оценить изменения в нарративной идентичности, происходящие со временем.

Решить поставленные интерпретативные задачи, на наш взгляд, лучше всего позволяет исследовательская программа современной культурсоциологии [1]. Она рассматривает смыслы действия не как субъективно-индивидуальные, а как коллективно производимые и разделяемые. Она фокусируется на том, как определенные смысловые конструкции обретают убедительность, а другие, напротив, оскверняются или выходят из употребления. Культурсоциология стремится усилить возможности теоретических решений классиков социологии, главным образом позднего Э. Дюркгейма, используя для этого разработки герменевтики и структурализма, одновременно пытаясь преодолеть ограничения этих направлений, которые стали явными со времени их разработки [1; 8].

Задача исследователей здесь состоит в том, чтобы интерпретативно реконструировать смыслы, с которыми соотносит свое понимание окружающего мира и своего действия в нем индивид, объяснить, как эти смыслы были коллективно произведены, а также объяснить культурные механизмы, которые сделали эти смыслы «имеющими смысл», актуальными и активно используемыми.

КУЛЬТУРПСИХОЛОГИЯ ОБ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ПРОЦЕССА РАЗВИТИЯ

Однако в рамках культурсоциологии не существует разработанной методологии изучения социализации и развития траектории индивида во времени, то есть рассмотрения жизни как результата определенной символической работы по созданию смыслового комплекса, позволяющего планировать и воплощать биографию. Такая традиция начала формироваться в психологии с подачи Бертрама Колера [14].

Колер — один из авторов, стоявших у истоков нарративной психологии, однако он — единственный исследователь, последовательно стремившийся создать

аппарат для изучения развития индивида с точки зрения его обусловленности нарративами. Сегодня нарративная психология является признанным, хотя и несколько маргинальным направлением, однако она не применялась широко к анализу становления индивида как социального актора.

В своем дисциплинарном поле этот подход поначалу не встретил большой популярности, однако в последние годы у него появилось несколько последователей. Колер предложил свой подход в 1980-е гг., не встретив большого внимания, поэтому в последующие 20 лет не было предложено существенных разработок этого подхода. Однако сегодня психология вновь вернулась к его работам, что, вероятно, связано с общим ростом интереса к исследованиям жизненного пути и жизненного курса.

Такие последователи Колера, как Филипп Хаммак, Эрин Тулис, Брайна Шифф, развивают его теорию, продолжая изучение развития и конкретно взросления индивида, как результат вовлеченной работы по конструированию нарратива собственной идентичности.

Суммируя подход Колера, Брайан Шифф [19] выделяет четыре центральных тезиса. Во-первых, тезис о том, что «я» является нарративным конструктом и результатом интерпретативной работы индивида. Во-вторых, тезис о том, что этапы развития различаются по типам нарративов. В-третьих, нарративы всегда рассказываются в определенном времени (личностном и историческом). Наконец, в четвертых, индивиды стремятся к связности в нарративах.

Вслед за Колером Хаммак и Тулис утверждают, что для конструирования идентичности нарратив, т.е. рассказ о себе, играет одну из ключевых ролей [15].

Колер настаивал на интерпретативном, идиографическом подходе к изучению развития жизни, поэтому выбрал в качестве основы, источника теории развития альтернативный господствующему тогда в психологии подходу life-span более социологичный life course. Взросление для него — это всегда культурный дискурс, который связан с определенным историческим временем и местом, а не момент в биографии, он настаивал на отсутствии универсальных законов развития. Однако, несмотря на то, что декларативно он отстаивал рассмотрение развития индивида с точки зрения самого индивида, то есть интерпретативно, в своих исследованиях на тот момент ему не удалось полностью реализовать такую методологию: его подход все еще оставался достаточно редукционистским. Он полагал, что релевантным и значимым является только опыт воспитания в семье.

Сегодня последователи, примкнувшие к нему в 1990-е, продолжают развитие данной концепции. Ресурсы для этого они нашли в теории Выготского, который утверждал, что развитие индивида укоренено в культурно-исторических характеристиках среды, а также в критических теориях.

Колер определял развитие как процесс реконструктивной деятельности, осуществляемый с помощью нарратива, т.е. переработки личного опыта в историю. Он утверждал, что такой подход лучше отражает реальные практики, с помощью которых индивиды формируют свою идентичность на протяжении всей жизни. Индивиды придают смысл событиям, которые с ними происходят благодаря тому, что конструируют связную историю жизненных событий с определенной хро-

нологией. Колер полагал, что развитие — это не независимый процесс, он опосредован языком.

Для Колера нарратив — это не продукт, а процесс. Именно в этом аргументе Хаммак и Тулис проводят параллель между данным тезисом и тем, что Выготский также считал язык социальной практикой. Выготский различал внутреннюю и социальную (внешнюю) речь. Тогда развитие может быть переопределено как взаимодействие между внутренней и социальной речью, и таким образом возникает термин «нарративная вовлеченность» (narrative engagement). В дополнение к Выготскому Хаммак и Тулис также привлекают и Бахтина, в связи с тем что он указывал на роль господствующей идеологии в развитии и обусловленность нарративов идеологией.

Обращение к этим ресурсам позволяет авторам переопределить термины Выготского: как персональный нарратив (аналог внутреннего) и мастер-нарратив (аналог внешнего, задаваемого надындивидуально). Развитие тогда переопределяется как вовлеченная работа с господствующими надындивидуальными мастер-нарративами. Как результат, речь идет не столько о нарративном конструировании, сколько о нарративном вовлечении в работу с господствующими мастер-нарративами.

В отличие от Колера, который признавал важность для нарратива только родительского опыта, Хаммак и Тулис утверждают, что сама идея взрослости ассоциируется с нормативными ролями и ожиданиями, которые создают определенные формы воспроизводства моделей жизни и неравенства (например, гетеросексуальность). Хаммак предлагает рассмотреть взросление как интерпретативное и активное взаимодействие с господствующими, коллективно разделяемыми нарративами взрослости. Мастер-нарратив взросления позволяет поддерживать статус-кво.

Наиболее показательно эта теория проработана на эмпирическом кейсе гомосексуальной идентичности. Хаммак и Колер [11] проводят исследование формирования гендерной идентичности и демонстрируют, как гендерная идентичность затрагивает проблематику взросления. Они говорят о том, что индивиды с нетрадиционной гендерной репрезентацией не могут «повзрослеть» в культурно-признанном смысле, поскольку маркеры взросления связаны с устоявшимися гендерными ролями (например, создание семьи, рождение детей).

Аврил Торн и Вики Нам, в своих исследованиях отталкиваясь в том числе от традиции Колера, отмечают, что необходимо рассматривать нарративное конструирование идентичности в соотнесении с сообществом, частью которого является индивид [22]. Авторы указывают на то, что постольку поскольку истории рассказываются в определенной среде и для определенной аудитории, они получают и определенную ответную реакцию. Они могут быть опровергнуты, подвергнуты сомнению, или поддержаны и развиты.

Обусловленность развития социальным контекстом и сообществом, проводником которого становится нарратив, преобразуется также в эффект поколения для формирования идентичности, поскольку взросление и социализация когорт, переживших в определенном сообществе определенный опыт, отличается

от социализации других индивидов. Например, в работе «Дети Великой депрессии» основоположника теории жизненного курса речь идет именно об этом. В аналогичной логике Колер и Хаммак описывают роль восстания в Стоунволле, связанную с отстаиванием прав гомосексуальных сообществ, в формировании идентичности геев до и после этих восстаний. В первом случае идентичность более репрессированная, во второй с ней связывается уже более романтический, героический нарратив, включающий в себя трансформативный опыт протеста.

РАЗЛИЧИЯ ПОДХОДОВ КУЛЬТУРПСИХОЛОГИИ И КУЛЬТУРСОЦИОЛОГИИ

Когда культурпсихология обращается к рассмотрению социальной обусловленности развития индивида, она игнорирует многие социальные механизмы и обращается только к структуре власти. Культурпсихологов интересует интериоризация мастер-нарративов на индивидуальном уровне. Так выглядит «нарративная вовлеченность» в концепции Хаммака и Тулиса, равно как и в работе Колера и Хаммака. Социальное для них в первую очередь — доминирующий идеологический дискурс, властные иерархии, принуждение. Таким образом, в культурпсихологии социальная реальность оказывается упрощена и редуцирована. В этом обнаруживается одна из центральных проблем нарративного подхода к взрослению в культурпсихологии. Несмотря на то, что на уровне исследовательских задач авторы стремятся разработать такой подход к взрослению, который бы учитывал социальные факторы, роль сообщества, коллективных практик и представлений, на деле социальная реальность оказывается сведена к идеологическому дискурсу.

Такое редуцирование обусловливается дисциплинарной спецификой психологии: какие бы факторы не включались в число переменных, основным интересом всегда является индивид и механизмы достижения им благополучия. (Даже в том случае, когда культурпсихологи описывают основные функции нарратива как конструирования идентичности через рассказывание историй, или описывают, как нарратив позволяет придать смысл не отдельной жизни самой по себе, но этой жизни в отношении окружающей социальной жизни.)

Реконфигурация акцентов в данном вопросе, смещение фокуса исследовательского вопроса с индивида на коллективные процессы и механизмы, приводит нас к культурсоциологии. Культурсоциология в таком случае могла бы поставить своей задачей показать, что индивид является отражением задействованных им символических ресурсов и механизмов, порой гораздо более локальных, чем идеологии, и идеология есть только частный случай символического ресурса. Паттерны и ресурсы, которые полагаются индивидуальными, в действительности коллективно создаются и передаются. В одних случаях формирование идентичности более тесно связано с некой коллективной идеологией, а в других — менее [4; 16]. Именно при такой формулировке возможно задать вопрос: в каком случае более важным оказывается ресурс национальной истории (как в случае с палестинской и израильской молодежью), в каких — гендерной (как в случае с гомосексуалистами), в каких — совершенно иные.

Культурсоциология может послужить значимым источником для пересмотра концепций взросления с точки зрения социологии, и как следствие, способствовать пересмотру подходов к изучению молодежи и взросления. Подростковый и молодежный период жизни являются культурными конструктами. Чтобы разобраться в том, как они проживаются современной молодежью, важно понимать, во-первых, их источники, во-вторых, ресурсы и инструменты, которые используются современными молодыми людьми в условиях необходимости «выкраивания» собственного способа интерпретации окружающий событий из многообразных доступных источников — литературы, кино, музыки, идеологии, дискурса.

Культурпсихологи дошли в вопросе объяснения коллективной обусловленности развития индивидуального пути дальше, чем социологи. Они подвергают де-универсализации такие концепты, как возраст и конкретные стадии развития. Например, они указывают на то, что подросток рассказывает различные истории своим одногодкам, одноклассникам, родителям и старшим друзьям. Они также указывают на то, что процесс «отбора» индивидуального опыта с точки зрения того, подлежит ли он интеграции в нарратив или нет, обусловлен не только психологическим напряжением (например, диссонансом), но и социальным. Например, психологический диссонанс возникает, когда индивид рассказывает что-то, с чем он на самом деле не согласен. Социальный же диссонанс возникает в связи с социальным «давлением», когда возникает возможность, с одной стороны, усомниться в навязываемом пути, с другой стороны, выбрать или сконструировать иной, опираясь на символические ресурсы.

Тем не менее, культурпсихология остается сфокусированной на индивиде, хотя в качестве влияющих факторов она начинает все больше и больше рассматривать социальные феномены. Культурсоциология же в свою очередь еще не отошла от анализа макро-социальных процессов, таких, как выборы или коллективная травма, которые в массе своей опираются на анализ публичного дискурса как отражения коллективного сознания. В некоторых аспектах подхода к изучению идентичности как нарратива культурпсихологи вплотную подходят к вопросам, с которыми работает культурсоциология. В данном случае точкой сочленения является теория перформанса, перенесенная в индивидуальную плоскость. И тезис о том, что нарративы рассказываются и представляются и тезис о том, что индивиды стремятся к связности, являются теми точками, в которых данных подход может быть трансформирован и продвинут культурсоциологией.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ВЗРОСЛЕНИЯ

Изменения, происходящие сегодня в социальной структуре (в образовании, на рынке труда) важны не только с точки зрения того, что они создают сдвиги в структуре жизненного курса, но и с точки зрения того, что они являются отражением перемены в коллективных представлениях. Иными словами, молодость и взросление сегодня трансформируются не только потому, что меняются условия образования и рынка труда, экономики, но не в последнюю очередь потому, что

меняются ключевые способы построения идентичности и осмысления индивидуальной жизни.

С точки зрения культуры, специфика взросления задается для начала в самой категоризации. Оппозиция «ребенок—взрослый» является одной из самых базовых, наравне с «мужское—женское». При этом то, где именно проходит границы ребенок/взрослый, определяется не только биологически (нельзя отрицать физическую обусловленность), но и культурно. В традиционных обществах существуют обряды инициации, маркирующие изменения статуса с ребенка на полноценного члена сообщества. Сегодня же мы наблюдаем и большее разнообразие в статусах (подросток, молодежь), и отсутствие четко очерченных обрядов инициации. И подростковость, и молодежь попадают в пространство «между» ребенком и взрослым. В логике ритуалов перехода это пространство лиминально [23].

Молодость — это такое символическое пространство, которое уже не управляется категоризацией «ребенок», но и не может быть проинтерпретировано через категорию «взрослости», что оставляет подростков и молодежь в позиции амбивалентности. Молодые люди, которые проходят через данный этап, испытывают на себе последствия этой амбивалентности. На уровне индивида это означает неустойчивость структуры смыслов, которыми он руководствуется при проектировании и осуществлении своих действий, воплощения планов.

С точки зрения культурсоциологии, молодежь может быть рассмотрена в двух плоскостях.

Во-первых, можно рассматривать макро-символические процессы, фиксируемые на уровне дискурсов и связанные с трансформацией категоризации жизненного пути. Появление новых категорий, — таких как подростки, молодежь, кидалты, возникающий взрослый (emerging adult), пост-подросток — требует рассмотрения механизмов перехода, поскольку появление той или иной новой категории отражается на всей системе различений и, соответственно, требует анализа сопутствующих переходов.

Во-вторых, можно рассматривать процесс формирования идентичности в ходе взросления как индивидуальную, но коллективно стимулируемую и верифицируемую работу по созданию того комплекса смыслов, руководство которым и маркируется как достижение «взросления». Этот второй анализ и можно провести в русле анализа нарративов.

Культурсоциологический способ работы с нарративами в публичном дискурсе разработал Ф. Смит [20]. Он стремился проинтерпретировать, как в том или ином случае происходит объявление или необъявление войны, и искал культурные механизмы, стоящие за этим коллективно санкционируемым решением. Он указывает на то, что этот процесс необходимо рассматривать как руководимый не только рациональными соображениями или государственными интересами, но и в том числе мифами и нарративно-жанровыми конструкциями.

Поскольку культурсоциология работает с семиотикой, то и Смит отталкивается именно от нее. Однако он указывает на то, что есть два способа рассмотрения систем знаков — парадигматический (синхронический) и синтагматиче-

ский (диахронический). Можно рассматривать систему знаков как статическую (в этой логике работали Клод Леви-Стросс, Ролан Барт, Маршал Саллинз), или как систему развертывающуюся, т.е. нарративную (в этой логике работали Владимир Пропп, Поль Рикер). Культурсоциология сочетает обе логики.

Смит настаивает, что две эти логики не исключают друг друга, а напротив, работают с двумя специфическими осями смысла, ни одна из которых не может претендовать на гегемонию. Бинарные оппозиции классифицируют окружающий мир, эти классификации восходят к различению сакрального и профанного, что делает их в конечном счете моральным критерием. Нарративы же расписывают роли и сценарии, атрибутируют каузальность, ответственность, агентность, формируют ожидания, предоставляют модели действия.

Основной механизм, с помощью которого мир структурируется бинарными оппозициями, — это различение. Для нарратива такой механизм — выстраивание последовательности. Ставка и той и другой логики — создание таких комплексов различений (в случае бинарных оппозиций) и таких историй, которые рассматриваются как само собой разумеющиеся, логичные, убедительные и консистентные.

НАРРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ВЗРОСЛЕНИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КУЛЬТУРЫ

Мы полагаем, что созданный Ф. Смитом эскиз методологии можно перенести на анализ историй становления подростков и молодых людей. Он позволяет компенсировать ограниченность психологического подхода. Наша гипотеза состоит в том, что в современных условиях, характеризующихся, с одной стороны, возникающей рефлексивностью, с другой, — разложением традиции [13], взросление представляет собой формирование индивида как социального актора, и происходит благодаря тому, что он формирует устойчивый способ интерпретации окружающих событий и принятия решений (идентичность).

Идентичность формируется как способность говорить о своей жизни определенным образом (нарратив) в пространстве смыслов, ограниченном определенным набором категорий (бинарные оппозиции). Способность говорить и думать о своей жизни являются теми социальными компетенциями, которые отличают современную биографию. Идентичность существует как символический коллективно созданный конструкт, позволяющий придавать смысл окружающему миру и таким образом осуществлять в нем социальное действие и поддерживать социальный порядок.

При этом взросление не является стабильным процессом. Как указывал и Арнетт [9], с прохождением через взросление меняется и понимание того, что такое быть взрослым. Эта конструкция не является неизменной, но и не является предельно гибкой и контингентной.

Несмотря на то, что такой способ рассмотрения взросления отрицает детерминированность и нормативность в том, по какому пути взросление должно строиться, он утверждает необходимость существования утвержденной, «опробованной» в коллективе, устоявшейся идентичности, рассматриваемой как символиче-

ская структура, позволяющая интерпретировать окружающий мир. Такая структура должна быть устойчивой и в определенной степени консистентной. Консистентность, в свою очередь, задается механизмами культуры как таковой, например, логикой оппозиции сакрального и профанного, логикой нарратива. Если эта структура неустойчива, она вызывает диссонанс, психические проблемы, равно как и проблемы социальной интеграции и полноценной включенности в социальную жизнь.

Анализ нарратива применим в интервью к историям достижения целей, историям, заданных некоторым завершением (или завершениям, под которые созданы истории). Такими могут быть истории выбора специальности, истории преодоления проблем (неприятия в школе, депрессии, любви, отношений в семье). Бинарные оппозиции позволяют восстановить полюса сакрального и профанного, которые являются предельными границами идентичности и способа придания смысла.

В ходе интервью, рассказывая свою историю, информанты не только рассказывают, но и обосновывают, легитимируют свои решения и выборы, этот материал позволяет раскрыть категории, которые структурируют их взгляд на окружающий мир и формируют действие в нем, позволяют интерпретировать мир и свои действия в границах, заданных этими категориями. Нарратив подростков может иметь разные жанровые структуры. Например, он может быть построен в романтическом жанре, описывающем тернистый путь, который «герой» рассказа прошел, прежде чем «повзрослел». Но это может быть также и трагический нарратив. Разные жанры нарративов взросления влияют на то, как будут приниматься значимые решения — о продолжении образования, выборе профессии, организации досуга, выборе партнера. На это указывал и Поль Рикер в своей этико-философской концепции влияния нарратива на способы действования субъекта.

Исследовательская задача, таким образом, должна состоять в том, чтобы обнаружить жанровый и категориальный репертуар современного взросления, восстановить те категории, которые создают для современной молодежи пространство возможных смыслов и осмысленного высказывания о собственном взрослении.

ЛИТЕРАТУРА

[1] *Александер Дж., Смитт Ф.* Сильная программа в культурсоциологии // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 2.

[2] *Безрогов В.Г.* Автобиография и социальный опыт // Социальная история: Ежегодник. 2001/2002 / Под ред. И.Ю. Новиченко. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004.

[3] *Голофаст В.Б.* Многообразие биографических повествований // Социологический журнал. 1995. № 1.

[4] Жизненный путь поколения: его выбор и утверждение / Под ред. М.Х. Титма. Таллинн: Ээсти раамат, 1985.

[5] *Куракин Д.Ю.* Социологическая грамматика культурных смыслов // *Александер Дж.* Смыслы социальной жизни. М.: Праксис, 2013.

[6] *Рождественская Е.Ю.* Биографический метод в социологии. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012.

[7] Судьбы людей: Россия XX век. Биографии семей как объект социологического исследования / Под ред. В. Семеновой, Е. Фотеевой. М.: Ин-т социологии РАН, 1996.
[8] *Alexander J.C., Smith P.* The strong program in cultural sociology: Elements of a structural hermeneutics // The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology. Oxford: Oxford University Press, 2003.
[9] *Arnett J.J.* Emerging Adulthood. The Winding Road from the Late Teens Trough the Twenties. Oxford-N.Y.: Oxford University Press, 2004.
[10] *Blau P.M., Duncan O.D.* The American Occupational Structure". N.Y.: Free Press, 1967.
[11] *Cohler B.J., Hammack P.L.* The psychological world of the gay teenager: Social change, narrative and "normality" // Journal of Youth and Adolescence. 2007. Vol. 36. Issue 1.
[12] *Denzin N.K.* Interpretative Biography. London: Sage Publications, 1989.
[13] *Giddens A.* Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Stanford: Stanford University Press, 1991.
[14] *Hammack P.L.* Narrative and the cultural psychology of identity // Personality and Social Psychology Review. 2008. Vol. 12. No. 3.
[15] *Hammack P.L., Toolis E.* Narrative and the social construction of adulthood / B. Schiff (ed.) Rereading Personal Narrative and Life Course // New Directions in Child and Adolescent Development. 2014. Vol. 145.
[16] *Kurakin D.* Russian Longitudinal Panel Study of Educational and Occupational Trajectories: Building Culturally-Sensitive Research Framework / Working papers by NRU HSE. Series WP IE "Научные доклады Института образования". 2014. No. WP 01/IE/2014.
[17] *Pallas A.M.* Educational transitions, trajectories, and pathways / Mortimer J.T., Shanahan M.J. (eds.) Handbook of the Life Course. N.Y.: Springer, 2002.
[18] *Ricoeur P.* Narrative identity // Philosophy Today. 1991. No. 35.
[19] *Schiff B.* Introduction: Development's story in time and place // B. Schiff (ed.) Rereading Personal Narrative and Life Course // New Directions for Child and Adolescent Development. 2014. Vol. 145.
[20] *Smith P.* Why War?: The Cultural Logic of Iraq, the Gulf War and Suez. Chicago: The University of Chicago Press, 2005.
[21] *Super D.E.* Career and life development // D. Brown, L. Brooks & Associates (eds.) Career Choice und Development. San Francisco: Jossey-Bass, 1984.
[22] *Thorne A., Nam V.* The life story as a community project // Human Development. 2007. Vol. 50.
[23] *Turner V.W.* The Ritual Process. Structure and Anti-Structure. New Brunswick: Aldine Transaction, 2009.

LIFE TRAJECTORY AS A PROCESS OF IDENTITY FORMATION: THE POTENTIAL OF NARRATIVE ANALYSIS

E.S. Pavlenko

Center for Cultural Sociology and Anthropology of Education
National Research University — Higher School of Economics
Potapovskyi per., 16-10, Moscow, Russia, 101000

In the contemporary highly differentiated society, culture and the symbolic processes within it are becoming increasingly important. The strengthening of symbolic mechanisms effect is obvious in many social phenomena, in particular in the transition to adulthood. The process of growing up and becoming an adult, as well as the image of adulthood itself, are transforming, which demands that social researchers

seek for new conceptual resources for understanding the new nuances of the transition to adulthood in the contemporary society. Cultural psychology has developed the categorical apparatus that is quite sensitive to the symbolic processes within the personality development in the course of transition to adulthood. Cultural psychologists believe that every life trajectory as a process of personal identity development should be studied as determined by narratives and narration. However, despite the claim and intention to develop an approach that would take into account social factors (such as community influence, role of collective practices, and dominant social representations of adulthood) in fact, cultural psychologists prefer to conceptualize the nowadays social reality as reduced to the political and ideological discourses. Thus, cultural sociology can provide theoretical means for analyzing narratives of transition to adulthood as mainly collective processes, therefore discovering the symbolic mechanisms of transition to adulthood through life stories. With cultural sociology as a conceptual background for the development of appropriate tools for youth studies in sociology, there is a quite new research agenda, which consists of discovering genres and categorical repertoire of becoming an adult in narratives of the younger people. This can lead to the sociological reconstruction of categories that create the meaningful space of coming of age, from which young people draw resources to create meaningful narratives about their life trajectories in the past and future.

Key words: narrative; identity; system of meanings; becoming an adult; youth; genres of narrative becoming an adult; cultural sociology; culture.

REFERENCES

[1] *Alexander J., Smith P.* Silnaya programma v kultursociologii [Strong program in cultural sociology]. *Sociologicheskoe obozrenie*. 2010. V. 6. No. 2.

[2] *Bezrogov V.G.* Avtobiografiia i socialnyi opyt [Autobiography and social experience]. *Socialnaya istoriya: Ezhegodnik. 2001/2002.* Ed. I.U. Novichenko. M. Rossiiskaya politicheskaya enciclopedia, 2004.

[3] *Golofast V.B.* Mnogoobrazie biograficheskih povestvovanyi [Diversity of biographical narratives]. *Sotsiologicheskiy zhurnal*. 1995. No. 1.

[4] Zhiznennyi put pokoleniya: ego vybor i utverzhdenie [Life path of the generation: Its choice and establishment]. Ed. M.Kh. Titma. Tallinn: Eesti raamat, 1985.

[5] *Kurakin D.U.* Sotsiologicvheskaya grammatika kulturnykh smyslov [Sociological grammar of cultural meanings]. *Aleksander J. Smysly sotsialnoy zhizhni.* M.: Praksis, 2013.

[6] *Rozhdestvenskaya E.U.* Biograficheskiy metod v sociologii [Biographical Method in Sociology]. M.: Izdatelskiy dom NIU VSHE, 2012.

[7] Sudby liudei: Rossiya XX vek. Biografii semei kak objekt sociologicheskogo issledovaniya [People's Destinies: Russia in the XX century: Family Biographies as an Object of Sociological Study]. Ed. V. Semenovoi, E. Foteievoi. M.: In-t sociologii RAN, 1996.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРАКТИК МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЯ: ВИДЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

В.Н. Ильмухин

Кафедра социологии
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В современном обществе медиа формируют существенную часть социальной жизни и занимают в повседневности каждого из нас огромное количество времени, хотя и параллельно с прочими рутинными занятиями. Столь важная роль медиа в индивидуальных и социальных практиках не могла не привлечь внимание представителей самых разных дисциплинарных направлений, в том числе, социологов, разрабатывающих все новые подходы и методические решения для изучения проблем и перспектив использования медиа разными социально-демографическими группами. Автор полагает, что в предметном поле коммуникативистики именно аудиторные исследования способны решить наиболее важные для медиасоциологии задачи, потому что предполагают сочетание разных аналитических подходов, видов исследований и методических решений — и количественную оценку практик медиапотребления аудитории, и «качественное» описание устойчивых паттернов медиапотребления. Несомненно, по мере развития медиаиндустрии менялись потребности заказчиков и задачи исследований, соответственным образом трансформировались и развивались используемые социологами подходы и методы, что привело к насыщенности поля медиасоциологии огромным количеством методологических подходов и методических решений в рамках аудиторных исследований. В статье показаны достоинства и ограничения основных из них применительно к аудиторным исследованиям следующих медиа — телевидения, радио, прессы и Интернета; приведены примеры использования рассматриваемых методов и подходов в российской исследовательской практике; обозначены направления дальнейшего развития медиаисследований, исходя из трактовки медиапотребления как совокупности социальных практик.

Ключевые слова: медиа; медиапотребление; медиаповседневность; практики медиапотребления; виды и методы медиаисследований; аудиторные исследования; количественный и качественный подход.

В социологической (и не только) литературе сегодня мы все чаще сталкиваемся с терминологией, в основе которой лежит понятие «медиа». Так, под медиаисследованиями понимаются «все исследовательские традиции, направленные на изучение коммуникационной среды и влияния технологических посредников на общество, культуру и человека» [1. С. 188], т.е. речь идет об исследованиях, обеспечивающих функционирование и развитие медиаиндустрии как единого организма. В свою очередь медиаиндустрия — это «совокупность предприятий, включенных в предпринимательскую деятельность, ставящих цель удовлетворить потребности населения в коммуникации, информации и развлечении посредством медиа; а также сопутствующие этому органы (контролирующие) и организации (посреднические, исследовательские, профобразовательные и т.п.)» [1. С. 192].

Структурировать поле медиаисследований крайне сложно в силу его масштабности, междисциплинарности, методологического и методического разнообразия, однако, как правило, все проекты, связанные с изучением медиа, можно разделить на два вида — аудиторные и маркетинговые.

В первом случае в фокусе внимания находится аудитория — как агент трансформации коммуникационных технологий в социальные, культурные и экономические институты. Производители программ, редакторы изданий и каналов должны знать, как их контент выполняет задачу привлечения аудитории. Рекламным агентствам необходимо иметь детальную информацию по всем медиа, чтобы консультировать клиентов по вопросам эффективности разных вариантов размещения рекламы. Рейтинги телеканалов, станций и изданий выступают своеобразной валютой рекламного рынка, на которой основаны взаимоотношения всех его игроков, и внимание аудитории становится объектом борьбы каналов и изданий на высоко-конкурентом рынке, где выигрывает самый интересный, актуальный и ориентированный на потребителя игрок. Поэтому аудиторные исследования являются обязательным условием нормального функционирования медиаиндустрии, причем в них входят и количественные оценки медиапотребления (размер, рейтинг, доля, частота, охват и т.д.), и «качественное» описание практик медиапотребления (структура и состав медиасреды; предпочтения и удовлетворенность медиапотреблением; бюджет времени; контентные предпочтения и т.д.).

Таким образом, именно аудиторные исследования составляют основу социологического анализа и понимания медиа [1. С.75], тогда как маркетинговые исследования скорее интересует взаимодействие рекламы и потребительского рынка посредством медиа, оценка эффективности медиапланирования — как стратегического, так и тактического (выбор медиасредств и медианосителей для решения коммуникационных задач рекламной кампании, оценка качества контакта аудитории с медиасредством, схем и форматов размещения рекламы в медианосителях, эффективности рекламных кампаний и т.д.). Рассмотрим подробнее основные виды аудиторных исследований.

ПОДХОДЫ К ИЗМЕРЕНИЮ ТЕЛЕСМОТРЕНИЯ

Измерение телеаудитории отсчитывает свою историю с момента широкого распространения телевидения, т.е. с 1940—1950-х гг., и за столь длительный период здесь оформились следующие исследовательские решения (в условном хронологическом порядке): индивидуальный опрос (вспоминание телесмотрения за вчерашний день), дневниковая панель, электронная система регистрации с использованием пиплметров, панель с индивидуальными пассивными пиплметрами.

Индивидуальный опрос (вспоминание телесмотрения за вчерашний день)

В англоязычной литературе техника, по которой производится опрос, известна как DAR (Day after Recall) (англ. — «вспоминание на завтрашний день»). Она предполагает личное стандартизированное интервью или опрос по телефону с помощью системы компьютерного автоматизированного телефонного интервьюирования CATI (Computer Assisted Telephone Interviewing). Исследование по технике DAR проводится, как правило, в формате еженедельных/ежеквартальных опросов («волнами»), и выборка в них постоянно ротируется. Обычно респондентам задают следующие вопросы: Какие телепередачи вы смотрели вчера? Во сколько? Как долго? и т.д. Вопросы касаются именно вчерашнего медиапотребления,

так как в случае вопроса о том, какие каналы респондент вообще смотрит, можно получить самые разные ответы (одни каналы люди смотрят каждый день, другие — несколько раз в неделю, третьи — несколько раз в месяц), что приведет к серьезным ошибкам в данных.

Основные преимущества данного метода — относительная оперативность (по сравнению с дневниковым исследованием) и дешевизна. Основные недостатки — опора на человеческую память, которая по определению несовершенна; требование высокого уровня телефонизации населения, что в российской действительности накладывает ограничения на использование метода; невозможность измерения просмотра рекламы и важнейших показателей рекламной кампании (охват, частота и т.д.), которые важны для многих заказчиков медиаисследований.

Дневниковая панель

В общем виде панельные проекты предполагают проведение сначала так называемого «установочного исследования» — социологического опроса (обычно по формализованной анкете по месту жительства) с выборкой в разы большей той, что планируется в панели. На основе собранных данных определяются факторы, по которым обеспечивается репрезентативность выборки, поэтому панельное исследование — сбор информации от одних и тех же респондентов — позволяет оценивать динамику изменений аудиторий по интересующим исследователей параметрам.

Dairy Panel (англ. — «дневниковая панель») — достаточно простая и потому распространенная методика сбора данных: все респонденты панели обеспечиваются однотипными дневниками, которые содержит список телеканалов и разбивку на 15-минутные интервалы; респонденты ведут непрерывный отчет по телесмотрению в течение определенного периода времени — обычно одной недели, отмечая интервалы, в течение которых смотрели телевидение, и что именно в это время транслировалось.

Таким образом, дневниковая панель позволяет четко фиксировать рейтинг каждой телепередачи, а также каждого тайм-слота (промежутка времени обычно в 15 минут), что дает возможность собирать ежедневно информацию о размере аудитории конкретной программы и 15-минутного интервала по любому телеканалу, что крайне важно для рекламодателей.

Преимуществ у дневникового метода по сравнению с опросом достаточно много: 15-минутная дискретность, замер частоты контакта, минимизация зависимости от памяти (при ежедневном заполнении дневника) — следовательно, более точные и надежные данные. Вместе с тем дневниковая панель не лишена и недостатков: во-первых, на практике недобросовестное ведение дневника — его заполнение в конце недели за все предыдущие дни или, наоборот, заранее, за все последующие дни — привело к завышению рейтингов крупных телеканалов и наиболее популярных и известных программ, т.е. тех, что респонденты смотрят регулярно, и а показатели смотрения мелких, новых каналов и передач зачастую неосознанно занижались. Во-вторых, репрезентативная выборка населения, как правило, исчисляется тысячами респондентов, поэтому организовывать и поддерживать такую панель сложно, а оперативность сбора и анализа данных по ней яв-

ляется крайне низкой (в российских реалиях результатами таких измерений можно воспользоваться через две-три недели после эфира). В-третьих, дневники фиксируют средние рейтинги по 15-минутным интервалам, тогда как рекламный блок длится не более 5 минут, что порождает погрешности в оценке рейтинга рекламных выходов (это проблема, если заказчики исследования — рекламодатели).

Электронная система регистрации с использованием пиплметров

Измерения телевизионной аудитории с использованием электронных устройств — это, по сути, панельные исследования, реализуемые с помощью специально разработанных приборов «пиплметров». В домохозяйствах панели такие приборы подключаются к телевизору, и каждый член семьи при начале телесмотрения регистрируется с помощью собственной кнопки, т.е. происходит автоматическая поминутная (технически возможна и посекундная) регистрация данных о том, кто из членов семьи, в какое время, как долго и что именно смотрел, замеряются объемы аудитории телеканалов, передач, тайм-слотов, и ночью собранные за день данные пересылаются в центр обработки.

Таким образом, пиплметровая панель существенно повышает оперативность получения информации (уже на следующий день после эфира), обеспечивает высокую точность результатов вследствие нивелирования погрешностей человеческой памяти, позволяет иметь данные с шагом до секунды и на регулярной основе. Главный недостаток панелей с использованием пиплметра — высокие затраты и технические сложности построения и поддержания панели. К примеру, всероссийская национальная панель — это тысячи домохозяйств, распределенных пропорционально во всех областях и населенных пунктах страны, в которых необходимо обеспечить ежедневный сбор и анализ первичной информации.

На сегодняшний день в России успешно функционирует пиплметровая панель компании «TNS Россия»: она была запущена в конце 1998 г. в рамках проекта TV Index. Панель включает 11 242 респондента (порядка 5000 домохозяйств) в возрасте от 4 лет, в 77 городах с населением более 100 тысяч человек. Панель построена так, что репрезентирует 68,6 млн человек, т.е. 47% населения страны, или 64% городского населения, — ядро самой востребованной рекламодателями части потребительского рынка.

Проект предоставляет различные данные: рейтинги телевизионного события, интервала или канала, объем и охват аудитории, частоту контакта с рекламным сообщением, частоту и время просмотра, социально-демографический портрет аудитории и пр. В настоящий момент результаты TV Index выступают «валютой» в телерекламном бизнесе и основой программирования эфирной сетки телеканалов. Большинство стран с развитым рекламным рынком имеют пиплметровые панели, тогда как с менее развитым все еще пользуются дневниковыми панелями или волновыми телефонными опросами [5].

Панель с индивидуальными пассивными пиплметрами

Сегодня телевизионные измерения развиваются в направлении нарастания «пассивности» используемых методов, поскольку пиплметровые панели подвер-

гаются критике по следующим основаниям: респонденты должны периодически нажимать кнопку на пульте дистанционного управления, который прилагается к пиплметру, для подтверждения присутствия перед экраном включенного телевизора; пиплметры фиксируют телесмотрение только в пределах дома, хотя внедомашнее телесмотрение в некоторых странах — весьма распространенная практика. Для преодоления этих недостатков пиплметр был усовершенствован в пассивный пиплметр (passive people-meter — PPM). Принципиальное отличие PPM от его предшественника состоит в том, что небольшое устройство крепится на респонденте, а не на телевизоре, чтобы регистрировать его телесмотрение в любом месте. Теоретически пассивные пиплметры можно запрограммировать и на измерение радиослушания. Тем не менее, в настоящий момент полноценной панели, использующей PPM в качестве инструмента сбора данных, пока не существует, но ведется активное тестирование подобной возможности.

ПОДХОДЫ К ИЗМЕРЕНИЮ РАДИОСЛУШАНИЯ

Изучение аудитории радио исторически началось раньше, чем аудитории телевидения, и здесь используются три схожих метода: телефонные опросы (вспоминание радиослушания за вчерашний день); электронные устройства регистрации; панельные/волновые дневниковые и телефонные измерения. Первоначально для оценки аудитории радио использовался подсчет количества получаемых радиостанциями писем от слушателей, однако добровольцы не репрезентируют генеральную совокупность, поэтому опираться на эту группу для оценки всей аудитории некорректно. Практика подсчета писем как подход к измерению радиоаудитории не получила широкого распространения и быстро сошла на нет.

Телефонные опросы (вспоминание радиослушания за вчерашний день)

Следующим этапом радиоизмерений стали опросные методики, в первую очередь телефонный опрос по технике DAR, когда респонденту задаются вопросы, какие радиостанции он слушал вчера и как долго. Возможна и модификация этого опроса: респонденту по телефону задается вопрос о радиослушании не за вчерашний день, а в настоящий момент, чтобы избежать ошибок, связанных с несовершенством человеческой памяти. Использование опросов обеспечивает эффективность и оперативность сбора данных, однако не репрезентативность генеральной совокупности — вследствие систематического сдвига выборки в сторону домохозяйств, имеющих телефон и подошедших к телефону. Кроме того, данные волновых телефонных опросов не позволяли отслеживать динамику и разбивать день по тайм-слотам, и множество респондентов испытывало раздражение, когда их радиослушание прерывалось телефонным звонком.

Электронные устройства регистрации

Изобретение аудиометра выступило решением обозначенных выше проблем: пассивное электронное устройство автоматически регистрировало радиослушание в домохозяйстве, т.е. измерение не зависело более от желания сотрудничества и памяти респондента. Аудиометр, разработанный для измерения аудитории радио,

стал родоначальником и пиплметровых измерений телеаудитории, хотя обладал и недостатками: не давал информации о том, кто из членов домохозяйства слушает радио; не учитывал техническое развитие радиоустройств, которое существенно уменьшило их размеры, и тем самым из стационарных приемников для внутридомашнего общесемейного слушания они превратились в портативные устройства индивидуального потребления (в том числе в автомобиле). Кроме того, серьезным барьером для развития исследований радиоаудитории стало снижение доли рекламных бюджетов на радио вследствие развития телевидения [6]: если первоначально на заре своего появления радио привлекало большую часть средств рекламодателей, то с распространением телевидения ситуация начала меняться, и сейчас реклама на радио по всему миру имеет низкий удельный вес в совокупных объемах рекламных затрат (рис. 1).

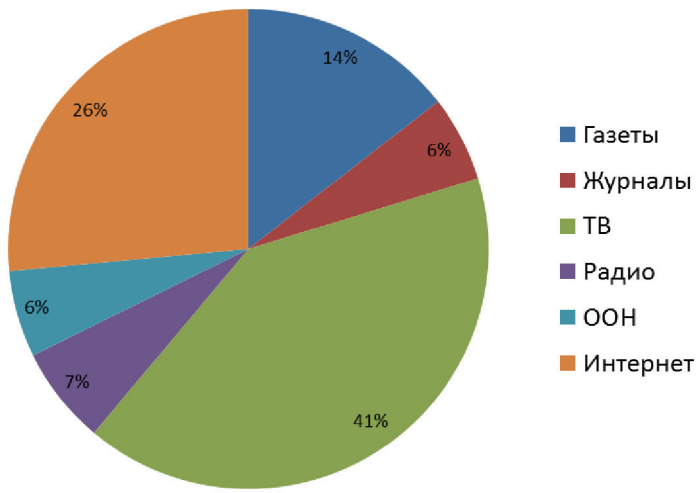


Рис. 1. Доли рекламных затрат по медиа в мире за 2014 г. [8]

В настоящее время субъекты радиорекламного рынка довольствуются опросными или дневниковыми методами, реже их комбинацией, но в формате волновых или панельных исследований на больших выборках. Подобные проекты предоставляют данные о радиослушании респондентов с разбивкой по таймслотам и радиостанциям, показывая, таким образом, медиапредпочтения радиоаудитории. В *волновых опросах* респонденты опрашиваются по телефону на предмет их внутри- и внедомашнего радиослушания за вчерашний день в разбивке по 15-, 30- или 60-минутным интервалам, в каждую следующую волну выборка ротируется. В *панельных опросах* участники панели заполняют дневник на предмет их внутри- и внедомашнего радиослушания в разбивке по 15-, 30- или 60-минутным интервалам в течение недели или опрашиваются ежедневно по телефону за вчерашний день в такой же разбивке. И в первом, и во втором случае формируется дневник слушания радиостанций.

Исследования такого формата обладают преимуществами дневникового метода, причем создание дневника интервьюером по телефону нивелирует эффект недобросовестности респондента (заполнение в конце недели или заранее в начале

недели) и позволяет оперативно собирать и анализировать данные на большой выборке. Кроме того, радиослушание замеряется с течением времени, что позволяет рекламодателям понимать, какая доля из совокупной аудитории контактирует с рекламным сообщением за весь период рекламной кампании. Тем не менее, и здесь существуют свои ограничения: средние рейтинги фиксируются максимум с 15-минутной дискретностью, тогда как рекламный блок длится существенно меньше, что дает определенную погрешность в оценке рейтинга рекламных выходов; результаты исследований зависят от памяти респондента и его желания сотрудничать.

На сегодняшний день лидером на рынке измерений аудитории радио в России также является компания «TNS Россия», чей проект Radio Index реализуется с 2000 года на основе метода телефонного опроса в формате DAR. Проект предоставляет различные данные, включая объем и охват аудитории, частоту и время прослушивания, социально-демографический портрет аудитории и пр.

Подходы к измерению аудитории прессы

В начале XX в. способов измерить объем аудитории прессы фактически не существовало, и основным показателем, на который опирались при оценке аудитории издания, выступал его тираж, от которого зависела и стоимость размещения рекламы. Но издатели зачастую завышали реальные цифры тиража своих печатных изданий, кроме того, объем тиражей замерялся по «производственной схеме» — по данным из типографий (позже этот способ был признан некорректным, потому что важно не количество изданных копий, а реально проданный тираж). Еще одна сложность в оценке позиций издания на рынке заключается в том, что один его экземпляр может быть прочитан разным количеством людей, т.е. тираж издания не дает реальной информации о величине его аудитории. В результате недоверия рекламодателей к показателям тиража стали развиваться аудиторные методы измерения прессы, основанные на оценке среднего количества читателей одного экземпляра издания, хотя судить о качестве контакта с рекламным сообщением, размещенном в прессе, при таком подходе практически невозможно. Проведение детальных исследований рекламной аудитории прессы теоретически возможно, но встречается очень редко, так как стоимость подобных замеров высока.

Наиболее удачным соотношением «цена—качество» для замеров аудитории прессы выступает метод опроса (личного или телефонного) — сегодня он занимает ведущее положение в измерении аудитории газет и журналов. Средняя продолжительность интервью обычно не превышает 15—20 минут (стандартная продолжительность, после которой считается, что респондент устает). Анкетирование (очное или онлайн) сильно усложняет задачу респондента, в связи с чем качество полученной информации обычно невысоко.

Разнообразие методов измерения аудитории печатных изданий ограничено спецификой прессы — здесь практически невозможно использовать технические устройства, поэтому при измерении аудитории печатных изданий также используется метод дневника, но чаще всего не как самостоятельное измерение аудитории прессы, а как комплексный анализ потребления нескольких медиа. Респондентам предлагается вести ежедневный учет изданий, с которыми они контактируют,

как правило, в течение одной или двух недель. Формат дневника и его задачи могут варьировать, например, встречаются варианты, когда список газет и журналов печатается на каждой странице дневника или предоставляется в виде отдельного справочного каталога с кодами — такие списки выступают в роли подсказок и упрощают процедуру кодирования дневников при анализе.

Интервалы времени, через которые респонденту необходимо фиксировать свое поведение, чаще всего задаются исследователями, но бывают случаи, когда они отмечаются самостоятельно респондентом, от которого требуется фиксировать каждый случай чтения с конкретизацией издания. Количество вспомогательной информации в каждом случае чтения может меняться: она может включать дату выхода или серийный номер читаемого выпуска, источник копии, где происходило чтение и т.д.

Читательский дневник как метод обладает двумя отличительными характеристиками: во-первых, обеспечивает продолжительную запись чтения в течение определенного периода времени, в то время как методы вспоминания, как правило, концентрируются на отдельных моментах времени; во-вторых (в идеале), фиксирует факт чтения непосредственно или близко к моменту времени, когда оно происходило (хотя следует помнить о (не)добросовестности заполнения дневника респондентами и проблемах человеческой памяти как источнике информации, поскольку контакт с прессой (более того, с конкретным выпуском) происходит с гораздо меньшей регулярностью, чем контакт с другими медиа — рис. 2).

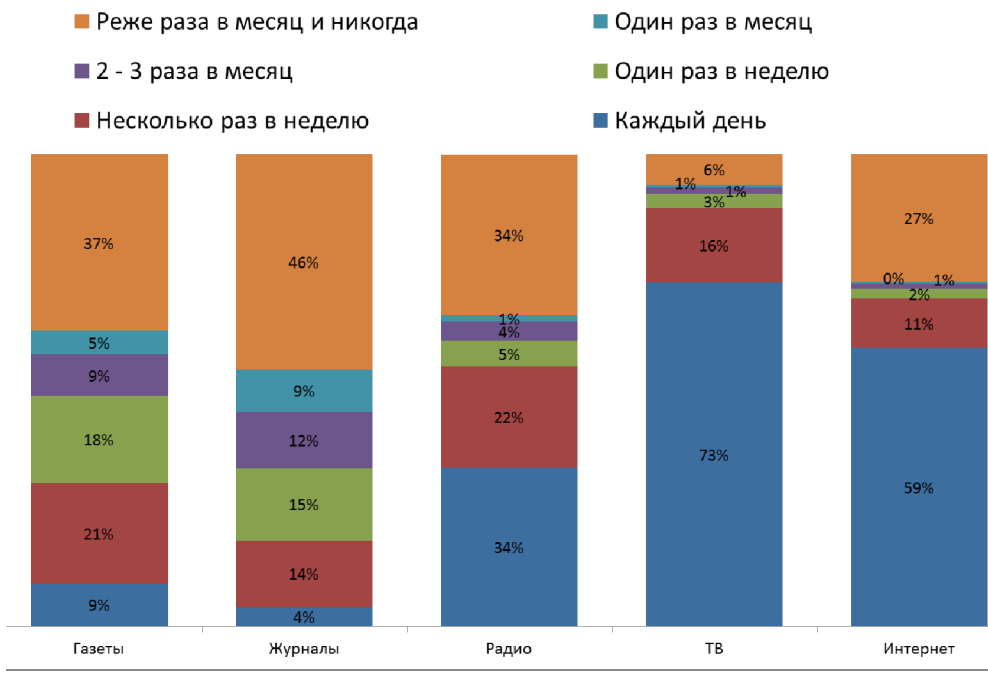


Рис. 2. Частота обращения к медиасредствам [2]

В целом способы измерения аудитории печатных изданий продолжают совершенствоваться, выборка проектов постепенно увеличивается, ее качество ста-

новится все выше, а вопросы, задаваемые респондентам, усложняются. Сегодня рекламный рынок России опирается на проект National Readership Survey (NRS) компании «TNS Россия», проводимый с 1998 г. Данное волновое исследование проводится методом телефонного опроса (CATI), в ходе которого задаются вопросы о чтении конкретных изданий за полгода и за последний период выхода, а другие вопросы описывают читательское поведение. Проект предоставляет различные данные, включая: объем и охват аудитории, частоту чтения, социально-демографический портрет аудитории и пр.

ПОДХОДЫ К ИЗМЕРЕНИЮ АУДИТОРИИ ИНТЕРНЕТА

Уже с середины 1990-х годов интернет как медиасредство порождал у рекламодателей и рекламных агентств желание разработать такой подход к измерению его аудитории, который бы позволял напрямую связать рекламные затраты и их отдачу в продажах. В отличие от традиционных медиа, которые в лучшем случае могут дать OTS (opportunity to see — численный показатель, отражающий потенциальное количество человек, имевших возможность проконтактировать с рекламным сообщением) вне связки с последующим покупательским поведением аудитории, интернет предоставляет гораздо больше возможностей для измерения интернет-аудитории в неразрывной связи с покупательским поведением и показателями контакта с рекламным сообщением. Для этого сегодня используются поведенческие опросы, сайто-центристский подход и пользователе-центристский подход.

Поведенческие опросы

Данный вид исследований позволяет описывать поведение аудитории в интернете и представляет собой опрос о том, как часто и как долго люди используют интернет в среднем за день/неделю/месяц, какие сайты посещают, какими сервисами пользуются. Наиболее полезны подобные опросы при проведении офлайн (без использования интернета) методами (личный, телефонный, письменный опрос) на репрезентативной выборке с включением вопросов про остальные медиасредства. Преимущество поведенческих опросов такого формата в том, что выборка не ограничивается интернет-пользователями (в отличие от онлайн методов), поэтому можно оценить уровень проникновения разных медиасредств и сравнить объемы и частоту их использования; основной недостаток — человеческий фактор: несовершенство памяти, отказ от сотрудничества, недобросовестность респондентов.

В России подобные исследования реализуются в рамках проекта Marketing Index компании «TNS Россия» — это обширное исследование потребительских и медиапредпочтений россиян и их стиля жизни, в рамках которого запрашивается информация и по интернет-поведению. Исследование реализуется опросным методом — раздачей анкет о личном и семейном потреблении на самозаполнение. Проводятся четыре волны в год на выборке в 45000 респондентов в год в 68 городах. Генеральной совокупностью выступает взрослое (в возрасте 16+) население

российских городов с численностью население свыше 100 тысяч. Запуск проекта состоялся в 1995 году, и на сегодняшний день это самое востребованное на рынке исследование потребительских и медиапредпочтений россиян и их стиля жизни.

Сайто-центристский подход

Интернет-трафик конкретного сайта с любым устройством может быть отслежен через его IP-адрес (уникальный числовой идентификатор в сети Интернет) [7] благодаря cookies — «небольшие текстовые файлы, в которые браузер записывает данные о посещенных пользователем сайтах» [9]. Каждое посещение любого сайта фиксируется в cookies, которые хранятся на устройстве пользователя, однако сайты имеют к ним доступ, т.е. интернет-площадка способна идентифицировать, «узнать» пользователя. Для каждого сайта создаются свои cookies, но если на странице присутствует контент, размещенный и хранящийся на другом ресурсе, к примеру, на сайте рекламодателя, то это тоже повлечет создание собственных cookies. И так как одна и та же реклама может быть размещена сразу на нескольких сайтах, рекламодатели могут идентифицировать и отслеживать конкретного пользователя. Кроме того, можно составить список сайтов пользователя, которые он обычно посещает, и отследить поведение конкретного пользователя: с какого сайта он пришел, какую рекламу перед этим увидел, совершил ли действие (покупку, подписку и т.п.).

Сайты предоставляют аудиторную информацию рекламодателям и исследовательским компаниям, так как она способствует продаже рекламного «инвентаря» площадки. Основные аудиторные показатели, которые предоставляют интернет-площадки: уникальные посетители — количество людей, зашедших на сайт хотя бы один раз за указанный период; посещения сайта — количество заходов на площадку; просмотры страницы — количество заходов на конкретную страницу сайта; контакт с рекламным сообщением. Причем в большинстве стран с высоким проникновением интернета аудиторная информация, предоставляемая сайтом, может быть проверена и подтверждена независимыми источниками. Сторонняя валидизация аудиторных показателей площадки важна по многим причинам — как сугубо техническим (сложность подсчета), так и субъективным (добросовестность сайта или искусственная накрутка).

Исследовательские проекты по оценке аудиторных показателей сайтов пользователей, основанные на сайто-центристском подходе, предполагают установку специального счетчика на замеряемую площадку. Счетчик принадлежит исследовательской компании и регулярно поставляет аудиторные данные измеряемого сайта на серверы исследовательской компании; наиболее популярные проекты по измерению имеют счетчики на большинстве самых посещаемых в стране сайтах.

Однако необходимо понимать специфику терминологии подобных исследований: под «пользователем» понимается не конкретный человек, а уникальная комбинация «IP-устройство-браузер». К примеру, для одной жилой квартиры по умолчанию предусматривается один IP адрес, тогда как устройств, к нему подключенных, как правило, больше. На одном устройстве (например, стационарном

компьютере) может быть установлено несколько браузеров, а один человек может выходить в интернет с разных устройств. Таким образом, только выход в интернет с одного и того же IP, одно и того же устройства и браузера, т.е. совпадение всех трех параметров регистрируется как «уникальный пользователь». К сожалению, практики использования одного устройства и одного и того же браузера разными людьми в разное время не учитываются.

Другая особенность аудиторных измерений на основе cookies — проблема удаления данных: существуют разные программы, в том числе бесплатные, позволяющие пользователю «очистить» устройство от «мусора». В большинстве подобных программ под определение «мусор» попадают и cookies: когда на устройстве удаляются cookies, то при следующем заходе на сайт система не идентифицирует пользователя, и он воспринимается как новый. Соответственно, количество «уникальных пользователей» площадки искажается, особенно этому подвержены сайты, которые пользователи посещают на ежедневной основе. С другой стороны, практика удаления cookies пока не распространена: только треть пользователей «чистят» cookies ежемесячно [4].

На российский сегмент интернета ориентировано множество исследовательских проектов, использующих сайто-центристский подход. Старейшие из них — LiveInternet.ru и top100.rambler.ru, однако сегодня наиболее востребованы рекламной индустрией google.com/analytics и metrika.yandex.ru.

Пользователе-центристский подход

Cookies — основной способ определения уникальных посетителей, но не единственный. Некоторые площадки используют данные пользователей, оставленные при регистрации на сайте — это более точный способ, но он распространен в гораздо меньшей степени. Пользователе-центристский подход к аудиторным измерениям интернета, в отличие от сайто-центристского, опирается на принципы аудиторных измерений, применяемые при изучении традиционных медиа: строятся аудиторные панели, репрезентирующие генеральную совокупность интернет-пользователей; чаще всего на устройства участников панели, используемые для выхода в интернет, устанавливается специальная программа, чтобы отслеживать следующие параметры: пользовательская активность — посещенные сайты, потребительский путь (сайты, которые он посетил перед покупкой/подпиской); пользовательское поведение — время, проведенное на сайте/отдельной странице, использованные сервисы (e-mail, online-игры и т.д.); контакт с рекламным сообщением; действия — желаемые действия пользователя (покупка/подписка).

Важным преимуществом пользователе-центристского подхода является возможность описания пользователей по социально-демографическим характеристикам; серьезный недостаток — невозможность измерения интернет использования на устройствах, не принадлежащих пользователю (компьютер на работе, в университете, интернет-кафе). Кроме того, существует проблема неполной представленности интернет площадок в результатах исследований: множество сайтов имеют настолько малочисленную аудиторию, что отразить в панели статистически значимую выборку пользователей сайта физически не представляется возможным.

Существуют исследовательские проекты, ориентированные на идентификацию панелистов на специальном сайте вместо установки программы на устройство. Каждому члену домохозяйства дается собственный логин, под которым он регистрируется перед выходом в интернет — так преодолевается недостаток измерения интернет-использования вне дома. Однако остается проблема добросовестности респондентов — постоянной регистрации на специальном сайте перед использованием интернета.

MyMetrix от компании ComScore — наиболее популярный на рекламном рынке проект, использующий пользователе-центристский подход в чистом виде. Онлайн панель состоит из двух частей: измеряемые устройства в домохозяйствах и на рабочих местах. Специально установленная программа отслеживает всю интернет-активность на устройстве и фиксирует посещенные сайты; программа способна идентифицировать конкретного пользователя, даже если несколько человек используют одно устройство, причем как на стационарных компьютерах, так и на мобильных устройствах. Кроме того, на российском рынке представлен гибридный проект, совмещающий сайто- и пользователе-центристский подход. Исследование Web Index от компании «TNS Россия» существует с 2007 года и является одним из наиболее востребованных комплексных исследований аудитории Интернета: сбор информации происходит на собственной панели, идентификация респондентов осуществляется с помощью специального счетчика, установленного на измеряемых сайтах; для тех сайтов, где отсутствует счетчик, данные регистрируются специальной программой, установленной на устройствах участников панели. Проект предоставляет различные данные: объем и охват аудитории, ее социально-демографический портрет, частота контакта с рекламным сообщением и пр.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КАЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ В ИЗУЧЕНИИ МЕДИААУДИТОРИИ

Проекты с использованием качественных методов сегодня практически не реализуется в силу специфики как самих методов, так и объекта изучения. При проведении, к примеру, глубинного интервью на одного респондента тратится продолжительное время, что не позволяет осуществить подобное исследование на большой выборке, так как это становится слишком затратным проектом — и по времени, и по финансам. Кроме того, качественный подход позволяет проникнуть в суть изучаемых явлений и процессов, понять мотивацию аудитории, изучить их отношение и потребительский опыт, а это далеко не всегда интересует игроков рекламного рынка. Первостепенная задача, решаемая медиаисследованиями, — оценка аудитории как медиасредства в целом, так и конкретных каналов, изданий, станций, что позволяет эффективно управлять рекламным «инвентарем», планировать и размещать рекламу. Количественные исследования, несомненно, подходят для этого больше. Также следует отметить, что предмет изучения качественного подхода (повседневные практики, жанровые предпочтения, удовлетворенность и т.д.) — более устойчивое во времени явление, поэтому нет необходимости его

изучения на регулярной основе (в отличие от аудитории конкретного телевизионного канала).

Как правило, большинство медиаисследований качественного характера являются заказными, и их результаты закрыты от широкой публики. Однако существуют и исключения: на протяжении вот уже 15 лет Аналитический центр «Видео Интернешнл» (АЦВИ) реализует ежегодный исследовательский проект «Телевидение глазами телезрителей (ТВГТЗ)», изучающий практики телепотребления россиян. Выборка составляет около 3000 интервью в год, репрезентирующих городское население России в возрасте от 15 лет и старше. Основным методом является личное формализованное интервью по месту жительства респондента. И хотя используется метод личного опроса, предоставляющий данные количественного характера, величина анкеты и детализация вопросов позволяют ответить на вопросы как и почему осуществляются практики телепотребления. Среди исследуемых тем: медийная оснащенность домохозяйств, структура и насыщенность индивидуального медийного пространства, практики как традиционного, так и нелинейного телесмотрения, в том числе жанровые предпочтения, социально-демографические/психографические профили каналов/передач и многое другое.

В качестве дополнения к опросному методу в разные годы использовались и другие методы. Так в рамках проекта «ТВГТЗ-2010» была осуществлена серия фокус-групповых дискуссий по теме «Имиджи телеканалов». В совокупности было проведено 9 фокус-групп по 8 человек в группе в городах Москва, Великий Новгород, Иркутск и Ставрополь. А в 2011 году было проведено этнографическое исследование, сочетающее индивидуальные и коллективные формы глубинного интервью, включенное наблюдение/фиксацию поведения респондентов в реальной обстановке. Основной целью было выявление и описание основных социокультурных факторов, определяющих различия в телесмотрении жителей Москвы и регионов России. Объем выборки — 41 встреча (100 респондентов) в Москве, Санкт-Петербурге, Омске, Саратове и Владимире.

Итак, очевидны следующие общие нюансы использования методов социологических исследований для изучения медиапотребления как социальной практики:

1. При опросе людей об их медиапотреблении можно получить разные ответы в зависимости от того, как задан вопрос: например, чем точнее во времени сосредоточено внимание респондента, тем ниже оцениваемый объем просмотра. Так, вопрос «Сколько вы смотрите телевизор в среднем за день?» дает более высокие цифры, чем тот же вопрос о просмотре, но за вчерашний день. Опросы на предмет телесмотрения в определенное время дня или о том, какие программы были просмотрены, могут привести к еще более низким суммарным оценкам.

2. Вне зависимости от метода исследования, людям свойственно занижать объемы/количество обращений к отдельным медиа при исследовании потребления нескольких медиа одновременно [3].

3. Как правило, чем меньше метод нагружает человеческую память, тем большее количество обращений к медиасредствам/объемы медиапотребления он фик-

сирует. Дневники фиксируют более продолжительное и частое медиаиспользование, чем телефонные опросы, но в целом более низкие показатели по сравнению с результатами наблюдения [6]. Даже когда речь идет о простом вопросе, о факте использования устройства, цифры имеет тенденцию к увеличению по мере отхода от опроса к дневнику и далее к наблюдению.

4. В исследованиях медиапотреблени, я опирающихся на память человека, часто наблюдается эффект смещения потребления. Так, когда респонденты недобросовестно заполняют дневник в конце недели и плохо помнят, что и на протяжении какого времени они смотрели в течение недели, люди, как правило, завышают показатели крупных каналов/станций/сайтов и наиболее «старых» и известных передач (как самых распространенных и привычных), тогда как рейтинги небольших каналов/станций/сайтов (например, кабельных каналов) неоправданно занижаются. Тот же эффект наблюдается при использовании метода опроса. К примеру, если человека спросить, какую радиостанцию он слушал вчера по дороге на работу, с большей вероятностью он назовет самые известные и привычные для него станции.

5. При использовании методов, где респондент самостоятельно оценивает свое медиапотребление, часто респонденты ориентируются на мнение общества. Людям свойственно занижать общие объемы телесмотрения, так как оно в больших объемах не является социально-одобряемой практикой. По той же причине респонденты могут заявлять большие объемы чтения, смотрения новостных, документальных передач и меньшие объемы просмотра сериалов [5].

6. По мере развития методов измерения аудитории медиа всегда существовала проблема компромисса между необходимостью получения точных и подробных данных об аудитории и непереутомления респондентов, поэтому методы и подходы, применяющиеся при количественном измерении медиапотребления развиваются в сторону все большей пассивности. Чем меньше вовлечение респондента в процесс исследования, тем меньше искажения, связанные с человеческим фактором.

Не существует единственного метода, который бы универсально подходил для изучения аудитории любого медиа. Выбор конкретного метода зависит от специфики медиа и задач исследования и в каждом конкретном случае должен опираться на их возможности и учитывать преимущества и недостатки.

ЛИТЕРАТУРА

[1] *Коломиец В.П.* Медиасоциология: теория и практика. М., 2014.
[2] TNS Россия. Marketing Index, 2015/1 полугодие.
[3] ARMS All Radio Methodology Study. New York, 1967.
[4] ComScore press release. Cookie-Based Counting Overstates Size of Web Site Audiences. 16 April 2007.
[5] *Green A.* From Prime Time to My Time — Measuring Television Audiences. Warc Exclusive, 2010.
[6] *Holmes M.E., Papper R.A., Popovich M.N.* V1N1: Middletown Media Studies. Bell State University, 2013.

[7] Nic.ru // URL: http://info.nic.ru/st/8/out_1769.shtml.
[8] Warc.com // URL: http://www.warc.com.
[9] Yandex.ru // URL: https://yandex.ru/support/common/browsers-settings/browsers-cookies.xml.

SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF THE MEDIA CONSUMPTION PRACTICES: TYPES AND METHODS OF THE EMPIRICAL STUDY

V.N. Ilmukhin

Sociology Chair
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya St., 10/2, Moscow, Russia, 117198

In the contemporary society, the media form an essential part of social life and play an important part in the everyday life taking up a huge amount of time, although being a part of many other routine practices. Such a fundamental role of media in the nowadays individual and social practices could not but attract the attention of a wide variety of disciplinary fields including social scientists, who aim to develop new conceptual models and methodological approaches for the study of media consumption and to identify the prospects for the future use of media by different socio-demographic groups. The author believes that in the field of communication studies the methods for analyzing audience preferences and behavior would solve the most important problems of sociology of mass media, because they are based on the combination of different analytical approaches, types of research and methodological solutions — both quantitative assessment of media consumption practices and "qualitative" description of sustainable media consumption patterns. Undoubtedly, with the development of the media industry the customers' needs and research objectives are changing and accordingly transforming sociological approaches and methods, which led to the saturation of sociology of mass media with the huge number of various methodological approaches and technical solutions for the audience media consumption practices. The article identifies key advantages and limitations of basic methodological approaches and technical solutions of the media consumption studies with reference to television, radio, press and the Internet; provides examples of the use of these methods and approaches in Russia; considers trends of the further development of media studies based on the interpretation of media consumption as a complex set of social practices.

Key words: media; media consumption; media routine; media consumption practices; types and methods of media studies; audience preferences and behavior research; qualitative and quantitative approach.

REFERENCES

[1] *Kolomiets V.P.* Mediasociologija: teorija i praktika [Media Sociology: Theory and Practice]. M., 2014.

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

ФАКТОРЫ РИСКА РАЗВИТИЯ ДЕТСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

И.Ф. Дементьева

Институт социологии РАН
ул. Кржижановского, 24/35-5, Москва, Россия, 117218

В статье рассматриваются наиболее значимые факторы риска развития детства в современных условиях функционирования российской семьи. Специфика России по этому показателю обусловлена осуществлением в стране в последние десятилетия глобальных социально-экономических реформ. В статье проводится углубленный анализ отдельных социальных факторов риска и дается определение вероятностных негативных последствий их воздействия на личностное развитие ребенка. Опираясь на данные статистики и международные нормативно-правовые документы, автор рассматривает проблему защиты ребенка от различных форм насилия в семье. Демографические факторы рисков детства рассмотрены с точки зрения воспитания ребенка в однодетной семье, в ситуации внебрачного рождения и развода супругов, при наличии проблем здоровья ребенка и отсутствия условий для его укрепления. Важным фактором возникновения рисков развития детства признается низкий уровень жизни семьи, ограничивающий когнитивные и физиологические потребности ребенка. Прослеживается связь авторитета родителей для детей с профессиональной занятостью взрослых и безработицей. Среди прочего автором формулируются следующие выводы: развитие детства неизбежно связано с обретением ребенком жизненного опыта через преодоление ситуаций риска. В таких условиях стратегия семьи по ограждению ребенка от опасных контактов представляется педагогически неоправданной и препятствует процессу его социализации. Для достижения позитивного результата необходимо повышать воспитательную грамотность родителей в области профилактики возможных рисков развития детства. Задача семьи как субъекта воспитания состоит не в изоляции ребенка от рисков, а в формировании его умения преодолевать риски.

Ключевые слова: детство; ситуации рисков; семья; допустимость рисков; оценка рисков; управление рисками; социология семьи.

Познание мира в детском возрасте объективно сопряжено с рядом опасностей и рисков. Однако наряду с традиционными факторами риска, свойственными детству как социальной категории, в начале 90-х гг. прошлого века в России под воздействием социально-экономических реформ неожиданно возникли новые, известные до этого только понаслышке кризисные ситуации, такие как детская беспризорность и безнадзорность, массовая миграция семей, безработица родителей, подростковая наркомания и алкоголизм, резко выросшее количественно социальное сиротство и т.п.

Обратимся к анализу наиболее значимых современных факторов риска развития детства.

Нормативно-правовые факторы риска. Рассмотрим уровень соответствия нормативной базы по правам ребенка с реальным положением дел в российском обществе. Конвенция ООН о правах ребенка как главный международный документ, посвященный детям, провозглашает право ребенка жить и развиваться в семье своих родителей [5. С. 9]. Семейный кодекс РФ подтверждает это право через статью 54 [8].

Однако практика показывает, что пребывание ребенка в родительской семье далеко не всегда является оптимальным условием его успешного физического и интеллектуального развития. Подтверждением служит статистика численности детей, отобранных у родителей, не исполняющих должным образом своих обязанностей по воспитанию и лишенных родительских прав: в 2014 г. в Российской Федерации было выявлено 65 162 детей и подростков, оставшихся без попечения родителей [7. С. 191].

Следующая составляющая правовых факторов риска развития детства — жестокое обращение с детьми, наблюдаемое как в семейной, так и в несемейной среде. В рамках Конвенции ООН о правах ребенка проблеме насилия над детьми, определения его форм и проявлений посвящено несколько статей [5]. Такое внимание международного правового документа к указанной проблеме свидетельствует, что жестокое обращение с детьми не является типичным только для российской действительности. Однако в ряде случаев ситуацию насилия в отношении детей в России следует рассматривать как весьма тревожную. По данным мировой статистики, ежегодно 2 млн детей жестоко избиваются родителями, в том числе каждый десятый умирает от полученных побоев; 2 тыс. детей кончают жизнь самоубийством; около 40% сексуальных насильников несовершеннолетних являются родственниками жертв насилия; более 50 тыс. детей уходят из дома [6. С. 3].

Следует отметить, что в большинстве цивилизованных государств мира приняты конкретные законы, направленные на пресечение случаев жестокого обращения с детьми, особенно в семейной сфере. Акцент на семью вполне обоснован, т.к. родители традиционно рассматриваются как главные защитники детей, обеспечивающие его безопасность в окружающем мире. Закон, запрещающий родителям использовать физическое наказание как метод воспитания детей, был впервые принят в Голландии еще в 1850 г., затем — во Франции (1888 г.), в Финляндии (1890 г.), в Норвегии (1935 г.), в Швеции (1953 г.), в Дании (1968 г.) [6. С. 65]. В России до настоящего времени такого закона нет.

Одним из значимых *демографических факторов* риска детства является уровень рождаемости. Принятие семьей решения о рождении очередного ребенка принимается в зависимости от социальной ответственности родителей за дальнейшую судьбу своих детей. В условиях низкого уровня жизни именно ответственная позиция среднестатистической российской семьи становится непреодолимым препятствием на пути повышения рождаемости. Не случайно среди 62,9% бедных семей с детьми в России лишь 32,2% имеют двух и более детей [10. С. 34]. В результате в российском обществе по-прежнему преобладают однодетные семьи. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в России на каждую тысячу

семей с детьми приходилось 675 однодетных, 267 двухдетных и 58 многодетных [4. С. 47].

Личностное развитие ребенка в условиях однодетной семьи подвержено определенным рискам, связанным с искажениями в воспитательной стратегии семьи. Предлагая единственному ребенку благоприятные условия развития, родители в то же время проявляют к нему гиперопеку, избыточный уровень любви, отсутствие необходимой требовательности и дисциплины. В таких семьях нередки случаи, когда у ребенка формируются завышенная самооценка, неоправданно высокие притязания, эгоцентризм. Не находя подтверждения своей исключительности за пределами дома, такой ребенок испытывает трудности коммуникации со сверстниками, низкую адаптивность. Защитная форма его поведения может принять самые уродливые проявления, вплоть до разного рода девиаций.

Следующий демографический фактор, приводящий к рискам в развитии ребенка, это высокий *уровень разводимости* супругов и образование неполных семей. Большая часть разводов происходит в ситуации наличия несовершеннолетних детей. В общей структуре неполных семей одинокие родители с несовершеннолетними детьми составляют 33%, причем 30% от их числа — материнские [1. С. 379].

Развитие детей в неполных семьях подвержено ряду существенных рисков. Независимо от причины возникновения такой семьи (развод, смерть одного родителя, внебрачное рождение) дети оценивают свой статус в ней как неполноценный, заниженный. Разрушается привычная для ребенка триада «отец + мать + дети». Появляются и нарастают трудности материального характера: из общего числа малоимущих семей с детьми 23,3% составляют одинокие родители с доходом ниже величины прожиточного минимума [10. С. 39]. По наблюдениям врачей-педиатров, дети из неполных семей значительно чаще, чем из полных подвержены острым хроническим заболеваниям, протекающим в более тяжелой форме [2. С. 133].

На развитие детей после развода существенное влияние оказывает изменившийся образ жизни неполной семьи. Отмечается статистически значимая частота у взрослых в неполной семье вредных привычек (курение, употребление алкоголя). Наши мониторинговые исследования среди школьников Подмосковья показали, что подростки из неполных семей в 1,7 раза чаще, чем в полных семьях, испытывают острое чувство одиночества. В результате развода родителей резко снижается уровень самооценки ребенка («меня бросил отец, значит я не достоин любви»). Развивается состояние нервозности, связанное с ненадежностью опоры на одного родителя, со страхом возможной его потери.

Образованию неполных семей в значительной степени способствует массовый характер *внебрачной рождаемости*. Об устойчивости такой тенденции свидетельствуют данные Росстата за последние годы. Если в 2000 г. доля внебрачных рождений составляла 354 253 ребенка, то в 2005 г. — 437 075 детей, в 2010 г. — 444 891 ребенок, в 2014 г. — 438 516 детей. В итоге доля внебрачных рождений в общем числе родившихся устойчиво превышает четвертую часть от всех рождений детей [7. С. 91].

Особенности развития детей в условиях внебрачного рождения указывают на наличие ситуаций повышенного риска как материального, так и психологиче-

ского характера. Можно утверждать в этом случае наличие признаков жестокого обращения с детьми, как минимум, в форме пренебрежения потребностями ребенка, поскольку достаточно велика вероятность внебрачного рождения у маргинальных или несовершеннолетних матерей. С взрослением такой ребенок остро ощущает свою неполноценность в сравнении со сверстниками, страдает его самооценка, формируется склонность к девиации (наркомании, алкоголизму, преступности), растет вероятность самоповреждающего, суицидального поведения.

На фоне низкой рождаемости в качестве фактора риска детства выступает еще один неблагоприятный показатель: высокий *уровень младенческой смертности*, т.е. смертности детей, родившихся живыми, но не доживших до одного года (табл. 1).

Таблица 1

Младенческая смертность в России [7. С. 93]

Годы	Число умерших младенцев
2005	16 073
2010	13 405
2014	14 322

При этом российская статистика значительно проигрывает на фоне аналогичной статистики в других странах мира: в России — 7,4 смертей на 1000 родившихся живыми, в США — 6,9, в Канаде — 5,4, в Японии — 2,8 на 1000 родившихся младенцев [7. С. 671].

Высокая младенческая и ранняя детская смертность не являются единственными причинами потери детского контингента. Для России характерна также непомерно высокая смертность детей до 14 лет от неестественных причин (табл. 2).

Таблица 2

Смертность детей от неестественных причин в возрасте 0—14 лет [1. С. 353]

Показатели	2011	2012	2013
Умерло детей в возрасте 0—14 лет от всех причин, всего, человек	20 443	23 585	22 337
в том числе: от внешних (неестественных) причин смерти, человек	4 227	4 197	3 946

Как видно из таблицы, смертность детей от неестественных причин составляет пятую часть от всех смертей в этом возрасте. Можно предположить в этом случае низкий родительский контроль над детьми, а также отсутствие внимания к данной проблеме со стороны местных органов управления. Проблема могла бы быть значительно сглажена при организации доступных детских досуговых площадок, обеспечивающих минимальный травматизм и безопасность проведения детьми свободного времени.

Весьма важным фактором риска развития детства выступает *качество и уровень жизни семьи*. Поскольку предоставление необходимых условий удовлетворения потребностей детей осуществляется через семью, она должна обладать определенными материальными ресурсами, позволяющими обеспечить ребенку его потребности.

Обратимся к данным Росстата, определяющим численность семей с детьми со среднедушевыми доходами ниже прожиточного минимума. Среди малоимущих домохозяйств в 2014 г. 62,9% составляли семьи с несовершеннолетними детьми, в том числе: с одним ребенком — 30,7%; с двумя детьми — 23,6%; с тремя и более детьми — 8,6% [10. С. 35].

Очевидно, что при таком уровне жизни семья не имеет возможности обеспечить ребенку предоставление необходимых условий для нормального развития. Подтверждением такого вывода могут служить данные Росстата за 2013 г. о наличии/отсутствии в российских семьях условий для полноценного развития детей: 76% детей не имеют в семье условий для занятия спортом, 54% не выезжают из дома в каникулярное время хотя бы на неделю в год, 48% детей школьного возраста не могут участвовать в организуемых школой платных экскурсиях, 31% не имеют снаряжения для активного отдыха, 26% никогда не празднуют свой день рождения, 18% не имеют дома места для выполнения домашних заданий, 8% не имеют дома книг, соответствующих возрасту [9. С. 126].

При этом ограничивается удовлетворение не только когнитивных, но и чисто физиологических потребностей ребенка. Подтверждением могут служить данные Росстата по расходам на питание в семьях с разным количеством несовершеннолетних детей (табл. 3).

Таблица 3

Расходы на питание в семьях с детьми до 16 лет, 2014 г. [7. С. 169]

Количество детей в семьях	% от объема расходов семейного бюджета на питание
Один ребенок	32,3
Два ребенка	32,9
Три ребенка	38,9

Таблица показывает, что с увеличением количества детей в семьях доля расходов на питание возрастает незначительно, что свидетельствует об ограничении их физиологических потребностей. Как следствие, представляются закономерными наблюдаемые сегодня отклонения в физическом развитии детей, зафиксированные в процессе проведения всероссийских диспансеризаций детей: удельный вес мальчиков 16—17 лет с дефицитом массы тела составил 12,07%, а девочек — 7,12%. Наряду с дефицитом массы тела у детей отмечается: низкорослость, снижение силовых возможностей, замедление темпов полового созревания, отставание биологического возраста от календарного.

Из приведенных выше статистических данных следует еще один крупномасштабный вывод: в семьях отсутствует реальный стимул к деторождению в связи с проблемой содержания и воспитания детей. Таким образом, существует противоречие между политикой стимулирования рождаемости, с одной стороны, и отсутствием материальной базы в семье для практической реализации этой государственной задачи, с другой. Отсюда — планомерное сокращение многодетности как социального феномена. Так, согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 г. доля многодетных семей составила 5%, что по сравнению с данными переписи 2002 г. показывает уменьшение на 1,6% [4. С. 47].

Не менее значимой составляющей уровня жизни семей с детьми является *гарантия трудовой занятости* взрослых членов семейной группы. По данным Росстата, за 2014 г. в России среди малоимущих семей с детьми более 20% имели безработных родителей [10. С. 32]. Отсутствие работы — фактор не только низкого уровня жизни семьи и невозможности удовлетворения потребностей ребенка. Общественное положение безработных определяет низкий статус семьи в ее социальном окружении и формирует низкую самооценку как у родителей, так и у детей. По словам американского социолога Г. Элдера, безработный родитель никогда не будет примером подражания для своих детей. В то же время признание детьми авторитета родителей является одной из главных составляющих успешного семейного воспитания [11].

Состояние здоровья как фактор, определяющий риски детства, прежде всего связан со здоровьем женщин-рожениц. По данным Росстата, в 2014 г. число женщин, умерших в результате осложнений беременности, родов и послеродового периода, составило в России 10,8 на 100 тыс. родившихся детей. Для сравнения предлагаем данные международной статистики по данному показателю: в Швеции материнская смертность составляет 6,2, в Великобритании — 6,6, в Германии — 4,3, в Финляндии — 1,7, в Австрии — 1,3 на 100 тыс. рождений [7. С. 671].

По данным Минздравсоцразвития РФ, в 2014 г. родилось больными 630,8 тысяч детей, или 33,1% от числа родившихся живыми. В том числе родилось с врожденными аномалиями 2,9% детей, а также с отдельными состояниями риска, возникшими в перинатальном периоде — 44,8% детей от числа родившихся живыми [7. С. 233]. Недоношенные дети составили в 2014 г. 111,1 тыс. по сравнению с 76,7 тыс. в 2005 г. и 93,2 тыс. в 2010 г., что свидетельствует о нарастании этого негативного показателя [7. С. 225].

Неблагоприятная тенденция наблюдается также по численности детей-инвалидов. В абсолютных цифрах, по данным Росстата, этот показатель выглядит следующим образом: 2012 г. — 560 тыс. детей-инвалидов, 2013 г. — 568 тысяч, 2014 г. — 580 тысяч, 2015 г. — 605 тысяч. Как видно, этот показатель имеет четкую тенденцию к росту [7. С. 236].

Анализ состояния здоровья детей и особенно подростков показывает, что дети не приучены к образу жизни и поведению, которые обеспечивают предупреждение заболеваний. Наши исследования 2014 г. в школах Подмосковья (1200 единиц опроса по проблемам воспитания детей в семье) подтверждают небрежное отношение подростков к собственному здоровью: среди жизненных ценностей здоровье занимает у них лишь пятое место после семьи, друзей, личной жизни, карьеры. Именно отсутствием ответственности за свое здоровье можно объяснить процесс приобщения подростков к различным формам отклоняющегося поведения, влияющим на физическое и психическое состояние личности. В частности, количество детей до 17 лет, состоящих на профилактическом учете в связи с употреблением наркотических веществ, составило в 2014 г. 7359 человек, а в связи с токсикоманией — 6931 человек [7. С. 233].

Одним из неблагоприятных показателей качества жизни российского населения является ежегодно пополняемая статистика больных первичным *туберкулезом.* Туберкулез не случайно относят к разряду социальных болезней, т.е. связан-

ных с уровнем жизни населения, поскольку его развитие напрямую зависит от качества питания, жилищных условий и экологии среды обитания. Статистика наглядно демонстрирует уровень риска по этому показателю: в 2014 г. выявлено с впервые установленным диагнозом туберкулеза 4295 детей и подростков в возрасте до 17 лет [7. С. 230]. Столь же серьезное беспокойство вызывает статистика выявленных у детей и подростков болезней, передаваемых половым путем. Только за один 2014 г. выявлено детей и подростков до 17 лет с первичным диагнозом сифилиса 879, а с диагнозом гонореи 1007 несовершеннолетних [7. С. 231].

Риски в развитии детства в решающей степени обусловлены теми возможностями, которые предоставляет детям *система образования*. Факторы образовательной среды воздействуют на развитие ребенка с трехлетнего возраста, когда он попадает в детские дошкольные учреждения образования. Здесь ребенок получает первые навыки коммуникации, взаимодействия со сверстниками; приобретает знания об окружающем мире и развивается в русле современных требований педагогической науки. Фактором риска развития детей в этом случае является значительная трудность их устройства в дошкольные образовательные организации (ДОО).

В последние годы наблюдается отчетливая тенденция сокращения дошкольных образовательных организаций в России. Если в 2000 г. число ДОО составляло по стране 51 300, то в 2005 г. их осталось 46 500, в 2010 — 45 100, в 2013 — 43 200. Охват детей дошкольным образованием в 2014 г. составил лишь 64,6% [7. С. 189]. Дети, не попавшие в организации дошкольного образования, испытывают трудности предшкольной подготовки. В результате такие дети с первых дней обучения в школе становятся аутсайдерами.

Аналогичным образом выглядит статистика, закрепляющая право детей школьного возраста на *летний отдых в детских лагерях*. Количество таких лагерей неуклонно сокращается: с 52 800 в 2005 г. до 46 200 в 2014 г. Столь же последовательно сокращалась численность детей, отдохнувших в таких лагерях: с 5 666 800 в 2005 г. до 4 829 400 в 2014 г. [7. С. 252]. Остальные дети проводят летние каникулы неорганизованно, в стихийных условиях, с риском для жизни и здоровья. Соответственно, фиксируется недопустимо высокий уровень детской смертности, в частности в результате транспортных происшествий: только в 2014 г. по этой причине погибло 3300 детей 0—14 лет [3. С. 24].

Указанные неблагоприятные тенденции в развитии системы образования, по-видимому, будут проявляться и в последующие годы, поскольку финансированию образования не уделяется должного внимания.

Подводя итог анализу факторов риска развития детства, сформулируем некоторые выводы.

1. Допустимость рисков в развитии детства возможна лишь в пределах, когда позитивные результаты со всей очевидностью превалируют над негативными последствиями. Оценку допустимости необходимо сочетать с высоким контролем над развитием риска.

2. Поскольку семья является основным субъектом воспитания детей, необходима работа с родителями по формированию у них понимания опасных ситуа-

ций в развитии детства и ответственного отношения к возникающим рискам. Следует оказывать помощь семье в объективизации понимания рисков развития ребенка, поскольку зачастую родители либо преувеличивают, либо недооценивают значимость отдельных рисковых ситуаций. Профессиональная помощь семье должна включать определение значимости и приоритетов ситуаций рисков: где следует проявить больше внимания, а в каких случаях можно снизить тревогу.

3. Возникновение и начальная стадия рисковой ситуации чаще всего происходит на глазах родителей, членов семьи. Необходимо своевременное вмешательство в развитие ситуации риска, что не всегда по силам самой семье, в частности по причине ее низкой педагогической грамотности. В ряде случаев семья не готова обсуждать с кем-либо возникшую рисковую ситуацию, т.к. она затрагивает репутацию взрослых членов семейной группы (например, насилие в отношении детей в семье). Просветительную работу специалистов с семьей необходимо строить на принципах раннего выявления опасности, предотвращения перерастания коллизии в риск.

4. С появлением рыночных отношений в России развился бизнес, эксплуатирующий человеческие пороки. Наркотики, порнография, игровые автоматы активно навязываются детям и подросткам. Существующая политика государственного и общественного сдерживания этих процессов не отличается эффективностью, о чем свидетельствует статистика численности детей-наркоманов, детей-алкоголиков, детской преступности, педофилии и т.п. Переломить ситуацию можно, если государственные и общественные структуры объективно оценят всю опасность, грозящую детству, и примут соответствующие меры по профилактике указанных рисков. Примером может служить опыт США в борьбе с подростковой наркоманией: ощутимый положительный результат наступил после вложения в антинаркотическую пропаганду 1,5 млрд долл. в течение трех лет.

5. Важным условием преодоления риска в развитии детства является выработка правильного поведения при столкновении с неблагоприятной ситуацией со стороны:

— управленческих структур разного уровня (оперативность, гласность, уменьшение степени воздействия риска, готовность оказать поддержку и сопровождение);

— семьи (открытость для принятия помощи, объективность оценки угрозы и степени опасности риска, воспитание детей «методом авансированного доверия» и т.д.);

— социального окружения (активная гражданская позиция, включенность в процессы преодоления рисков);

— самого ребенка (наличие у него социальной ответственности, независимости в принятии решений, самостоятельности поступков, разумной осторожности в малознакомой ситуации и т.д.).

6. Развитие детства объективно связано с познанием окружающего мира опытным путем, что неизбежно приводит к попаданию детей в ситуации риска. Стратегия ограждения от опасного контакта представляется педагогически неоправ-

данной, поскольку препятствует процессу социализации. Конструктивным средством решения этого противоречия является признание допустимости минимального уровня риска, при котором сохраняется познавательный интерес ребенка. Задача воспитания в таком случае состоит не в том, чтобы, изолировать ребенка от рисков, а в том, чтобы вооружить его умением преодолевать ситуации риска.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Государственный доклад «О положении детей и семей, имеющих детей в РФ, 2013». М.: Минтрудсоцзащита, 2014.
[2] *Дементьева И.Ф.* Социализация детей в семье: теории, факторы, модели. М.: Генезис, 2004.
[3] Здравоохранение в России. М.: Росстат, 2015.
[4] Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. М.: Росстат, 2013. Т. 6.
[5] Конвенция ООН о правах ребенка. М.: Изд-во БЕК, 1996.
[6] Насилие в семье: предупреждение, выявление, реабилитация: Методическое пособие / Под ред. И.Ф. Дементьевой, Г.В. Сабитовой. М.: Институт семьи и воспитания РАО, 2010.
[7] Российский статистический ежегодник. М.: Росстат, 2015.
[8] Семейный кодекс Российской Федерации. М.: Эксмо, 2008.
[9] Социальное положение и уровень жизни населения России. М.: Росстат, 2014.
[10] Социально-экономические индикаторы бедности в 2011—2014 гг. М.: ФСГС, 2015.
[11] *Elder G.H.* Children of the Great Depression. Chicago: Chicago University Press, 1974.

RISK FACTORS IN THE DEVELOPMENT OF CHILDHOOD IN CONTEMPORARY RUSSIA

I.F. Dementieva

Institute of Sociology
Russian Academy of Sciences
Krzhizhanovskogo St., 24/35, bl.5, Moscow, Russia, 117218

The article considers the most significant risk factors for the development of childhood under the contemporary conditions of the Russian family functioning. The specifics of the Russian society is determined by the implementation of fundamental social and economic reforms in the country in the last decades. The article provides a comprehensive analysis of key risk factors and defines possible negative consequences of their impact on the children personal development. Based on statistics and international legislation the article examines the issue of children protection from various forms of domestic violence. The demographic risk factors are considered from the perspective of raising a child in a one-child family, in the situation of childbirth out of wedlock and after the divorce, or the child's health problems and the lack of conditions for its improvement. The author believes that the low quality of life is an important factor for the childhood risks development for it limits cognitive and physiological needs of the child. The article also points to the connection of the parents' authority with their professional occupation and unemployment. Thus, the author comes to the following conclusions: childhood development is inevitably linked with the acquisition of life experience of overcoming risk situations; the family strategy to protection the child from all dangerous contacts is pedagogically unjustified and hinders the socialization process. In order

to achieve positive results in overcoming the childhood risks, it is necessary to increase the educational competence of parents in the prevention of possible risks. The task of the family is not to isolate the child from the risks, but to teach the child to overcome them.

Key words: childhood; risk situation; family; risk acceptability; risk assessment; risk management; sociology of family.

REFERENCES

[1] Gosudarstvennyj doklad «O polozhenii detej i semej, imejushhih detej v RF, 2013» [State Report "On the Situation of Children and Families with Children in the Russian Federation"]. M.: Mintrudsoczashhita, 2014.
[2] *Dement'eva I.F.* Socializacija detej v sem'e: teorii, faktory, modeli [Socialization of Children in the Family: Theories, Factors, Models]. M.: Genezis, 2004.
[3] Zdravoohranenie v Rossii [Healthcare in Russia]. M.: Rosstat, 2015.
[4] Itogi Vserossijskoj perepisi naselenija 2010 goda [Results of the Russian National Census of 2010]. M.: Rosstat, 2013. T. 6.
[5] Konvencija OON o pravah rebenka [UN Convention on the Rights of the Child]. M.: Izd-vo BEK, 1996.
[6] Nasilie v sem'e: preduprezhdenie, vyjavlenie, reabilitacija [Violence in the family: Prevention, identification, rehabilitation]: Metodicheskoe posobie / Pod red. I.F. Dement'evoj, G.V. Sabitovoj. M.: Institut sem'i i vospitanija RAO, 2010.
[7] Rossijskij statisticheskij ezhegodnik [Russian Statistical Yearbook]. M.: Rosstat, 2015.
[8] Semejnyj kodeks Rossijskoj Federacii [Family Code of the Russian Federation]. M.: Eksmo, 2008.
[9] Social'noe polozhenie i uroven' zhizni naselenija Rossii [Social Situation and Living Standards of the Russian population]. M.: Rosstat, 2014.
[10] Social'no-ekonomicheskie indikatory bednosti v 2011—2014 gg. [Social and Economic Indicators of Poverty in 2011—2014]. M.: FSGS, 2015.

ПРАВОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСНОГО СОСТОЯНИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

П.С. Самыгин[??], М.Ю. Попов[??], С.И. Самыгин[??]

[1]Кафедра теории и истории государства и права
Ростовский государственный экономический университет
ул. М. Горького, 166, Ростов-на-Дону, Россия, 344006

[2]Научный журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки»
ул. Красных Партизан, 371, Краснодар, Россия, 350049

[3]Кафедра управления персоналом и социологии
Ростовский государственный экономический университет
пер. Островского, 62, Ростов-на-Дону, Россия, 344018

В статье анализируются особенности правовой социализации молодежи в современном российском обществе, рассматривается специфика функционирования основных институтов правовой социализации, к числу которых относятся, в первую очередь, институт семьи, институт образования (среднего и высшего) и средства массовой информации. Авторы рассматривают правовую социализацию как один из аспектов общего социализационного процесса, поэтому на нее определяющее воздействие оказывают происходящие в обществе (трансформационные) процессы, особенно кризисно-негативного характера: молодежь — наиболее чувствительная к социальным изменениям демографическая группа, поэтому ее базовыми чертами выступают социальная дезориентированность и психологическая растерянность в неустойчивой и противоречивой социальной ситуации. В статье рассмотрены разные аспекты правовой социализации — ее типы (социально-контролируемая/регулируемая и стихийная), детерминирующие ее факторы (например, состояние общества — стабильное или, наоборот, кризисное), возможные результаты (позитивные — скажем, компетентное правосознание, и негативные — устойчивые деликвентные практики) и т.д. Авторы показывают, что повышение эффективности правовой социализации в условиях кризисного состояния современного российского общества может быть обеспечено посредством координации усилий всех базовых институтов правовой социализации в рамках целенаправленного воспитательного воздействия на молодежь, ориентированного на формирование у молодых поколений позитивного восприятия формального права и других элементов правовой системы общества.

Ключевые слова: молодежь; учащаяся молодежь; социализация; правовая социализация; правосознание; правовое воспитание; кризисное состояние; российское общество.

Правовая социализация традиционно рассматривается в науке как составной компонент общего процесса социализации личности, включающий в себя освоение человеком правовых норм и принципов, обретение им навыков регулирования собственного поведения на основе правовых установлений [9]. В процессе правовой социализации индивид не только усваивает те или иные правовые нормы и ценности, но и определенным образом реализует усвоенные нормы в правовой активности, совершая юридически значимые действия. Иными словами, правовая социализация предполагает, с одной стороны, восприятие личностью реалий правовой жизни современного общества, а, с другой стороны, формирование на ос-

нове этого восприятия определенного ценностного отношения к праву, детерминирующего характер правового поведения.

Поскольку наиболее важным этапом правовой социализации является ее первичная стадия, предусматривающая адаптацию индивида к функционирующей правовой системе и базовым правовым нормам и определение предпочтительных для индивида форм правового поведения, в качестве основного субъекта правовой социализации целесообразно рассматривать молодежь, так как на этой стадии социального развития человек усваивает базовые общественные ценности, приобретает навыки взаимодействия в социуме, вырабатывает устойчивую жизненную позицию.

Общепризнанным в социологической науке является тот факт, что на правовую социализацию личности определяющее воздействие оказывают происходящие в обществе трансформационные процессы: социально-экономические, мировоззренческие и идеологические кризисы, переживаемые конкретными социумами на определенных исторических этапах их развития. Данные моменты или тенденции социального развития, имеющие ярко выраженный негативный характер, оказывают наиболее сильное воздействие на молодежь с ее неустойчивым сознанием: как справедливо отмечает М.А. Гусарова, молодежь наиболее чувствительна к социальным изменениям, вследствие чего неотъемлемыми характеристиками данной социально-демографической группы становятся «социальная дезориентированность, психологическая растерянность и маргинальность» [2].

Несомненно, процесс социализации в целом и правовая социализация в частности включает в себя как стихийные процессы, так и целенаправленное воздействие на личность. В отличие от социально-контролируемой социализации, которая осуществляется методами воспитания, стихийная составляющая социализационного процесса проявляется в спонтанном повседневном взаимодействии молодых людей с разными социальными группами и структурами. Как отмечают В.И. Чупров и Ю.А. Зубок, соотношение между стихийной и социально-контролируемой составляющими в рамках социализации неодинаково в разных типах обществ и на разных стадиях их развития, зависит от особенностей взаимодействия молодежи и общества, а также от степени стабильности или нестабильности социального развития [15. С. 118—119]. В тех обществах, состояние которых отличается стабильностью, доминирует регулируемая сторона социализации, а в тех, что, напротив, характеризуются нелинейностью развития, кризисностью, состоянием аномии, возрастает роль спонтанного фактора в освоении молодежью социальной и правовой реальности.

Иными словами, в кризисные периоды общественного развития стихийный аспект социализации начинает играть определяющую роль, и его воздействие зачастую обретает противоречивый, а чаще и негативный характер. В результате неизбежно снижается эффективность социализации, явным свидетельством чего в рамках правовой социализации выступает распространение среди молодежи форм девиантного, в том числе деликвентного поведения [13].

Современное состояние российского общества может быть описано как кризисное, что проявляется в различных сферах общественной жизни, давая основания отечественным исследователям характеризовать Россию как «общество риска» в период аномизации. Как известно, аномия предполагает дезинтеграцию и распад системы социальных норм, гарантирующих общественный порядок, рассогласование систем моральной и правовой регуляции, что создает для индивида психологические трудности и порождает разные формы девиантного поведения и асоциальных явлений. В российском обществе, находящемся на переходном этапе развития, усугубляющемся кризисными явлениями социально-экономического характера, процессы аномии усиливаются, вследствие чего представители молодого поколения часто делают выбор в пользу противоправного поведения, включая и уголовно-наказуемые деяния. В условиях аномии правовая социализация, призванная формировать правосознание и развивать правовую культуру, обретает такие черты, как спонтанность, бессистемность и противоречивость [4. С. 20], поскольку основные агенты правовой социализации, к числу которых традиционно относят семью, образовательные учреждения и средства массовой информации, оказывают противоречивое, а в ряде случае и негативное влияние на социализационный процесс.

Значительная часть современной российской молодежи, как показывают данные социологических исследований, ориентирована на противоправное поведение как вполне нормальное, что приводит к росту преступности в данной группе. Так, Следственный комитет Российской Федерации с 2002 г. фиксирует постоянный рост показателей преступности среди молодежи. Структура преступности в данной возрастной группе является достаточно стабильной, ее основную массу (до 80%) по-прежнему составляют преступления имущественного характера (кражи, грабежи, разбои, угоны), однако в этом списке в последние годы появились и виды преступлений, которые ранее несовершеннолетним были несвойственны.

Согласно криминальной статистике каждое десятое «молодежное» преступление в настоящее время связано с угрозой жизни и здоровью потерпевших, незаконным оборотом наркотиков и другими типично взрослыми уголовно-наказуемыми деяниями. Подростковые преступные группировки нередко вовлекают граждан из старших возрастных групп в преступную деятельность, предлагая свои услуги для реализации разных криминальных планов (скупка и перепродажа краденного, угоны автомобилей, избиения и заказные убийства) [6].

Наряду с усилением корыстно-насильственной преступности в молодежной среде другой характерной тенденцией последнего времени является ее омоложение. Если ранее основную часть преступлений среди подростков и молодежи совершали лица, достигшие шестнадцатилетнего возраста, то сегодня основную массу подобных преступлений составляют деяния лиц, не достигших этого возраста (отдельную проблему составляет преступность малолетних, которым не исполнилось четырнадцать лет, что способствует активизации дискуссии о необходимости снижения возраста уголовной ответственности). Кроме того, молодежная преступность приобретает все более организованный характер, в первую очередь,

потому что в молодежных преступных сообществах распространено злоупотребление алкогольными напитками и наркотическими средствами; в эти группы в последние годы активно вовлекаются девушки [1].

По мнению многих исследователей, одной из наиболее распространенных причин криминального поведения молодежи является семейное неблагополучие, которое проявляется в отсутствии должного внимания и заботы родителей и других родственников о подрастающем поколении, в дефектах воспитания — домашнем и внутрисемейном насилии, в отсутствии возможности обеспечить необходимый материальный достаток семье, удовлетворить основные потребности детей, что в ряде случаев отягощается асоциальным поведением родителей — злоупотреблением алкоголем, наркотиками и противоправными деяниями [1].

Значительная часть несовершеннолетних преступников воспитывается в обстановке семейного неблагополучия.

А семья играет ключевую роль в правовой социализации молодежи, поскольку именно в семье осуществляется передача из поколения в поколение представлений о социальных нормах, в том числе нормах права, что в конечном итоге влияет на правовое поведение молодых людей. В то же время семья как один из базовых институтов общества непосредственно включена в процесс трансформационных изменений, испытывает на себе воздействие кризисных явлений, что не может не влиять на характер ее функционирования и обеспечение ею функции социализации, в том числе правовой [10. С. 85].

Кризисная социально-экономическая ситуация в стране оказывает негативное воздействие на состояние и жизнедеятельность семьи, присущие членам семьи как агентам социализации ценностно-правовые ориентации, отношение к правовому воспитанию и образованию детей. Характерный для современной России рост бедности среди широких групп населения не может не влиять на состояние института семьи, способствуя росту числа неблагополучных семей, не получающих должного уровня финансовой и моральной поддержки со стороны общества и государства. В результате семья оказывается не в состоянии выполнять в полном объеме присущие ей социальные функции, сокращая их, в первую очередь, за счет воспитательных и социализирующих. Очевидно, что родители, которых тяжелая социально-экономическая ситуация вынуждает материально обеспечивать свои семьи посредством неправовых практик, объективно не могут способствовать эффективной правовой социализации своих детей, так как демонстрируют правовой нигилизм и практикуют селективное исполнение законов.

Широкая распространенность в российских семьях негативных социальных явлений, включая алкоголизм и наркоманию, бытовое насилие и низкий уровень культуры внутрисемейных отношений, неизбежно закрепляет отклоняющиеся траектории семейной правовой социализации. В результате институт семьи в ряде случаев выступает как фактор низкой эффективности правовой социализации молодежи, объективно диагностировать которую в рамках уголовной статистики крайне сложно из-за латентного характера многих нарушений норм права в быто-

вой сфере или в теневой экономике [8]. Можно предположить, что по мере улучшения социально-экономического положения, преодоления кризисных явлений произойдут позитивные изменения и в функционировании российской семьи, повысится ее способность к эффективному социализирующему воздействию на молодое поколение в сфере права.

В кризисной ситуации, характеризующейся неспособностью института семьи обеспечить эффективную правовую социализацию молодежи, ключевую роль призван играть институт образования. В образовательных учреждениях представители разных групп учащейся молодежи приобретают определенный объем правовых знаний, однако качество этих знаний определяется характером функционирования образовательных институтов, способностью сформировать из молодых людей граждан страны, готовых защищать свои права и свободы, опираясь на знание правовых норм [11. С. 45].

Анализ результатов социологических исследований и наблюдения одного из авторов статьи, на протяжении многих лет преподающего курс «Основы права» в Ростовском государственном экономическом университете, показывают, что правовые знания студентов младших курсов крайне поверхностны, молодые люди, окончившие среднюю школу, нередко не имеют представления о российской правовой системе, о содержании базовых нормативно-правовых актов Российской Федерации.

Исследования, проведенные сотрудниками отдела социологии молодежи ИСПИ РАН, также свидетельствуют о низком уровне школьного и вузовского правового образования [5. С. 71—74]. Приобретенные в образовательных учреждениях знания в области права практически никак не влияют на уровень информированности молодых людей о собственных правах и свободах, об особом юридическом статусе молодых и несовершеннолетних. Значительная часть молодежи видит цель изучения права в том, чтобы научиться обходить закон или нарушать его, избегая привлечения к юридической ответственности. Результаты экспертных опросов также указывают на низкое качество правового образования: 38% экспертов оценивают качество российского правового образования как среднее, а 61% — ниже среднего [16. С. 168].

В настоящее время разработано множество рекомендаций, призванных повысить качество российского правового образования и нашедших отражение как в научных публикациях, так и в правовых документах. В частности, предлагается модернизировать содержание школьных и вузовских учебников по праву, увеличить в учебных пособиях долю практического материала, посвященного правам личности и способам их защиты, разработать новые методические пособия, видеоматериалы и презентации, посвященные российской правовой системе, организовать в средних и высших учебных заведениях постоянно действующие юридические консультации («юридические клиники»), предоставить обучающимся свободный доступ к информационно-поисковым юридическим системам и т.д. Некоторые из этих предложений нашли отражение в принятых в 2011 г. «Основах

государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности», где говорится о необходимости принятия комплекса мер, способных повысить эффективность правовой социализации молодежи, включающих в себя внедрение в образовательный процесс программ и учебных курсов, призванных сформировать у молодежи устойчивые позитивные установки — безусловное уважение к закону. В «Основах государственной политики...» совершенно справедливо говорится о необходимости привлечения к преподаванию правовых дисциплин компетентных кадров, обладающих системными правовыми знаниями и высоким уровнем правовой культуры [7].

Все перечисленные меры, безусловно, необходимы для повышения эффективности правовой социализации молодежи в современной России. В то же время следует учитывать и то, что знание основ права, правовая компетентность — важное, но недостаточное условие для обеспечения правомерного поведения личности. Более того, результаты многочисленных социологических исследований свидетельствуют, что отношение к закону (важнейший компонент правосознания) не зависит от объема правовых знаний. В частности, социологический опрос студентов вузов и колледжей показал, что даже высокий уровень правовых знаний далеко не всегда обеспечивает законопослушность (количество студентов, ориентированных на безусловное соблюдение закона, оказалось примерно одинаковым в группах хорошо и плохо успевающих) [12. С. 97]. Отсюда очевидна необходимость усиления воспитательного воздействия на молодежь в рамках социально-контролируемой правовой социализации, призванного сформировать в сознании молодых людей позитивное отношение к закону и устойчивые ориентации на правомерное поведение. Иными словами, правовое образование должно быть направлено на формирование не только когнитивно-познавательного, но и эмоционально-ценностного и деятельностно-практического компонентов правосознания [3. С. 72].

В общественном мнении существует стереотип, что молодежь по определению является потенциально девиантной или даже деликвентной социально-демографической группой, представители которой в силу присущих им нигилистических установок сознательно отвергают закон и стремятся к его нарушению. Данное утверждение, безусловно, не соответствует действительности, однако верно и то, что молодежь как часть общества не может не испытывать на себе последствий осуществляемых в нем преобразований и кризисных явлений, которые оказывают воздействие и на характер функционирования основных институтов правовой социализации. В правовом сознании молодых людей отражаются ценности, присущие общественному правосознанию: если в обществе получают широкое распространение неправовые практики, массовое нежелание соблюдать правовые предписания и неприятие закона, то и молодежь будет демонстрировать аналогичные ценностно-правовые установки. В ситуации социально-экономического кризиса начинает доминировать стихийная составляющая правовой социализации молодежи, в деятельности ее базовых институтов проявляются многочисленные дисфункции (скажем, на правовую социализацию молодежи оказывают

значительное воздействие средства массовой информации, которые далеко не всегда ориентируют молодых людей на правомерное поведение).

Очевидно, что реализация основополагающей цели правовой социализации молодежи — формирование позитивного типа правосознания у представителей данной социально-демографической группы — напрямую зависит от успешности правового воспитания, осуществляемого как в образовательных учреждениях, так и в рамках семьи, от распространения и доступности информационных материалов, влияющих на формирование ключевых компонентов правового сознания молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

[1] *Грудинин Н.С., Грязнова Д.В.* Преступность молодежи в современной России: причины, тенденции, пути противодействия // NAUKA-RASTUDENT. RU. 2015. № 4.

[2] *Гусарова М.А.* Особенности правовой социализации современной российской молодежи в период аномизации // Общество: политика, экономика, право. 2011. № 3.

[3] *Жидяева Е.С., Самыгин П.С., Самыгин С.И.* Особенности формирования правосознания учащейся молодежи в современном российском обществе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 3.

[4] *Заячковский О.А.* Проблемы правовой социализации в условиях аномии российского общества // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2010. № 9.

[5] *Зубок Ю.А., Чупров В.И.* О формировании правовой культуры молодежи в России и Беларуси // Социологические исследования. 2006. № 10.

[6] *Осин М.* Криминальный выбор юного поколения // Российская газета. 2005. № 3720.

[7] Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утверждены Президентом РФ 28.04.2011 № Пр-1168) // Российская газета. 2011. 14 июля.

[8] *Попов М.Ю., Ласовская Н.Ф.* Латентная преступность и ее влияние на функционирование российского общества // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2015. № 5.

[9] *Самыгин П.С.* Правовая культура молодежи в контексте модернизации правовой системы России // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 4.

[10] *Самыгин П.С.* Семья как институт правовой социализации в условиях социальной неопределенности развития российского общества // Общество: политика, экономика, право. 2007. № 1.

[11] *Самыгин П.С.* Состояние правового образования в России как фактор правовой социализации учащейся молодежи // Теория и практика общественного развития. 2007. № 1.

[12] *Самыгин П.С.* Социальная неопределенность и правовая социализация учащейся молодежи в России. Ростов н/Д., 2007.

[13] *Троцук И.* Проблема насилия в российском обществе: «нормальные» и «патологичные» проявления // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2007. № 3.

[14] *Троцук И.В., Сохадзе К.Г.* Ценностные ориентации молодежи: подходы, методики и задачи социологического анализа // Теория и практика общественного развития. 2015. № 20.

[15] *Чупров В.И., Зубок Ю.А.* Социология молодежи. М., 2011.

[16] *Чупров В.И., Зубок Ю.А., Певцова Е.А.* Права молодежи в России: состояние и проблемы реализации. М., 2007.

LEGAL SOCIALIZATION OF THE YOUTH UNDER THE CRISIS CONDITIONS OF THE CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY

P.S. Samygin[??], M.Yu. Popov[??], S.I. Samygin[??]

[1]Theory and History of State and Law Chair
Rostov State University of Economics
M. Gorky St., 166, Rostov-on-Don, Russia, 344006

[2]Scientific journal "Humanities, social-economic and social sciences"
Krasnyh Partisan St., 371, Krasnodar, Russia, 350049

[3]Personnel Management and Sociology Chair
Rostov State University of Economics
Ostrovsky per., 62, Rostov-on-Don, Russia, 344018

The article considers the characteristics of the legal socialization of the youth in the contemporary Russian society, the specific functions of the basic institutions of legal socialization, and among them, first of all, the family, education (secondary and higher) and media. The authors define legal socialization as an aspect of general socialization process; that is why it is strongly influenced by social (transformation) processes, particularly of crisis-negative character. The youth is the most sensitive to social changes demographic group, so its basic features today are social disorientation and psychological confusion under the unstable and contradictory social situation. The article considers different aspects of legal socialization — its types (socially controlled/regulated and spontaneous), determining factors (for example, the state of society — stable or, on the contrary, crisis), possible outcomes (positive, such as competent legal consciousness, and negative — sustainable delinquent practices), etc. The authors believe that efficient legal socialization under the crisis conditions of the contemporary Russian society can be achieved by coordinating efforts of all basic institutions of legal socialization within the educational system so as the younger generations would positively perceive the law and other elements of the legal system.

Key words: youth; student youth; socialization; legal socialization; legal consciousness; legal education; crisis conditions; Russian society.

REFERENCES

[1] *Grudinin N.S., Grjaznova D.V.* Prestupnost' molodezhi v sovremennoj Rossii: prichiny, tendentsii, puti protivodejstvija [Youth crime in the contemporary Russia: Causes, trends, and ways of counteraction]. *NAUKA-RASTUDENT.RU*. 2015. № 4.

[2] *Gusarova M.A.* Osobennosti pravovoj socializacii sovremennoj rossijskoj molodezhi v period anomizacii [Features of the Russian youth legal socialization in the period of anomie]. *Obshhestvo: politika, ekonomika, pravo*. 2011. № 3.

[3] *Gidjaeva E.S., Samygin P.S., Samygin S.I.* Osobennosti formirovanija pravosoznanija uchashhejsja molodezhi v sovremennom rossijskom obshhestve [Features of the youth legal consciousness formation in the contemporary Russian society]. *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki*. 2015. № 3.

[4] *Zajachkovskij O.A.* Problemy pravovoj socializacii v uslovijah anomii rossijskogo obshhestva [Problems of the legal socialization under the anomie state of the Russian society]. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*. 2010. № 9.

[5] *Zubok Ju.A., Chuprov V.I.* O formirovanii pravovoj kul'tury molodezhi v Rossii i Belarusi [On the formation of the youth legal culture in Russia and Belarus]. *Sociologicheskie issledovanija*. 2006. № 10.

[6] *Osin M.* Kriminal'nyj vybor junogo pokolenija [Criminal choice of the younger generations]. *Rossijskaja gazeta*. 2005. № 3720.
[7] Osnovy gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v sfere razvitija pravovoj gramotnosti i pravosoznanija grazhdan [Fundamentals of the Russian Federation state policy in the sphere of the development of legal literacy and legal consciousness] (utverzhdeny Prezidentom RF 28.04.2011 № Pr-1168). *Rossijskaja gazeta*. 2011. 14 ijulja.
[8] *Popov M.Ju., Lasovskaja N.F.* Latentnaja prestupnost' i ee vlijanie na funkcionirovanie rossijskogo obshhestva [Latent criminality and its influence on functions of the Russian society]. Ekonomicheskie i gumanitarnye issledovanija regionov. 2015. № 5.
[9] *Samygin P.S.* Pravovaja kul'tura molodezhi v kontekste modernizacii pravovoj sistemy Rossii [Youth legal culture in the context of the Russian legal system modernization]. *Social'no-gumanitarnye znanija*. 2005. № 4.
[10] *Samygin P.S.* Sem'ja kak institut pravovoj socializacii v uslovijah social'noj neopredelennosti razvitija rossijskogo obshhestva [Family as an institution of legal socialization under the social uncertainty of the development of the Russian society]. *Obshhestvo: politika, ekonomika, pravo*. 2007. № 1.
[11] *Samygin P.S.* Sostojanie pravovogo obrazovanija v Rossii kak faktor pravovoj socializacii uchashhejsja molodezhi [The state of legal education in Russia as a factor of students legal socialization]. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija*. 2007. № 1.
[12] *Samygin P.S.* Social'naja neopredelennost' i pravovaja socializacija uchashhejsja molodezhi v Rossii [Social Uncertainty and Legal Socialization of the Student Youth in Russia]. Rostov n/D., 2007.
[13] Trotsuk I. Problema nasilija v rossijskom obshhestve: «normal'nye» i «patologichnye» projavlenija [The problem of violence in the Russian society: “normal” and “pathological” manifestations]. *Vestnik obshhestvennogo mnenija. Dannye. Analiz. Diskussii*. 2007. № 3.
[14] *Trotsuk I.V., Sohadze K.G.* Tsennostnye orientacii molodezhi: podhody, metodiki i zadachi sociologicheskogo analiza [Value orientations of the youth: Approaches, methods, and aims of sociological analysis]. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija*. 2015. № 20.
[15] *Chuprov V.I., Zubok Ju. A*. Sociologija molodezhi [Sociology of Youth]. M., 2011.
[16] *Chuprov V.I., Zubok Ju.A., Pevtsova E.A*. Prava molodezhi v Rossii: sostojanie i problemy realizacii [Youth’s Rights in Russia: The State and Problems of Realization]. M., 2007.

В этой статье предлагаю высказывания людей оформить как примеры. Мне кажется, что так легче читается и соответствует сути.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ИЗМЕНЕНИЙ В РАЗВИТИИ ИНСТИТУТА СЕМЬИ В КНР КАК ОБЪЕКТА СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ

Т.Р. Миняжев, Вэй Жочжу

Кафедра теоретической и специальной социологии
Московский педагогический государственный университет
просп. Вернадского, 88, Москва, Россия, 119571

В статье раскрывается потенциал социологической оценки как инструмента управления и оценки результатов государственной семейной политики на примере Китайской Народной Республики (далее — КНР). Авторами осуществлен комплексный анализ изменений, происходящих в развитии института семьи в Китае, на основе объективных и субъективных показателей. Речь может идти и об апробации исследовательской методологии, поскольку государственная семейная политика как устойчивое институциональное явление в современных густонаселенных странах все еще не достаточно изучена в социологии на теоретическом и эмпирическом уровне. На основе применения собственного авторского инструментария в статье схематично реконструирована эмпирически подтвержденная картина результатов и последствий реализации государственной семейной политики в КНР, ее влияния на трансформацию китайской семьи как социального института. В исследовании получены результаты, позволяющие уверенно констатировать наличие очевидно позитивных изменений в китайской семье под влиянием реализуемой государством семейной политики и, вместе с тем, продемонстрированы проблемные аспекты национального семейно-демографического курса, свидетельствующие о недоиспользовании потенциала семейной политики. Этот потенциал авторы и стремятся показать на основе полученных эмпирических данных. Авторы утверждают, что управление государственной семейной политикой требует использования инструментов социологической оценки, чтобы повысить ее социальную эффективность.

Ключевые слова: социологическая оценка; государственная семейная политика; социальный институт семьи; социальные изменения; Китайская Народная Республика; управление семейной политикой; социальная эффективность.

Государственная семейная политика в Китайской Народной Республике в последние годы все чаще привлекает внимание российских социологов [см., напр.: 5; 4]. Сложилось мнение, что любые реформы, проводимые китайским руководством, имеют положительные результаты и долгоиграющие последствия. Следует также отметить, что изменения в семейной политике отражают состояние дел в социально-экономической сфере: так, замедление роста китайской экономики привело к тому, что в октябре 2015 г. правительство КНР провозгласило окончание политики «один ребенок в семье», объявленную еще в 1979 г. По самым приблизительным оценкам, данная ограничительная мера позволила «упредить» рождение около 400 млн человек. Новая семейно-демографическая политика «два ребенка в семье» начинает действовать с марта 2016 г., однако социологические опросы в КНР показывают, что за прошедшие тридцать лет уже сложилась социальная норма — иметь только одного ребенка [2; 3].

Тем не менее, ряд экономистов считает, что увеличение рождаемости необходимо, потому что оно будет способствовать дальнейшему экономическому росту страны, поскольку сегодня экономика КНР столкнулась с замедлением темпов развития.

Исследование управления государственной семейной политикой требует особого подхода, поскольку, во-первых, крайне сложным вопросом является разработка надежного и валидного инструментария; во-вторых, предполагаемый объект (семейная политика) — комплексное понятие, требующее комплексного сочетания объективных и субъективных показателей оценки своих результатов; в-третьих, само понятие «семейная политика» пока не имеет четкого и однозначного определения, что затрудняет подбор адекватных способов и средств его эмпирического «измерения»; в-четвертых, управление семейной политикой в современном обществе предполагает учет динамики изменений и в других сферах жизнедеятельности общества, поскольку они неизбежно оказывают воздействие на состояние и векторы развития института семьи.

С учетом всего изложенного социологическая оценка изменений, происходящих в развитии современной семьи в КНР, требует реализации комплексных исследований на основе сочетания объективных и субъективных показателей. К объективным показателям мы относим данные статистики, фиксирующие ситуацию «количественным» образом. Между тем этот анализ является неполным, поскольку не может дать общей картины состояния субъективного мира людей, участвующих в реализации государственной семейной политики, следовательно, только на основе количественных данных мы не можем говорить о полноценном социологическом анализе исследуемой проблемы. Вот почему социологическая оценка изменений в развитии института семьи в КНР как объекта семейной политики должна базироваться на сочетании объективных и субъективных показателей.

В нашем исследовании были использованы количественные и качественные методики опросного метода — массовый опрос и глубинное интервью. Они были выбраны как наиболее доступные (в условиях территориальной удаленности), с одной стороны, и как наиболее отвечающие целям и задачам исследования — с другой. Целевой группой в массовом опросе и в глубинных интервью выступила студенческая молодежь, обучающаяся в российских вузах и приехавшая из КНР (массовый опрос: N = 248; глубинные интервью: N = 36 в 7 групповых интервью).

Для массового опроса и глубинных интервью был использован метод «доступной выборки», где единицами отбора выступили единицы генеральной совокупности, доступные для опроса на территории Российской Федерации, и при этом основа выборки (объем и структура) неизвестна. Выбранная целевая группа имеет сформированное мнение по изучаемой проблеме ввиду непосредственной включенности в процесс регулирования семейной политикой жизни китайского населения, что исключает наличие несформированного «случайного» мнения.

Оценивая развитие семейной политики в КНР по объективным статистическим показателям, можно отметить, что изменения, происходящие в результате ее реализации, охватывают практически все сферы жизнедеятельности китайской семьи.

Демографическое направление семейной политики способствовало стабилизации процесса рождаемости и уменьшению размеров семьи, что в целом трансформировало ее базовую для китайского общества модель. Тенденция превыше-

ния мужским населением женского по численности создает предпосылки для сложностей во взаимоотношениях полов и для восполнению населения в перспективе (по имеющимся статистическим данным, в КНР количество мужчин сегодня превышает количество женщин на 30,7 млн. чел., т.е. на каждые 100 женщин приходится 106 мужчин [7]). Соответственно, это ведет к изменениям ролевых ожиданий и традиционных семейных ролей.

В своих высказываниях китайская студенческая молодежь также подчеркивала наличие данной тенденции. В частности, по мнению респондентов, трансформация доминантной модели семьи проявилась в изменении семейных нравов, распределения гендерных и поколенческих ролевых репертуаров в семье.

Девушки-студентки отмечали, что традиционная роль мужчины-добытчика в Китае сегодня уже не всегда актуальна (1):

«*Я бы могла отметить, что мужчины сегодня стали менее приспособленными к жизни. Мужчины уже после 18 лет должны сами зарабатывать, потому что это традиция в нашей стране*» (Цзинь Лин (жен.), 19 лет).

Девушки также отмечали, что женщина сегодня несет двойную функциональную нагрузку — и мужскую, и женскую, поскольку должна работать и зарабатывать, чтобы обеспечить семью:

«*...Женщине сегодня трудно. Если раньше она была более бесправной, не имела такого влияния в семье, что очень плохо, то сегодня у нее есть права, но у нее есть и дополнительная нагрузка. Чтобы хорошо жить, сегодня недостаточно работать только мужу. Жена тоже работает, но еще ведет домашнее хозяйство. Это перегружает женщину*» (Хе Я (жен.), 26 лет).

Респонденты-юноши выразили несколько иную точку зрения, хотя в целом были более неоднозначны в своих высказываниях, чем девушки. По мнению части китайских юношей, изменения в семье мало повлияли на отношения полов, и традиционные роли мужчины и женщины в семье сохранились:

«*...Хотя жена сегодня и работает, и имеет больше прав, чем раньше, все равно главным в семье остается муж*» (Ле Фу Веймин (муж.), 20 лет).

Другая часть китайских студентов полагает, что женщина сегодня взяла на себя часть мужских функций, как это произошло и в западной культуре.

По мнению опрошенных, очевидные изменения претерпели и отношения родителей и детей, и главными здесь стали трансформации в принципах воспитания — отношение к детям стало более бережным, но в результате подрастающее поколение входит во взрослую жизнь совершенно неподготовленным и неприспособленным к современным реалиям. В равной степени это обстоятельство подчеркивали как юноши, так и девушки:

«*Воспитание в семьях поменялось. В сельских семьях пока еще воспитывают детей на традициях, на труде, а в городе уже все по-другому. Часто родители "лелеют" своего ребенка, не думая о том, что ему придется потом сложно в жизни*» (Юй Ликин (жен.), 22 года).

Также респонденты полагают, что отношения между поколениями изменились в том, что сократился круг лиц, участвующих в воспитании и трансляции

подрастающему поколению жизненных ценностей: воспитанием занимаются, в основном, родители, а не бабушки-дедушки.

Резкий скачок в экономическом развитии Китая привел к пересмотру и социальных приоритетов руководства страны. За годы реформ (последние тридцать лет) КНР показала многократный рост ВВП [6], что позволило создать общемировой стереотип о «китайском экономическом чуде». Социально-экономическим и одновременно политическим вектором развития страны в последние годы стала ориентация на инновационность, в связи с чем заметно повысилась роль образования и знаний в экономике. КНР сегодня ориентирована на инновационные разработки и рост доли НИОКР в ВВП; удельный вес расходов на НИОКР в ВВП уже сегодня составляет более 1,5% [6].

В связи с данными тенденциями в экономическом развитии страны в последние годы государство стало более внимательно относиться к социальным вопросам, в частности к образованию и равноправию женщин, к социально ответственному регулированию трудовой сферы, созданию системы социального обеспечения, что способствовало и постепенным позитивным изменениям в семейной политике, в ее социально-экономической и правовой составляющих, что подтверждают и результаты нашего эмпирического исследования.

Как показали результаты массового опроса, большинство китайских студентов фиксируют улучшение социальной составляющей жизни китайской семьи в последние 10—15 лет: 85% уверены в том, что китайская семья стала «определенно более социально защищенной»; 4% отметили, что семья, «скорее всего стала более социально защищенной»; каждый десятый убежден, что все осталось без изменений. В то же время 93% уверены, что китайская семья стала более защищенной в правовом плане, 2% — согласились, что скорее всего это действительно так (5% затруднились ответить). Большинство респондентов полагает, что в последние годы происходят серьезные и позитивные изменения в социально-экономическом положении населения Китая в целом и каждой отдельной семьи в частности. Вполне можно говорить о повышении качества жизни среднестатистической китайской семьи — с этим согласны все студенты, принявших участие в глубинных интервью:

— И: *Как Вы считаете, что в последние годы меняется в социально-экономическом положении китайской семьи? Можно ли говорить о повышении качества жизни, уровня жизни средней китайской семьи?*

— Р: *Да, конечно, меняется уровень жизни, люди больше стали зарабатывать, появились новые социальные выплаты семьям. Меняется отношение к престарелым, у нас сейчас много организаций и добровольцев, которые помогают бедным, старикам, у которых нет детей и которым некому помочь. Это самая большая проблема, что старики остаются в одиночестве и некому помочь. Я сам, когда был на родине, состоял в такой организации, которая помогала бедным старикам. Сегодня Китай стал другим, наверное, более гуманным*» (Ле Фу Веймин (муж.), 20 лет).

Таким образом, результаты социально-экономической и правовой составляющих государственной семейной политики КНР оцениваются респондентами положительно. Большинство считает, что в последние годы уровень и качество

жизни населения в целом улучшилось, в том числе за счет повышения социальной заботы и расширения мер социальной защиты со стороны государства. Вместе с тем студенты убеждены, что все еще сохраняется спектр проблем социально-экономического плана, которые сдерживают социально-экономическое развитие КНР, — это прежде всего низкий уровень заработной платы и высокий уровень безработицы. Однако динамика уровня и качества жизни, наблюдаемая в стране в последние 10—20 лет, по оценкам студентов, позволяет сделать вывод о положительном тренде в социально-экономической сфере. В первую очередь, повышение качества жизни характерно для среднестатистической городской семьи, члены которой имеют высокий уровень образования и хорошо оплачиваемую работу. В меньшей степени это касается семей, где только один кормилец (работающий взрослый член семьи), а также среднестатистической сельской семьи, уровень жизни которой по-прежнему невысок:

«*В Китае традиционно не была развита социальная защита, как вы, наверное, знаете. Только в последние двадцать лет руководство страны стало принимать все новые законы, чтобы обеспечить семьи, которые нуждаются. Поэтому конечно, семьи стали жить получше, но много еще проблем сохраняется. ...Как вы знаете, низкие зарплаты у многих. Не все ведь имеют высшее образование и могут хорошо зарабатывать. Много населения, особенно в деревнях, получают очень мало, живут в нужде. Я думаю, это самая большая сегодня проблема для Китая*» (Ванг Зиан (муж.), 24 года).

Нормативно-правовые аспекты государственной семейной политики КНР способствовали расширению прав отдельных категорий семей и их членов. Так, согласно результатам анализа документальных источников (законодательной базы КНР), с целью защиты прав отдельных категорий населения в последние тридцать лет был принят целый ряд законов и постановлений: Закон КНР «О браке» (1980; с изменениями и дополнениями от 2001 г.); Закон КНР «Об усыновлении» (1991), Закон о социальном обеспечении инвалидов (Закон КНР о защите инвалидов) (1990), Постановление ЦК КПК и Государственного совета о быстрейшем решении проблемы недоедания и отсутствия тепла в домах беднейших слоев населения деревень (1996), Постановление ЦК КПК и Госсовета о проведении систематической работы по сокращению и облегчению бремени крестьян (1996), Постановление Госсовета о создании единой системы страхования престарелых служащих и рабочих предприятий (1997) и др. [2].

По мнению опрошенных студентов, правовой аспект (разработка и принятие законов, защищающих права семьи) крайне важен для семейной политики и успешно развивается в последние годы — это подчеркнул каждый третий респондент, принявший участие в массовом опросе. Особенно расширение своих прав и их защиту почувствовали женщины:

«*В Китае принято много законов, улучшающих права семей и женщин. Сегодня женщина уже не является такой бесправной, как было много лет назад. В 1980 году был принят новый закон о браке, в который были внесены изменения в 2001 году. Этот новый закон облегчил положение семейных женщин, закрепил их имущественные права и статус*» (Люй Гэ Мей (жен.), 21 год).

Духовно-нравственные аспекты государственной семейной политики КНР ориентированы, в первую очередь, на закрепление статуса семьи в обществе, обеспечение выполнения ею своей воспитательной роли и пропаганду семейных ценностей среди различных групп населения. Эти задачи решаются посредством воздействия на массовое сознание по различным каналам: через систему образования, средства массовой информации, организации, оказывающие социальную поддержку семье и отдельным ее членам. Духовно-нравственное содержание — та часть семейной политики КНР, которая оценивается студентами наиболее положительно в ответах на вопрос о роли и значении идеологии в семейном воспитании подрастающего поколения.

По мнению опрошенных, современная государственная идеология КНР базируется на таких ценностях, как *«дружба», «мир», «национальное влияние на мировые процессы», «патриотизм»*. Респонденты считают, что данная идеология оказывает влияние на развитие китайских семей, что проявляется в формировании патриотических ценностей у детей и в сплочении семей:

«*Я думаю, что наша идеология — это мир и дружба между народами. Наша страна всегда стремится к миру. Это воспитывается у детей, в семьях, в школах. Каждый ребенок в школе знает, что главное — быть патриотом и приносить пользу своей стране, чтобы люди гордились тобой*» (Ле Фу Веймин (муж.), 20 лет);

«*Быть честным и приносить пользу своему народу — вот идеология нашего государства*» (Ли Канг (муж.), 23 года).

Таким образом, по мнению студентов, существует тесная связь между идеологией страны и семейным воспитанием.

В целом по результатам проведенного опроса можно заключить, что китайские студенты видят изменения не только в социально-экономическом статусе среднестатистической китайской семьи и сокращении разрыва в уровне жизни городской и сельской семей, но и в системе семейных ценностей. Так, более 90% опрошенных отметили, что семейные ценности в последние 15—20 лет претерпели изменения, однако студенты не смогли четко определить векторы и результаты их трансформации, т.е. эти изменения имеют неявно выраженный дискурсивный характер и скорее проявляются в поведении и семейных установках населения.

По мнению опрошенных, изменения в системе семейных ценностей коснулись прежде всего гендерных и поколенческих взаимоотношений. Так, студенты отметили, что в семьях стали гораздо больше внимания уделять образованию (89%), а члены семей стали более четко понимать своих права и возможности (79%); 62% утверждают, что в китайских семьях стали больше внимания уделять воспитанию детей в духе гражданственности и патриотизма, 46% зафиксировали утрату семейными традициями своих прежних доминантных позиций.

Комплексный анализ изменений в институте семьи в КНР как объекте государственной семейной политики показал, что таковые весьма существенны и носят устойчивый характер. Государственная семейная политика последних десятилетий привела к росту благосостояния среднестатистической китайской семьи и соци-

альной поддержке ее членов, обеспечила правовую защиту и расширение прав отдельных категорий семей и категорий граждан (женщин, детей, престарелых, инвалидов), создала предпосылки для идеологического воспитания подрастающих поколений в духе патриотизма. Вместе с тем потенциал реализуемой в Китае государственной семейной политики не исчерпан, поскольку имеется и ряд нерешенных до сих пор задач и проблем, которые касаются уровня жизни и трудовой занятости членов семей, все еще значительных различий в уровне жизни городской и сельской семей, сохранения стереотипного восприятия прав и возможностей женщины и мужчины, что мешает развитию института семьи в современном Китае.

Социологическая оценка изменений института семьи в КНР должна иметь комплексный характер: сочетание объективных показателей (данных статистики) и субъективных (оценок и мнений молодых поколений) позволяет корректно идентифицировать условия и предпосылки для повышения эффективности государственной семейной политики КНР. Обследованная группа (студенческая молодежь) выступает оптимальной целевой группой для социологической оценки результатов и проблемных мест государственной семейной политикой в КНР, поскольку таковая ориентирована на формирование устойчивых ценностных ориентаций и поведенческих установок именно молодых поколений в семейно-демографической сфере.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Здесь и далее по тексту курсивом выделены высказывания респондентов; в транскрипты авторы статьи внесли лишь незначительные изменения, необходимость которых обусловлена некорректной стилистикой оригинальных высказываний.

ЛИТЕРАТУРА

[1] *Голенкова З.Т., Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Ценностные приоритеты студенческой молодежи России и Китайской Народной Республики // Социальная структура общества: КНР — РФ, сравнительный анализ. Пекин, 2011 (на кит. яз.).

[2] Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. М., 2001.

[3] *Троцук И.В.* Ценностные приоритеты китайской молодежи: общая характеристика и оценка влияния семейно-демографической политики КНР // Россия — Тюмень: векторы евразийского развития / Под ред. В.К. Левашова, Н.Г. Хайруллиной. Тюмень, 2015.

[4] *Троцук И.В., Скрынникова М.П., Цзи Цзиньфэн.* Приоритеты китайской молодежи в профессиональной сфере и положение молодых специалистов на рынке труда КНР // Теория и практика общественного развития. 2014. № 12.

[5] China two-child policy not valid until March, government says: BBC NEWS, 2 November 2015 // URL: http://www. bbc.com/news/world-asia-china-34697016.

[6] National Data: National Bureau of Statistic of China // URL: http://data.stats.gov.cn/english/publish.htm?sort=1.

[7] Statistical Communiqué of the People's Republic of China on the 2013 National Economic and Social Development // URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201402/t20140224_515103.html.

SOCIOLOGICAL ASSESSMENT OF THE CHANGES IN THE DEVELOPMENT OF FAMILY INSTITUTION IN CHINA AS AN OBJECT OF STATE POLICY

T.R. Minyazhev, Wei Zhochzhu

Theoretical and Special Sociology Chair
Moscow State Pedagogical University
Vernadskogo prosp., 88, Moscow, Russia, 119571

The article identifies the potential of the sociological assessment as a means of management and evaluation of the state family policy results on the example of the People's Republic of China (hereinafter — China). The authors conducted a comprehensive analysis of the changes occurring in the development of the family institution in China on the basis of objective and subjective indicators, which can be considered a testing of the research methodology for the state family policy as a sustainable institutional phenomenon in the contemporary densely populated countries, which still lacks scientific studies at both theoretical and empirical levels. Based on their own research tool the authors schematically reconstruct the empirically confirmed results and consequences of the state family policy in China and its impact on the transformation of the Chinese family as a social institution. The results of the empirical study confirm the obviously positive changes in the Chinese family under the implemented family policy and at the same time reveal some negative aspects of the state family and demographic policy, which point to the underestimation of the state family policy potential. The authors want to show this potential on the basis of their empirical data, and claim that management of the state family policy should use sociological assessment tools to improve its social efficiency.

Key words: sociological assessment; state family policy; family social institution; social changes; People's Republic of China; management of family policy; social efficiency.

REFERENCES

[1] *Golenkova Z.T., Narbut N.P., Trotsuk I.V.* Tsennostnye prioritety studencheskoj molodezhi Rossii i Kitajskoj Narodnoj Respubliki [Value priorities of the student youth of Russia and PRC]. *Social'naja struktura obschestva: KNR — RF, sravnitel'nyj analiz.* Pekin, 2011 (na kit. jaz.).

[2] Kitajskaja Narodnaja Respublika: politika, ekonomika, kul'tura [People's Republic of China: Politics, economics, culture]. M., 2001.

[3] *Trotsuk I.V.* Tsennostnye prioritety kitajskoj molodezhi: obschaja harakteristika i otsenka vlijanija semejno-demograficheskoj politiki KNR [Value priorities of the Chinese youth: General features and the impact of the family and demographic policy of the PRC]. *Rossija — Tjumen': vektory evrazijskogo razvitija.* Ed. V.K. Levashova, N.G. Hajrullinoj. Tjumen', 2015.

[4] *Trotsuk I.V., Skrynnikova M.P., Ji Jinfeng.* Prioritety kitajskoj molodezhi v professional'noj sfere i polozhenie molodyh specialistov na rynke truda KNR [Chinese youth priorities in the professional field and the position of young professionals in China labor market]. *Teorija i praktika obschestvennogo razvitija.* 2014. No. 12.

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ В МИРОВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ КОНФЕССИЯХ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РОССИЙСКУЮ СЕМЬЮ

Е.О. Тарасова

Кафедра социологии и политологии
Пермский национальный исследовательский политехнический университет
Комсомольский просп., 29, Пермь, Россия, 614990

Ценность семьи рассматривается в статье с позиций традиционных религиозных конфессий и необходимости учитывать не только культурно-образующие факторы, действующие внутри страны, но и внешние ценностные воздействия, которые оказывают влияние на формирование менталитета населения. С точки зрения автора проблемы, актуальные для семьи в современной Европе, отчасти характерны или будут таковыми в России в ближайшее время. Однако благодаря особенностям культуры и религиозной истории России, сформировавшим особую ментальность, не все ценности Запада становятся частью культуры нашей страны, в частности отношение к семье, браку, супружеские взаимоотношения. В статье рассматривается характер влияния как европейских, так и восточных культур на семейные ценности, российскую семью и перспективы ее существования. Автор проводит сравнительный анализ тенденций в отношении к семье и семейным ценностям в основных религиозных конфессиях, представленных в России и в странах, граничащих с ней. В статье также приводятся результаты социологических исследований структуры ценностей у современной российской молодежи, в том числе и собственного исследования автора в Пермском крае в 2014 г. Автором предпринята попытка проанализировать влияние религиозных воззрений на ценностные ориентиры современного общества, культуру страны и отчасти спрогнозировать его в будущем.

Ключевые слова: семья; религия; семейные ценности; иерархия ценностей; кризис семьи; европейские ценности; религиозные ценности; российская семья.

Ни одно общество нельзя рассматривать вне религиозного контекста, даже если в настоящее время оно признано в большей степени атеистическим (к примеру, Китай или Вьетнам), так как религия на всех этапах становления цивилизации являлась ценностно-образующим фактором развития общества. Вне религии сложно представить культуру какого-либо государства, так как она проникала во все сферы жизни человека, а в особенности в сферу личного, индивидуального, внутреннего мира человека. Религия затрагивает самое сокровенное — человеческую душу, не способную существовать без любви (будь то любовь к Богу, к природе, к другому человеку или к себе). И самое глубокое принятие ценностей происходит в процессе воспитания личности внутри семьи.

Российское государство на протяжении всей своей истории претерпевало немало коллизий и испытывало множество внешних вторжений: будь это прямые вторжения (во время войн), миграционные перемещения (которые через межличностные взаимодействия способны влиять на формирование культуры в целом), информационные воздействия на сознание людей (пропаганда различных ценностей, зачастую враждебных национальной культуре страны, через средства массовой информации). И все эти «культурные интервенции» не прошли бесследно. Россия, как и большинство стран Европы, сегодня испытывает на себе последствия трансформации ценностей, особенно остро коснувшейся семьи.

Россия имеет особенное географическое положение, находясь на стыке Европы и Азии. Подвержена влиянию различных, отчасти противоположных культур, она представляет собой уникальное культурное пространство. Однако из-за непропорциональной заселенности страны и большей промышленной развитости именно европейской части России, влияние ближайших именно западных стран выражено сильнее.

Мы упоминали о том, что именно религия играет одну из определяющих ролей в формировании культуры государства. Поэтому обратимся к карте России и граничащих с ней государств, остановив внимание именно на их конфессиональной принадлежности, чтобы понять, какие страны и их религиозные конфессии могли привнести свой вклад в формирование культуры страны (табл. 1).

Таблица 1

Религиозный состав России и соседних государств (или стран, с повышенной иммиграцией в Россию) (1)

Страна	Основная конфессия	Численность	Вторая конфессия	Численность	Другие конфессии
Россия	Христианство (православие)	67% (86% по другим данным) [4. С. 7]	Ислам	6% (8% по другим данным) [4. С. 7]	Буддизм (Бурятия, Калмыкия, Тува), иудаизм и др.
Китай	Атеизм	90%	Конфуцианство, даосизм, буддизм, христианство (протестантизм и католицизм; православие — де-юре не существует)	3—4%	Ислам и др.
Монголия	Буддизм (ламаизм)	90%	Христианство	6%	Ислам
Казахстан	Ислам	47%	Христианство (православие)	44%	Протестантизм, буддизм и т.д.
Кыргызстан	Ислам (сунниты) (2)	47%	Христианство (православие)	44%	Протестантизм, Католицизм и др.
Таджикистан	Ислам (сунниты)	85%	Ислам (шииты)	5%	Православие и др.
Афганистан	Ислам (сунниты)	80%	Ислам (шииты)	19%	Иудаизм, сикхизм, буддизм и т.д.
Узбекистан	Ислам (сунниты)	88%	Христианство (православие)	9%	Иудаизм и и. д.
Туркменистан	Ислам (сунниты)	89%	Христианство	9%	
Азербайджан	Ислам (шииты и сунниты)	93,4%	Христианство (православие)	2,5%	Христиане Армянской апостольской церкви и др.
Армения	Христиане Армянской апостольской церкви	94%	Христианство (католицизм)	4%	Ислам и др.
Грузия	Христианство (православие)	83,9% (75% по другим данным) [9. С.1]	Ислам	9,9% (11% по другим данным) [9. С.1]	Христиане Армянской апостольской церкви католицизм и др.
Турция	Ислам (в основном сунниты)	99,8%	Христианство	0,1%	Иудаизм и др.
Украина	Христианство (православие)	84%	Христианство (католицизм)	10%	Протестантизм, иудаизм и др.

Окончание таблицы 1

Страна	Основная конфессия	Численность	Вторая конфессия	Численность	Другие конфессии
Белоруссия	Христианство (православие)	80%	Христианство (католицизм)	10%	Протестантизм и др.
Молдавия	Христианство (православие)	93,3%	Иудаизм	1,5%	Протестантизм, католицизм и др.
Румыния	Христианство (православие)	86,8%	Христианство (протестантизм и католицизм)	11%	Ислам и др.
Болгария	Христианство (православие)	84%	Ислам	2%	Католицизм, протестантизм и др.
Албания	Ислам	63%	Христианство (православие)	20%	Католицизм и др.
Венгрия	Христианство (католицизм)	67,5%	Христианство (протестантизм)	25%	Атеизм и пр.
Чехия	Атеизм	40%	Христианство (католицизм)	30%	Протестантизм, православие и др.
Словакия	Христианство (католицизм)	69%	Христианство (протестантизм)	11%	Православие и др.
Германия	Христианство (католицизм)	33%	Христианство (протестантизм)	32%	Православие и др.
Польша	Христианство (католицизм)	89%	Христианство (православие)	1,3%	Протестантизм и др.
Литва	Христианство (католицизм)	79%	Христианство (православие)	4%	Протестантизм и др.
Латвия	Христианство (протестантизм)	55%	Христианство (католицизм)	24%	Православие
Эстония	Христианство (протестантизм)	70%	Христианство (православие)	20%	Католицизм и др.
Финляндия	Христианство (протестантизм)	82%	Христианство (православие)	1,1%	Католицизм и др.

Основная конфессия внутри России — православие. Многие страны бывшего СССР являются также православными (Белоруссия, Украина, Молдавия, Грузия, Армения), а также некоторые из стран бывшего «социалистического лагеря» (Болгария, Румыния). Ислам — вторая религия России — распространен в семи регионах страны: в Ингушетии, Чечне, Дагестане, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Башкортостане и Татарстане. Ислам также исповедуют народы большинства стран бывшего СССР: Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Из бывших стран социалистической ориентации ислам исповедуют в Албании. Третья по распространенности религия России — буддизм. Основная зона распространения буддизма — это Республики Бурятия, Тыва и Калмыкия, также буддизм исповедуют в Забайкальском крае и Иркутской области. Четвертой религией России следует считать иудаизм.

За время существования Советского Союза, несмотря на официальный запрет на религиозность, так или иначе Россия подвергалась влиянию европейских культур и ценностей католических стран, входивших в социалистический лагерь (Польша, Германия, Венгрия, Словакия) и республик СССР (Литва), и в меньшей степени — влиянию протестантских республик (Латвия, Эстония, Германия).

На сегодняшний день Китайская Народная Республика является влиятельным игроком в мировом экономическом и политическом пространстве, и, учитывая

благоприятные отношения с Россией, имеет смысл обратить внимание также и на культуру этой страны. Несмотря на современную атеистичность Китая, ценности, формировавшиеся на протяжении многих столетий, не избежали влияния традиций конфуцианства.

Как мы уже упоминали, территория России заселена крайне неравномерно: 78% жителей страны проживают в европейской части и культурно в большей или меньшей мере тяготеет к европейской культуре. Потому, говоря о культурном влиянии, стоит, в первую очередь, упомянуть страны Запада, которые принадлежат к христианским конфессиям. Большая часть европейских стран исповедует католицизм, однако сила влияния культуры зависит и от экономической развитости стран и, что еще важнее, от влиятельности этих стран на политической арене. Германия и Великобритания экономически и политически наиболее авторитетные государства Европы, основное вероисповедание в этих странах — протестантизм (3). Если расширить географию анализа, то одна из самых авторитетных стран мира — США — исповедует также протестантизм. А влияние США на культуру нашей страны неоспоримо, стоит хотя бы вспомнить 90-е гг.

Таким образом, культура России, взаимодействующая с европейской, испытывает влияние протестантских ценностей. Проведя сравнительный анализ христианских религий, мы пришли к выводу, что католицизм и православие имеют множество сходных черт в основных принципах вероучения. Обе религии имеют сложный ряд таинств и обрядов и правил служения Богу. И православие, и католицизм поддерживают иерархичность семьи, первостепенность роли отца, четко разделяют гендерные функции, подчеркивают женственность образа жены и матери в семье, не допуская равноправия. Кардинальное отличие в этих религиях в роли женщины: в православии женщина, в первую очередь, мать, в католицизме — супруга. Протестантизм отвергает большую часть религиозных канонов католицизма и православия, ставя почти на одну ступень человека и Бога, а также женщину и мужчину. Протестантизм — это религия свободного выбора своего жизненного пути, отрицания гендерных стереотипов, четкой семейной иерархии и женского подчинения.

Обозначим основные изменения в европейской семье, проявившиеся в последнее десятилетие. По мнению большинства исследователей семьи, Европа претерпевает второй демографический переход, который характеризуется девальвацией традиционной формы семьи, возникающей на основании заключения брака. Также все большее одобрение получают мнения, что для развития ребенка необязательно наличие обоих родителей, а женщина, если она этого желает, вполне может растить ребенка одна [7. С. 72].

Перемены, происходящие с семьей во второй половине XX в., рельефно обрисовал американский специалист в области социологии семьи Рубен Хилл: «С утратой семьей своей функции как экономической производящей единицы и включением молодых людей в сложную внесемейную профессиональную структуру молодая семья получает не только жилищную и профессиональную автономию, но также и автономию в своих решениях в сфере воспроизводства» [2. С. 83]. И сегодня мы видим последствия этой автономии.

Однако, несмотря на структурные изменения в семье, сама семья как ценность не утратила своих позиций, она лишь перешла в другие формы (браки без официальной регистрации, конкубинаты и т.д.). По результатам исследования европейских ценностей, проводимого в 1990 и 1999 г., семья остается на первом месте в иерархии жизненных ценностей. Наше исследование, проведенное весной 2014 г., также подтвердило значимость семьи для современной молодежи (табл. 2), причем для женщин, как и ожидалось, она имеет большую ценность.

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие ценности для Вас наиболее важны?» (в % от числа ответивших по гендерным группам) (4)

Ценности	Мужчины	Женщины
Интересная работа	33,9	40,8
Семья	69,8	79,8
Здоровье	58,2	65,4
Материальное благополучие	57,5	58,7
Общественное признание	5,9	5
Личная свобода	27,5	24
Порядок, законность	5,2	2,6
Другое	11,3	7

Исследование московских студентов показало сходные результаты.

Интерес представляют различия в иерархии ценностей у российских студентов и студентов Берлина. У немецкой молодежи семья стоит на четвертом месте в иерархии ценностей. Для московских студентов особенно важными являются семья (97%), друзья (93%), образование (92%), свободное время (92%) и работа (88%), а для берлинских студентов — друзья (98%), свободное время (92%), работа и образование (по 87%), семья (85%) [3. С. 89].

Распространенность нетрадиционных форм брака — один из основных показателей кризисности европейской семьи.

В мнениях относительно различных форм брака в Европе существует две полярные позиции. Первая позиция — это поддержка традиционного брака: к ней больше склоняются женщины и верующие, которые признают, что религия играет важную роль в их жизни. Второй точки зрения (поддержка нерегистрируемых браков) придерживаются чаще всего молодые, холостые, разведенные и не имеющие детей респонденты [7. С. 72].

Согласно нашему исследованию, более трети опрошенных считают брак без регистрации нормальным и только пятая часть респондентов скорее одобряет подобные формы брака (табл. 3).

В европейских странах традиционная семья (с официально зарегистрированным браком и детьми) отходит все дальше в прошлое. Более 60% европейцев ожидают, что семейные пары будут проживать без юридического оформления отношений [7. С. 72]. Россия тоже подвержена такому риску: прогнозируется, что к 2030 г. почти половина российских пар станет жить вместе, не регистрируя брак [10. С. 61].

Таблица 3

Отношение молодежи Пермского края к нетрадиционным формам брака (в % от числа ответивших) (4)

Отношение	Браки без регистрации	Полигамия	Повторные браки	Неполные семьи	Однополые браки	Браки, где жена старше мужа более чем на 10 лет	Браки, где муж старше жены более чем на 10 лет	Браки с раздельным проживанием
Категорически не приемлю	7,9	76,8	6,3	24,4	75,3	18,2	8,1	53,9
Скорее не одобряю	35,8	15,7	33,8	55,8	15,9	42,8	23,9	38,8
Скорее одобряю	18,4	4,5	36,5	10,4	3,7	23,8	42,5	4,7
Считаю это нормальным	37,9	3	23,5	9,4	5,1	15,3	25,5	2,6

Говоря об остальных формах брака, стоит также отметить, что многие формы брака, воспринимаемые европейцами относительно лояльно, российской молодежью по-прежнему категорически не принимаются. По крайней мере, мы можем судить об этом по российским студентам. По результатам нашего исследования, молодежь выражает категорическое неприятие полигамии и однополых браков, также не одобряются молодежью браки с раздельным проживанием и браки, в которых жена старше мужа более чем на 10 лет. Однако более толерантное отношение у респондентов к бракам, где мужчина старше женщины на 10 лет, и к повторным бракам (см. табл. 3).

Структура семейных ценностей условно разделила страны Европы на три группы. В первой группе преобладает «дух постмодернизма» со всеми проявлениями второго демографического перехода. К ней относятся в большей степени протестантские страны Скандинавии, Великобритания, а также Голландия. Во второй группе стран доминирует консервативный взгляд на семью, связанный с глубокими религиозными традициями католицизма. К этой группе можно отнести такие страны, как Мальта, Италия, Польша, Словакия и др. Страны третьей группы не отличаются крайними оценками перемен в семейной жизни. К ней можно отнести некоторые страны Средней и Восточной Европы, а также балканские страны. К этой группе относится также и Россия [7. С. 72].

Рассуждая далее о религиозных факторах формирования культуры России, перейдем ко второй по распространенности в России религии — исламу. Ислам привносит в российскую и в целом в европейскую культуру свои традиции. Ислам попадает в Европу и Россию в большей степени с потоками миграции (казахи, таджики, узбеки, азербайджанцы в России или турки, арабы, жители африканских государств в Европе) (5). Ведь и Россия и Европа нуждаются в рабочей силе и сами открывают перед мусульманами двери. При этом Европа до недавнего времени пыталась интегрировать мусульман в свою культуру и смягчить ислам, превратив его в так называемый «евроислам» [8. С. 202]. Однако события последних лет заставляют усомниться в реальности такой интеграции. За 2015 г. поток мигрантов в Европе увеличился более чем в три раза по сравнению с прошлыми годами.

Она стала центром локации мусульман из воюющих стран: Сирии, Ливии, африканских государств и т.д. И нередко ислам переходит в агрессивные формы, не желая принимать традиции гостеприимной Европы. Как это в будущем (не слишком далеком) отразится на культуре принимающих стран, пока остается открытым вопросом. Однако прогнозировать плачевность ситуации не столь уж сложно.

Если же вернуться на несколько лет назад, то здесь стоит упомянуть, что мусульмане, которые уже на протяжении многих лет составляют миграционные потоки в Россию и Европу, частично все-таки ассимилировались с новой для них культурной и социальной средой. К примеру, исследование С.Р. Касымовой, которая изучала браки в Таджикистане, подтверждает, что в стране, в которой 90% верующих — мусульмане, несмотря на ее патриархальность, с каждым годом все больше нарастает развитие индивидуалистического сознания, распространенного в западной культуре, проявляющееся в новых практиках и стратегиях в приватной сфере. Свободный личный выбор (в выборе супруга, профессии и т.д.) активно противостоит диктату традиционной семьи и государства. Все больше принимается ценность индивида, будь то женщина или мужчина [5. С. 147—148].

Говоря о российском исламе, который исторически существовал в некоторых регионах России, стоит сказать, что анализ ценностных ориентаций учащихся мусульманских учебных заведений не выявил заметных расхождений с определяющими жизненными ценностями российской молодежи в целом, несмотря на различие религиозных принципов в исламе и православии. Основные ценности молодых мусульман: семья (от 70 до 89%), друзья (49—82%), здоровье (48—78%), интересная работа (29—55%). В меньшей степени мусульманскую молодежь привлекают карьера (4%), полезные знакомства (6%), самореализация (6,5%), личная свобода, а также труд и работа по призванию (обе позиции набрали по 7%) [1. С.127]. Таким образом, духовные ценности имеют больший приоритет у российских мусульман, чем мотивация к престижу и социальным достижениям, ценности личной свободы и самореализации, характерные для современного демократического общества.

Как мы видим, ислам, сохраняя строгое соблюдение традиций в регионах и странах своего влияния, выходя за пределы мусульманских районов, смягчает свою религиозность, частично перенимая ценности окружающей среды, сохраняя свою религиозно-культурную идентичность на уровне личности. К слову, этот тезис применим к России лишь на сегодняшний день. Мусульманское население в Европе с каждым годом все больше возрастает, что касается семьи, то благодаря высокой рождаемости и силе традиций, мощь мусульманских стран и их влияние на культуры мира будет также нарастать.

Третья религия России — буддизм — распространена незначительно. Стоит отметить, что в современном мире, уставшем от собственного гедонизма, идеи буддизма достаточно популярны. Такие книги быстро становятся бестселлерами, так как находят отклик среди людей, которым не хватает ценностной наполненности и осмысленности жизни в мире, где женщины и мужчины гоняются за успехом и потреблением, все меньше оставляя себе место для полноценной жизни

со всеми проявлениями эмоций, чувств и возможностями для размышлений. Все чаще можно встретить людей, отправившихся в тур по Индии, на Бали и другие азиатские страны с целью так называемого «поиска себя, смысла, обретения гармонии» и т.д. Таким образом, люди ищут жизненной мудрости и постижения истинных ценностей. Если эти религиозные учения будут распространяться и далее, возможно, мир вернется к своим истокам, к своей семье, где всегда найдется место для тепла, гармонии и любви.

Иудаизм распространен в узких кругах евреев России и мира. Он вряд ли способен сыграть серьезную роль в культурах стран за пределами Израиля. Однако выходы из иудаистских семей — это зачастую целеустремленные личности, уверенные в себе, объективно оценивающие уровень своих способностей и талантов. Эти качества активно формируются и поддерживаются в еврейских семьях, что придает этой нации силу и влияние на уровне конкретных личностей.

Конфуцианство распространено в Китае и мало проникает в российскую среду. Оно формирует сплоченность, трудолюбие, устремленность в будущее азиатских стран, которые с годами только растут и процветают. «Конфуцианство устанавливает примат семейных ценностей над государственными. Нельзя построить прочное государство, если лишить человека сферы, где его отношения устроены на любви. Любовь в конфуцианстве — своеобразная: воспитывалась в первую очередь любовь к отцу, а потом уже к другим родным. Конфуцианство создало общество, основанное на человеческих отношениях в большой семье, на преемственности, передаче ценностей от отца к сыну. Это — устойчивое общество» [8. С. 206].

Быстрое развитие Китая и нарастающее увеличение его влияния на мировой арене неоспоримо на сегодняшний день. Экономика страны и семейные традиции конфуцианства плотно переплетаются и находятся в прямой зависимости друг от друга.

Итак, как мы видим, российская культура в части ценностей, в том числе семьи, отчасти ориентирована на Запад. Перенимая современные тенденции из Европы, она сталкивается с теми же проблемами, которые привели Европу к кризису семьи. По прогнозу Г.С. Померанца, «в ближайшие 40—50 лет, когда в Европе будет катастрофически падать рождаемость, будет расти мощь Китая. Культуры индийского или китайского типа, основанного на симбиозе конфуцианства с буддизмом, способны ужиться с европейскими культурами и создать пространство мультикультурности. Вероятно, было бы разумной политикой со стороны самой Европы принимать у себя китайскую и индийскую иммиграцию (языковый барьер вполне возможно преодолеть)» [8. С. 209—210].

«Одним из путей выхода из нынешнего мирового кризиса мог бы стать межконфессиональный диалог», необходимым условием которого является признание, что «глубина» каждой религии ближе к «глубине» другой великой религии, чем к собственной «поверхности» [8. С. 208].

Таковы прогнозы для Европы. Говоря о России, можно упомянуть высказывание В.Н. Лексина : «К концу нашего века русское население России будут пре-

имущественно составлять люди, рожденные и выросшие в православных семьях. Именно русское, поскольку параметры рождаемости в мусульманских семьях намного выше, и прогнозы мусульманизации России основаны не на тотальном межэтническом распространении ислама, а на резком сокращении интереса к деторождению (да и к созданию семьи) в немусульманской части населения страны» [6. С. 38].

Возможно, для решения этих проблем стоит усилить религиозное образование в России. Причем «религиозное образование и воспитание означает не только и не столько передачу знаний, сколько формирование конфессиональных чувств, становление личности с соответствующим мировоззрением, ценностными ориентациями [1. С. 127]. Таким образом, следование православным ценностям, снижение влияния западной культуры и заимствование культурных и семейных ценностей Востока позволят сохранить российской семье свою самобытность и избежать кризиса.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Выбор стран осуществлялся по следующим критериям: близость к России (общие границы), активные экономические взаимодействия с Россией, высокие потоки иммиграции, страны бывшего Социалистического лагеря и СССР.

(2) Разделение мусульман на суннитов и шиитов возникло в результате этноконфессиональных противоречий. Приверженцы суннизма составляют большинство мусульман. Шиизм распространен в основном в Иране, Ираке, Азербайджане и Бахрейне. Различия в этих течениях скорее относятся к вопросам правоприменения и власти. В догматике ислама они в основном едины. Поэтому далее мы будем говорить об исламе в целом.

(3) В Великобритании основное вероучение — англиканство. Однако по мнению некоторых исследователей, оно является одной из форм протестантизма (Козыренко Л.В. Англиканская церковь как конфессиональный феномен. Дисс. на соиск. уч. ст. кандидата философ. наук. Москва, 2006).

(4) Исследование проведено в мае—июне 2014 г. N = 1061. Целевая аудитория: студенты вузов г. Перми и Пермского края.

(5) Речь идет именно о внешних для страны представителях ислама, которые вместе с религией привносят культурные традиции своих стран, формировавшиеся столетиями по мусульманским канонам.

ЛИТЕРАТУРА

[1] *Гарипов Я.З., Нурулина Р.В.* Мусульманская молодежь Татарстана: конфессиональная социализация и ценностные ориентации // Социологические исследования. 2011. № 8. С. 123—131.

[2] *Голод С.И.* Прокреация, плюральность эротического ландшафта: история и современное состояние // Социологические исследования. 2008. № 12. С. 82—90.

[3] *Гришенкова Е.В.* Национальный менталитет русских и немцев (сравнительный анализ на примере студенческой молодежи Москвы и Берлина) // Мониторинг общественного мнения. 2014. № 5. С. 85—97.

[4] Демография / Под ред. В.Е. Глушковой. М., 2004.

[5] *Касымова С.Р.* Расширяя границы: межэтнические и межконфессиональные браки в постсоветском Таджикистане (на примере браков Таджикских женщин с иностранцами) // Laboratorium. 2010. № 3. С. 126—149.

[6] *Лексин В.Н.* Идеологические основы упадка современного института семьи // Общественные науки и современность. 2011. № 2. С. 29—42.
[7] *Митрикас А.А.* Семья как ценность: состояние и перспективы ценностного выбора в странах Европы // Социологические исследования. 2004. № 5. С. 65—73.
[8] *Померанц Г.С.* Мусульмане в неисламских странах // Полития. 2007. № 4. С. 201—211.
[9] Религиозный состав населения стран мира // URL: http://geospravka.ru/index.php/references_in_geography. html.
[10] *Соколов А.В., Салазкин М.Г.* Европа и Россия: образы будущего // Форсайт. 2009. № 1. С. 58—68.

FAMILY VALUES IN THE WORLD RELIGIOUS CONFESSIONS AND THEIR INFLUENCE ON THE RUSSIAN FAMILY

E.O. Tarasova

Sociology and Political Science Chair
Perm National Research Polytechnic University
Komsomolskiy prosp., 29, Perm, Russia, 614990

The article considers family values from the standpoint of traditional religious confessions, the cultural-forming factors within the country, and the external values' influence that affect the population worldview. The author believes that the problems relevant to the contemporary European family are partly typical for the Russian family or will become such in the near future. However, due to the peculiarities of culture and religious history of Russia, which formed a specific type of general worldview, not all Western values become an essential part of Russian culture, in particular those related to the family, marriage, and marital relations. The article considers the nature of the influence of both European and Oriental cultures on the Russian family values and the prospects for their future. The author conducts a comparative analysis of the trends in the perception of the family and family values in the main religious confessions present in Russia and in the neighboring countries. The article also presents the results of the sociological studies of the Russian youth structure of values, including the author's research in the Perm region in 2014. The article presents an attempt to analyze the influence of religious beliefs on the value orientations of the contemporary society and the culture, and to predict their future.

Key words: family; religion; family values; hierarchy of values; family crisis; European values; religious values; Russian family.

REFERENCES

[1] *Garipov Y.Z., Nurulina R.V.* Musul'manskaya molodezh' Tatarstana: konfessional'naya sotsializatsiya i tsennostnye orientatsii [Tatarstan Muslim youth: Confessional socialization and value orientations]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2011. № 8. S. 123—131.
[2] *Golod S.I.* Prokreatsiya, plyural'nost' eroticheskogo landshafta: istoriya i sovremennoe sostoyanie [Procreation, and plural erotic landscape: History and current status]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2008. № 12. S. 82—90.
[3] *Grishenkova E.V.* Natsional'nyy mentalitet russkikh i nemtsev (sravnitel'nyy analiz na primere studencheskoy molodezhi Moskvy i Berlina) [National mentality of the Russians and Germans (comparative analysis on the example of students of Moscow and Berlin)]. *Monitoring obschestvennogo mneniya*. 2014. № 5. S. 85—97.

[4] Demografiya. Ed. V.E. Glushkovoy]. M., 2004.
[5] *Kasymova S.R.* Rasshiryaya granitsy: mezhetnicheskie i mezhkonfessional'nye braki v post-sovetskom Tadzhikistane (na primere brakov Tadzhikskikh zhenschin s inostrantsami) [Expanding the boundaries: Ethnic and inter-religious marriages in post-Soviet Tajikistan (on the example of marriages of Tajik women with foreigners)]. *Laboratorium*. 2010. № 3. S. 126—149.
[6] *Leksin V.N.* Ideologicheskie osnovy upadka sovremennogo instituta sem'i [Ideological foundations of the decline of the modern family institution]. *Obschestvennye nauki i sovremennost'*. 2011. № 2. S. 29—42.
[7] *Mitrikas A.A.* Sem'ya kak tsennost': sostoyanie i perspektivy tsennostnogo vybora v stranakh Evropy [Family as a value: Status and prospects of the value choice in Europe]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2004. № 5. S. 65—73.
[8] *Pomerants G.S.* Musul'mane v neislamskikh stranakh [Muslims in non-Islamic countries]. *Politiya*. 2007. № 4. S. 201—211.
[9] Religioznyy sostav naseleniya stran mira [Religious Composition of the World Population]. URL: http://geospravka.ru/index.php/references_in_geography.html.
[10] *Sokolov A.V., Salazkin M.G.* Evropa i Rossiya: obrazy budushchego [Europe and Russia: Images of the future]. *Foresight*. 2009. № 1. S. 58—68.

GENDER INEQUALITY INDICES FOR THE EUROPEAN PARTNERSHIP COUNTRIES COMPARISON

E.I. Kharchenko

Methodology and Methods of Sociological Research Chair
Taras Shevchenko National University of Kiev
Volodymyrska St., 64/13, Kiev, Ukraine, 01601

Overcoming gender inequality is a serious challenge for many countries all over the world. Different reforms aiming at reduction of gender inequality are often a necessary condition for joining international alliances and associations. The article presents an example of comparative analysis of gender statuses in European partnership countries: Armenia, Azerbaijan, Georgia, Moldova, Ukraine and Russian Federation (1) on the one hand, and Iceland — on the other hand due to the latter leading position in the Global Gender Gap ranking. This ranking as well as the results of the comparative analysis can be useful for lecturers in the courses on gender inequality, international comparative studies and others. The author provides a definition of the concept "gender inequality", an overview of existing methodological approaches to the international gender inequality measurement and interpretation. Based on the Global Gender Gap Index (GGGI) author describes men and women positions in the countries mentioned above in such socially important fields as politics, economy, education, and life expectancy; provides her own explanations of the current situation and perspectives for its development. The study shows that for all the countries under consideration the most problematic are (1) political sphere in the terms of women's empowerment and (2) the sphere of healthcare from the point of quality and duration of men's lives. The most unproblematic field from the comparative gender analysis point of view is educational sphere. According to the results of the comparative analysis, the most egalitarian country seems to be Moldova, while the least egalitarian — Azerbaijan. This article is based on the data of the International project ReSET «European visions and divisions: comparative studies in improving of teaching sociology" (supported by OSI HESP in 2010—2012).

Key words: gender; gender inequality; gender empowerment; measurement; comparative analysis; Global Gender Gap Index (GGGI); European partnership countries.

Today gender equality is considered as the humanist ideal and one of the keys to successful development of the world. A lot of countries and international associations declared gender equality one of their basic life principles, for example European Union (EU). Many countries, especially the eastern neighbors of the EU that aim to join European Union, understand that for a quick and successful integration it is necessary to achieve not only the specified standards of living, but also the gender equality. To monitor the global gender inequality situation, and the results of national attempts to overcome it many measuring instruments were developed. The article provides an overview of such instruments, proposes some ways for gender indices improvement, presents an example of using Global Gender Gap Index (GGGI) to compare the gender inequality situation in the European partnership countries: Armenia, Azerbaijan, Georgia, Moldova, Ukraine and Russia on the one hand, and Iceland (as a leader of the ranking and the member of EU) — on the other, and outlines the results of the current reforms that aim to guarantee gender equality and are a necessary step for joining EU. In order to estimate the reforms' priorities and outcomes, as well as of different gender programs

and projects effectiveness, the author proposes two approaches — synchronic and diachronic — on the basis of comparative studies and international indices of gender inequality.

Thus, *gender inequality* — is a kind of inequality that reveals itself in the impossibility of full realization of one's rights due to his gender and gender discrimination practices. The cross-national perspective of gender analysis allows to assess both — gender equality (World Bank indices, International Economic Forum, etc.) and mechanisms of its production and reproduction in various spheres of public life.

There are two main sources of gender inequality: institutional (legal restrictions for representatives of either sex in rights, such as prohibition for women to drive cars in Saudi Arabia) and cultural (normative gender roles, occupations, and social positions). Gender differences are usually measured by international indices based on indicators of gender equality in various spheres of social life (2):

- *Gender Inequality Index (GII)* reflects women's limited opportunities in three 'dimensions' — reproductive health, empowerment and at the labor market [7] (3);
- *Gender-related Development Index (GDI)* is quite similar to Human Development Index (HDI) (4), but it takes into account gender inequality in men and women achievements. Its methodology imposes penalties for inequality, for instance, if GDI falls, i.e. the gender gap in achievements increases. The greater the gender disparity in basic opportunities, the lower is country's GDI compared to its HDI. GDI is actually a version of HDI adapted for measuring gender inequality [2];
- *Relative Status of Women (RSW)* consists of the same components as GDI except for the comparison of absolute levels of gender achievements. It takes into account average levels of three indicators: the ratio of female and male involvement in education, the ratio of female and male life expectancy according to the European Gender Equality Index, and the relative female and male returns to labor [3];
- *European Union Gender Equality Index* combines different gender indicators in one resulting index — six core measures (work, money, knowledge, time, power and health) and two satellite ones (intersecting inequalities and violence). This index measures gender gaps taking into account differences in gender achievements to ensure that gender gaps are not perceived as normal and positive (only for European Union Members) [1];
- *Gender Empowerment Measure (GEM)* as a measure of agency evaluates advances in women's positions at political and economic forums; examines the extent to which women and men can participate in economic and political life and in decision-making; while GDI focuses on the expansion of capabilities, GEM considers how these capabilities are used to take advantages of life [2] (5);
- *Social Institutions and Gender Index (SIGI)* captures inequalities based on social institutions (inequality outcomes such as educational restrictions, health status, economic and political participation) and measures 'inputs' for such inequalities in 102 non-OECD countries; social institutions are defined as long-lasting codes of

conduct, norms, traditions, informal and formal laws that determine the gender equality [10];

- *Inequality-adjusted Human Development Index (IHDI)* takes into account not only the average achievements of the country (health, education and income), but also how these achievements are distributed among its population (level of inequality) [8];
- *Gender Equality Index (GEI)* measures the gap between women and men in education, economic and political empowerment [4];
- *Global Gender Gap Index (GGGI)* estimates how countries distribute resources and opportunities among men and women regardless the overall amount of the resources; shows the scale of the gender inequality gap in four areas [5]: 1) economic participation — salaries, access to high-skilled employment, etc.; 2) educational opportunities — access to basic and higher levels of education; 3) health and survival — life expectancy and gender balance; 4) political empowerment — genders' roles in decision-making structures. The more equal are positions of men and women, the higher place in ranking the country occupies (table 1).

To estimate the increase/decrease of the gender gap we can analyze two figures: the rank of the country in the international rating, and GGGI value. The place in ranking shows that the country manages to meet the global criteria of gender equality. For instance, despite the fact that the index of gender development in Ukraine in 2006—2007 did not change, the country's rank fell by 9 points, while Armenia in 2007—2008 increased its index by 0,003, but lost 7 points. To prove that the world keeps on approaching gender equality we have to compare indices of gender inequality and countries' positions in ranking. For example, Moldova in 2006 with the index of 0,712 occupied the 17th place, while in 2010 with the index of 0,716 — only 34th.

In general, none of the countries (except Iceland) kept up stable positive (gender gap decreasing) or negative (gender gap increasing) dynamics in GGGI. To understand what leads to increase or decrease of the index we have to consider its sub-indices (table 2).

The size of the article does not allow to analyze each subindex for the period of 2006—2014, so we will consider only 4 key subindices in 2013—2014 (table 3). For instance, Moldova from 2012 to 2013 fell by 7 points in the ranking due to GGGI decrease by 0,007 (from 0,710 to 0,703). One of the reasons is the decrease of women economic participation — reduction of the number of women who had jobs (compared to men), decrease in women salaries and opportunities to occupy top positions (Table 4).

One possible explanation of the situation is that 2012 was a hard year for the national economy of Modova: GDP fell by 0,8%, exports — by 2,5%, industrial production — by 3.1%, and the number of registered enterprises was lowest since 2003. In other words, there is deterioration in economics and decline in business activities — they usually worsen the position of women due to the gender stereotype that «a man is the breadwinner of the family». Secondly, there is a decrease of educational attainment subindex by 0,006 due to the reduction of number of women receiving primary education (as compared to men), probably because of changes in demographic pyramid and chances to enroll on primary school.

Table 1

Global Gender Gap Index ranking: 2006—2014

Country	2006 rank	2006 score	2007 rank	2007 score	2008 rank	2008 score	2009 rank	2009 score	2010 rank	2010 score	2011 rank	2011 score	2012 rank	2012 score	2013 rank	2013 score	2014 rank	2014 score
Iceland	4	0,781	4	0,783	4	0,799	1	0,827	1	0,849	1	0,853	1	0,864	1	0,873	1	0,859
Moldova	17	0,712	21	0,717	20	0,724	36	0,71	34	0,716	39	0,708	45	0,71	52	0,703	25	0,7405
Ukraine	48	0,679	57	0,679	62	0,685	61	0,689	63	0,687	64	0,6861	65	0,689	64	0,692	56	0,705
Russian Federation	49	0,677	45	0,686	42	0,699	51	0,698	45	0,704	43	0,703	59	0,698	61	0,6983	75	0,693
Georgia	54	0,67	67	0,666	82	0,665	83	0,668	88	0,659	86	0,662	85	0,669	86	0,675	85	0,6855
Azerbaijan	n/a	n/a	59	0,6781	61	0,685	89	0,662	100	0,644	91	0,657	99	0,654	99	0,658	94	0,675
Armenia	n/a	n/a	71	0,665	78	0,667	90	0,661	84	0,667	84	0,665	92	0,663	94	0,663	103	0,622

Table 2

Gender Gap Index subindices

Economic Participation and Opportunities Subindex
Ratio: Female and male labor force participation
Gender wage equality for similar work (turned into female-over-male ratio)
Ratio: Estimated female earned income over male income
Ratio: Female legislators, senior officials and managers as compared to male
Ratio: Female professional and technical workers as compared to male
Educational Attainment Subindex
Ratio: Female literacy rate as compared to male
Ratio: Female primary enrolment as compared to male
Ratio: Female secondary level enrolment as compared to male
Ratio: Female tertiary enrolment as compared to male
Health and Survival Subindex
Ratio: Female life expectancy as compared to male
Sex ratio at birth
Political Empowerment Subindex
Ratio: Number of women in parliament as compared to male
Ratio: Number of women at ministerial level as compared to male
Ratio: Number of years of a female as a head of the state (in the last 50 years)

Table 3

Detailed Global Gender Gap Index (2012—2014)

Country	2012 overall rank	score	2013 overall rank	score	2014 overall rank	score	2012 economic rank	score	2013 economic rank	score	2014 economic rank	score	2012 education rank	score	2013 education rank	score	2014 education rank	score	2012 health rank	score	2013 health rank	score	2014 health rank	score	2012 political rank	score	2013 political rank	score	2014 political rank	score
Iceland	1	0,864	1	0,873	1	0,8594	27	0,754	22	0,768	7	0,8169	1	1	1	1	1	1	98	0,969	97	0,969	128	0,9654	1	0,732	1	0,754	1	0,6554
Moldova	45	0,71	52	0,703	25	0,7405	21	0,76	32	0,74	11	0,8077	42	0,996	74	0,99	56	0,9949	34	0,979	34	0,979	37	0,9791	85	0,104	87	0,104	59	0,1802
Russian Federation	59	0,698	61	0,698	75	0,6927	39	0,719	42	0,72	42	0,7257	35	0,998	36	0,998	28	0,9998	34	0,979	34	0,979	37	0,9791	90	0,095	94	0,095	125	0,0662
Ukraine	64	0,689	64	0,693	56	0,7056	34	0,725	30	0,742	31	0,7483	22	0,999	27	0,999	29	0,9998	34	0,979	75	0,973	74	0,973	119	0,053	119	0,058	105	0,1012
Georgia	85	0,669	86	0,675	85	0,6855	57	0,676	64	0,674	66	0,6751	89	0,979	89	0,979	80	0,9887	129	0,949	126	0,955	115	0,967	109	0,071	97	0,091	94	0,1111
Armenia	92	0,663	94	0,663	103	0,6622	76	0,644	82	0,638	82	0,6478	25	0,999	29	0,999	31	0,9996	130	0,944	131	0,949	142	0,9332	114	0,066	115	0,066	123	0,068
Azer-baijan	99	0,654	99	0,658	94	0,6753	74	0,648	72	0,659	52	0,7087	84	0,983	85	0,982	92	0,9840	135	0,920	136	0,925	137	0,9441	113	0,066	114	0,066	127	0,0642

Table 4

Indices of economic participation and opportunities in Moldova (2012—2013)

Indices	2012	2013
Labour force participation	0,92	0,91
Wage equality for similar work	0,71	0,67
Estimated earned income (US$)	0,66	0,66
Legislators, senior officials and managers	0,61	0,57
Professional and technical workers	1,00	1,00

Table 5

Educational Attainment in Moldova (female to male ratio, 2012—2013)

Educational Attainment	2012	2013
Literacy	0,99	0,99
Enrolment in primary education	1	0,98
Enrolment in secondary education	1	1
Enrolment in tertiary education	1	10

It should be mentioned that education is one of the spheres where gender gap is minimal, while politics is one of the most unequal spheres: the world's highest political empowerment subindex reaches 0,7544 (2013), while educational attainment — around 1. The struggle of women for voting rights began in 1870s, by 1930s in most European countries women won the right to vote and be elected. However, the number of women in politics is still small (table 6—7).

Table 6

Percentage of seats held by women in national parliaments [11]

Country	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
European Union	22,2	23	24,7	25,2	25,7	25,5	26,3	27,5	30	30	30
Iceland	33,3	33,3	33,3	33,3	42,9	42,9	39,7	39,7	39,7	40	41
Ukraine	5,3	8,7	8,2	8,2	8	8	8	9,4	9,4	12	12
Russian Federation	9,8	9,8	14	14	14	14	13,6	13,6	13,6	14	14
Belarus	29,1	29,1	29,1	31,8	31,8	31,8	31,8	26,6	26,6	27	27
Moldova	21,8	21,8	21,8	21,8	23,8	18,8	19,8	19,8	19,8	18	22
Armenia	5,3	5,3	9,2	8,4	9,2	9,2	8,4	10,7	10,7	11	11
Georgia	9,4	9,4	9,4	6	5,1	6,5	6,6	12	12	12	11
Azerbaijan	13,0	11,3	11,4	11,4	11,4	16	16	16	16	16	16

Table 7

Political Empowerment Subindex in 2014 (female to male ratio)

Country	Rank	Women in parliament	Women in ministerial positions	Years with female head of the state (in last 50 years)
Iceland	1	0,66	0,6	0,68
Moldova	59	0,23	0,38	0,03
Russian Federation	125	0,16	0,07	0
Georgia	94	0,14	0,27	0,01
Azerbaijan	127	0,18	0,03	0
Ukraine	105	0,11	0,17	0,06
Armenia	123	0,12	0,13	0

Some authors suggest suggests that a variety of factors contributes to this phenomenon: such *structural barriers* as level of socioeconomic development and the proportion of women in professional and managerial positions; such *political institutions* as proportional electoral system and gender quotas in party recruitment; and the impact of *po-*

litical culture, including the predominance of traditional attitudes toward women in decision-making roles [9. P. 130]. Studies of the role of the political recruitment system in establishing democracies such as Britain, Finland, and the Netherlands show that these attitudes influence both — whether women are ready to become candidates for the office (*supply* side of the equation) and the criteria used by 'gatekeepers' (party members and leaders, media, financial circles, and electorate) to evaluate 'suitability' of candidates (*demand* side).

In societies with traditional interpretation of gender roles women are reluctant to run for an office and even if they do, they fail to attract sufficient support to win. Recent studies show that female politicians mention hostile attitudes toward women's political participation as one of the most important barriers for running for parliamentary positions [9. P. 133]. "Egalitarian attitudes toward women in office are more widespread in postindustrial societies, reflecting broad patterns of socioeconomic development and cultural modernization. Moreover, these attitudes are not simply interesting in themselves. They seem to have a powerful impact on political reality, since egalitarian values are significantly associated with women being successfully elected to office. Culture matters... The more egalitarian attitudes among the younger generation in postindustrial societies, especially among younger women, suggest that over time we can expect to see continued progress in female representation in these societies" [9. P. 144].

However, this is unlikely to happen in Ukraine in the nearest future due to the persistent prejudices against women's political leadership: see the distribution of answers to the question "Does ability to get a position in the state governing bodies depend on gender?" [14. P. 35] (Figure 1). 40% of men and every second woman in Ukraine believe that it is harder for females to occupy a decision-making position, which represents a strong psychological barrier for political participation.

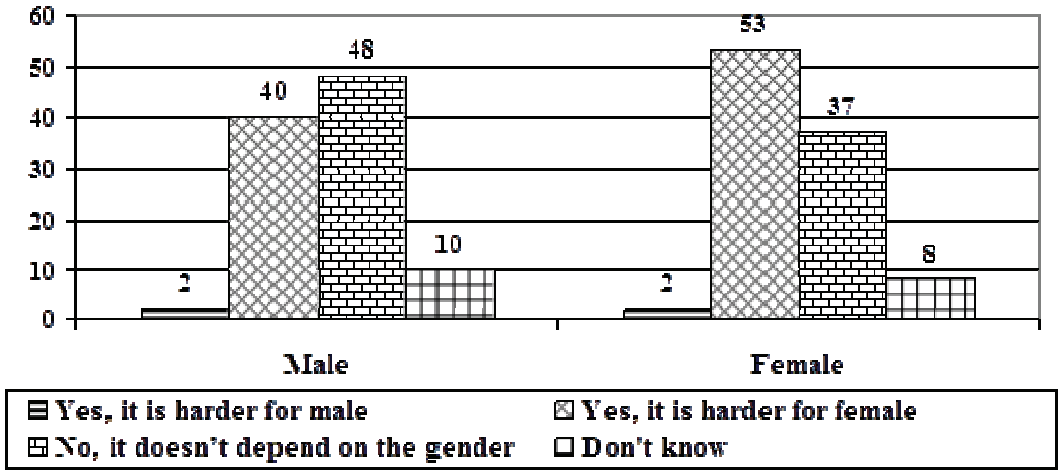


Figure 1. "Does ability to get a place in the state governing bodies depend on gender?" (%)

To maximize its competitiveness and development potential, each country should strive for gender equality in the economic sphere too, i.e. guarantee women the same rights, responsibilities and opportunities as men possess (table 8).

Table 8

Economic Participation and Opportunity, 2014

Country	Rank	Sex ratio (male/ female)	Labour force participation (female to male ratio)	Wage equality (ratio)	Legislators, senior officials, and managers (ratio)	Professional and technical workers (ratio)	Female adult unemployment (%)	Male adult unemployment (%)	Women chances to head an enterprise*
Moldova	32	0,9	0,91	0,67	0,57	2,16	6	8	5
Iceland	7	0,95	0,95	0,74	0,67	1,00	6	8	6
Russian Federation	42	0,86	0,87	0,68	0,64	1,81	5,1	5,8	4,9
Azerbaijan	72	0,98	0,92	0,73	0,08	1,59	6	5	5
Ukraine	31	0,85	0,85	0,69	0,66	1,74	6,4	8,5	4,7
Georgia	64	0,89	0,77	0,76	0,51	1,62	13	17	5
Armenia	82	0,87	0,74	0,66	0,31	1,88	35	22	5

*Survey data, responses on a 1-to-7 scale (1 = worst score, 7 = best score).

Unfortunately, GGGI does not take into account horizontal segregation that would help to understanding the situation better and to see the leading spheres of gender inequality. Unlike previous years, there is no such record as “female teachers, primary/secondary/higher education (%)” in 2014 report. After graduation, women face barriers that prevent them from taking positions that correspond to their level of education: thus, despite the fact that women more often have higher education diploma (table 9), they are less likely to occupy senior positions.

Table 9

Indicators of educational involvement, 2014

Country	Rank	Literacy rate (female to male ratio)	Enrolment in primary education (ratio)	Enrolment in secondary education (ratio)	Enrolment in higher education (ratio)	Female teachers, primary education, % (2013)	Female teachers, secondary education, % (2013)	Female teachers, higher education, % (2013)
Armenia	31	1	1,1	1,19	1,57	100	84	56
Azerbaijan	92	1	0,98	0,98	1,05	88	n/a	52
Moldova	56	0,99	0,99	1,01	1,32	97	77	57
Georgia	80	1	1,01	0,95	1,27	86	59	39
Russian Federation	28	1	1	n/a	1,35	98	81	56
Ukraine	29	1	1,02	1	1,15	99	76	n/a
Iceland	1	1	1,01	1,01	1,70	n/a	n/a	47

In the process of self-realization in social and political spheres, women face discrimination that makes them feel unsure of their chances and understand that they have to overcome hidden and obvious resistance from colleagues and managers (‘glass ceiling’, ‘sticky floor’). In the study conducted by Institute of Sociology of Ukraine, respondents were asked about the circumstances that prevent men and women from building successful careers [14. P. 42]. The major obstacle — “lack of professionalism” — was mentioned by both sexes, while other were different for women and men: women more often chose “having a family and children” (the problem of ‘double workload, see ta-

ble 10), men — "lack of education". Another obstacle is that managers do not want to hire a woman because of her possible maternity leave. General attitudes towards female entrepreneurs are rather neutral, but there is a clear trend: the smaller the business, the more positive is an attitude to the woman that runs it [14. P. 58].

Table 10

Mean age of marriage for women (Global Gender Gap Report 2014)

Country	Age, years
Moldova	22
Armenia	24
Ukraine	23
Azerbaijan	24
Russian Federation	24
Iceland	28
Georgia	23

Still another problem is that women receive less salary than man for the same work in private enterprises (in state budgetary organizations salaries are fixed). There are several explanations of this fact: women have lower salary requirements than men; women are more conservative when changing jobs, so even being aware of salary differences they continue to work in the organization.

The last subindex that we have to consider is health and survival subindex, particularly life expectancy (table 11).

Table 11

Life expectancy (male, female) [11]

Country	Year																	
	2005		2006		2007		2008		2009		2010		2011		2012		2013	
	M	F	M	F	M	F	M	F	M	F	M	F	M	F	M	F	M	F
Iceland	79,6	83,5	79,5	82,9	79,6	83,4	80	83,3	78,8	83,8	79,8	84,1	80,7	84,1	81,6	84,3	82	85
Ukraine	62,2	74	62,4	74,1	62,5	74,2	62,5	74,3	63,8	74,9	65,3	75,5	66	75,9	66,1	76	66	76
Russian Federation	64	71,9	64,2	72	64,3	72,1	64,5	72,1	64,6	72,3	64,7	72,4	64,8	72,6	64,9	72,7	66	76
Moldova	64	71,9	64,2	72	64,3	72,1	64,5	72,1	64,6	72,3	64,7	72,4	64,8	72,6	64,9	72,7	65	73
Armenia	70	76,8	70,2	77	70,5	77,2	70,7	77,4	70,8	77,5	70,9	77,7	71,1	77,8	71,2	77,9	71	78
Georgia	69,4	76,6	69,9	76,8	69,7	77	69,8	77,1	70	77,3	70,1	77,4	70,3	77,5	70,4	77,7	71	78
Azerbaijan	66,2	71,8	66,6	72,3	66,9	72,8	67,1	73,1	67,3	73,4	67,4	73,6	67,5	73,7	67,6	73,8	68	74

Despite the general trend of life expectancy increase, male life expectancy lags behind female. In the Eastern European partners of EU, deaths from external causes (accidental alcohol poisoning, homicides and suicides) and social diseases are quite frequent, especially among men. For instance, male mortality from accidental alcohol poisoning in 2009 amounted to 0,1 per 100 000 in Armenia, 0,2 — in Azerbaijan, while deaths of women from the same causes — 0 in both countries. There are stable high mortality

rates from accidental alcohol poisoning in Russia (25 deaths per 100 000 for men and 6,5 for women) and Ukraine (23,4 and 4,5 respectively) [15] (6). Alcohol consumption increases the risk of death from cirrhosis, pancreatitis, and cancer, as well as from external causes (alcohol poisoning, homicides, suicides, accidents, injuries, etc.) [13]. Mortality rates from suicide in CIS are about twice as large as in EU: in 2009 the death rate from suicide and self-inflicted injuries in the EU countries was about 17 cases per 100 000, while in CIS — 34,6 (see also tables 12—13).

Table 12

Mortality from self-harm per 100 000, 2012 [12]

Country	Male	Female
Moldova	29,34	5,87
Armenia	5,27	1,18
Ukraine	35,61	6,89
Azerbaijan	2,3	1,02
Russian Federation	39,67	7,5
Georgia	6,44	1,4

Table 13

Mortality from violence per 100 000, 2012 [12]

Country	Male	Female
Moldova	12,9	6,2
Armenia	4,9	1,1
Ukraine	8,0	2,9
Azerbaijan	8,7	2,2
Russian Federation	17	4,8
Georgia	4,3	0,8

It is hard to compare Ukraine with other countries by the rates of mortality due to the "Revolution of dignity" events and the ATO (antiterrorist operation) that begun in 2014 (the level death from external factors grew up to 374 per 100 000).

The quality of life and lifestyle influence not only mortality from external causes, but the mortality from so-called 'social diseases'. High male mortality from tuberculosis is largely due to the untimely treatment in hospitals, as well as irresponsible attitude to one's health and specific lifestyle (smoking, alcoholism and drug addiction). Tuberculosis remains one of the most common diseases among infectious diseases, especially among men (table 14).

Table 14

Mortality from tuberculosis per 100 000, 2012 [12]

Country	Male	Female
Moldova	22,6	3,2
Armenia	10,9	1
Ukraine	25,2	4,1
Azerbaijan	6,8	1,7
Russian Federation	24,5	4,5
Georgia	7,2	1,2

Thus, gender inequality is a form of social inequality that has been the feature of the whole world since ancient times. Before the industrial revolution, gender inequality was justified by the unequal physical abilities of men and women. Nowadays gender inequality is mostly culturally conditioned — social positions of men and women in different countries are not the same due to the dominant interpretations of gender roles and responsibilities in private and public life. To measure the distance between genders, a large number of indices were developed (GDI, GGGI, GEM, SIGI, GII, etc). These indices take into account data on various social spheres such as politics, economy, education, health care and others. According to these indices, five countries considered in the article (Armenia, Azerbaijan, Georgia, Russia and Ukraine), which are included in the European Partnership program, occupy middle positions in the international gender ranking (based on Gender Gap Index) and lag far behind the EU countries due to the female underrepresentation in politics and business activities, while at the same time men lag far behind women in life expectancy. To understand the roots of gender inequality and the ways to change the situation, we have to analyze different countries' values, traditions and lifestyles as well as political initiatives and sociological projects that aim to 'measure' the gender inequality patterns (7).

NOTES

(1) Russia is not a partner of the European partnership program, but has a great influence on the countries mentioned.

(2) For further information about differences, limitations, etc. of these indices see: "Frequently Asked Questions (FAQs) about the Gender Inequality Index (GII)" UNDP. Human Development Reports // URL: http://hdr.undp.org/en/statistics/faq; *Suman S.* The Gender Inequality Index alongside alternative Gender Measures: Pros & Cons and the Debate // Oxford Poverty & Human Development Initiative Department of International Development Queen Elizabeth House, University of Oxford // URL: http://www.ophi.org.uk/wp-content/uploads/GII-Presentation-Week2-Dr2.pdf.

(3) For more details on GII see: Technical Notes. UNDP. Human Development Reports // URL: http://hdr.undp.org/en/media/HDR_2010_EN_TechNotes_reprint.pdf.

(4) Human Development Index (HDI) is a generalized indicator of human development that measures the average achievements of the country in three basic dimensions: long and healthy life, access to knowledge and decent standards of living.

(5) For more details on GDI and GEM see: Technical Note 1 HDR 2007/2008. UNDP. Human Development Reports // URL: http://hdr.undp.org/en/media/HDR_20072008_Tech_Note_1.pdf.

(6) The article is based on the year 2009 data, for more recent data see World Health Organization website.

(7) For more political initiatives of the European Institute for Gender Equality (EIGE) see: URL: http://eige.europa.eu.

REFERENCES

[1] About the Gender Equality Index: European Institute for Gender Equality. URL: http://eige.europa.eu/content/gender-equality-index#/about.

[2] Analytical tools for human development": Lisboa School of Economic and Management. URL: http://www.iseg.utl.pt/disciplinas/mestrados/dci/idh.htm#5.

[3] *Dijkstra A.G.* "Towards a fresh start in measuring gender equality: A contribution to the debate. *Journal of Human Development*. 2006. Vol. 7. № 2t.
[4] Gender Equity Index (GEI). URL: http://www.socialwatch.org/taxonomy/term/527.
[5] Global Gender Gap: World Economic Forum. URL: http://www.weforum.org/issues/global-gender-gap.
[6] Global Gender Gap Reports 2006—2014: World Economic Forum. URL: http://www.weforum.org/reports.
[7] Human Development Reports: UNDP. URL: http://hdr.undp.org/en/humandev/indices.
[8] Inequality-adjusted Human Development Index: UNDP Human Development Reports. URL: http://hdr.undp.org/en/content/inequality-adjusted-human-development-index-ihdi.
[9] *Inglehart R.F., Norris P.* Rising Tide: Gender Equality and Cultural Change Around the World. New York: Cambridge University Press, 2003.
[10] Social Institutions and Gender Index (SIGI): OECD. URL: http://www.oecd.org/dataoecd/52/33/42289479.pdf.
[11] World data Bank. URL: http://databank.worldbank.org/ddp/home.do.
[12] World Health Organization: Disease and Injury Mortality Estimates, 2000—2012. URL: http://www.who.int/healthinfo/global_burden_disease/estimates/en/index1.html.
[13] *Khalturina D.* Alkohol i narkotiki kak vazhneishie faktori demograficheskogo krizisa v Rossii i Ukraine [Alcohol and drugs as key factors of the demographic crisis in Russia and Ukraine]. URL: http://www.literatura.tvereza.info/21/Halturina/factorycrizisa_ru.html.
[14] *Sayenko Y.* (Ed.) Genderni stereotypy ta stavlennya gromadskosti do gendernih problem ukrainskogo suspilstva. Kiev: VAITE, 2007.
[15] *Scherbakova E.* V stranah SNG ostayesya vysokoi, osobenno sredi muzhchin, smertnost ot vneshnih prichin i socialnih boleznei [Death rate from external causes and social diseases remains high, especially among men, in CIS]. *Demoscope Weekly*. 2011. № 469-470. URL: http://demoscope.ru/weekly/2011/0469/barom05.php.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНДЕКСОВ ГЕНДЕРНОГО НЕРАВЕНСТВА ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ СИТУАЦИИ В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО ПАРТНЕРСТВА

Е.И. Харченко

Кафедра методологии и методов социологических исследований
Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко
ул. Владимирская, 64/13, Киев, Украина, 01601

Преодоление гендерного неравенства — серьезнейший вызов для многих стран мира. Кроме того, разработка и реализация мер по сокращению гендерного разрыва часто выступают обязательными условиями для вступления страны в международные союзы и организации. В статье представлен пример проведения сопоставительного гендерного анализа в странах Европейского партнерства: Армении, Азербайджане, Грузии, Молдове, Украине и Российской Федерации (1) — с одной стороны, и Исландии — с другой, поскольку данная страна занимает лидирующие позиции во всех международных гендерных индексах, демонстрируя высочайшие показатели гендерного равенства во всех сферах общественной жизни. Глобальный рейтинг гендерного разрыва сам по себе, а также

результаты его использования в сравнительном межстрановом анализе могут быть полезны для исследователей и преподавателей, читающих курсы по гендерной социологии, сравнительным исследованиям и т.д. Автор приводит определение понятия «гендерное неравенство» и предлагает краткий обзор методологических подходов к сопоставительной оценке гендерного неравенства в международном контексте и интерпретации ее результатов. На основе Индекса глобального гендерного разрыва автор характеризует положение мужчин и женщин в перечисленных выше странах в таких социально значимых областях, как политическая и экономическая деятельность, образование и продолжительность жизни; обосновывает собственные интерпретации нынешней ситуации и перспектив ее развития. Проведенное исследование показало, что наиболее явный гендерный дисбаланс в рассматриваемых странах наблюдается в (1) политике (с точки зрения вовлеченности женщин) и (2) здравоохранении (с позиций качества и продолжительности жизни мужчин). Наименьшие гендерные различия по результатам сопоставительного анализа были выявлены в образовательной сфере. Кроме того, по итогам исследования наиболее эгалитарной страной среди рассмотренных оказалась Молдова, наименее — Азербайджан. Такие выводы позволили сделать данные международного проекта «European visions and divisions: comparative studies in improving of teaching sociology" (при поддержке OSI HESP, 2010—2012), в котором принимал участие автор статьи.

Ключевые слова: гендер; гендерное неравенство; расширение возможностей женщин; измерение; сравнительный анализ; Индекс глобального гендерного разрыва; страны Европейского партнерства.

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, КЕЙС-СТАДИ

ИЗМЕРЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ РУССКИХ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ И ГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

А.А. Оносов[1], А.Т. Гаспаришвили[2]
[1]Кафедра социологии
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198
[2]Институт социологии РАН
ул. Кржижановского, 24/35-5, Москва, Россия, 117218

В статье в рамках существующих научных подходов рассматривается процесс этнизации массового сознания российских граждан, происходящий в условиях трудовой миграции внутри России и притока мигрантов из-за рубежа. В статье представлены результаты ситуационного анализа и гуманитарной экспертизы комплекса основных проблем, обусловленных современными миграционными процессами. На основе статистического материала, данных опроса общественного мнения и экспертных оценок описана эмпирическая модель идентичности русского населения Москвы и Московской области — как главных российских центров притяжения международных трудовых мигрантов. Содержательный анализ вопросов и противоречий, связанных с трудовой миграцией в регионе и взаимоотношениями населяющих его этносов, предваряется выяснением очертаний идентичности коренных жителей региона в том виде, в каком она осознается самим русским населением. В качестве измерений идентичности, по которым происходит ценностное ранжирование, наряду с собственно этнической (национальной) принадлежностью используются и другие самостоятельные, относительно независимые признаки: конфессиональная включенность, цивилизационная ориентированность, культурные, профессиональные, территориальные и ряд других важных характеристик. В результате возникает многомерное пространство идентичности, каждое измерение которого имеет собственную значимость для самоопределения человека и свою шкалу градаций для выражения конкретного признака.

Ключевые слова: идентичность; трудовая миграция; этническая идентичность; этнизация; гражданская идентичность; религиозная идентичность; общественное мнение; гуманитарная экспертиза.

В рамках исследовательской инициативы по изучению миграционной ситуации в современной России авторами был выполнен проект «Исследование этнизации массового сознания русских в условиях массовой трудовой миграции внутри России и из-за рубежа, интеграции мигрантов в российское общество»*. Целями

* При реализации проекта были использованы средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта Институтом общественного проектирования по итогам VI Конкурса «Проблемы развития современного российского общества» в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 3 мая 2012 г. № 216-рп.

проекта являлись: создание научной картины процесса этнизации массового сознания российских граждан, происходящего в условиях массовой трудовой миграции внутри России и из-за рубежа; определение возможных негативных последствий этого процесса для формирования российской политической нации, социальной стабильности в регионе и стране; изучение образцов толерантного сосуществования и взаимодействия российских граждан разной этнической принадлежности и граждан других государств постсоветского пространства, условий толерантности и перспектив интеграции; выработка рекомендаций по совершенствованию политики, направленной на оптимизацию межэтнических отношений в российском обществе.

В качестве целевых групп исследования выступили этнические русские, постоянно проживающие в Москве и Московской области, а также эксперты в области миграции: представители органов государственного управления и общественных организаций, ученые, представители средств массовой информации.

Поскольку основные характеристики миграционной ситуации в Москве и Московской области, определяющие базисные векторы пространства идентичности русского населения региона, были рассмотрены ранее [1], в статье затрагивается лишь часть названной проблематики, а именно — вопросы самоидентификации русского этноса. Более развернутому описанию позиции русского населения московского региона в системе межэтнических отношений с трудовыми мигрантами будет посвящена отдельная публикация.

ПРОСТРАНСТВО ИДЕНТИЧНОСТИ

Содержательный анализ проблем, связанных с миграционными процессами в Москве и Московской области, со взаимоотношениями этносов, населяющих столичный регион, должен быть предварен выяснением очертаний идентичности коренных жителей региона в том виде, в каком она осознается самим русским населением. При этом в качестве признаков, по которым респонденты могли обозначать свою идентичность, выстраивая ранги ценностных приоритетов, наряду с этнической (национальной) принадлежностью использовались и конфессиональная включенность, цивилизационная ориентированность, культурные, профессиональные, территориальные и ряд других важных характеристик. В результате возникло многомерное пространство идентичности, каждое направление которого имеет собственную значимость для самоопределения человека, свою шкалу для измерения конкретного признака.

Полученное распределение факторов самоидентификации позволяет утверждать, что доминирующим признаком *первой важности* для участников опроса (19,5%) является их *вероисповедание*, т.е., применительно к русским, это преимущественно православие. Почти так же часто (18,1%) жители региона в качестве первостепенного признака указывали *российское гражданство*, т.е. Россию как «большую родину». А вот «малая родина» — конкретный *город проживания* респондентов — чаще всего оказывался *вторым по важности* фактором, задающим идентичность (24%). Следующим второстепенным признаком служит собственно

этническая принадлежность — 17,4% опрошенных указали важность своей национальности для самоопределения.

Таким образом, «русскость» для русского населения московского региона — не главный признак самоопределения. Этот вывод подтверждается сводным рейтингом критериев идентификации, составленным без учета степени (первой или второй) их важности. В этом случае обнаруживается «взвешенная» система важнейших факторов, определяющих идентичность участников опроса (рис. 1).

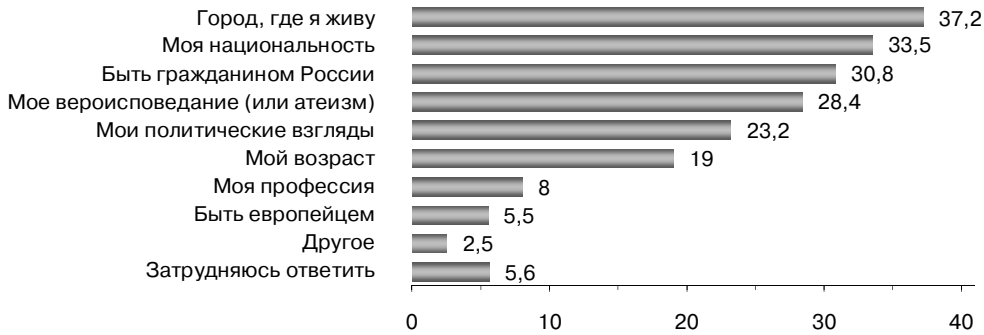


Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Что для Вас самое важное, когда Вы определяете, кем Вы являетесь?», в % (1)

В преобразованной системе координат наиболее нагруженный и действенный критерий — «малая родина» (37,2%), вторым по значимости для самоопределения русского жителя московского региона служит национальность (33,5%), третьим — принадлежность российскому социуму (30,8%). Вероисповедание в такой обобщенной системе оказывается лишь на четвертом месте (28,4%). Замыкает «топ-5» факторов политическая ориентация (23,2%) как характеристика, используемая для самоидентификации.

В оценках *специалистов* о первостепенном признаке идентичности русских, проживающих в Москве и области, наиболее ярко представлены две позиции. Первая базируется на экспертных оценках, квалифицирующих в качестве доминанты *социально-профессиональную* идентичность.

В соответствии с таким подходом ключевым обстоятельством в осознании собственной идентичности русских, населяющих столичный регион, служит их *трудовая деятельность*, прямыми производными которой являются социальный статус, доход и благосостояние. Однако результаты массового опроса свидетельствуют, что подобная профессионально-статусная идентификация несвойственна большинству русских Москвы и области, что говорит о рассогласованности экспертных оценок и самооценок русского населения региона по данному вопросу.

Сторонники второй позиции утверждают, что определяющей идентичностью русских столичного региона является *национальная*, проявляемая не только в собственно национальном или этническом аспектах, но также в лингвистическом и общекультурном. Такой подход постулирует приоритетность культуры, образования и русского языка при построении русским человеком своего образа-идентификатора. В этом контекстном расширении можно и нужно говорить о *куль-*

турной идентичности, принимая в расчет, что сама культура имеет вполне определенное национальное выражение, а язык — ее ценностно-смысловая пружина (ряд экспертов воспринимают русский язык в качестве основного культурного достижения русского народа, а его сохранение считают главной культурной задачей нынешнего и будущих поколений русских, причем задачей, непременно требующей, с учетом девальвируемого статуса русского языка, активного и деятельного государственного участия).

Кроме того, в экспертных суждениях встречаются и другие оценки. Например, утверждается, что доминирующей формой идентичности русских, проживающих в Москве, является их локальная городская — московская — идентичность, т.е. они воспринимают себя в первую очередь как *москвичей*.

Эта точка зрения действительно соответствует выявленной ранее (рис. 1) приоритетной позиции в ранжированной системе важнейших факторов, определяющих идентичность жителей московского региона

Еще одна, хотя не вполне отчетливо выраженная, экспертная позиция интересна не только в содержательном аспекте, но и с точки зрения подхода к ответу на поставленный вопрос: логика подхода предполагает отказ от восприятия русских, населяющих московский регион, как однородной группы. Сторонники данной позиции считают невозможным или затруднительным генерализировать и автоматически распространять суждения о главных признаках самоидентификации русских на все русское население Москвы и Подмосковья.

Для получения верного представления о ситуации эксперты полагают необходимым предварительно дифференцировать русское население столичного региона по ключевым социально-демографическим признакам, раскалывающим «монолит» русского населения на отдельные социальные группы — для каждой такой группы в большей или меньшей степени может быть характерен свой тип идентичности. Более того, можно говорить и об индивидуальном уровне идентичности, о личных моделях самоопределения русского человека из числа жителей Москвы и области: нет общего для всех русских главного признака, будь то национальность или положение в обществе; используемый критерий самоидентификации зависит от конкретного человека, его воспитания, культурно-образовательного уровня, наличной жизненной ситуации. Подобный методологический подход к этничности и идентичности Роджерс Брубейкер обозначил как «антигруппистский», противостоящий классическому модернизационному подходу, приписывающему этническим группам сущностные характеристики. Однако нельзя утверждать, что эксперты, не считающие нужным дифференцировать подобным образом идентификационные тренды в сознании русских москвичей, принципиально придерживаются эссенциалистских взглядов, и, тем более что эти взгляды преобладают в их выводах о доминирующих формах идентичности.

Таким образом, в совокупности факторов идентичности первой и второй важности приоритетным для русского человека, проживающего на территории Москвы и области, является восприятие себя в качестве *жителя конкретного города* — как участника повседневной социокультурной динамики по месту жительства.

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Вторым по значимости признаком русской идентичности жителей московского региона является *национальность*, поэтому несомненный интерес представляет то содержание, которое респонденты вкладывают в понятие «русский». Что же, по мнению русского населения Москвы и Подмосковья, необходимо, чтобы считаться русским, и насколько важны отдельные обстоятельства? Прежде всего это непосредственное, рационально неартикулируемое *ощущение русскости*: 95% опрошенных именно так, на чувственном уровне, воспринимают свою этническую принадлежность. Следом идет *«активный патриотизм»*, выражающий ответственность москвичей за свою землю, их готовность защищать ее от врагов (94,4%) и общение на *родном языке* (94%).

Вторая группа объединила признаки, статистический вес которых варьирует в диапазоне 84—86%, — это *уважение к российской государственности*, *постоянное проживание в России* и *генетически русское происхождение*. При этом последние два обстоятельства, по мнению участников опроса, не обязательно связаны с *рождением на территории России* — важность этого условия признается меньшим числом респондентов (71,2%). Примерно столько же (72,9%) отмечают, что для того, чтобы считаться русским, надо *быть православным*.

Говоря о данном распределении в целом, следует отметить высокую консолидированность мнений по вопросу о чертах национальной идентичности: все отмеченные респондентами обстоятельства, в конечном счете формирующие чувство принадлежности русскому этносу, признаются большинством. Даже самый статистически «слабый» признак, по сути расширяющий узко национальное мышление до осознания полиэтничности социума — *быть ответственным за все народы, живущие в России* — по мнению 62,4% опрошенных, является неотъемлемым атрибутом русского человека.

Разумеется, данное распределение имеет отклонения от средних в разных социально-демографических группах, но в большинстве случаев они не выходят за пределы статистической ошибки. Наиболее заметны колебания в суждениях по поводу конфессиональной принадлежности: на православности как черте русского человека более других настаивают представители старших поколений (примерно 79% 50—59-летних и 63,6% тех, кто на 20 лет моложе), женщины (76,5%, против 68,4% мужчин). Кроме того, представители молодых поколений в меньшей степени, чем их старшие сограждане, склонны уважать политический строй.

Для обобщения полученной картины из совокупности рассмотренных признаков методом факторного анализа были выделены три главных компонента русской идентичности:

— фактор № 1 — *«исторический суверенитет»*: ощущение русского мира, гражданское уважение к его историческим проявлениям и социально-политическим проекциям, принятие ответственности за исторические судьбы всех этносов, составляющих многонациональный социум России (фактор на начальном этапе объяснял 27,4% полной дисперсии);

— фактор № 2 — *«почвенничество»*: признание генетической связи с родной землей, убеждение, что быть русским можно «по природе», для этого нужно ро-

диться и жить в России (первичная объясненная дисперсия фактора — 14,1% общей дисперсии);

— фактор № 3 — *«этнопатриотизм»*: преданность отечеству, верность русским культурным традициям и признание православной веры в качестве неотъемлемой черты русского характера (первоначально фактор объяснял 10,9% совокупной дисперсии).

Для извлеченных факторов была выполнена стандартная процедура вращения методом варимакс с нормализацией Кайзера. Полученная после поворота факторов модель суммарно объясняет 52,4% полной дисперсии. Принятие этих факторов идентичности позволяет на более высоком уровне обобщений формировать представление о процессах идентичности русских в современном российском социуме.

Интегрируя частные характеристики, можно в системе основных параметров обозначить социально-демографический рельеф зон влияния выделенных факторов. В результате каждый из факторов идентичности имеет определенный социально-демографический профиль значимости. Так, влияние фактора № 1 в вопросе идентичности распространяется чаще всего на мужчин среднего возраста (40—49 лет), со средним или средним специальным образованием, невысоким уровнем доходов, проживающих в Москве. Профиль влияния фактора № 2 в целом близок предыдущему, за исключением того, что значимость этого фактора для самоидентификации в большей мере ощущает житель не столицы, а подмосковного города, со средним достатком. Наконец, фактор № 3 важен для идентификации в большей мере женщин из возрастной категории 50—59 лет, с низким уровнем образования и доходов, проживающих в Подмосковье.

В рамках темы этнической идентичности респонденты могли обозначить степень важности некоторых наиболее действенных детерминант национального единства. Распределения ответов на серию соответствующих уточняющих вопросов, предложенных участникам исследования, открывают возможность более глубокого и точного понимания механизмов формирования у жителей московского региона ощущения единства русского этноса. Данные свидетельствуют, что интеграция этноса, в представлениях участников опроса, идет одновременно по нескольким направлениям, каждое из которых сверхзначимо: в системе таких измерений возникает своеобразие и единство национального, в данном случае русского, мира, задается его ценностный базис.

Важность таких признаков, как (а) национальная культура, традиции и обычаи, (б) происхождение и историческое прошлое, (в) язык и (г) историческая родина, Россия, для объединения русских признается респондентами практически единогласно (примерно 95—96%). Влияние религии на единство этноса чуть ниже (86,9%), особенно по мнению тех, кто не считает себя верующим (80,2%).

Дальнейшая разметка пространства русской идентичности, в соответствии с методикой исследования, шли путем сопоставления самими респондентами на предельно общем уровне русских с другими народами. Респондентам были предложены два суждения, отношение к которым могло варьировать от категорического несогласия до полного согласия: (1) «В мире нет людей лучше, чем рус-

ские» и (2) «Чем большее влияние оказывают русские на другие народы, тем лучше для этих народов». Полученные данные говорят о высокой солидарности оценок: согласие, причем почти безоговорочное, с тезисом, что русские — лучшие люди в мире, и с утверждением о благотворном влиянии русских на другие народы выражено практически единодушно и очень отчетливо, «на чистой ноте» убежденности. Такая гипертрофированная самооценка преобладает во всех социально-демографических группах, хотя и имеет некоторые статистические отклонения от средних значений, например, неверующие люди с большей осторожностью склонны соглашаться с предложенными тезисами.

Подобную далеко несамокритичную позицию респондентов в вопросе этнической идентичности можно воспринимать как своеобразную реставрацию традиционной хоругви «богоизбранности» русского народа, но, скорее всего, это все же рефлексивная защитная реакция на этнокультурную агрессию возникающих и множащихся мигрантских анклавов. Этот всплывший в сознании русских стереотип, удостоверенный весьма высоким баллом оценок (4 балла) (2), способствует поддержанию пассионарного духа и исторического оптимизма нации, но одновременно препятствует ее критическому самоанализу.

Если на полученное распределение взглянуть с точки зрения ранее выделенных факторов идентичности, то можно отметить закономерный факт, что этническое позиционирование в большей мере свойственно респондентам, для которых почвенничество — определяющий фактор самоидентификации (рис. 2).

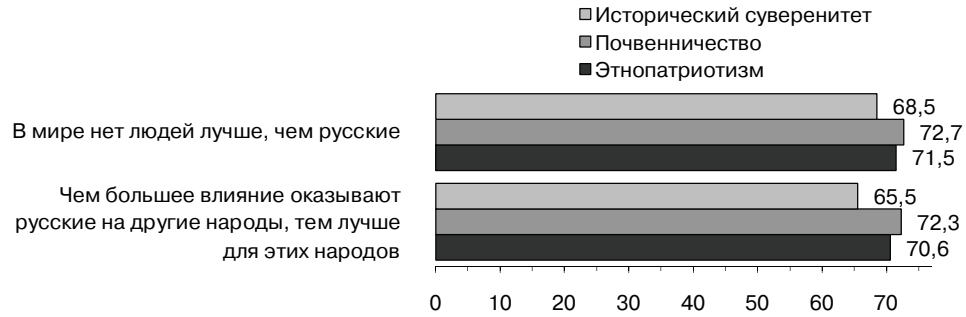


Рис. 2. Этническое позиционирование русских

Экспертное сообщество по поводу реального содержания этнической русской идентичности представило разные суждения, и это, безусловно, свидетельствует, что в настоящее время идет активный поиск и смысловая делимитация сути «русскости». В рамках актуализации темы этнической идентичности вопрос «Что нужно для того, чтобы считаться русским?» пока еще вызывает заметное затруднение даже у экспертов, нередко вместо определенных ответов предлагающих множественные, нечеткие, субъективно окрашенные, с размытыми семантическими берегами.

Сложность в определении «русскости» связана с существованием принципиально различных подходов к соотнесению русских с определенным типом этнонациональной общности. Эксперты определяют русских как следующие специфические социальные группы.

Полиэтнос, агрегирующий разные этнические группы. По мнению специалистов, русские не являются этносом в собственном смысле слова. В силу исторического пути России в русском как этническом фенотипе представлены и татары — с Востока, и шведы и Литва — с Запада. На территории исторической Руси, в разнообразных условиях внешней среды, торговых, военных и иных отношений происходило постоянное перемешивание генетического и культурного материала. В результате такого взаимодействия факторов бытия русского этноса, его социоприродной эволюции, русские — полиэтнос. Этим, между прочим, эксперты объясняют большую толерантность русских, нежели многих других этнических групп. Однако именно полиэтничность состава затрудняет для русских осознание своей особости, маркировку точных границ своей этнической сути и самой нации.

Государствообразующий этнос, который «выше» текущей эмпирики узкоэтнического бытия и которому свойственно наднациональное сознание своих исторических целей. По мнению специалистов, такое понимание ведет к реставрации дореволюционной ситуации, когда русский народ был стержнем империи, под его крылом и под сенью православия все остальные этносы и народы нормально сосуществовали и развивались, православие никого ни к чему не принуждало, хотя было государственной религией. Это, по сути, возвращение к имперскому сознанию, имперской миссии русского народа по обустройству России со всеми населяющими ее этносами в новых исторических и геополитических условиях. В соответствии с данной позицией русский этнос обладает особым статусом относительно других этнических групп, что в контексте современного права порождает юридически трудноразрешимые вопросы и едва ли может обеспечить конструктивную коммуникацию с этническими группами, которым отводится периферийная роль.

Тем не менее, несмотря на затруднения, обусловленные таким подходом, определение русского этноса как государствообрзующего, исторически станового встречается в значительной части экспертных интервью. Более того, представление экспертов о «русскости» воспроизводит замысел нынешних амбициозных модернизационных проектов, соотносящих нацию с государством и направленных на осуществление «национального рывка» в будущее, организацию «русского чуда» — экономического, технологического, политического и цивилизационного прорыва. В данном контексте принципиальную важность обретает вопрос о критериях соответствия реального, исторически определенного, социального агента такого национально-государственного строительства эмпирически вычлененному, должному содержанию «русскости».

Стремление обнаружить объективные основания «русскости», как правило, приводит экспертов к культурному и этническому («кровному») ее определению, что можно сопоставить с двумя известными моделями современного национализма. *Этнический* подход предполагает признание первостепенной важности русских «родовых корней», преемственности генетических качеств — в той мере, в какой необходимо, чтобы представители этноса не переставали считать себя и своих соплеменников русскими. *Культурный* подход, который в настоящее время является доминирующим, выражается следующим принципом: чтобы быть русским

(по собственным ощущениям и в восприятии других), необходимо владеть русским языком, быть причастным русской культуре, в частности, через фольклор и классическую русскую литературу, знать историю России и чувствовать себя русским, проявлять «архетипическую» русскость в актах мышления и поведения.

Названные подходы могут проявляться и в методологически чистом виде, и — чаще — в комплексных, смешанных вариантах, когда в качестве критериев русскости эксперты указывают признаки, характерные для обоих подходов. Однако доминирование культурной модели русскости актуализирует необходимость рассмотрения этнической идентичности в иных аспектах, выявленных в ходе массового опроса, в том числе с точки зрения базовых ценностей, определяющих содержание русскости.

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Другим самостоятельным основанием идентичности русских москвичей, наряду с этническим, служит *гражданское самоопределение*. В общей структуре идентификаторов гражданское чувство, как было отмечено ранее, занимает третью позицию. Как и в случае с этнической принадлежностью, гражданская позиция участников опроса, по сути, однополярна и выражена общим высококонсолидированным мнением. Русское население московского региона почти единогласно утверждает высокую значимость (средняя оценка 4 балла) таких гражданских скреп нации, как *гордость за свою страну*, *гражданство России*, принадлежность ее общественно-государственному целому.

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Вопрос религиозной идентичности русских в настоящий момент является одним из наиболее запутанных и заслуживает отдельного обсуждения. Недавний исторический опыт государственного атеизма, бурный процесс «второго крещения Руси» и глобальная цивилизационная среда текущего момента задают сложную фактуру отношений русского человека к религии вообще, к православию в частности и к атеизму как особой форме проявления русскости. В формирование этого сюрреалистического узора вплетаются и отношения к другим религиям. Весь этот религиозно-мировоззренческий композит с необходимостью участвует в кристаллизации религиозной идентичности русских, проживающих на территории Москвы и Московской области.

Прежде всего, представляет интерес простая статистика, раскрывающая формальную принадлежность респондентов тому или иному вероисповеданию: четыре пятых (79,4%) русского населения московского региона считают себя православными, которые вместе с небольшой группой (3,6%) адептов более универсального «общехристианского» конфессионального «неформата» составляют 83% верующих в Христа. Почти вшестеро меньшую долю (14,8%) составляют атеисты. Фактически этим выбором и исчерпывается все религиозно-конфессиональное разнообразие московского региона, причем данное распределение не имеет каких-либо значимых социально-демографических изломов.

Женщины традиционно чуть более активно декларируют свою религиозность, чем мужчины, так же как и представители старших поколений в сопоставлении с молодежью.

Несколько неожиданной оказалась положительная корреляция религиозного чувства с уровнем образования: респонденты с высшим образованием и ученой степенью чаще заявляют о своей вере, нежели люди со средним и тем более начальным образованием (интерпретация данного факта выходит за рамки аналитических возможностей статьи).

Принимая в расчет представленные статистические характеристики, необходимо подчеркнуть, что сама по себе конфессиональная принадлежность, конечно же, не означает автоматической идентификации этноса по религиозному признаку. Выяснение его действенности в формировании идентичности требует дополнительных инструментов.

Исходя из этого для воцерковленной части русского населения московского региона важный информационно-аналитический контекст создают обобщенные оценки значимости своей религиозной идентичности и практического вероисповедания. Полученные эмпирические данные подтверждают высокий статус таких принципов религиозного единства русской нации, как *принадлежность православной церкви* и *гордость своей причастностью к православию*. Жители Москвы и области из числа русских с высокой степенью согласия признали принципиальную важность для них этих условий собственной религиозной детерминированности: оценки названных факторов (4,5 и 4,6 балла соответственно) близки к своим абсолютным величинам и явно выше тех, что были получены в отношении этнической и гражданской идентичности.

Интенсивность личной обрядовой практики позволяет лучше понять укорененность и глубину религиозного чувства православных русских, проживающих в московском регионе: наиболее распространенная регулярность участия в богослужении — несколько раз в год, характерная для трети (36,8%) русского населения Москвы и области, которое относит себя к какой-либо религии. Чуть чаще — раз в месяц — и, напротив, несколько реже — раз в год — ходит на службу в церковь почти каждый пятый верующий столичного региона из числа русских (18,8% и 17,1% соответственно). Другая пятая часть (19,3%) вовсе не посещает церковь, образуя за церковной оградой, по сути, группу «номинальных православных»; 5,4% православных жителей региона ходят на службы еженедельно.

Такова в общих чертах модель нынешней идентичности русского населения московского региона, полученная по результатам социально-гуманитарной экспертизы процесса этнизации массового сознания русских в Москве. Характеристика и анализ причин, факторов и содержания этого развивающегося явления будут представлены в следующей статье.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Сумма числовых показателей превышает 100%, так как данный вопрос допускал возможность двух вариантов ответа.

(2) Оценка по пятибалльной шкале, от «1» — полного несогласия, до «5» — полного согласия.

ЛИТЕРАТУРА

[1] *Алисов Н.А., Гаспаришвили А.Т., Исаев А.К., Оносов А.А.* Трудовая миграция в Москве: факты, мнения, перспективы (Ситуационный анализ и моделирование национальной миграционной стратегии). М.: Изд-во Московского университета, 2015.

MEASUREMENTS OF THE RUSSIAN IDENTITY: SOCIOLOGICAL ASSESMENTS AND HUMANITARIAN EXPERTISE

A.A. Onosov[1], A.T. Gasparishvili[2]

[1]Sociology Chair
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya St., 10/2, Moscow, Russia, 117198

[2]Institute of Sociology
Russian Academy of Sciences
Krzhizhanovskogo St., 24/35, Bldg.5, Moscow, Russia, 117218

Within the framework of the existing scientific approaches, the authors consider the process of ethnization of the Russians' mass consciousness under the expanding internal and external labor migration in Russia. The article presents the results of the situational analysis and humanitarian expertise of the set of key challenges determined by the migration. Based on the statistics, opinion polls data and expert assessments the article describes the empirical model of the identity of ethnic Russian population of Moscow and the Moscow region as the major centers of attraction for international migrants. The comprehensive analysis of the issues and controversies of the labor migration in the region and relationships of ethnic groups living in the region is preceded by the description of the identity of native inhabitants of the region as perceived by the ethnic Russian population. To measure the identity for the axiological ranking the authors use a number of relatively independent variables besides ethnic (national) identity: religious involvement, civilizational orientation, cultural, professional, territorial and other important features. Thus, the authors present a multi-dimensional space of identity, in which each dimension has its specific meaning for personal self-identification and its own scale for assessing particular attributes.

Key words: identity; labor migration; ethnic identity; ethnization; civil identity; religious identity; public opinion; humanitarian expertise.

REFERENCES

[1] *Alisov N.A.*, *Gasparishvili A.T.*, *Isaev A.K.*, *Onosov A.A.* Trudovaja migracija v Moskve: fakty, mnenija, perspektivy (Situacionnyj analiz i modelirovanie nacional'noj migracionnoj strategii) [Labour migration in Moscow: Facts, estimates, perspectives (Situational analysis and models of national migration strategy)]. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2015.

ГРАЖДАНСКАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК МАРКЕРЫ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ*

С.Г. Максимова[??], А.Г. Морковкина[??]

[1]Кафедра психологии коммуникаций и психотехнологий
Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, Барнаул, Россия, 656099

[2]Кафедра социологии коммуникативных систем
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ленинские горы, МГУ, 1-33, Москва, Россия, 119234

В статье представлены результаты исследования гражданской и этнической идентичности и состояния сферы межэтнических отношений в восьми субъектах Российской Федерации, расположенных вблизи государственных границ: Алтайского края, Амурской области, Еврейской Автономной области, Забайкальского края, Кемеровской области, Омской области, Оренбургской области, Республики Алтай. Сбор первичных данных был осуществлен методом анкетного опроса. На основе анализа полученных данных констатируется приоритет гражданской идентичности для жителей приграничных регионов Российской Федерации. Определены преобладающие основания гражданской и этнической идентичности. Между исследованными регионами выявлены существенные различия в уровне проявления различных типов идентичности: наибольшая степень отождествления с гражданским и этническим сообществами отмечается в Кемеровской области, наименьшая — в Забайкальском крае. Также дана оценка характеристик межэтнических отношений, сделаны выводы об их динамике и уровне межэтнической напряженности в каждом из регионов. Наиболее проблемными в этом отношении регионами среди вошедших в исследование можно считать Забайкальский край и Омскую область. В ходе исследования выявлен ряд эмпирических фактов, требующих дальнейшей научной интерпретации: например, наличие в отдельных регионах статистически значимых долей населения с крайне низким уровнем национально-государственной идентификации как таковой.

Ключевые слова: социальная идентичность; гражданская идентичность; этническая идентичность; межэтнические отношения; межэтническая напряженность; жители приграничных регионов; трансграничные регионы.

В последние десятилетия в России одной из значимых задач является поиск источника национального единства. Давно ведутся дискуссии об источниках солидаризации общества, о том, что могло бы выступить национальной идеей страны. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. говорится о необходимости поддержки программ формирования национально-государственной идентичности россиян, единой российской нации [1. С. 177]. Для приграничных регионов страны как более откры-

* Статья подготовлена при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках конкурсной части государственного задания в сфере научной деятельности ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет». Код проекта: 1475 «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации».

тых для взаимодействия с другими государствами, миграционных потоков, эта задача наиболее актуальна. В современном мире в связи с процессами глобализации и детрадиционализации идентичность проблематизируется, становится менее определенной и устойчивой. В этих условиях выяснение характеристик ее составляющих особенно важно для определения наиболее эффективных мер, направленных на установление общественного согласия.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Впервые появившись в работах Д. Локка и Д. Юма, понятие идентичности получило достаточно широкое отражение в психологических, антропологических, политологических, социологических теориях. В соответствии с определением английского психолога Г. Тэджфела, социальная идентичность — «та часть Я-концепции индивида, которая возникает из осознания своего членства в социальной группе вместе с ценностным и эмоциональным значением, придаваемым этой группе» [12], то есть его самоотождествление с определенной общностью.

Социальная идентичность включает в себя множество структурных компонентов, в число которых входят этническая и гражданская идентичность.

Одна из проблем, связанная с изучением этнической идентичности, состоит в отсутствии полного согласия относительно значения понятия «этнос». С.М. Широкогоров, один из авторов концепции этноса в России, дает следующее его определение: «группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладов жизни, хранимых и освященных традицией и отличаемых ею от таковых других групп» [6]. Признаками принадлежности к этносу, исходя из этого, являются язык, единство происхождения и черты культуры. Часто этот ряд дополняется общностью территории, что можно считать верным лишь для ранних этапов истории этнических общностей. Общность языка — также достаточно неоднозначный критерий, поскольку владение языком далеко не всегда означает принадлежность к определенной группе.

Формирование этнической идентичности чаще всего рассматривается с точки зрения двух подходов: теории социальной идентичности Г. Тэджфела и Дж. Тернера и концепции двух измерений идентичности Дж. Берри.

Согласно подходу Тэджфела и Тернера идентификация с той или иной группой прежде всего зависит от категоризации, оценочного сравнения этих групп [12]. Процесс установления этнической идентичности неразрывно связан с наделением своей общности определенными стереотипными характеристиками, обособлением ее от чужих, их противопоставлением. Индивид, как правило, стремится положительно оценить группы, к которым принадлежит, отдает им преимущество в сравнении с внешними группами. Более того, согласно выводам недавнего исследования представители группы склонны считать верования и убеждения внутри своей группы скорее верными, а убеждения представителей других групп — скорее ошибочными [9].

В соответствии с концепцией Дж. Берри социальный субъект способен идентифицировать себя не только с группой, к которой он принадлежит по происхож-

дению. Предложенная им шкала предусматривает возможность полного отождествления со своей или чужой группой, более низкие степени идентификации с одной из них, а также чувство принадлежности к двум группам одновременно [7].

Гражданская идентичность чаще всего отождествляется с национальной идентичностью, где нация понимается как совокупность граждан государства, в первую очередь политическая общность. Р.Ю. Шикова выделяет в структуре гражданской идентичности государственную идентичность — осознание принадлежности к определенному государству и вытекающих из нее прав и обязанностей, патриотизм — ценностное наполнение гражданской идентичности, гражданственность — проявление интереса к происходящему в стране, стремление к участию в деятельности институтов гражданского общества [5].

Гражданская идентичность тесно связана с этнической, они способны усиливать одна другую или конкурировать в зависимости от того, принадлежит ли индивид к титульному этносу в данном государстве.

Согласно выводам Сванна и др. разные типы идентичностей далеко не всегда четко разделены в сознании индивида и могут накладываться друг на друга, образуя единую, смешанную идентичность [11]. По утверждению Л.М. Дробижевой, именно совмещенные, а не противодействующие друг другу множественные идентичности (гражданская, этническая, региональная, локальная) являются признаком гармоничного развития общества [3]. Частное подтверждение этому предоставляют данные исследования Айер и др., в котором была выявлена более успешная адаптация к изменениям у людей с множественной идентичностью [8].

Трансформационные процессы, происходящие в современном мире, накладывают существенный отпечаток на характеристики гражданской и этнической идентичности, формы их проявления и уровень значимости, что определяет необходимость совершенствования существующих теоретических подходов и подкрепления их достоверными эмпирическими данными.

ОРГАНИЗАЦИЯ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ характеристик гражданской и этнической идентичности был проведен на основе данных социологического исследования «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации», осуществленного в 2015 г. (объем выборочной совокупности составил n = 3600, возраст респондентов — от 15 до 75 лет). В исследовании были задействованы 8 субъектов Российской Федерации: Алтайский край, Амурская область, Еврейская Автономная область, Забайкальский край, Кемеровская область, Омская область, Оренбургская область, Республика Алтай.

Для оценки состояния исследуемых явлений были использованы следующие показатели:

— степень отождествления с гражданами России, жителями своего региона, населенного пункта, представителями своей национальности, веры, профессии и т.д. (от 1 — «в значительной степени» до 4 — «не ощущаю близости»);

— индексы уровня идентификации с этническими группами, гражданским и религиозным сообществами, подсчитанные на основе оценки 18 высказываний (от 1 — «абсолютно не согласен» до 5 — «абсолютно согласен»);

— отождествление себя с одной или несколькими этническими группами;

— отношение к представителям других национальностей;

— отношение к национальной политике государства;

— оценка уровня и динамики межэтнической напряженности в стране и регионе;

— оценка выраженности характеристик межэтнической сферы по шкале от 1 до 10.

Для уточнения параметров гражданской и этнической идентичности в регионах был проведен кластерный анализ методом К-средних на основе индексов уровня идентификации с гражданским сообществом и этническими группами.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В целом для изученных регионов был зафиксирован достаточно высокий уровень гражданской идентичности. С гражданами России себя ассоциируют 97,9% жителей приграничных регионов. При этом значительную близость с этой общностью ощущают 78,9% респондентов, а небольшую степень близости — 16,8%. Уровень гражданской идентичности превышает уровни как локальной, так и этнической идентичности: значительную степень близости с жителями своего населенного пункта отметили 75,0% опрошенных, с жителями своего региона — 72,9%, с представителями своей национальности — 67,5%. С представителями своей веры высокую степень близости ощущает значительно меньшее число респондентов — 45,1%.

Значения названных показателей в различных субъектах Российской Федерации существенно различаются (χ^2, $p < 0,05$, табл. 1). В наибольшей степени среди исследованных регионов выделяется Забайкальский край: его жители в значительно меньшей степени ощущают близость с гражданами России, жителями своего края и города, представителями своей национальности. В частности, значительную степень близости с гражданами России отметили лишь 56% его жителей, в то время как для остальных субъектов это число превышает 80%. Отчасти такую ситуацию можно объяснить тем, что данный субъект РФ был образован сравнительно недавно — в 2008 г., путем объединения двух достаточно разнородных по составу регионов, а также невысокой плотностью населения (2,3 чел./км^2).

В связи с этим следует также упомянуть результаты исследования, проведенного в Забайкальском крае, констатирующие негативный имидж региона среди его жителей и высокий уровень оттока населения в другие регионы России [4]. В Кемеровской области уровень отождествления жителей со всеми перечисленными общностями является наиболее высоким. В особенности выделяется уровень локальной идентичности, который превышает не только соответствующие показатели по другим регионам, но и — в небольшой степени — уровень гражданской идентичности в данной области.

Таблица 1

Сравнительное распределение ответов на вопрос «Ощущаете ли Вы близость с перечисленными общностями, и в какой степени?» (ответ «в значительной степени»), % по столбцам

Общность	Алт. край	Амур. обл.	Евр. авт. обл.	Забайк. край	Кемер. обл.	Омская обл.	Оренб. обл.	Респ. Алтай
Граждане России	83,3	80,8	80,2	56,0	86,5	81,0	80,6	80,8
Жители своего края, области, Республики	79,3	73,3	71,9	51,9	87,0	71,2	75,0	73,0
Жители своего города, села	80,0	76,6	73,7	56,4	90,5	71,1	75,8	75,0
Представители моей национальности	67,8	74,3	60,8	54,5	79,3	69,7	66,2	67,5
Представители моей веры	38,8	46,7	37,8	39,0	58,4	42,6	58,8	41,8

Социальная идентичность может характеризоваться не только степенью отождествления с определенными общностями, но и эмоционально окрашенными оценками собственной принадлежности. Счастливы принадлежать к своей этнической группе 68,6% опрошенных, гордятся своей принадлежностью к ней 81,7%. Отождествление себя с гражданами России делает счастливыми 81,6% жителей приграничных регионов, заставляет гордиться 85,9%. Следовательно, эмоциональные компоненты представляют собой важную часть идентичности россиян. При этом уровень национальной гордости россиян является далеко не самым высоким в мире. По данным Международной Программы социальных исследований, Россия занимает 21-е место в мире по этому показателю, лидируют же в рейтинге США, Венесуэла и Австралия [10]. Что касается различий между регионами, по всем перечисленным показателям лидируют Еврейская автономная область и Амурская область, жители которых значительно чаще, чем жители других регионов, отмечают гордость и счастье, связанные со своей принадлежностью как к этнической, так и к гражданской общности.

На основе полученных данных можно утверждать, что гражданская идентичность у россиян проявляется в большей степени, чем другие виды социальной идентичности. Быть гражданином государства для 54,0% респондентов значит быть патриотом, любить Россию; для 41,4% — соблюдать законы, уважать Конституцию; для 32,6% — иметь все права, предоставляемые законами страны и пользоваться ими; для 30,4% — понимать свой гражданский долг, иметь гражданскую ответственность, гражданскую совесть; для 29,2% — чувствовать уверенность и стабильность в экономическом и моральном плане. Таким образом, гражданина в представлении современных россиян характеризуют не только патриотизм и осознание своих обязанностей перед государством, но и требование определенных прав и гарантий со стороны государства.

Обратимся к анализу отдельных показателей этнической идентичности. Среди жителей исследованных приграничных регионов 80,4% отнесли себя к русским,

14,4% — к другим этносам. Следует особо отметить тот факт, что при определении собственной национальной принадлежности часть опрошенных (5,2%) обозначали себя как представителей нескольких (двух или трех) этносов, и в подавляющем большинстве случаев одним их них был русский. Это позволяет говорить о присутствии у россиян множественной этнической идентичности.

Для выяснения оснований этнического самоопределения был задан вопрос «Почему Вы относите себя именно к этому народу?». На этот вопрос 73,6% опрошенных ответили «Говорю и думаю на языке этнической группы», 67,7% — «Мои родители — представители этой национальности», 58,9% — «Воспитан на национальной культуре и считаю ее своей». Общность исторического прошлого, территории и государственности оказались гораздо менее популярными версиями. Таким образом, преобладающими основаниями этнической идентичности в изученных регионах являются происхождение и приобщенность к национальной культуре.

Одним из важных аспектов этнической идентичности, непосредственно влияющим на уровень согласия в полиэтническом государстве, являются взаимоотношения между представителями разных этносов. В результате опроса было выяснено, что большинство респондентов испытывает нейтральные (50,9%) или положительные (39,6%) чувства по отношению к представителям других национальностей.

Наибольшую расположенность к другим этническим группам проявили жители Республики Алтай и Еврейской автономной области — субъектов Федерации, в первом из которых этнический состав наиболее разнороден, во втором, напротив, проживают представители наименьшего числа этнических групп (среди исследованных регионов).

Негативные чувства по отношению к представителям других национальностей чаще всего испытывают жители Омской области (16,0%) и Забайкальского края (10,9%).

Различия между регионами в отношении к представителям других этносов коррелируют с их местами в рейтинге межэтнической напряженности Центра изучения национальных конфликтов «Гроздья гнева» [2]. Согласно этому рейтингу среди восьми исследуемых регионов наиболее спокойная, бесконфликтная обстановка наблюдается в Амурской области, Еврейской автономной области, Оренбургской области и Республике Алтай — именно в этих регионах было зафиксировано наиболее доброжелательное отношение к представителям других этнических групп. В Алтайском крае, Забайкальском крае и Кемеровской области ситуация несколько более напряженная: отмечаются преимущественно ненасильственные конфликтные действия или единичные, не связанные друг с другом этнически мотивированные насильственные действия. Наконец, Омской области была присвоена средняя степень межэтнической напряженности: зафиксированы неоднократные случаи целенаправленных этнически мотивированных насильственных действий, а также массовые ненасильственные действия, что соотносится с повышенной распространенностью негативного отношения к представителям других национальностей.

Враждебность к людям других национальностей часто чувствуют 9,9% жителей приграничных регионов, в то время как враждебность к себе со стороны людей других национальностей часто ощущают 5,1%. Свою антипатию к представителям некоторых наций и народов чаще всего аргументируют их нежеланием считаться с российскими обычаями и нормами поведения (22,7%) и предполагаемой угрозой терроризма (20,8%). Возможность массовых кровопролитных столкновений на национальной почве в России допускают 23,4% опрошенных, в месте своего проживания — всего 7,6%. Несмотря на наличие документальных подтверждений различий в уровнях межэтнической напряженности в восьми исследуемых регионах, оценки возможности возникновения конфликтов их жителями различаются несущественно.

Отношение к представителям других этносов выражается и в отношении к проживанию на одной территории с ними. Идею «Россия для русских» в той или иной степени поддерживают 43,6% опрошенных, отрицают ее право на существование 31,6%. Аналогично за ограничение потока приезжих на территорию России выступают 45,1%, против такого ограничения — 32,3%. Существенная часть жителей приграничных регионов считает, что следует ограничить проживание на территории России представителей других этнических групп — в большей степени выходцев с Кавказа (26,1%), китайцев (22,9%), цыган (16,8%). За ограничение проживания выходцев из бывших среднеазиатских республик СССР выступают 12,6% респондентов. Против таких ограничений высказываются 29,6% жителей обследованных регионов. По этому вопросу наблюдаются большие различия между регионами, вошедшими в исследование (табл. 2). Так, в Забайкальском крае, Амурской области и Еврейской автономной области, граничащих с Китаем, наблюдается наибольшее отторжение по отношению к китайцам. В Забайкальском крае также отмечается наибольшее среди всех регионов неприятие выходцев с Кавказа и украинцев. В Кемеровской области наиболее существенная доля респондентов высказалась против неограниченного проживания в стране выходцев с Кавказа. В Омской области 20,5% опрошенных выступили за ограничение проживания на территории России всех наций, кроме русской. Наиболее лояльными по отношению к представителям других национальностей, живущих в России, оказались респонденты из Алтайского края.

Таблица 2

Сравнительное распределение ответов на вопрос «Следует ли ограничить проживание на территории России…», % по столбцам

Варианты ответов	Алт. край	Амур. обл.	Евр. авт. обл.	Забайк. край	Кемер. обл.	Омская обл.	Оренб. обл.	Респ. Алтай
Выходцев с Кавказа	16,4	23,0	26,0	**36,8**	**32,3**	26,3	28,5	22,6
Китайцев	15,1	**27,7**	**27,2**	**35,5**	22,8	17,8	16,9	17,8
Выходцев из бывших среднеазиатских республик СССР	7,5	11,0	8,4	14,2	18,8	20,8	15,1	8,3
Цыган	12,6	19,3	18,5	10,8	17,0	17,8	20,2	16,6
Вьетнамцев	3,0	8,9	5,1	5,3	12,3	16,8	15,9	6,7
Евреев	3,3	4,9	1,4	3,7	2,8	2,8	4,8	4,5
Украинцев	2,1	11,0	5,5	**17,4**	13,3	4,5	6,3	6,4
Всех наций, кроме русской	7,7	14,8	6,3	6,6	10,8	**20,5**	6,0	2,6

Окончание таблицы 2

Варианты ответов	Алт. край	Амур. обл.	Евр. авт. обл.	Забайк. край	Кемер. обл.	Омская обл.	Оренб. обл.	Респ. Алтай
Не следует вводить ограничения на проживание каких-либо наций	**39,6**	28,7	32,6	10,0	26,8	32,5	33,8	30,2

Оценивая динамику межэтнических отношений в России, большинство (41,3%) утверждает, что они не изменились, 26,4% отмечают, что они стали более напряженными, нетерпимыми, 19,8% говорят об их изменении в сторону большей терпимости. Повышение напряженности реже всего отмечают жители Омской области (14,8%), чаще всего — жители Амурской области (35,3%), доли жителей Еврейской автономной области, Оренбургской области и Республики Алтай, заявляющих об ухудшении межэтнических отношений, также превышают среднее значение. Таким образом, если ситуация в наиболее конфликтном регионе видится относительно стабильной, в наиболее спокойных регионах возможно усиление противоречий.

Также была проведена оценка выраженности конкретных параметров межэтнической сферы приграничных регионов с применением 10-балльной шкалы. В среднем по выборке как наиболее часто проявляющиеся (оценка выше 6 баллов) были отмечены следующие параметры: «Помощь друг другу в затруднительных ситуациях вне зависимости от национальной принадлежности», «Дружба между представителями разных национальностей», «Уважительное отношение к представителям другой национальности». Как наименее выраженные (ниже 4 баллов) были оценены следующие характеристики: «Недружелюбные или враждебные высказывания о людях другой национальности», «Хулиганские действия на межнациональной основе, физическое насилие», «Психологическое давление», «Осуждение межнациональных браков», «Недружелюбные высказывания о людях иной веры».

Для уточнения параметров гражданской и этнической идентичности в регионах был проведен кластерный анализ методом К-средних, в ходе которого респонденты были разделены на 4 группы по уровню проявления данных типов идентичности. Процентное распределение представителей данных групп в целом по выборке и по каждому региону представлено в табл. 3. Для первой из них характерен высокий уровень как гражданской, так и этнической идентичности. Во второй группе наблюдается высокий уровень гражданской и средний уровень этнической идентичности. В третьей группе зафиксирован средний уровень идентификации как с гражданским, так и с этническим сообществами. Четвертая группа крайне малочисленна и характеризуется практически полным отсутствием идентификации с гражданами страны и этническими группами.

Доли представителей данных групп существенно различаются в разных регионах (χ^2, $p < 0,05$, табл. 3). Так, доля респондентов с высоким уровнем гражданской и этнической идентичности (1 группа) варьируется от 38,6% до 58,6%. Меньше всего она в Кемеровской области и Алтайском крае, больше всего —

в Амурской и Омской областях. В двух первых названных регионах меньшее количество представителей первой группы компенсируется наибольшими долями представителей группы со средним уровнем идентичности.

Таблица 3

Сравнительное распределение долей групп по уровням гражданской (ГИ) и этнической (ЭИ) идентичности, % по столбцам

Уровни	Алт. край	Амур. обл.	Евр. авт. обл.	Забайк. край	Кемер. обл.	Омская обл.	Оренб. обл.	Респ. Алтай	Всего
1. Высокий уровень ГИ и ЭИ	**39,3**	58,4	54,8	47,4	**38,6**	57,2	49,1	53,0	50,2
2. Высокий уровень ГИ, средний уровень ЭИ	18,0	17,1	**30,5**	**31,7**	12,9	12,9	13,3	19,0	19,4
3. Средний уровень ГИ и ЭИ	**39,1**	20,3	13,2	19,3	**47,5**	31,5	36,6	22,6	27,9
4. Низкий уровень ГИ и ЭИ	3,5	4,2	1,6	1,7	1,0	1,3	1,0	**5,5**	2,5

По долям представителей группы с высокой гражданской и средней этнической идентичностью значительно выделяются Забайкальский край и Еврейская автономная область (31,7% и 30,5%, соответственно, при 19,4% по выборке в целом). Доля представителей последней группы с крайне низким уровнем гражданской и этнической идентичности наиболее высока в Республике Алтай. Это сигнализирует о том, что при внешне благоприятной ситуации в данном регионе часть жителей не чувствует никакой принадлежности к гражданскому и этническому сообществам.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

Проведенное исследование показало, что у жителей приграничных регионов России гражданская идентичность развита в большой степени и превалирует среди других типов социальной идентичности. В большей степени она опирается на патриотизм и гражданскую ответственность, а также ожидание гарантий безопасности и благосостояния от государства. Этническая идентичность имеет меньшую степень выраженности, но также является значимым компонентом социальной идентичности. Основаниями соотнесения с определенными этническими группами чаще всего выступают приобщенность к этнической (национальной) культуре и происхождение.

Результаты исследования позволяют говорить о существенных различиях между отдельными регионами по изученным параметрам. В Амурской области, Еврейской автономной области, Оренбургской области, Республике Алтай, Алтайском крае наблюдаются как достаточно высокий уровень идентификации со значимыми социальными общностями, так и в целом спокойные межэтнические отношения. В то же время в Республике Алтай присутствует небольшая часть насе-

ления, не считающего себя включенным в гражданское и этническое сообщества, на что следует обратить внимание. Несмотря на в целом благоприятное состояние межэтнической сферы в пяти перечисленных регионах именно в них чаще отмечается повышение напряженности отношений.

В Кемеровской области зафиксированы наиболее высокие показатели идентификации, но при этом наибольшее среди всех регионов отождествление с этническими группами сочетается с достаточно высоким уровнем неприятия представителей других этносов, в особенности выходцев с Кавказа. В Омской области показатели гражданской и этнической идентичности также высоки, однако очень высока и враждебность к представителям других этносов. Забайкальский край характеризуется пониженным уровнем идентификации с гражданским сообществом и заметной враждебностью к различным этническим меньшинствам.

Таким образом, анализ полученных данных свидетельствует о необходимости практических мер, направленных на гармонизацию межэтнических отношений, не только в традиционно неблагополучных регионах, но и в субъектах Федерации, характеризующихся в целом благоприятной обстановкой.

ЛИТЕРАТУРА

[1] *Горшков М.К.* Российская идентичность в условиях трансформирующихся процессов // Вестник российской нации. 2008. № 1.

[2] Гроздья гнева. Рейтинг межэтнической напряженности в регионах России // ЦИНК, 2014. URL: http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/01/index.html.

[3] *Дробижева Л.М.* Теоретические проблемы изучения гражданской идентичности и социальная практика // Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы «ПЕРСПЕКТИВЫ», 2014. URL: http://www.perspektivy.info/rus/gos/teoreticheskije_problemy_izuchenija_grazhdanskoj_identichnosti_i_socialnaja_praktika_2014-09-10.htm.

[4] *Зимина Н.С., Колпакова Т.В.* Внутренний имидж Байкальского региона в контексте его социокультурного развития (на примере Забайкальского края) // Современные проблемы науки и образования. 2014. №6.

[5] *Шикова Р.Ю.* Гражданская идентичность современной молодежи: социокультурный анализ (на примере республики Адыгея): Автореф. дисс. ... к.с.н. Майкоп, 2010.

[6] *Широкогоров С.М.* Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. М., 2010.

[7] *Berry J.W.* Acculturation and psychological adaptation review // Journeys into Cross-Cultural Psychology: Selected papers from the 11th International conference of the International association for cross-cultural psychology held in Liege, Belgium. Ed. by A.M. Bouvy. Liege, 2006.

[8] *Iyer A., Jetten J., Tsivrikos D., Postmes T., Haslam S.A.* The more (and the more compatible) the merrier: Multiple group memberships and identity compatibility as predictors of adjustment after life transitions // British Journal of Social Psychology. 2009. № 48.

[9] *Nasie M., Bar-Tal D., Pliskin R., Nahhas E., Halperin E.* Overcoming the barrier of narrative adherence in conflicts through awareness of the psychological bias of naive realism // Personality and Social Psychology Bulletin. 2014. № 40.

[10] *Smith T.W.* National pride in comparative perspective // The International Social Survey Programme 1984—2009: Charting the Globe. London: Routledge, 2009.

[11] *Swann W.B.Jr., Gamez A., Seyle C.D., Morales F.J., Huici C.* Identity fusion: The interplay of personal and social identities in extreme group behavior // Journal of Personality and Social Psychology. 2009. № 96.
[12] *Tajfel H., Turner J.C.* The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of Intergroup Relations. Ed. by S. Worchel, W.G. Austin. Chicago: Nelson-Hall, 1986.

CIVIC AND ETHNIC IDENTITY AS MARKERS OF INTER-ETHNIC RELATIONS IN THE RUSSIAN BORDER REGIONS

S.G. Maximova, A.G. Morkovkina

Psychology of Communications and Psycho-Technologies Chair
Altai State University
Lenina prosp., 61, Barnaul, Russia, 656099

Sociology of Communication Systems Chair
Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory, MGU, 1, Bldg. 33, Moscow, Russia, 119234

The article presents the results of the study of civil and ethnic identities and the sphere of interethnic relations in eight Russian regions located near the state borders: the Altai region, Amur region, Jewish Autonomous region, Trans-Baikal region, Kemerovo region, Omsk region, Orenburg region, and the Altai Republic. The authors conducted a survey to gather empirical data and identify the priority of civic identity for the residents of border regions of Russia, and the dominant grounds of civil and ethnic identities. The results of the survey show significant regional differences in the level of different identities manifestation: the highest degree of identification with the civil and ethnic communities is typical for the Kemerovo region, the lowest — for the Trans-Baikal region. The authors assess the characteristics of inter-ethnic relations, and make conclusions about their dynamics and the level of inter-ethnic tension in each region: the most problematic regions in this respect are the Trans-Baikal region and Omsk region. The study identified a number of facts, which require further scientific interpretation, for example, in some regions there are statistically significant proportions of the population with a very low level of national-state identification.

Key words: social identity; civic identity; ethnic identity; interethnic relations; ethnic tensions; inhabitants of border regions; cross-border regions.

REFERENCES

[1] *Gorshkov M.K.* Rossiyskaya identichnost v usloviyah transformiruyuschihsya protsessov [Russian identity under the transformation processes] // Vestnik rossiyskoy natsii. 2008. № 1.
[2] Grozdya gneva. Reyting mezhetnicheskoy napryazhennosti v regionah Rossii [The grapes of wrath. Rating of inter-ethnic tensions in the regions of Russia]. *TsINK*. 2014. URL: http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/01/index.html.
[3] *Drobizheva L.M.* Teoreticheskie problemyi izucheniya grazhdanskoy identichnosti i sotsialnaya praktika [Theoretical problems of studying civil identity and social practice]. *Setevoe izdanie Tsentra issledovaniy i analitiki Fonda istoricheskoy perspektivyi «PERSPEKTIVY»*, 2014. URL: http://www.perspektivy.info/rus/gos/teoreticheskije_problemy_izuchenija_grazhdanskoj_identichnosti_i_socialnaja_praktika_2014-09-10.htm.

[4] *Zimina N.S., Kolpakova T.V.* Vnutrenniy imidzh Baykalskogo regiona v kontekste ego sotsiokulturnogo razvitiya (na primere Zabaykalskogo kraya) [Internal image of the Baikal region in the context of its social and cultural development (on the example of Trans-Baikal region)]. *Sovremennyie problemy nauki i obrazovaniya*. 2014. No. 6.

[5] *Shikova R.Yu.* Grazhdanskaya identichnost sovremennoy molodezhi: sotsiokulturnyiy analiz (na primere respubliki Adygea) [Civil Identity of Today's Youth: Socio-Cultural Analysis (on the example of the Republic of Adygea)]. Avtoref diss. k.s.n. Maykop, 2010.

[6] *Shirokogorov S.M.* Etnos. Issledovanie osnovnyih printsipov izmeneniya etnicheskih i etnograficheskih yavleniy [Ethnos. A Study of the Changes in the Basic Principles of Ethnic and Ethnographic Phenomena]. Moscow, 2010.

ОЦЕНКА РЕПУТАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ (на примере Смоленской области)*

Н.Н. Розанова

Кафедра управления
Смоленский государственный университет
ул. Пржевальского, 4, Смоленск, Россия, 214000

С развитием информационного общества нематериальные активы в большей степени становятся фактором существенного конкурентного преимущества. На уровне региона репутационный капитал превращается в мощный инструмент повышения его инвестиционной привлекательности. Важнейшей составляющей репутационного капитала региона является такой значимый политический ресурс как репутация региональной власти. Положительная репутация региональной власти может и должна стать одним из ключевых нематериальных ресурсов развития системы регионального управления, который способен усилить действия власти, укрепить доверие населения к ней, мобилизовать граждан для реального заинтересованного участия в управлении регионом. В статье представлены результаты практической апробации исследовательского этапа технологического цикла управления репутацией региональной власти, направленного на выявление ее основных сущностных характеристик и оценку. Раскрыта исследовательская модель репутации региональной власти, определяющая логику исследования ее субъективного восприятия с точки зрения двух основных субъектов формирования: власти и населения. Представлены результаты исследования оценочного элемента репутации власти на примере Смоленской области. Автором решается задача по определению степени единства в оценке репутации региональной власти населением и самой властью в лице государственных гражданских служащих органов исполнительной власти области. Выявляется существенный разрыв в оценке репутации власти населением по сравнению с мнением госслужащих.

Ключевые слова: власть; репутация; региональная власть; исследовательская модель; концепт; оценка репутации.

Приоритетным направлением, определяющим вектор современного развития демократического государства, является выстраивание партнерских отношений по оси взаимодействия «власть — общество», направленных на достижение социального консенсуса. Значимость диалога социальных институтов и органов власти, основанного на взаимном доверии, заключается в его способности создавать и накапливать активы: социальный, трансформируемый в гражданское общество; политический, обеспечивающий стабильность в стране, регионах; экономический, повышающий эффективность деятельности организаций; духовный, обеспечивающий приращение культурных ценностей [5. С. 37].

С развитием информационного общества в качестве таких активов сегодня все в большей степени выступают нематериальные активы. Существенным нематериальным активом, способным обеспечить устойчивое положение субъекту, приносящим прибыль в виде материальных, социальных, политических и других инвестиций, становится репутационный капитал [7. С. 111]. На уровне региона

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ. Грант № 16-03-00503а.

репутационный капитал является мощным инструментом повышения его инвестиционной привлекательности [11. С. 112]. Исследователи отмечают, что наличие позитивной репутации территории способствует переходу от знания к доверию, что позволяет сделать прогноз желательного политико-культурного поведения целевой аудитории. Таким образом регион получает дополнительное конкурентное преимущество при решении тех или иных конъюнктурных вопросов: продвижения политико-экономических и социальных интересов, привлечения капитала и ресурсов для региональных программ, установления трансграничного экономического и гуманитарного сотрудничества и т.д. [4. С. 167]. Вопрос репутации имеет часто ключевое значение для принятия того или иного экономического или политического решения [6. С. 69]. Представляется необходимым сделать акцент на целенаправленности усилий по созданию именно репутации, а не только, и не столько имиджа власти. Для формирования положительного образа — имиджа власти — может быть достаточно использования средств массовой коммуникации (СМК), что делает возможным манипулирование общественным мнением. Происходит вытеснение реальных политических событий, явлений и процессов из пространства публичной политики, создаются привлекательные образы, не имеющие ничего общего с реальной действительностью, призванные удовлетворить ожидания и потребности населения, при помощи средств массовой коммуникации конструируется политическая псевдореальность [9. С. 123]. Репутация формируется в течение длительного времени, на основе не только информации СМК, но и опыта (косвенного/прямого) взаимодействия населения и власти. Как рациональная категория репутация представляет собой устойчивое объективное мнение, складывающееся как результат осознанного выбора, системной оценки власти. Положительную направленность репутация приобретает при наличии реальных результатов деятельности государственных органов, сказывающихся на повышении уровня жизни, благосостояния населения.

Необходимость стабильного развития демократического государства и гражданского общества актуализирует важность перехода от имиджевой (в определенной степени виртуальной) политики власти к целенаправленному управлению репутацией. Исследователи отмечают, что современная демократия предполагает способность к участию в политическом дискурсе. На таком участии основано коммуникативное формирование легитимной власти, социально направленной модели госслужбы, коммуникативной по своей природе. Тем самым решается ключевая проблема, возникающая в пространстве между системой и жизненным миром человека, — снятие институционального принуждения, установление в обществе «свободных от принуждения коммуникаций» [17. С. 105]. Рациональная свободная оценка деятельности власти на основе высокого уровня политической культуры граждан, сопряженная с категорией репутации (а не имиджа власти, создающего опасность внушенных установок и социальных иллюзий) становится, таким образом, важным условием демократического развития как страны в целом, так и каждого ее региона.

Нами предложен технологический цикл управления репутацией региональной власти, состоящий из пяти основных этапов. Первый этап целевой ориентации

власти и населения региона требует высокого уровня мотивационной направленности как власти в работе над собственной репутацией, так и заинтересованности, деятельного участия граждан в развитии региона, конструктивном сотрудничестве с государственными органами.

Хотелось бы подчеркнуть, что, исходя из общей логики теории и практики менеджмента, в том числе государственного менеджмента, управленческий процесс должен начинаться с исследовательского этапа. Но в данном случае, с учетом значительного влияния политического фактора и очевидности наличия проблемных зон репутации власти, представляется необходимым все-таки начать с этапа целевой ориентации как своего рода акта политической воли, желания власти работать над улучшением собственной репутации. Определяющим является осознание субъектами власти необходимости преодоления дефицита доверия, искренняя заинтересованность в повышении эффективности деятельности в интересах жителей региона, устранении негативных явлений в государственных структурах, стремление предпринять для этого все необходимое. Аналогичная ситуация, на наш взгляд, складывается в разных сферах государственного управления, особенно в области борьбы с коррупцией, где как раз политическая воля властных субъектов является решающей.

Второй этап — исследование репутации региональной власти — включает оценку субъективной составляющей репутации на основе изучения мнения населения и представителей власти и показателей реального уровня репутации (объективной составляющей) на основе изучения степени результативности деятельности власти. Принципиальным результатом данного этапа является определение перспектив развития репутации.

Третий этап — репутационное планирование и программирование — разработку плана, содержащего программы по улучшению репутации, точнее, не столько самостоятельные, сколько уже существующие программы регионального развития, с уточненными направлениями и показателями эффективности деятельности органов власти на основе проблемных зон, выявленных по результатам оценки репутации.

Четвертый этап — реализация репутационной программы, осуществляемая властью при взаимодействии с населением как активным субъектом формирования репутации региональной власти. Инструменты формирования репутации, планируемые к применению на третьем и реализуемые на четвертом этапе технологического цикла, зависят от результатов исследовательского этапа. Можно выделить два ключевых инструментальных блока: коммуникативный (масс-медиа; связи с общественностью в органах власти — технологии GR; политическая реклама и др.) и деятельностный (комплекс методов государственного менеджмента), каждый из которых требует детального рассмотрения [см. напр., 13; 18]. Через сравнение субъективных (по мнению населения) и объективных (реальных результатов деятельности власти) показателей репутации выявляется необходимость приоритетного использования того или другого инструментального блока в зависимости от задач формирования конкретной репутационной характеристики. Например, при существенном улучшении реальных показателей развития сферы

образования, но сохранении негативного мнения о ней населения необходимо активизировать методы информирования граждан и показать объективную картину. Таким образом, разработка конкретных инструментов представляется целесообразной, исходя из возможности их прикладного использования для решения непосредственных репутационных задач.

Пятый этап — репутационный мониторинг и оценка эффективности деятельности по формированию репутации региональной власти — содержит текущий контроль динамики содержательных элементов репутации, внесение изменений в соответствующие программы, их оценку.

Представим результаты исследовательского этапа технологического цикла по изучению субъективного восприятия репутации региональной власти. В рамках реализации научно-исследовательских проектов (гранты РГНФ: «Оценка репутации региональной власти», проект № 11-12-67007 а/Ц, 2011—2012 гг.; «Технология формирования позитивной репутации региональной власти» № 14-03-00549 а, 2014—2015 гг.) ставился ряд задач, в том числе: определить сущностное понимание репутации власти (на примере исполнительной власти Смоленской области), выявить ее содержательные характеристики, провести оценку репутации как населением (своего рода «взгляд извне»), так и представителями самой власти — государственными гражданскими служащими органов исполнительной власти Смоленской области («взгляд изнутри»); соотнести понимание репутации населением и властью (определить степень единства идейно-смыслового концепта «репутация региональной власти») для выявления ключевых проблемных зон и направлений формирования позитивной репутации.

Для их решения была разработана исследовательская модель концепта «репутация региональной власти», которая представляет собой теоретическую схему, определяющую логику исследования субъективного восприятия репутации региональной власти (субъективной составляющей репутации) с точки зрения двух основных субъектов ее формирования: самой власти и населения в соответствии с основными структурными элементами концепта в единстве их взаимосвязи.

Изучение понятия «концепт» является самостоятельной научно-исследовательской проблемой, поэтому, в рамках данной статьи, исходя из анализа различных подходом отечественных исследователей [см. подробнее: 1; 15], предложим авторское понимание концепта применительно к категории «репутация региональной власти». *Концепт «репутация региональной власти»* — это идейно-смысловое содержание понятия «репутация региональной власти», которое отражает и интерпретирует субъективное представление о данном явлении в многообразии его сущностных характеристик и ассоциативных связей. Под региональной властью имеется ввиду государственная власть на уровне региона, преимущественно исполнительная (на примере Смоленской области); основные же эмпирические данные будут представлены на примере органов исполнительной власти Смоленской области.

В процессе разработки исследовательской модели «репутации региональной власти», с учетом того, что исследователи разных научных школ вычленяют

в его составе некоторые сходные базовые компоненты, мы опирались на подход З.Д. Поповой и И.А. Стернина, которые выделяют в структуре концепта чувственный образ, информационное содержание и интерпретационное поле [15. С. 57—62]. Рассмотрим содержание основных компонентов концепта.

1. *Информационный компонент концепта* включает наиболее важные отличительные черты концептуализируемого предмета или явления. Информационный компонент концепта «репутация региональной власти» включает: понятие репутация региональной власти; содержание — содержательные характеристики — репутации; степень причастности субъектов к процессу формирования репутации; репутационное пространство региональной власти.

2. *Образный компонент концепта* — это его чувственный образ. Образный компонент концепта «репутация региональной власти» выражается в персонифицированном репутационном образе власти (своего рода портрете и автопортрете власти).

3. *Интерпретационный компонент концепта* включает когнитивные признаки, которые в том или ином аспекте интерпретируют основное информационное содержание концепта, вытекают из него, представляя собой некоторое выводное знание, либо оценивают его. Интерпретационный компонент концепта «репутация региональной власти» включает следующие элементы: оценка репутации; источники формирования; проблемное поле репутации; репутационный потенциал региональной власти; перспективы улучшения репутации.

Практическое внедрение модели осуществляется методами социологического исследования в два этапа. Первый из них предполагает изучение репутации региональной власти с точки зрения населения и самой власти — в соответствии с тремя компонентами концепта. Второй этап направлен на выявление степени единства в понимании концепта «репутация региональной власти» указанными субъектами.

Апробация исследовательской модели «репутация региональной власти» осуществлялось на примере Смоленской области. Репутация региональной власти изучалась методом анкетного опроса с точки зрения населения (жителей г. Смоленска и Смоленской области) в 2012 и 2014 г. и власти в лице ее представителей — государственных гражданских служащих (ГГС) органов исполнительной власти (ОИВ) Смоленской области в 2014 г. (1). Таким образом, исследовательская модель была апробирована на примере ОИВ Смоленской области (концепт «репутация органов исполнительной власти Смоленской области»).

В рамках данной статьи мы останавливаемся на выявлении степени единства в оценке репутации региональной власти как значимого содержательного элемента интерпретационного компонента концепта, то есть соотносим оценку и самооценку репутации региональной власти населением и властью. Значительную разницу в данном соотнесении мы условно обозначили как «зону рассогласования», которая может быть критической при наиболее существенном разрыве.

Оценка репутации будет представлена тремя основными блоками: общая оценка репутации региональной власти, оценка репутации населением будет представлена в динамике 2012 и 2014 г., госслужащими — 2014 г.; оценка приори-

тетных содержательных характеристик репутации (2014 г.); оценка содержательных характеристик репутации высокой степени значимости (2014 г.).

Поясним смысл двух последних оценочных блоков. Одна из задач исследования заключалась в выявлении содержания репутации (элемент информационного компонента концепта). Содержание репутации региональной власти — это ее значимые характеристики, совокупность которых позволяет судить о репутации власти в целом. Именно на основе данных характеристик складывается единое представление о репутации региональной власти. Для этого респондентам было предложено 60 характеристик репутации, объединенных в два основных блока: институциональный (качественные характеристики самой власти, отражающие ее обобщенное целостное восприятие, например, честность, открытость, ответственность и т.п.) и деятельностный (качественные характеристики власти, отражающие результативность ее деятельности, конкретны, например, создание возможностей для трудоустройства, обеспечение доступности и качества образования, забота о состоянии дорог и т.п.). Далее, по результатам ранжирования, были определены приоритетные характеристики, выбранные подавляющим большинством как граждан, так и государственных гражданских служащих, и характеристики высокой степени значимости, включающие 10 лидирующих (ТОП-10), поскольку респондентам необходимо было выбрать по 10 характеристик, в наибольшей степени создающих репутацию власти (включая приоритетные).

Приоритетные характеристики фактически являются обобщающими характеристиками репутации власти, которые как бы аккумулируют в себе все остальные. Это: результативность деятельности власти (79,9% — граждане, 66,9% — ГГС); создание условий для достойной жизни (75,1% — граждане, 70,9% — ГГС); доверие населения (61,2% — граждане, 59,8% — ГГС).

Таким образом, можно дать следующее определение категории «репутация (региональной) власти», единое в принципиальных моментах, как для самой власти, так и для населения. Данное определение дается с учетом различных научно-исследовательских подходов к проблеме репутации [см. 2; 3; 8; 10; 12; 19—23]. Репутация (региональной) власти — это совокупность устойчивых, объективно сложившихся ценностных убеждений и рационально осознанных, оценочных мнений населения о власти, формируемых в значительной степени на основе опыта прямого и косвенного взаимодействия, вызывающих чувство доверия и отражающих степень результативности деятельности власти по удовлетворению интересов и потребностей граждан в создании условий для достойной жизни.

Что касается характеристик репутации высокой степени значимости, то их большинство, по мнению как населения, так и госслужащих, также совпадает.

I. *Общая оценка репутации региональной власти* в лице Администрации, ОИВ Смоленской области представлена на рис. 1.

Мы видим довольно низкую оценку репутации Администрации, ОИВ Смоленской области населением: на уровне 3—2 баллов, но при этом следует отметить положительную динамику в оценке 2014 г. по сравнению с 2012 г. за счет увеличения доли удовлетворительной оценки и снижения крайне негативной. В целом средний балл оценки репутации повысился с 2,04 до 2,38.

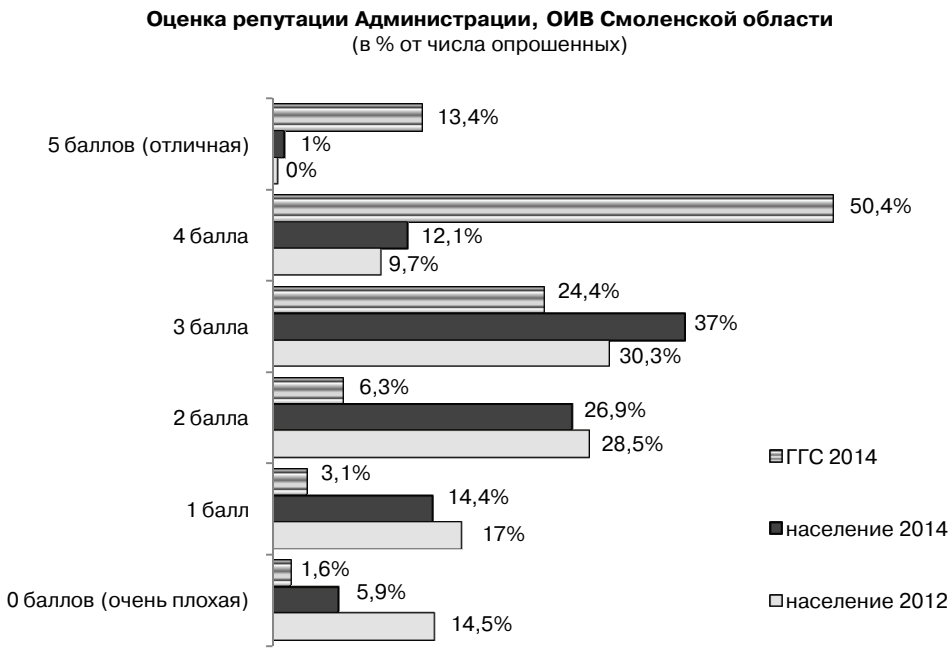


Рис. 1. Распределение ответов на вопрос об оценке репутации власти

Самооценка репутации государственных гражданских служащих существенно выше, преимущественно на уровне 4—3 баллов (средний балл составляет 3,6). Присутствует также определенная доля госслужащих, которые довольно самокритичны (11% оценивает собственную репутацию как негативную — на уровне 0—2 баллов; четверть госслужащих ставит себе «удовлетворительно»).

В целом отсутствует единство в оценке репутации региональной власти основными субъектами ее формирования. Зона рассогласования во мнении субъектов при оценке региональной власти, исходя из среднего балла, кажется довольно незначительной, но такой вывод можно сделать, если мы ориентируемся на некое общее мнение населения и госслужащих. Критической данная зона становится, на наш взгляд, при сопоставлении доли отрицательных (0—2 балла), удовлетворительных (3 балла) и положительных (4—5 баллов) оценок. Почти у половины населения преобладает отрицательная оценка (47,2%), и только 13,1% оценивают репутацию положительно. У госслужащих оценка абсолютно иная: у 11% — отрицательная, у 63,8% — положительная. В определенной степени близка только доля удовлетворительных оценок (37 и 24,4%). Аналогичную ситуацию можно наблюдать по каждому из оценочных блоков репутации власти. В то же время динамика соотношения долей оценок в 2014 г. по сравнению с 2012 г. у населения меняется в лучшую сторону (в 2012 г. доля отрицательных оценок составляла 60%, положительных — 9,7%).

Следует отметить, что наибольший разрыв в оценке репутации между населением и госслужащими именно на уровне органов исполнительной власти — 1,22 балла. В данной статье мы не представляем результаты оценки репутации других субъектов региональной власти: губернатора Смоленской области и зако-

нодательной власти — Смоленской областной думы, где разрыв во мнении власти и населения немного меньше.

II. *Оценка приоритетных содержательных характеристик репутации.* Представим результаты оценки репутации региональной власти по трем приоритетным содержательным характеристикам: результативность, создание условий для достойной жизни, доверие (рис. 2—4).

Оценка уровня результативности Администрации, ОИВ Смоленской области
(в % от числа опрошенных)

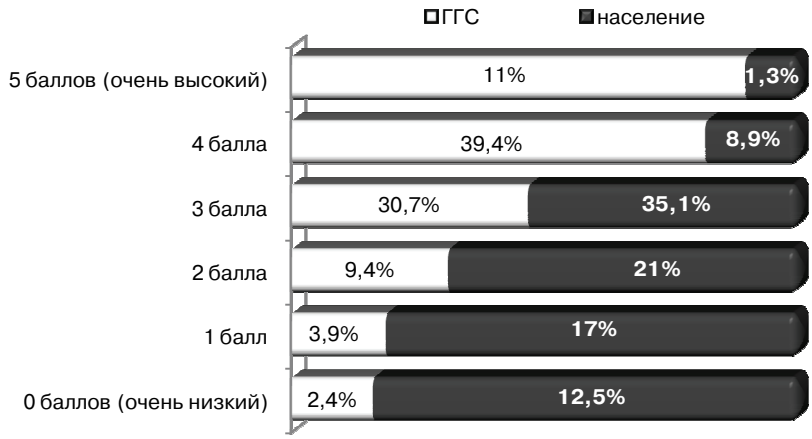


Рис. 2. Распределение ответов на вопрос об оценке результативности власти

Оценка степени создания условий для достойной жизни Администрацией, ОИВ Смоленской области
(в % от числа опрошенных)

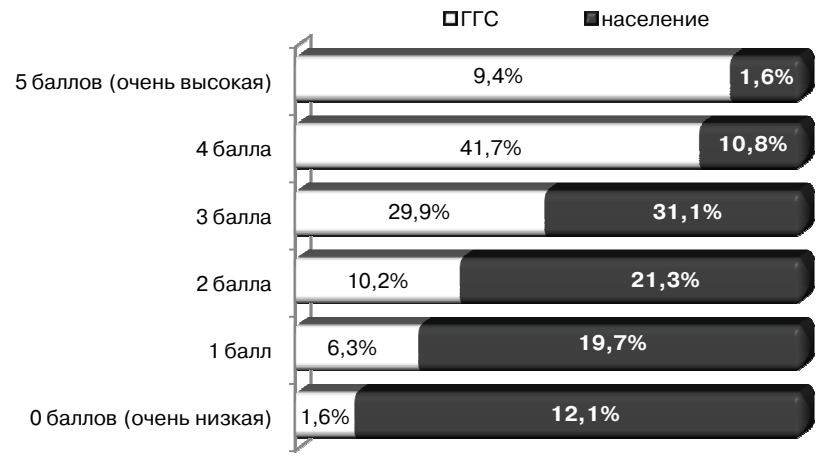


Рис. 3. Распределение ответов на вопрос об оценке создания властью условий для достойной жизни

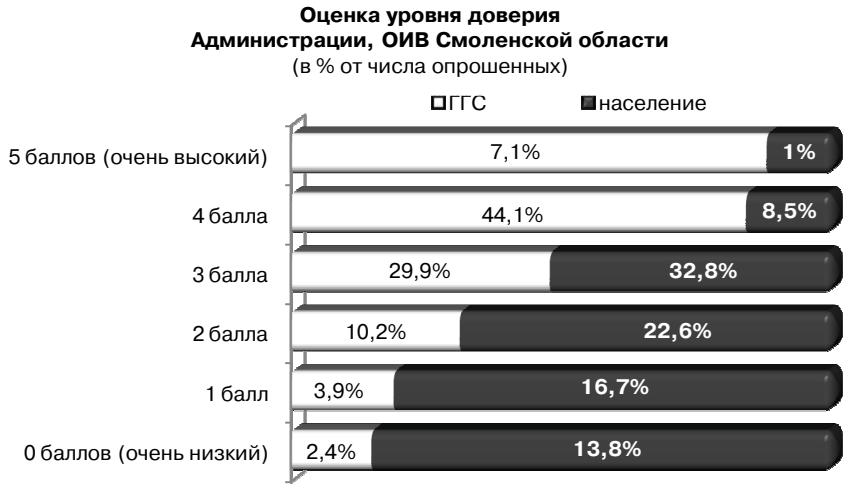


Рис. 4. Распределение ответов на вопрос об оценке уровня доверия власти

Присутствует значительная разница в оценке уровня результативности власти: если преобладающая оценка госслужащих — 4 и 3 балла, то для населения она существенно ниже — 3 и 2 балла, также велик процент крайне низких оценок (0—1 балл) — так оценивают результативность почти 30% населения. Средний балл оценки результативности населением составляет 2,09, госслужащими — 3,38. Зона рассогласования — 1,29 балла.

Создание условий для достойной жизни оценивается и населением, и госслужащими практически на том же уровне, что и результативность, только у населения средний балл немного выше (2,22); средний балл оценки госслужащих — 3,38 (зона рассогласования — 1,16).

В то же время уровень доверия населения существенно ниже, чем у госслужащих. Средний балл доверия населения составляет 2,09, госслужащих — 3,34 (зона рассогласования — 1,25 балла).

В целом можно сказать, что оценка каждой из приоритетных репутационных характеристик населением и госслужащими принципиально совпадает. Так же, как и при оценке совокупной репутации региональной власти, у населения преобладает оценка на уровне 3 и 2 баллов, у госслужащих — 4 и 3. В то же время, как было отмечено в контексте общей оценки, хотя зона рассогласования, исходя из средней оценки, не слишком большая и составляет от 1,16 до 1,29 балла, она становится критичной при сопоставлении доли отрицательных и положительных оценок.

Анализ показывает, что оценка репутации власти в целом, как населением, так и госслужащими, немного выше, чем оценка ее отдельных характеристик. Данную разницу, скорее всего, можно связать с тем, что оценка ряда других содержательных характеристик репутации региональной власти (что также будем видно далее, при оценке характеристик третьего оценочного блока) как населением, так и властью, незначительно отличалась. То есть одни характеристики оценивались чуть выше, другие — чуть ниже, что сказалось на определенной разнице в общей и частной оценках.

III. *Оценка содержательных характеристик репутации высокой степени значимости.* Рассмотрим оценку содержательных характеристик высокой степени значимости — ТОП-10 по институциональному блоку (рис. 5—6).



Рис. 5. Распределение ответов на вопрос об оценке институциональных характеристик репутации населением



Рис. 6. Распределение ответов на вопрос об оценке институциональных характеристик репутации государственными гражданскими служащими

Оценка характеристик институционального блока у обоих субъектов существенно различается, особенно это заметно при сопоставлении отдельных характеристик (например, зона рассогласования при оценке неподкупности составляет 1,57 балла). Средний балл, конечно, дает только общее представление об уровне оценки (объем статьи не позволяет представить оценку каждой из характеристик в процентном соотношении по балльной шкале). Поэтому отметим также, что доля негативной оценки у населения (0—2 балла) по каждой из характеристик в среднем составляет около 50%, у госслужащих — 15%; положительной (4—5 баллов) — 10%, у госслужащих — 50%. Таким образом, сохраняется критичность зоны рассогласования при соотнесении доли положительных и отрицательных оценок.

Представим оценку содержательных характеристик высокой степени значимости — ТОП-10 по деятельностному блоку (рис. 7—8).



Рис. 7. Распределение ответов на вопрос об оценке деятельностных характеристик репутации населением

В целом по деятельностному блоку наблюдается аналогичная картина, за исключением небольшого понижения среднего уровня оценки характеристик данного блока по сравнению с характеристиками институционального блока, как у населения, так и у госслужащих.

Итак, по результатам оценки репутации региональной власти как значимого содержательного элемента интерпретационного компонента представляется возможным сделать следующие основные выводы. При принципиально едином понимании самой категории «репутация власти» существует рассогласование во мнениях населения и госслужащих, которая становится критичной при сопоставлении

доли положительных и отрицательных оценок. При этом общая оценка репутации региональной власти в целом соотносится с ее частной оценкой по приоритетным и значимым содержательным характеристикам. Если среди населения преобладает оценка на уровне 2—3 баллов, то у госслужащих она составляет 3—4 балла. Уровень самооценки госслужащих достаточно высок, более половины из них ставят себе хорошую и отличную оценки. Получается, что с точки зрения власти, население недооценивает ее деятельность и репутацию.

Оценка ТОП-10 деятельностных характеристик репутации региональной власти государственными гражданскими служащими
(средний балл, по шкале от 0 до 5)

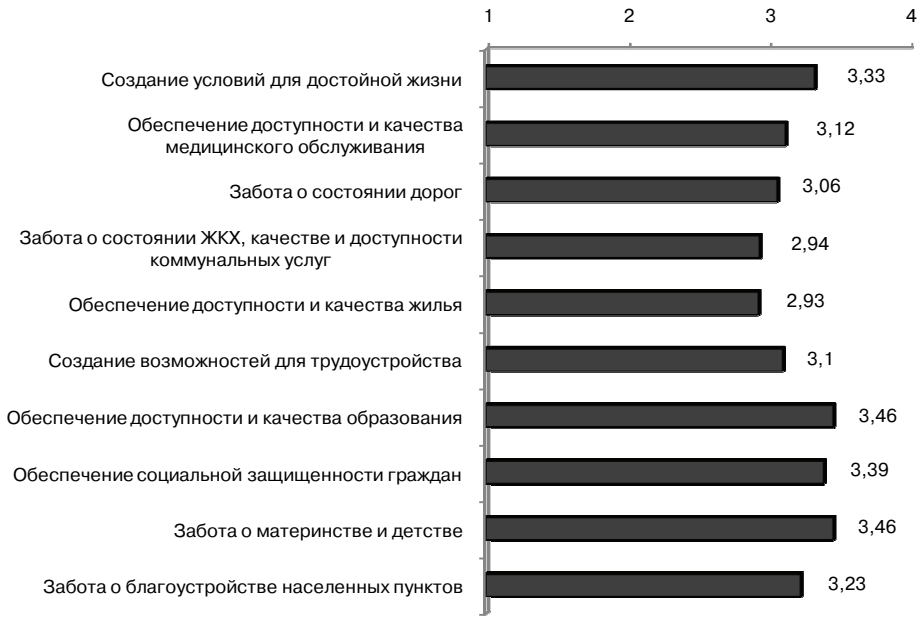


Рис. 8. Распределение ответов на вопрос об оценке деятельностных характеристик репутации государственными гражданскими служащими

В рамках данной статьи мы не приводим результаты изучения объективной составляющей репутации — показателей эффективности деятельности исполнительной власти, но отметим, что, например, основные показатели социально-экономического развития Смоленской области находятся на довольно низком уровне, основные занимаемые Смоленской областью места располагаются в диапазоне 50—60 и ниже средних по России показателей (2). Поэтому оценка репутации региональной власти населением, по крайней мере, по такой приоритетной репутационной характеристике, как результативность власти, ближе к реальному положению дел (т.е. имеет объективную основу формирования), чем достаточно высокая самооценка государственных гражданских служащих. Таким образом, речь может идти о наличии неадекватной реальности оценке собственной репутации властью, что является опасной тенденцией.

Таким образом, выстраивая процесс управления репутацией власти, делая его целенаправленным, необходимо провести комплексное исследование как субъективного восприятия репутации региональной власти (субъективной составляющей репутации), так и ее объективных показателей (объективная составляющая репутации). При этом важным направлением исследования становится выявление степени единства населения и власти в оценке репутации, что позволит в дальнейшем, отталкиваясь от ее базового уровня и определения зоны рассогласований, корректировать программы регионального развития, ориентируясь на формирование адекватных ожиданиям граждан репутационных показателей деятельности власти.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Представлены результаты анкетных опросов по изучению репутации региональной власти жителями г. Смоленска и районов Смоленской области (ноябрь 2011 г. — январь 2012 г., январь 2014 г., по 305 респондентов; выборка многоступенчатая, гнездовая, квотированная по полу, возрасту, территории проживания); государственными гражданскими служащими органов исполнительной власти Смоленской области (июнь 2014 г., 127 респондентов, что составляет 10% от общего числа служащих; выборка многоступенчатая, гнездовая, квотированная по категориям должностей государственной гражданской службы). Смотрите подробнее [14].

(2) Показатели социально-экономического развития Смоленской области и место Смоленской области в рейтингах социально-экономического положения субъектов РФ за 2010—2015 гг. представлены в рейтингах социально-экономического положения субъектов Российской Федерации, подготовленных авторитетным агентством РИА Рейтинг.

ЛИТЕРАТУРА

[1] *Акопов А.* К вопросу о понятии концепта и методах концептуального анализа в современном языкознании и культурологи // URL: http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?level1=main&level2=articles&textid=3898.

[2] *Важенина И.С.* Имидж, бренд и репутация как конкурентные преимущества региона // Управленец. 2010. № 5—6.

[3] *Важенина И.С.* Концептуальные основы формирования имиджа и репутации территории в конкурентной среде: Автореф. дис. ... д.э.н. Екатеринбург, 2008.

[4] *Варламова И.В.* Имидж региона как репутационный капитал // Вестник Чувашского университета. 2014. № 1.

[5] *Воловик О.А.* Диалог социальных институтов гражданского общества и органов власти (социологический анализ) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2014. № 3.

[6] *Гранкин Н.Е.* Политический имидж, репутационный капитал современной России: теоретико-концептуальные подходы // Среднерусский вестник общественных наук. 2008. № 1.

[7] *Гришин О.Е., Соколова А.Э.* Формирование репутационного капитала государства: инновационные информационно-коммуникативные технологии // PolitBook. 2013. № 2.

[8] *Дорохова М.С.* Социально-психологический механизм формирования репутации в условиях рыночных отношений: Автореф. дис. ... к.п.н. М., 2009.

[9] *Казимирчик Л.В.* Политический бренд в условиях медиатизации и виртуализации современной публичной политики // Теория и практика общественного развития. 2014. № 13.

[10] *Коган Е.В.* Управление репутацией в региональном политическом процессе РФ: на примере Челябинской области: Автореф. дис. ... к.п.н. М., 2013.
[11] *Кравчук А.Ю., Тихомирова Е.С.* Репутационный капитал региона: вопросы создания и оценки // Ярославский педагогический вестник. 2010. Т. I. № 4.
[12] *Кудашова Ю.В.* Технологии формирования паблицитного капитала в политическом позиционировании региона // URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/27_2011kudashova.htm.
[13] *Мироненко Н.В.* Методические аспекты оценки процессов управления в электронных системах G2B и G2C // URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/30_2012mironenko.htm.
[14] Официальный сайт научно-исследовательского проекта «Репутация региональной власти» // URL: http://www.smolvlast.ru.
[15] *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. М., 2007.
[16] *Рудакова А.Э.* Репутационный капитал государства как политический ресурс: технологии формирования и реализации: Автореф. дис. ... к.п.н. М., 2015.
[17] *Силкин В.В.* Имидж государственной власти в контексте взаимодействия «общество — власть» // Социология власти. 2006. № 1.
[18] *Скрипникова Н.С.* Прикладные инструменты в реализации информационно-коммуникативных технологий обратной связи власти и населения // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. Т. 10. № 4.
[19] *Трубецкой А.Ю.* Категория репутации в социально-политической коммуникации: Автореф. дис. ... д.п.н. М., 2006.
[20] *Устинова Н.В.* Политическая репутация: сущность, особенности, технологии формирования: Автореф. дис. ... к.п.н. Екатеринбург, 2005.
[21] *Фокин В.В.* Социально-психологические факторы управления репутацией: Автореф. дис. ... к.п.н. М., 2009.
[22] *Харламов И.Г.* Управление формированием репутационного капитала // Власть. 2008. № 11.
[23] *Харламов И.Г.* Формирование репутации в политике и бизнесе: сравнительный анализ: Автореф. дис. ... к.п.н. М., 2009.

ASSESSMENT OF THE REGIONAL EXECUTIVE POWER REPUTATION (on the example of the Smolensk region)

N.N. Rozanova

Management Chair
Smolensk State University
Przhevalsky St., 4, Smolensk, Russia, 214000

With the development of information society, intangible assets are increasingly becoming a significant competitive advantage. At the regional level, the reputational capital turns into a powerful tool to improve the region's investment attractiveness. The most important component of the regional reputational capital is such a significant political resource as the reputation of the regional authorities: good reputation can and should be a key intangible asset of regional management system development aiming to strengthen the authorities decisions and actions and the public confidence, and to mobilize citizens for the real interested participation in the regional management. The article presents the results of testing

the research phase of the technological cycle of the regional power reputation management, which was conducted to identify its key essential characteristics and ways for evaluation. The author proposes a research model to study the regional authorities' reputation and defines the logic of its perception study in terms of two main subjects — the authorities and the population. The results of the assessment of the regional authorities reputation on the example of the Smolensk region let the author examine the coherence of the regional authorities reputation estimates by the public and the authorities themselves (civil servants of the regional executive power) and identify a significant gap in the assessments of this reputation by the population as compared to the civil servants opinions.

Key words: power; reputation; regional power; research model; concept; assessment of the reputation.

REFERENCES

[1] *Akopov A.* K voprosu o ponyatii kontsepta i metodakh kontseptual'nogo analiza v sovremennom yazykoznanii i kul'turologii [On the 'concept' and methods of conceptual analysis in nowadays linguistics and cultural studies]. URL: http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?level1=main&level2=articles&textid=3898.

[2] *Vazhenina I.S.* Imidzh, brend i reputatsiya kak konkurentnye preimushhestva regiona [Brand, image, and reputation as competitive advantages of the region]. *Upravlenets*. 2010. No. 5—6.

[3] *Vazhenina I.S.* Kontseptual'nye osnovy formirovaniya imidzha i reputatsii territorii v konkurentnoj srede [Conceptual Bases for Constructing Image and Reputation of the Region in a Competitive Environment]: Avtoref. dis. ... d.e.n. Ekaterinburg, 2008.

[4] *Varlamova I.V.* Imidzh regiona kak reputatsionnyj kapital [Image of the region as its reputational capital]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 2014. No. 1.

[5] *Volovik O.A.* Dialog sotsial'nykh institutov grazhdanskogo obshhestva i organov vlasti (sotsiologicheskij analiz) [Dialogue of civil society institutions and the authorities (sociological analysis)]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye i sotsial'nye nauki"*. 2014. No. 3.

[6] *Grankin N.E.* Politicheskij imidzh, reputatsionnyj kapital sovremennoj Rossii: teoretiko-kontseptual'nye podkhody [Political image, and reputational capital of contemporary Russia: Theoretical and conceptual approaches]. *Srednerusskij vestnik obshhestvennykh nauk*. 2008. No. 1.

[7] *Grishin O.E., Sokolova A.Eh.* Formirovanie reputatsionnogo kapitala gosudarstva: innovatsionnye informatsionno-kommunikativnye tekhnologii [How the state obtains reputational capital: Innovative information and communication technologies]. *PolitBook*. 2013. No. 2.

[8] *Dorokhova M.S.* Sotsial'no-psikhologicheskij mekhanizm formirovaniya reputatsii v usloviyakh rynochnykh otnoshenij [Social and Psychological Mechanism for Constructing Reputation under the Market Relations]: Avtoref. dis. k.p.n. Moscow, 2009.

[9] *Kazimirchik L.V.* Politicheskij brend v usloviyakh mediatizatsii i virtualizatsii sovremennoj publichnoj politiki [Political brand under the mediatization and virtualization of the contemporary public policy]. *Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya*. 2014. No. 13.

[10] *Kogan E.V.* Upravlenie reputatsiej v regional'nom politicheskom protsesse RF: na primere Chelyabinskoj oblasti [Reputational Management in the Regional Political Process in the Russian Federation: On the example of Chelyabinsk Region]: Avtoref. dis. k.p.n. Moscow, 2013.

[11] *Kravchuk A.Yu., Tikhomirova E.S.* Reputatsionnyj kapital regiona: voprosy sozdaniya i otsenki [Reputational capital of the region: How to obtain and to evaluate]. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik*. 2010. T. I. No. 4.

[12] *Kudashova Yu.V.* Tekhnologii formirovaniya publitsitnogo kapitala v politicheskom pozitsionirovanii regiona [Technologies for obtaining publicity capital in the political positioning of the region]. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/27_2011kudashova.htm.

[13] *Mironenko N.V.* Metodicheskie aspekty otsenki protsessov upravleniya v ehlektronnykh sistemakh G2B G2C [Methodological aspects for assessing management processes in the electronic systems G2B and G2C]. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/30_2012mironenko.htm.

[14] Ofitsial'nyj sajt nauchno-issledovatel'skogo proekta “Reputatsiya regional'noj vlasti” [The official website of the research project “Reputation of the Regional Authorities”]. URL: http://www.smolvlast.ru.
[15] *Popova Z.D., Sternin I.A.* Kognitivnaya lingvistika [Cognitive Linguistics]. M., 2007.
[16] *Rudakova A.Eh.* Reputatsionnyj kapital gosudarstva kak politicheskij resurs: tekhnologii formirovaniya i realizatsii [State Reputational Capital as a Political Resource: Technologies for Obtaining and Realization]: Avtoref. k.p.n. M., 2015.
[17] *Silkin V.V.* Imidzh gosudarstvennoj vlasti v kontekste vzaimodejstviya «obshhestvo-vlast'» [State power image in the context of ‘society-state’ interaction]. Sotsiologiya vlasti. 2006. No. 1.
[18] *Skripnikova N.S.* Prikladnye instrumenty v realizatsii informatsionno-kommunikativnykh tekhnologij obratnoj svyazi vlasti i naseleniya [Instruments for implementing information and communication technologies of feedback in the authorities-population interaction]. *Srednerusskij vestnik obshhestvennykh nauk*. 2015. T. 10. No. 4.
[19] *Trubetzkoy A.Yu.* Kategoriya reputatsii v sotsial'no-politicheskoj kommunikatsii [‘Reputation’ Category in Social and Political Communication]: Avtoref. dis. d.p.n. M., 2006.
[20] *Ustinova N.V.* Politicheskaya reputatsiya: sushhnost', osobennosti, tekhnologii formirovaniya [Political Reputation: Essence, Features, Technologies]: Avtoref. dis. k.p.n. Ekaterinburg, 2005.
[21] *Fokin V.V.* Sotsial'no-psikhologicheskie faktory upravleniya reputatsiej [Social and Political Factors of Reputational Management]: Dis. k.p.n. M., 2009.
[22] *Kharlamov I.G.* Upravlenie formirovaniem reputatsionnogo kapitala [Management of reputational capital formation]. *Vlast'*. 2008. No. 11.
[23] *Kharlamov I.G.* Formirovanie reputatsii v politike i biznese: sravnitel'nyj analiz [Constructing Reputation in Politics and Business: A Comparative Perspective]: Avtoref. dis. k.p.n. M., 2009.

FEW WORDS ON THE HIGH LEVEL OF SOCIAL DISTRUST AMONG THE RUSSIAN YOUTH: CIVIL SERVANTS' SOCIAL IMAGE*

I.V. Trotsuk, E.A. Ivlev

Sociology Chair
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

Based on the empirical data of the repeated surveys conducted by the Sociological Laboratory of the Peoples' Friendship University of Russia, the authors consider the student youth typical answers to quite simple questions on the political interest and awareness as well as on the level of social trust in the most general interpretation of the term. According to the surveys data, since 2007 we cannot identify the students' value orientations as political apathy (which is typical for the Russian media), political unawareness or electoral ignorance. Moreover, the Moscow student youth consider themselves patriots and identify as grounds for their national pride the historical past, natural resources, cultural heritage and sports achievements, though not the development of the economic and social spheres, respect for human rights and freedoms, activities of the public authorities, and general standards of living. The authors believe that such pessimistic evaluation of the situation in the country is connected (if not determined) by the low level of social trust (or high level of social distrust), especially to the public administration and the officials of all kinds in general. The authors conducted an exploratory online opinion poll to reconstruct the social image of the civil servant in the Russian public opinion to explain the low level of social trust in the society and the stable proportion of young respondents claiming that the Russian state represents and defends the interests of the rich and the civil servants. The questionnaire consisted of the questions on the obligatory ethical principles that should be guiding for all state/municipal employees, on the grounds for considering the behavior of civil servants as unethical, on the requirements to the applicants for the public administration positions, on the appropriate ways to deal with cases of unethical behavior in the public administration bodies, on the social image of the civil servant and its determinants, etc. Although the youngest group (18—24-year-olds) proved to be the most optimistic one, it also easily reconstructs the negative image of the civil servant, who does not meet the professional and ethical requirements to this social-professional group, which does not consist of the most intelligent, talented and competent people in the country, not to mention the most honest, conscientious and descent ones.

Key words: social trust; social distrust; Russian student youth; civil servants; public administration; public opinion polls; social image of the civil servant/municipal employee; ethical principles and professional competence standards; state official.

Over the past ten years, the Sociological Laboratory of the Peoples' Friendship University of Russia has conducted a number of thematically differing surveys of the student youth in cooperation with our Chinese, Czech, Serbian, and Kazakhstan colleagues to reveal the dominant values orientations of the younger generations and to understand the priorities of their worldview. One of the key thematic blocks of the questionnaire applied in all countries, though in a slightly modified format due to the social, political, cultural and other specific features of every society, consisted of quite simple questions on the political interest and awareness of the student youth, and on the level of social trust. Already in 2007, we found out on the Moscow sample in 1070 students

* The research was supported by the Russian Foundation for Humanities. Grant №15-03-00573.

that 70% of the respondents were interested in the political issues in one way or another (either "always tried to be aware of political events in the country and in the world" or "could not say he/she was indifferent, however not particularly eager to be aware of everything"). Every tenth student refused to include political topics in the scope of his/her interests mainly due to the lack of free time (about every second in this group) or to the evaluation of political interest as completely senseless, perhaps, because of not being able to influence the situation or for considering politics a dirty business.

About a quarter of the respondents did not participate in the elections being quite confident that their votes could not change or even affect anything; on the contrary, every second student believed that the general situation in the country had a significant impact on the realization of his/her life plans. At the same time 51% of Moscow students considered themselves patriots, although every third experienced come difficulties with the self-identification in terms of patriotism, primarily because of the impossibility to define one's attitude to the country with the word 'patriotism' (at that period it had obvious negative connotations in the Russian public discourse) or because of preferring the concept of a globalizing world, in which the notion 'patriotism' completely loses its meaning and relevance.

As citizens of the country, the students are proud of the historical past, natural resources, cultural heritage and sports achievements. The most often mentioned reasons for the student discontent happened to be the development of the economic and social spheres, respect for human rights and freedoms, activities of the public authorities, and general standards of living. Thus, the low level of social trust among the younger generation was predictable: only every third Moscow student trusted the government, public and international non-governmental organizations, judicial power and the media; every fourth trusted the Federation Council and the Public Chamber; every fifth — the State Duma. The absolute leader of the Moscow students rating of social trust was the President of the country (58%) followed by the church (50%), banks and large business (47% and 40%), while at the end of this rating we found political parties (the level of social trust did not exceed 14%), police and law enforcement agencies (15%) and the army (20%), i.e. the general level of confidence in the basic social institutions among the Russian student youth seemed to be low.

The figures mentioned above did not change significantly enough to worth attention or interpretation until 2013, and one possible explanation of the low level of social trust of the younger generation became obvious, when we asked the students to agree or to disagree with a number of statements describing the situation and the state of the Russian society. Two-thirds of the respondents 'agreed' or 'rather agreed' that "Russia is a country with a huge potential for the development", but "All the troubles of Russia come from the inability of the rulers to manage the state and from their selfish interests", for the rulers strive to mindlessly copy the Western experience instead of taking into account the specific features of their own country, and do not respect the laws. Moreover, in 2014 our respondents expressed confidence that the Russian state (i.e. civil servants) represented and defended the interests of the rich (43%) and civil servants themselves (34%).

In 2015, the situation did not change significantly: still the majority of students (69%) claim to be interested in the political issues in one way or another (either "always try to be aware of political events in the country and in the world" — 26%, or "cannot say he/she is indifferent, however not particularly eager to be aware of everything" — 43%). Almost every tenth student (9%) refuses to include political topics in the scope of his/her interests mainly due to the lack of free time (about every fourth in this group) and evaluation of political interests as completely senseless (32%) or for considering politics a dirty business (26%). Still a quarter of the respondents does not participate in the elections for being quite confident that their vote cannot change anything; on the contrary, 37% believe that the general situation in the country has a significant impact on the realization of his/her life plans, while other 37% evaluate such an impact as rather insignificant.

The low level of social trust among the younger generation was again confirmed by the survey data, however, some indicators changed greatly proving the growth of social trust to some social institutions: 57% (not every third as in 2007) of Moscow student trust the government, 63% — the President of the country (58%), every second — the church, judicial power, the Federation Council, about 45% — the Public Chamber, and the State Duma, the police and law enforcement agencies (about 45% instead of 15%) and the army (45% instead 20%); about 40% (instead of every third) — public and international non-governmental organizations; a little more — the banks and large business (44% and 40% — the numbers did not change); every third — the media, and the political parties (the level of trust previously did not exceed 14%), i.e. the general level of confidence in the basic social institutions among the Russian student youth has increased over last eight years, however, is still low. The situation with the social trust improved greatly even over last two years for in 2016 the respondents expressed confidence that the Russian state (i.e. civil servants) represented and defended the interests of the rich (26% instead of 43% in 2014) and civil servants themselves (30% instead of 34%, i.e. the figure did not change).

Thus, in the light of the above data and the tendencies they seem to reveal we decided to conduct an exploratory online opinion poll to reconstruct the social image of the civil servant in the Russian public opinion and to explain the low level of social trust in the Russian society and the stable share of young respondents claiming that the Russian state represents and defends the interests of civil servants (about every third Moscow student). The number of public opinion polls that reveal different aspects of the evaluation of the civil servants work in the Russian society has increased greatly since the mid-2000 [4—6] (if we take into account regional projects that form the empirical basis of numerous PhD theses in sociology and political science). Quite often, such studies use the tools, which apparently provide predictable responses. For example, the survey can begin with the question "Are you interested in the issues of public administration?" (even if not, the social desirability would make one answer "yes") and "How would you evaluate your awareness of the activities of bodies of state power and administration?" (to some extent the majority is aware) [9]. There are often questions that produce predictable answers (the result of the 'social approval' effect), such as "Do you consider the expansion of the state bodies information openness necessary?"; questions, provoking 'average' answers, such as "To what extent, in your opinion, civil servants possess the following qualities?" (with a list of characteristics including kind-

ness, obedience to the law, fairness, honesty, etc.); questions beyond the common man competence, such as a request "to assess the degree of public confidence in the public authorities", etc.

Undoubtedly, most of the questions in such questionnaires are based on the developed conceptual and operational definitions of the key parameters for evaluating the public administration bodies as a social institution and civil servants as a special social-professional group, which, however, does not alter the fact that the questions mentioned above can seriously disorient respondents. That is why we decided to develop a questionnaire that partly copies or echoes the typical questions of the studies of civil servants self-assessment. To identify the perception of the Russian civil service, in October 2015 we conducted an online survey on the sample (N = 1003) representing Russian urban population by all social-demographic parameters (the survey was conducted and the sample was designed by 'Tiburon'), and, according to the survey results, having mainly negative experience of interaction with the power — if the interests of the people and local authorities differ, usually the authorities win (85%) rather than the residents (10%) or a kind of compromise (11%); the interests of the residents and the local authorities coincide just for 2% of respondents.

The results of the survey revealed two basic groups of ethical principles which, in the Russian public, should be guiding for all state/municipal employees: the first, more frequently mentioned group consists of professional characteristics, each of which was chosen by more than 70% of respondents — professional competence, honesty and impartiality, decency, responsibility for one's work and law abidance; the second group with fewer choices (by about every second respondent) comprises of features of public/social mission — civil consciousness, selfless, benevolent, active and interested participation in solving social problems; guarantees of the confidentiality of information (42%) and in every way irreproachable behavior (35%) are less important for the Russians.

The grounds for considering and 'labeling' the behavior of civil servants as unethical can be divided into the following groups: 1) fraud, extortion, bribery (economic and criminal offenses) along with a disdainful attitude to the people that seem to induce unlawful acts (80%); 2) disregard for the law and the use of official position for personal gain (74%), i.e. not criminal acts, along with the bureaucratic red tape (67%); 3) poor training, disclosure of confidential information and its use, illegal behavior in the corporate interests (over 50%); 4) much less often mentioned types of unethical behavior (about every third respondent chose relevant answers) — conflicts of interests and accepting gifts, which are apparently much less often qualified by the average Russian as 'unethical' (there is nothing bad in giving and receiving gifts in everyday life, but extorting gifts is a completely different matter). Only bribery (corruption), extortion and fraud, as well as the disclosure of confidential information about the organization and conflicts of interests demonstrate similar figures in all age groups, whereas the frequency of choices of other grounds to qualify the behavior of civil servants as unethical increases with age, which can be explained by acquiring some life experience of communication with representatives of the state apparatus and sustainable social stereotypes about behavior patterns and value orientations of civil servants (the bureaucratic red tape is the most telling example here) (table 1).

Table 1

What aspects of the civil servant/municipal employee behavior you would consider unethical? (%, only answers varying by age groups)

Age	18—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49	50—54	55—59	60—65
Neglect	70	79	84	86	80	85	87	86	90
Bureaucratic red tape	33	50	60	66	71	85	81	78	83
Illegal behavior in the name of the service	43	49	52	59	55	52	54	54	63
Use of official position for personal gain	60	74	65	74	69	79	83	78	83
Use of confidential information	41	56	50	57	64	62	64	59	64
Poor professional training	39	57	52	64	59	61	64	61	62
Disregard for the law	59	72	71	78	77	79	79	75	78
Accepting gifts	14	20	24	28	28	40	42	34	45

The respondents believe that when hiring people for the state/municipal service the employers pay attention primarily to the applicants work experience (72%) and a degree/diploma (64%); the second group of the most frequently mentioned requirements consist of responsibility, fast learning ability and willingness to work with maximum efficiency (almost every second respondent chose relevant response options), punctuality, high level of self-organization and self-discipline and leadership skills (about every third) (table 2). It is noteworthy that ethical principles — honesty and adherence to the working and ethical principles — happened to be at the end of the list together with the willingness and desire to help people (such a combination of the civil servant attributes was chosen by every forth respondent). In the table below, we present some gender differences in the perception of the requirements to civil servants not because they are significant, but for they are telling about women's fears and worries in the labor market rather than about the image of public or municipal service employees. Russian women more often than men mention the need for experience, responsibility, willingness to work with maximum efficiency, fast learning, leadership skills and a high level of self-organization and self-discipline, perhaps trying on the application for the state and municipal service positions.

Table 2

In your opinion, what are employers' requirements to the applicants for the state/municipal service? (%)

Requirements	Total	Men	Women
Work experience	71,8	66,4	76,4
Specific degree/diploma	64,1	62,3	65,7
Responsibility	52,6	47,8	56,8
Willingness to work with maximum efficiency	51,5	46,6	55,8
Fast learning	46,8	39,9	52,7
Punctuality	37,4	34,7	39,7
High level of self-organization and self-discipline	36,8	31,7	41,2
Leadership skills	32,8	27,8	37,1
Honesty and adherence to the working and ethical principles	27,8	27,2	28,4
Good grades in the basic subjects	26,2	28,7	24,1
Willingness and readiness to help people and serve the society	25,1	25	25,2
Creativity	20,7	19,6	21,7
High ethical standards	16,6	17	16,1
Lack of careerism	7,5	7,8	7,2

The respondents believe that to deal with cases of unethical behavior in the public administration bodies there should be ethics commissions (63%): 32% attribute their necessity to the specific character of civil servants' work, while 31% — to the importance of such supervisory authority in any organization; every tenth strongly opposes such an organizational means, and one in five admits it only for the situational analysis of complex intricate situations. According to the respondents, the composition of these ethical commissions should be as follows: independent experts not working in the public administration (59%) and representatives of all the parties involved (48%), perhaps the heads of the organization departments (18%) and ordinary employees (16%), representatives of all levels of administration (23%) and experts in the field of ethics as a science (20%). The respondents generally see neither representatives of other organizations as members of ethics commissions (10%), apparently following the Russian proverb "not to wash dirty linen in public", nor top managers (7%).

Unlike the sample as a whole and other age groups (every third respondent), 42% of the younger generation are convinced of the need in the supervisory authority in every organization; 18—24-year-olds (20%) twice more often than 25—29-year-olds, and three to four times more often than other age groups believe that ethical commissions should include only senior managers, and are less likely (32%) to entrust ethical control to the representatives of all parties involved (including the public). There can hardly be any unambiguous interpretations, however, probably due to the lack of life experience the, the younger people tend to adhere to the myth that only the most decent, honest and objective people, capable to impartially assess the ethical 'purity' of their colleagues can get to the top of the administrative pyramid (this collective representation is consistent with the classical Weberian model of rational bureaucracy, although with age the managerial representation become stronger).

The majority is convinced of the need to apply disciplinary measures (86%), the question is what measures to apply, and the respondents demonstrate quite consolidated confidence in the necessity of strict measures (73%) — only 13% exclude dismissal from the disciplinary sanctions list (in the youngest group every fourth emphasizes that dismissal as a sanction cannot be accepted). The respondents consider all types of sanctions applicable for civil servants — criminal (47%) and administrative (50%) responsibility, more often dismissal (58%), a decision on the professional incompetence (55%) and fines (57%), and the half is likely to accept open moral condemnation (20%) and a formal appeal to the senior managers (28%). The youngest group of 18—24-year-olds again stands out: they less often accept as a sanction a decision on the professional incompetence (37% vs. 55%), dismissal (48% vs. 58%) and criminal responsibility (29% vs. 47%), which also can be attributed to the lack of experience and too catastrophic perception of the listed alternatives. The majority of respondents approve the idea of special training of the public administration/municipal service staff in the field of ethical conduct (74%). With age, the confidence in the importance of ethical principles teaching decreases due to the belief that a man of such profession by definition must be ethical.

The respondents believe that there is a stable negative image of the civil servant/ municipal employee in the Russian society (58%), while one in three found it difficult to assess it. Only 9% believe that the civil servant image today is positive, mainly the younger people aged 18—24 (23% vs. 9% in the sample). The respondents explain the

negative image of the state and municipal employees by qualifying them as corrupt bureaucrats (over 70%), indifferent to the needs and interests of citizens (84%); every second respondent mentioned their unethical behavior and poor professional training. The respondents mostly do not associate high level of corruption with low wages: although there are three modal figures — 40—50, 70—100, and 20—30 thousand rubles, the median value of the real wage and the wage considered enough to eliminate the idea of bribery match at 45 thousand rubles per month.

The respondents consider officials of regional and local authorities to be most corrupt; they are followed by officials of federal ministries and departments, and one in three qualifies the officials of the Russian President's Administration as least corrupt, although here the biggest share of respondents could not assess the level of corruption at all (table 3).

Table 3

To what extent do you think are corrupted today...?

Types of officials	Most corrupt	Moderately corrupt	Least corrupt	Hard to say
Officials of regional and local authorities	59,6%	18%	9,7%	12,7%
Officials of federal level	41,6%	39,7%	5,4%	13,4%
Officials of the Russian President's Administration	29,8%	12,8%	30,5%	26,9%

As the most common forms of corruption in Russia today the respondents mention bribery, misuse/grabbing of public funds and nepotism (over 70%); the second group of corruption practices named by every second respondent consists of fraud (with the state property and funds, registration services, '*blat'* in general and violations of the existing order); only every third respondent believes civil servants to be a part of the organized crime (although this is a very high figure and, thus, depressing feature of the social image of the state and municipal employee). However, the youngest group (18—24) again proved to be most optimistic according to the estimates of the most common forms of corruption typical for civil servants — they less often (by 10—20%) mention as such different types of fraud and nepotism, extortion, and links with the organized crime (table 4).

Table 4

In your opinion, what are the most common forms of corruption in Russia today? (%, only differing figures)

Forms of corruption /age	18—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49	50—54	55—59	60—65
Nepotism	59	68	67	75	76	66	74	75	81
Frauds with the state property	47	56	57	66	63	62	80	63	71
Misuse/grabbing of public funds	51	72	71	74	77	66	84	71	79
Frauds with the state contracts	31	50	57	65	66	67	76	64	73
Extortion	38	42	43	44	48	44	65	43	55
Links with the organized crime	26	33	29	24	32	35	49	40	46
Frauds with the unaccounted state funds	40	58	58	63	63	56	72	59	63
Providing undue benefits and privileges	32	42	39	41	48	48	61	48	53
Violations of the existing order for personal gain	35	50	50	49	50	54	63	47	55

The respondents assess the level of corruption in the public administration bodies as rather high (67%), 22% — as average and only 3% — as rather low, and men seem to be more pessimistic — 72% vs. 63% of women consider the bodies of state/municipal service highly corrupted. As with many other issues, the youngest group is the most optimistic here preferring moderate estimates of corruption to negative ones. 41% of the sample believe that the situation with corruption in the public administration remains the same, 18% — that the level of corruption is declining, 31% — on the contrary, that it is growing, i.e. the image of the Russian civil servant in public opinion is negative. The only exception here is again the youngest group of 18—24-year-olds with a more positive assessment of the situation — 31% believe that the level of corruption in the public administration and municipal service is declining, and 24% — on the contrary, that it is increasing.

As the least important factors determining the negative image of officials in the Russian society, the respondents consider the branding of the profession, careerism and the low credibility of power authorities in general. The youngest group again seems more optimistic, although also explains the negative image of civil servants by their incompetence (37% vs. 51% average figure), bureaucratic red tape (42% vs. 72%) and careerism (10% vs. 27%); however, beginning with the age of 50 respondents more often (by 10—15%) mention as factors determining the negative image of officials the bureaucratic red tape, indifference to the needs and interests of citizens, careerism, 'opacity' of work and the low credibility of power authorities. The respondents believe that the key concerns of the Russian officials of state and municipal levels are the desire to hold the posts (74%) and personal gain and interests (79%), though not the protection of large corporations (28%).

Thereafter, to obtain a positive image the respondents 'advise' state and municipal employees to achieve real professional results (78%), to effectively solve problems of citizens and society as a whole (80%), to be honest (72%) and competent (69%), to demonstrate a complete openness of one's work (58%), and to promote mechanisms of public control over one's work (41%). The youngest age group again shows specific preferences considering the real professional results less significant (68% vs. 78% average figure) together with the ability to effectively solve problems of citizens and society as a whole (60% vs. 80%) and improve mechanisms for public control (28% vs. 41%), which seems to be the result of the lack of personal experience of communication with civil servants.

To contextualize the image evaluation of the Russian civil and municipal service and to assess more accurately the image-status positions of this social-professional group in the public opinion, we asked two questions to identify social stereotypes about basic professional groups of the Russian society. The results showed that the most intelligent and talented people in the country are believed to work primarily in science (46%), less often in arts/literature/culture or business/trade/finances (according to the opinion of every third), while only one in five claims that such people work in the public administration and municipal service. Table 5 presents the spheres with an obvious decrease of positive estimates with age and at the same time proves the higher optimism of the youngest group (18—24) compared with the sample as a whole and with the elderly groups in particular (in most cases starting from the 30-year-olds).

Table 5

In your opinion, in what fields the most intelligent and talented people of the country work? (%, only differing figures)

Fields	Total	18—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49	50—54	55—59	60—65
Business, trade, finances	31	42	36	31	33	28,	32	32	22	18
Medicine, education	26	36	26	32	22	29	22	26	24	12
Arts, literature, culture	33	44	38	34	39	38	25	30	23	23
Mass media	25	42	31	26	19	21	21	29	16	18
Politics	19	31	26	19	16	21	13	20	14	12
Show biz	24	36	29	26	24	20	20	27	20	9
Government, public administration	19	28	25	17	20	22	14	19	16	10
Municipal service	18	26	2	20	17	15	11	21	16	9
Service	18	30	20	17,8	19	17	13	18	16	10
NGO	16	26	16	18,6	16	13	11	14	16	8
State Duma, Federation Council, legislative authorities	21	34	25	20,9	18	18	15	24	17	13
Army, police, law enforcement agencies	17	30	19	16,3	14	15	11	21	13	10

When asked to choose the main fields, in which the most honest, conscientious and decent people work, the respondents expressed opinions that let us make the following conclusions: first, these qualities are clearly separated from intellectual and other skills; second, it is much harder for respondents to evaluate professions by these qualities. Here the group of leaders consists of science, arts/literature/culture, industry, religious and non-profit organizations, medicine and education (they were chosen by every fifth respondent). One in ten mentioned services and law enforcement agencies (perhaps, the image of the latter is negative due to the media coverage of their activities), while public administration bodies were mentioned only by 7%, municipal service — by 6%, federal authorities — by 5%. The youngest group again proved to be more optimistic — the 18—24-year-olds by about 10% more likely to consider almost every field of professional activity as represented by honest and conscientious people. For most of the fields, there is an obvious decline of the share of those who believe they are represented by decent people with age.

The respect to various professions does not differ significantly by age groups, perhaps, pointing to the stable social stereotypes about the 'status' of different professions, which hardly change with age. Civil servants are not the leaders of the social respect and prestige rating. The most respected groups are peasants/farmers and scientists (the respect level is 69% and 65% respectively, with the lowest rates of disrespect); they are followed by school teachers, workers and the military, the maximum respect to which was expressed by the half of the sample; then come doctors and creative intellectuals with the same level of maximum respect as for the previous group, though their level of minimum respect is much higher (17% and 14% respectively), i.e. these

professions are perceived more contradictory, like theater and cinema actors and university professors. Such contradictions are not typical for the image of civil servants — maximum respect to them was expressed by 6%, minimum — by 57% (the situation is the same for politicians, civil servants win only over the police, judges and prosecutors).

Thus, it is obvious that the negative image of state officials in the public opinion is the key reason for the low level of social trust to the public administration in the Russian society in general and among the student youth in particular. This negative image is determined, on the one hand, by the clear requirements to civil servants, which they do not meet in both personal conduct and professional and ethical standards; on the other hand, by the stereotypical perception of this social-professional group in general — as not consisting of the most intelligent, talented and competent people in the country, not to mention the most honest, conscientious and descent ones.

REFERENCES

[1] *Akimova E.Ju.* Problema imidzha gosudarstvennyh sluzhashhih v sovremennom obsche-stve [The image of state civil servants as a problem for the nowadays social sciences] // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2011. № 1.

[2] *Astanin V.V., Storozhenko I.V., Sanatin V.P.* Vzaimodejstvie organov gosudarstvennoj vlasti s institutami grazhdanskogo obshhestv v sfere protivodejstvija korrupcii (rezultaty konkretno-sociologicheskogo issledovanija) [Public authorities and civil society institutions interaction in combating corruption (results of the sociological study)] // Monitoring pravoprimenenija. 2012. № 4.

[3] *Batajkina S.V.* Imidzh gosudarstvennoj sluzhby kak social'nyj konstrukt [Image of Public Service as a Social Construct]: Avtoref. dis. k.s.n. Kazan, 2009.

[4] Gosudarstvennaja sluzhba i grazhdanskoe obshhestvo v uslovijah provedenija administ-rativnoj i sudebno-pravovoj reform: rezultaty vyborochnogo sociologicheskogo oprosa naselenija Rossijskoj Federacii [Public service and civil society under the administrative and judicial-legal reforms: The results of the all-Russian representative survey] // Sociologija vlasti. 2005. № 5.

[5] *Gorshkov M.K.* Vlast' i bjurokratija v zerkale obshhestvennogo mnenija [Power and bureaucracy in the mirror of public opinion] // Gumanitarnyj ezhegodnik-7 / Otv. red. Ju.G. Volkov. Rostov n/D., 2008.

[6] *Klimova S.* Obydennye smysly bazovyh ponjatij socialno-politicheskogo leksikona: «Chinovniki» [Ordinary interpretations of the key notions of the social-political vocabulary: "Officials"] // Socialnaja realnost. 2007. № 1.

[7] *Kudrjavceva E.I., Makalatija I.N.* Kompetencii gosudarstvennogo grazhdanskogo sluzhashhego kak issledovatelskaja problema [Competencies of the state civil servant as a research problem] // Nastojashhee i budushhee socialnyh tehnologij. SPb., 2011.

[8] *Samsonova Ju.S.* Imidzh gosudarstvennoj sluzhby v uslovijah administrativnogo reformirovanija v rossijskom obshhestve [Image of Public Service under the Administrative Reform in the Russian Society]: Avtoref. diss. k.s.n. Rostov-na-Donu, 2011.

[9] *Turchinov A.I., Magomedov K.O.* Kadrovyj potencial gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhby: duhovno-nravstvennye problem [Personnel Potential of State Civil Service: Spiritual and Moral Problems]. M., 2010.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПРИЧИНАХ ВЫСОКОГО УРОВНЯ СОЦИАЛЬНОГО НЕДОВЕРИЯ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ: ОБРАЗ ГРАЖДАНСКОГО СЛУЖАЩЕГО*

И.В. Троцук, Е.А. Ивлев

Кафедра социологии
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

На основе эмпирических данных целого ряда повторных исследований, реализованных Социологической лабораторией Российского университета дружбы народов, авторы рассматривают типичные ответы студентов на вопросы об их политических взглядах и интересах, а также о социальном доверии в широком смысле этого слова. Уже с 2007 года, несмотря на навязываемые медиа клише, российских студентов нельзя назвать политически и электорально апатичными. Более того, московские студенты уверенно называют себя патриотами, гордящимися, в первую очередь, историческим прошлым, природными богатствами, культурным наследием и спортивными достижениями своей страны. К сожалению, иначе они оценивают нынешнюю социально-экономическую ситуацию, уважение к правам и свободам, деятельность государственных властей и общий уровень жизни. Авторы полагают, что подобные пессимистичные оценки в значительной степени объясняются низким уровнем социального доверия (или высоким уровнем социального недоверия), особенно к органам государственного управления и чиновникам в широком смысле. Авторы провели разведывательный общероссийский онлайн-опрос, чтобы реконструировать компоненты социального имиджа государственного служащего в общественном мнении как объясняющие низкий уровень социального доверия в обществе и стабильно высокую долю убежденных в том, что российское государство представляет и защищает интересы богатых и госслужащих. Анкета включала в себя вопросы об обязательных этических принципах в работе государственных и муниципальных служащих, о критериях отнесения их поведения к неэтичному, о требованиях к претендентам на посты в системе государственного управления, о возможных реакциях на неэтичное поведение в органах государственного управления, о структуре и детерминантах социального имиджа госслужащего и т.д. Хотя самая молодая возрастная группа (18—24-летних) оказалась наиболее оптимистично настроенной по всем перечисленным параметрам, тем не менее, и одна легко воспроизводит негативный имидж госслужащего как не отвечающего профессиональным и этическим требованиям к данной социально-профессиональной группе, которая, по мнению россиян, не привлекает самых умных, образованных и компетентных людей в стране, не говоря уже о самых честных, совестливых и порядочных.

Ключевые слова: социальное доверие; социальное недоверие; российская студенческая молодежь; государственные служащие; государственное управление; опросы общественного мнения; социальный имидж государственного/муниципального служащего; этические принципы и профессиональные стандарты; государственный чиновник.

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ. Грант № 15-03-00573.

РЕСУРСЫ РАБОТНИКОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА И ИХ САМОЧУВСТВИЕ НА РЫНКЕ ТРУДА

Ю.Ю. Чилипенок, О.С. Осипова

Кафедра общего и стратегического менеджмента
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Родионова, 136, Нижний Новгород, Россия, 603093

В статье представлены результаты исследования, основной целью которого было описание работника малого и среднего бизнеса как субъекта современных российских социально-трудовых отношений с точки зрения его обеспеченности ресурсами. Теоретической основой исследования явился ресурсный подход. Основные ресурсы работников предприятий малого и среднего бизнеса, их поведение на рынке труда в зависимости от ресурсообеспеченности анализируются по данным базы Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (RLMS) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Самочувствие на рынке труда описано через страх потерять работу, уверенность в способности и желание найти новую работу. На основании эмпирического материала были выделены средние, нормальные показатели обладания выделенным набором ресурсов и показаны особенности положения субъекта социально-трудовых отношений в свете обладания определенными уровнями обеспеченности тем или иным ресурсом. Авторы отмечают низкую экономическую обеспеченность сотрудников малого и среднего бизнеса, вследствие чего финансовый фактор оказывает решающее влияние на поведение данной категории работников на рынке труда. Сделаны выводы о значении информационно-инновационного ресурса, а также ресурса здоровья работника для осознания его собственного независимого положения на рынке труда и готовности к осуществлению трудовой мобильности.

Ключевые слова: социально-трудовые отношения, малый и средний бизнес, работник, ресурсный подход, ресурсообеспеченность, рынок труда.

Трансформации, произошедшие в российском обществе в последние десятилетия, привели к существенным изменениям и в сфере социально-трудовых отношений. Изменился не только состав субъектов, но и сами основы, способы, формы и принципы социально-трудового взаимодействия, возникли новые модели социально-трудовых отношений. Следствием этих трансформаций явилось изменение ресурсности субъектов. Одни лишились определенных ресурсов, другие приобрели, некоторые трансформировались, перераспределились, появились новые виды ресурсов и риски, связанные с их нехваткой.

Все это особенно ярко нашло свое проявление в сфере малого и среднего бизнеса как самого молодого, гибкого и многообразного сектора российской экономики. Именно здесь произошла одна из самых значимых трансформаций субъектности последних лет, когда вчерашний советский работник стал современным предпринимателем — работодателем малого и среднего бизнеса. Работодатель традиционно считается «сильным» субъектом по сравнению с работником, что опять же определяется имеющимися у него ресурсами. Несмотря на все изменения, решающим ресурсом практически для любого предприятия и любого бизнеса является ресурс человеческий. Для развития своего дела и получения прибыли работодатель вынужден вступать в трудовые отношения с работниками, чтобы вос-

пользоваться ресурсами последних. Качество и количество имеющихся у работников ресурсов формируют стратегии их поведения на рынке труда и определяют их социальное самочувствие.

РЕСУРСНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Ресурсный подход к анализу социально-трудовых отношений достаточно широко обсуждается как зарубежными, так и российскими учеными. Важно учитывать распределение сил акторов при определении траекторий их развития. Способны или не способны данные акторы достичь своих целей, зависит от процесса взаимодействия, разбросанности и размещения различных ресурсов [7. С. 1060]. По мнению С.В. Одякова, ресурсный подход при изучении социально-трудовых отношений продуктивен сразу в двух направлениях. «Во-первых, он выступает как парадигма анализа динамики социально-трудовых отношений с позиций объема и структуры ресурсов акторов этих отношений. Во-вторых, при рассмотрении социальных отношений, в том числе и социально-трудовых, необходимо учитывать равенство/неравенство акторов с точки зрения распределения ресурсов, возникающее как следствие или результат трудовой деятельности» [6. С. 267].

Современные отечественные исследователи предлагают различные классификации ресурсов/капиталов, которые применимы к анализу субъектов социально-трудовых отношений. Как правило, выделяют экономический, квалификационный (профессиональный), социальный, властный (административный), символический, физиологический (биологический, демографический), культурный и личностный ресурсы. С.Г. Климова добавляет и еще один важный ресурс — институциональный, являющийся решающим при определении субъектности: «возможность субъекта конструировать правила и систематически взаимодействовать на их основании со своими контрагентами зависит от того, какими институциональными ресурсами располагает коллективный агент, в какой мере статус данного социального субъекта оказывается институциализированным» [4. С. 95]. В.А. Ядов считает, что «имеет место некая универсальная категория — ресурсоемкость социальных субъектов» [11. С. 314]. В.В. Радаев отмечает два основных свойства капитала/ресурса — их ограниченность и свойство к накоплению [8. С. 121].

Обратимся к классификации ресурсов работников, предложенной Е.В. Митягиной [5].

1. *Квалификационный*, который определяется характером труда, уровнем общего и профессионального образования, уровнем квалификации, стажем работы в данной должности, удовлетворенностью соответствия уровня квалификации выполняемой работе.

2. *Информационно-инновационный* — это степень осведомленности о деятельности предприятия, о предоставляемых услугах, способность к освоению нового и новаторской деятельности.

3. *Властный*, который выражается в способности участвовать в обсуждении и принятии решений на предприятии, перспективы служебного роста, способность отстаивать свои интересы, интересы своей группы.

4. *Экономический,* определяющийся размером и источником доходов, наличием собственности, особенностями потребления, удовлетворенностью материальным положением, способностью это положение улучшить.

5. *Социальный* ресурс — это включенность в формальные и неформальные сети, возможности мобильности.

6. *Личностный* ресурс — индивидуализм, лидерские качества, достижительные установки, креативность, инициативность, дисциплинированность, ответственность, гибкость и адаптивность, самоидентификация.

7. *Биологический* ресурс — уровень здоровья, пол, возраст.

8. *Ценностный* — смысложизненные ценности и ценность труда.

Мы несколько упростим содержание этой классификации, изучая квалификационный, экономический, социальный (включив в него и властный), биологический (предполагая только ресурс здоровья) и информационно-инновационный ресурсы. Кроме того, выделим еще и временной ресурс.

ВЫБОРКА

Для анализа использовалась база данных RLMS (Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения) по самой поздней волне опросов. К апрелю 2015 г. самой поздней из доступных была база опроса 2013 г. (22 волны).

Данные репрезентируют типичную, некризисную, ситуацию для российского рынка труда, которая успела сложиться за предыдущие годы относительной экономической стабильности. Взяты данные по индивидуальному опросу граждан РФ. Характеристики выборки и принципы сбора данных подробно прописаны на сайте RLMS (1).

Для отбора требуемых наблюдений использовалась пятиступенчатая фильтрация. Объем исходной выборки в базе составляет 16 087 наблюдений, описывающих респондентов из различных регионов России. На первом этапе нашего анализа были отобраны наблюдения по принципу положительного ответа на вопрос о собственном трудоустройстве. В результате база данных ограничилась 7016 наблюдениями. Далее были отобраны наблюдения по респондентам, трудоустроенных в малых и средних предприятиях. Классификация проведена по принципу численности сотрудников. В базе данных оказалось 3522 респондента, работающих на предприятиях, численность сотрудников в которых не превышает 250 человек. Причем 3071 из них заняты в малых предприятиях (до 100 человек), что соответствует среднему распределению численности занятых в малых и средних компаниях по РФ (по данным Росстата за 2014 г. в численности малых предприятий — 89% составляют микропредприятия) [9].

Третьим условием отбора была частная форма собственности предприятия (негосударственная). После этого этапа в базе данных осталось 1752 наблюдения. Далее необходимо было отобрать работающих исключительно в российских предприятиях. Их тоже оказалось 1752. Итоговым фильтром были исключены владельцы предприятий (собственники, предприниматели), и искомая база данных составила 1629 наблюдений.

ОПИСАНИЕ ПЕРЕМЕННЫХ И АНАЛИЗ ДАННЫХ

База RLMS, являясь базой данных комплексного мониторинга, содержит большое количество переменных. Часть из них использовалась в анализе в исходном виде, часть подверглись вторичной обработке. Исходные переменные, позволяющие сформировать необходимые для исследования сводные индикаторы по каждому из ресурсов, перекодировались в порядковые переменные с трехмерной шкалой: 1 — низкий уровень обладания ресурсом; 2 — нормальный (средний) уровень, 3 — высокий уровень обладания ресурсом. Для итоговой оценки обладания тем или иным ресурсом брался средний показатель по соответствующему комплекту используемых переменных.

КВАЛИФИКАЦИОННЫЙ РЕСУРС

Для анализа квалификационного ресурса, которым обладают работники современного малого и среднего бизнеса по данным RLMS, использовались исходные переменные, описывающие: самый высокий уровень имеющегося образования; самостоятельное расположение респондентами самих себя на воображаемой профессиональной 9-тиступенчатой лестнице от *«начинающий ученик»* до *«профессионал высокого класса»*. Предполагалось использовать еще одну переменную — сведения о количестве часов, потраченных на повышение квалификации за прошедший год. В ходе анализа данных было обнаружено, что лишь незначительная часть людей изучаемой группы проходили какое бы то ни было обучение за предшествовавший опросу год — 4%. В итоге суммарная переменная, описывающая квалификационный ресурс, содержит переменные, описывающие уровень образования и профессиональную самооценку.

Группа 1 — обладатели низкого уровня квалификационного ресурса. Уровень образования ниже среднего специального. Представители группы оценивают свою квалификацию ниже 7-ми баллов по описанной шкале.

Группа 2 — обладатели нормального уровня квалификационного ресурса. Уровень образования — среднее специальное и высшее специальное образование. Представители группы оценивают свою квалификацию в реализуемой трудовой деятельности на 7—8 из восьми баллов (интервал определен на основе модального среднего).

Группа 3 — обладатели высокого уровня профессионального ресурса. Образование выше, чем у группы 1. Самооценка квалификации на высшем уровне — 9 баллов по описанной выше шкале.

При анализе данного параметра отмечается исключительно малое количество обладателей высокого уровня квалификационного ресурса. В первую очередь, это обусловлено крайне низким числом тех, кто проходил хотя бы минимальное повышение квалификации за предшествовавший опросу год. Около половины сотрудников малого и среднего бизнеса имеют среднее или высшее специальное образование, почти столько же — имеют уровень образования ниже среднего специального. Примерно 2% сотрудников российского малого и среднего бизнеса имеют 2 и более высших образований либо ученую степень. В самооценках лидирует низкая оценка собственных квалификации и мастерства (42%). Почти такое

число респондентов дают себе средние оценки. Около 12% опрошенных работников малого и среднего бизнеса оценивают свою квалификацию высшими баллами. Что влияет на высокую самооценку достаточности имеющегося уровня образования для выполнения профессиональных задач, остается за границами данного исследования. По совокупности уровня образования и самооценки около 60% сотрудников малых и средних предприятий имеют низкий квалификационный ресурс.

РЕСУРС ЗДОРОВЬЯ

Для анализа биологического ресурса работников малого и среднего бизнеса по данным базы RLMS были взяты следующие переменные: качественная оценка респондентами собственного здоровья: за нормальный уровень приняты характеристики «хорошее» и «среднее, не хорошее, но и не плохое»; информация о среднем количестве посещений врачей за год. За норму принято посещение врачей 1—3 раза в год. Посещение врачей менее 1 раза в год расценено как обладание высоким уровнем ресурса здоровья, 4 и более раз в год — низким.

Анализ данных показывает, что большинство работников российского малого и среднего бизнеса обладают достаточно высоким уровнем ресурса здоровья (рис. 1). Абсолютное большинство оценивают свое здоровье как нормальное, более трети не испытывают необходимости посещать врачей.

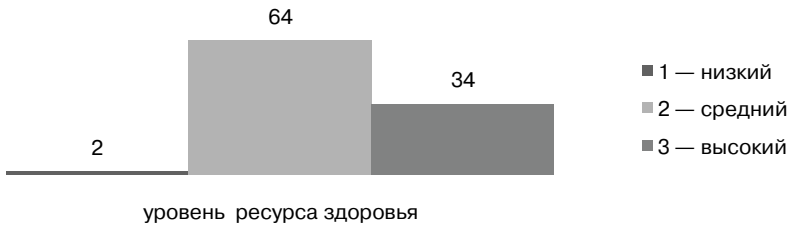


Рис. 1. Уровень ресурса здоровья работников малого и среднего бизнеса (по данным RLMS, %)

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РЕСУРС

По базе данных RLMS переменная, описывающая финансовое (материальное) положение респондентов, была оценена по совокупности следующих исходных данных: количества денег, в рублях, полученных респондентами в качестве зарплаты и в качестве любого рода премий и доплат за предшествующий опросу месяц работы; самостоятельного расположения респондентами себя на воображаемой 9-тиступенчатой лестнице, где нижняя ступень — «нищие», а высшая ступень — «богачи»; самостоятельной оценки удовлетворенности респондентами своим материальным положением по шкале с качественными оценками.

Первые две переменные были просуммированы, и выведена общая переменная дохода респондентов от осуществления трудовой деятельности по основному месту работы. В данном случае не проводилось разбивка групп с различным уровнем дохода на группы высокого, нормального и низкого уровня обладания финан-

совым ресурсом. Представляется крайне сложным найти основание для выделения «нормального» уровня, поэтому была сформирована интервальная шкала.

Нормальный уровень обладания экономическим ресурсом: 1) на описанной воображаемой лестнице респонденты, отнесенные к этой группе, располагают себя на ступенях 4—6 (середина лестницы, равноудаленная от крайних значений); 2) при оценке удовлетворенности собственным материальным положением выбирают ответы «Скорее удовлетворены» и «И да, и нет».

Почти 80% рассматриваемой категории жителей России имеют доходы 15—25 тыс. рублей и ниже. При этом большинство субъективно определяют свой финансовый статус как средний (60%). Однако прожиточный минимум за первый квартал 2014 г. для трудоспособного населения составил 8283 рублей на человека. Теоретически это граница бедности, фактически она может быть определена и выше, в зависимости от размера списка товаров и услуг и их качества, которые можно определить как необходимые для достойного образа жизни.

В то же время статус специалиста с высшим или средним специальным образованием и постоянным местом работы предполагает приближенность к стилю жизни некоего среднего класса, нормативному образу, транслируемому масс-медиа. Средним положением в социальной структуре субъективно и характеризуют себя опрошенные работники.

Обратим внимание, что приведенная выше цифра — расчет на одного человека, примерно такая же сумма необходима на каждого иждивенца в семье. Можно предположить, что финансовое положение рассматриваемой категории граждан в основном напряженное.

Более половины респондентов не удовлетворены текущей ситуацией, но и с такой же частотой отмечают, что это среднее положение на общем фоне — не хуже и не лучше, чем у других (рис. 2 и 3).

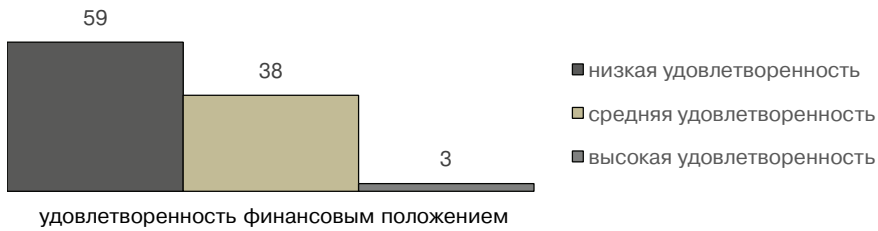


Рис. 2. Оценка удовлетворенности собственным финансовым положением, %

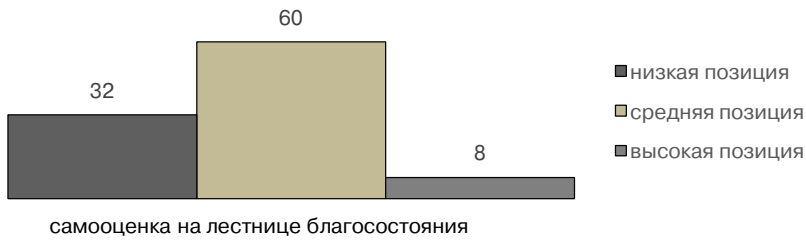


Рис. 3. Самооценка на лестнице материального достатка, %

По экономическому ресурсу не выводился средний параметр, более информативно рассмотрение объективных данных и субъективных оценок и самоопределения. Треть респондентов ставят себя на низшую ступень по параметру материального достатка и почти 60% не удовлетворены своим финансовым положением. Во-первых, это указывает на социальное напряжение: оба параметра оцениваются на основе сравнения себя с другими людьми. Во-вторых, подчеркивается низкая ресурсность группы по признаку материального достатка. Вопрос о том, кроется ли причина такого положения наемных работников в намеренном удерживании уровня зарплат со стороны собственников или в том, что малый и средний бизнес сегодня действительно не в состоянии предоставить сотрудникам заработную плату, соответствующую востребованному образу жизни, требует в дальнейшем дополнительного изучения.

СОЦИАЛЬНЫЙ РЕСУРС

Под социальным ресурсом понимается возможность применения социального капитала — получения благ путем использования личного авторитета и связей с другими людьми, способными оказать полезные одолжения. Имеющаяся база данных дает возможность оценить один из этих аспектов, а именно — самооценку обладания властью и самооценку личного авторитета (уважения со стороны других).

Для разделения респондентов на три группы шкалы были укрупнены до трех оценок 1—3; 4—6 и 7—9 баллов. Анализировать среднее значение представляется затруднительным из-за малого количества включенных переменных при контрасте оценок в ответах на эти два вопроса.

Существует заметная разница между ощущением власти, которое смещено к низким оценкам, и личного авторитета, которое смещено к высшим оценкам (рис. 4 и 5).

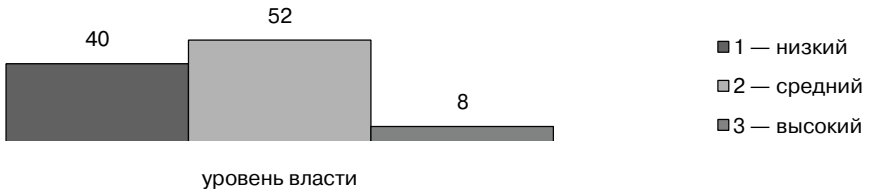


Рис. 4. Самооценка работниками малого и среднего бизнеса уровня власти, %

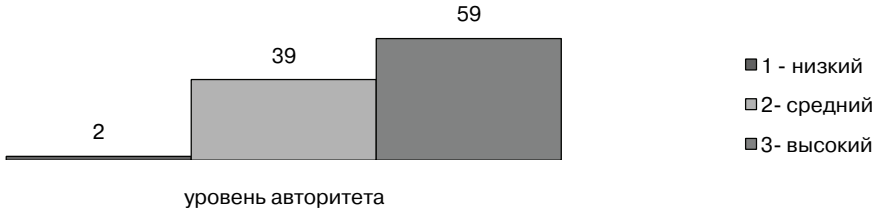


Рис. 5. Самооценка работниками малого и среднего бизнеса уровня авторитета (уважения), %

Власть и уважение фактически противопоставляются друг другу. Работники не ассоциируют свою социальную позицию с властными возможностями, однако признают, что получают уважение со стороны окружающих. Очевидно, власть в целом ассоциируется с политическим и экономическим влиянием. Можем предположить, что авторитет, уважение со стороны окружающих, как правило, является результатом экспертного основания власти, социальной компетентности и выстраивания удовлетворительных социальных отношений.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ РЕСУРС

Для оценки информационного ресурса были взяты переменные, описывающие: использование персонального компьютера (ПК) в любых целях; использование ПК для работы или учебы; использование Интернета для любых целей (все цели в опросе сформулированы в 10 пунктах); личное владение техническими устройствами (телефон, планшет, ноутбук, смартфон); применение приложений (доступ в Интернет) на устройствах планшет и смартфон; использование банковских карт для операций по счету и для совершения покупок.

Все переменные были перекодированы так, чтобы положительный ответ формировал 1 балл для респондентов, а другие ответы (отрицательный, з/о, отсутствие ответа) расценивались как отсутствие, нулевой балл по переменной. После этого все переменные были просуммированы и сведены в переменную «информационный ресурс». Минимальная сумма — 0 баллов, максимальная — 19 баллов. Шкала была укрупнена до трех оценок, в соответствие с количеством описываемых групп: набравшие до 6 баллов, 6—12 и 13—19 баллов. Показатели средних значений подтверждают, что выделенный диапазон, принятый за «нормальный», соответствует типичному, среднему показателю.

Можно говорить о большом количестве респондентов, обладающих низким информационным ресурсом. В то же время некое среднее обладание информационным ресурсом приближено к форме нормального распределения (рис. 6).

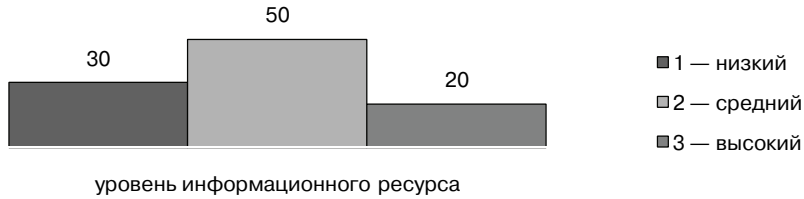


Рис. 6. Уровень информационного ресурса работников малого и среднего бизнеса, %

Каждый второй респондент отнесен к обладателю нормального уровня информационного ресурса. Каждый третий — к низкому, и пятая часть опрошенных работников обладает высоким уровнем. Более 70% пользуются компьютером, но лишь половина от их числа пользуются компьютером для учебы или работы. Более 80% обращаются к Интернет: для развлечений, общения с другими людьми,

получения информации и расширения кругозора, повышения культурного уровня, чтения новостей и знакомства со справочными материалами. Вдвое меньшее число, лишь 40%, используют Интернет для совершения покупок, получения товаров и услуг. Почти 40% используют мобильные устройства для выхода в онлайн.

Абсолютное большинство, более 90% представителей изучаемой группы, имеют личный мобильный телефон. Чуть более 10% имеют личный планшет. Более половины опрошенных работников (около 60%) не имеют в свободном личном распоряжении компьютер, лэптоп или нетбук. Лишь 20% имеют свое персональное устройство и еще столько же имеют его в совместном пользовании с другими членами семьи. Пользуются собственным смартфоном, коммуникатором или айфоном 17% опрошенных работников малого и среднего бизнеса. Более половины являются активными пользователями банковских карт и около трети используют их только для снятия наличных.

ВРЕМЕННОЙ РЕСУРС

База данных RLMS позволяет оценить временну́ю занятость респондентов. Оценивались переменные, предоставляющие данные о количестве: часов, в течение которых респондент осуществлял трудовую деятельность на рабочем месте по основному месту работы в течение последних 30 дней перед опросом; часов, которые респондент потратил на работу по основному месту работы в течение последних 30 дней перед опросом, находясь дома, внеурочных; выходных дней респондента за 30 дней, предшествовавших опросу; дней оплачиваемого отпуска за последний прошедший год.

За нормальную продолжительность дня взят интервал $8 \pm 0{,}5$ часов в день (в среднем). Продолжительность рабочей недели — 20—24 дня. Продолжительность отпуска — 25—30 дней за 12 месяцев.

Первые две переменные — время, затраченное на рабочем месте и дома на трудовую деятельность по основному месту работы, было просуммировано. Это позволило оценить время, которое респондент тратит на выполнение трудовой деятельности. Чем выше этот показатель, тем меньшим количеством времени респондент свободно распоряжается по своему усмотрению (отдых и восстановление, развлечения, самообразование, информационная активность, установление социальных контактов и т.п.). Две другие переменные лишь перекодированы для использования интервальной шкалы:

1 — обладатели низкого уровня временного ресурса: большое количество времени их жизни занято непосредственно основной работой;

2 — обладатели нормального уровня временного ресурса: работают около 8-ми часов в день, имеют необходимое количество выходных и отпускных дней;

3 — обладатели высокого уровня временного ресурса: у них относительно много свободного от основной работы времени.

Основываясь на суммарных данных, можно сделать вывод, что средняя ситуация для малого и среднего бизнеса — это нормальная трудовая загруженность сотрудников, приблизительно соответствующая трудовому законодательству. Распределение незначительно смещено к пониженному показателю (рис. 8).

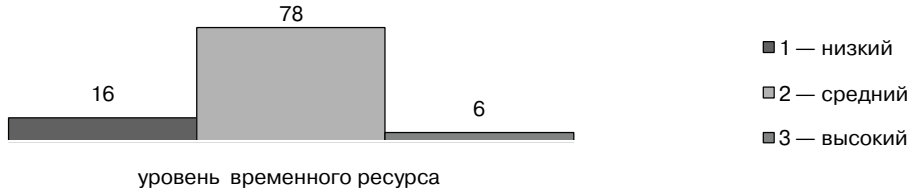


Рис. 8. Уровень временного ресурса работников малого и среднего бизнеса, %

Рассматривая переменные по отдельности, видим, что в большинстве случаев работникам малого и среднего бизнеса гарантированы положенные законодательством выходные дни. В то же время отпуск в полном объеме имеют менее 10% опрошенных, а у 41% респондентов за последний год продолжительность отпуска была меньше нормы, либо отпуск отсутствовал. Ежедневной работе, на рабочем месте и дома, треть изученной группы посвящала большее количество часов, чем стандартный рабочий день, то есть в повседневности у существенной доли опрошенных наблюдается дисбаланс между трудовой (по основному месту работы) и личной жизнью, низкий уровень возможности распоряжаться временем по своему усмотрению.

В целом ресурсы работников малого и среднего бизнеса можно систематизировать следующим образом по уровню обеспеченности ими: низкий уровень демонстрируют квалификационный и экономический ресурсы; нормальный, средний уровень — ресурсы социальный, информационно-инновационный и временной, ближе к высокому уровню — ресурс здоровья.

САМОЧУВСТВИЕ РАБОТНИКОВ НА РЫНКЕ ТРУДА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ РЕСУРСАМИ

Как мы уже отмечали, положение работника на рынке труда определяется свободой в принятии решений, в независимости и возможности реализовывать выгодные для себя стратегии поведения, что и обеспечивается наличием определенных ресурсов. Эта взаимосвязь анализируется через распределение ответов на вопросы о стрехе потерять работу, об уверенности в способности найти работу в случае увольнения и желании найти другую работу.

СТРАХ ПОТЕРЯТЬ РАБОТУ И ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ РЕСУРСАМИ

Более половины работников малых и средних предприятий России в различной степени озабочены тем, что могут потерять работу. Умеренное беспокойство выражено третью опрошенных (табл. 1).

Таблица 1

«Насколько Вас беспокоит то, что Вы можете потерять работу?», %

Варианты	%
Очень беспокоит	24
Немного беспокоит	33
И да, и нет	13
Не очень беспокоит	17
Совсем не беспокоит	13

Уровень информационного ресурса в большей мере влияет на наличие/отсутствие такого страха. С повышением информационной компетентности прослеживается снижение выраженной обеспокоенности (табл. 2).

Таблица 2

Страх потерять работу в зависимости от обладания информационным ресурсом, %

Насколько Вас беспокоит то, что Вы можете потерять работу?	Обладание информационным ресурсом			Всего
	низкий уровень информационного ресурса	нормальный уровень информационного ресурса	высокий уровень информационного ресурса	
Очень беспокоит	28,5	23,8	18,6	24,2
Немного беспокоит	31,3	35,0	31,3	33,1
И да, и нет	12,0	12,9	13,0	12,7
Не очень беспокоит	15,7	16,4	20,7	17,0
Совсем не беспокоит	11,8	11,5	16,4	12,6
З/О	0,2	0,1		0,1

В группах, выделенных по уровню квалификационного ресурса, отмечается та же тенденция снижения беспокойства с возрастанием ресурсности. Относительно низкий уровень страха потерять работу объединяет группы обладания нормального и высокого уровней ресурса здоровья (табл. 3).

Таблица 3

Страх потерять работу в зависимости от обладания ресурсом здоровья, %

Насколько Вас беспокоит то, что Вы можете потерять работу?	Обладание ресурсом здоровья			Всего
	низкий ресурс здоровья	нормальный ресурс здоровья	высокий ресурс здоровья	
Очень беспокоит	23,1	25,8	21,5	24,3
Немного беспокоит	15,4	33,0	33,8	33,1
И да, и нет	38,5	12,4	12,5	12,7
Не очень беспокоит	15,4	16,5	17,9	17,0
Совсем не беспокоит	7,7	12,0	13,7	12,5
З/О		0,1	0,2	0,1

Группа с низким ресурсом здоровья отличается неожиданно частым нейтральным ответом на вопрос о страхе потерять работу. Ответ, сформулированный «и да [беспокоит], и нет [не беспокоит]», выбрали 38,5% из них.

Таблица 4

Страх потерять работу в зависимости от обладания властным ресурсом, %

Насколько Вас беспокоит то, что Вы можете потерять работу?	Обладание властным ресурсом			Всего
	низкий уровень социального ресурса	нормальный уровень социального ресурса	высокий уровень социального ресурса	
Очень беспокоит	28,0	21,3	22,7	24,1
Немного беспокоит	30,2	35,7	30,9	33,1
И да, и нет	12,4	13,3	11,8	12,8
Не очень беспокоит	16,2	17,9	14,5	17,0
Совсем не беспокоит	12,6	11,6	19,1	12,5
З/О	0,3		0,9	0,2

Уровень обладания властным ресурсом (табл. 4) не дает существенных различий в степени беспокойства о возможной потере работы: во всех трех группах сильное и умеренное беспокойство проявляет более 50% респондентов с незначительным убыванием страха при возрастании уровня власти. Высокий уровень властного ресурса связан с наибольшей долей (более 19%) тех, кто совсем не обеспокоен потенциальной потерей текущего места занятости. Эти же тенденции сохраняются при анализе групп, выделенных по принципу самооценки степени уважения со стороны окружающих.

Группы различного уровня временного ресурса не демонстрируют существенных различий в страхе потери рабочего места.

В большинстве случаев самые высокие коэффициенты сопряженности принадлежат параметрам обладания высоким уровнем экономического ресурса с другими рассматриваемыми параметрами. Это подчеркивает значение именно экономического аспекта трудовой жизни работников малого и среднего бизнеса. Более 63% тех, кто не удовлетворен своим финансовым положением, испытывают сильный и умеренный страх потери работы. Для других групп эта цифра едва превышает 50%. Наиболее твердое спокойствие проявляет группа высокой удовлетворенности финансовым положением: почти четверть из них совсем не проявляют такого беспокойства (табл. 5)

Таблица 5

Страх потерять работу в зависимости от финансового самочувствия, %

Насколько Вас беспокоит то, что Вы можете потерять работу?	Удовлетворенность финансовым положением			Всего
	низкая оценка финансового положения	средняя оценка финансового положения	высокая оценка финансового положения	
Очень беспокоит	30,2	15,6	21,6	24,4
Немного беспокоит	32,7	33,4	29,7	32,9
И да, и нет	10,3	17,2	2,7	12,8
Не очень беспокоит	14,5	20,6	21,6	17,0
Совсем не беспокоит	12,0	12,7	24,3	12,5
З/О	0,1	0,2		0,1

Общие тенденции схожи и для групп, выделенных на основании расположения себя на лестнице достатка. В группах размера дохода выделяются соседние группы с доходами 56—65 и 66—75 тыс. рублей. В первой — самый высокий уровень критично выраженного беспокойства потери работы при самом низком проценте совсем не обеспокоенных этим. Во второй, где доходы минимально превышают доходы предыдущей группы, картина противоположная: самый высокий процент полностью спокойных за свое трудовое будущее и один из самых низких показатель крайней обеспокоенности.

УВЕРЕННОСТЬ В СПОСОБНОСТИ НАЙТИ ДРУГУЮ РАБОТУ В СЛУЧАЕ УВОЛЬНЕНИЯ И ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ РЕСУРСАМИ

В среднем среди работников малого и среднего бизнеса присутствует тенденция уверенности в своей способности найти новое место работы в случае внезапной потери нынешнего: полностью уверенных больше, чем полностью неуверенных (17% против 12%), а «скорее уверенных» больше, чем «не очень уверенных» (32% против 22%) (табл. 6).

Таблица 6

Уверенность в способности найти новую работу в зависимости от обладания информационным ресурсом, %

Представьте себе не очень приятную картину: предприятие, где Вы работаете, по каким-то причинам закроется, и все работники будут уволены. Насколько Вы уверены в том, что сможете найти работу не хуже той, на которой работаете сейчас?	Обладание информационным ресурсом			Всего
	низкий уровень информ. ресурса	нормальный уровень информ. ресурса	высокий уровень информ. ресурса	
Полностью уверены	11,0	17,4	27,2	17,4
Скорее уверены	25,3	33,5	36,2	31,5
И да, и нет	16,3	15,7	14,6	15,6
Не очень уверены	25,9	21,3	15,2	21,5
Совсем не уверены	19,7	10,8	5,3	12,4
З/О	1,8	1,4	1,5	1,5

Обладатели высокого уровня информационного ресурса демонстрируют заметно более выраженный оптимизм. Неопределенные и пессимистичные ожидания в ситуации потери текущей работы ниже средних. В сторону пессимистических оценок заметно сдвинуто распределение ответов в группе низкого информационного ресурса.

Группа нормального квалификационного ресурса ожидаемо демонстрирует несколько больший оптимизм, чем группа низкого квалификационного ресурса в ситуации необходимости найти работу.

Уверенность в способности найти новую работу мало разнится в зависимости от уровня ресурса здоровья. Лишь у малочисленной группы низкого уровня обладания ресурсом низки оптимистичные оценки и заметно высоки самые пессимистичные (23% совсем не уверенных в своей способности найти новую работу против средних 12,5%).

Уважение со стороны окружающих меньше коррелирует с уверенностью на рынке труда, чем ощущение власти. Власть, вероятно, воспринимается как более стабильный социальный капитал для трудовой сферы. В целом, обладатели высокого уровня социального ресурса по обоим критериям больше уверены в своих возможностях при резкой смене обстоятельств.

Среди удовлетворенных собственным финансовым положением более чем 43% полностью уверены (это в 2 раза превышает средний показатель) и 32% скорее уверены, что смогут найти работу не хуже текущей в случае необходимости (табл. 7).

Если в группах средней и высокой удовлетворенности собственным финансовым положением превалируют оптимистичные настроения, то в группе низкой оценки финансовой удовлетворенности оптимисты и пессимисты распределяются почти пополам. Группы, образованные оценками респондентов своего положения на финансовой лестнице, практически повторяют распределение групп, выделенных по оценке удовлетворенности финансовым положением. Существенные отличия наблюдаются в группе расположивших себя высоко на финансовой лестнице по сравнению с группой высокой удовлетворенности: распределение более равномерное (например, полностью уверенных в способности найти новое рабочее место, не уступающее предыдущему, 28% против 43%).

Таблица 7

Уверенность в способности найти новую работу в зависимости от финансового самочувствия, %

Представьте себе не очень приятную картину: предприятие, где Вы работаете, по каким-то причинам закроется, и все работники будут уволены. Насколько Вы уверены в том, что сможете найти работу не хуже той, на котором работаете сейчас?	Удовлетворенность финансовым положением			Всего
	низкая оценка финансового положения	средняя оценка финансового положения	высокая оценка финансового положения	
Полностью уверены	15,7	18,3	43,2	17,4
Скорее уверены	27,3	37,5	32,4	31,3
И да, и нет	16,1	15,8	2,7	15,7
Не очень уверены	24,4	17,8	5,4	21,4
Совсем не уверены	15,0	9,2	10,8	12,7
З/О	1,5	1,4	5,4	1,5

При анализе групп, выделенных на основании размера дохода, выделяется группа самого высокого уровня дохода — здесь самая высокая доля (57%) полностью уверенных в том, что в случае необходимости найдут работу, не уступающую нынешней. Совсем не уверенных в такой возможности больше всего (19% и 18%) в группах самого низкого дохода и дохода в размерах 8—14 тыс. рублей в месяц. Исключительно в этих группах пессимизм в целом преобладает над оптимизмом. Начиная с обладателей доходов 15 тыс. рублей в месяц респонденты в 50 и более процентов случаев в той или иной степени уверены в своих силах на рынке труда.

Работники с высоким временным ресурсом показывают распределение, вытянутое к полюсам: с одной стороны, в этой группе самые большие доли оптимистично настроенных работников, полностью и скорее уверенных в способности найти работу в случае внезапной потери текущей. С другой стороны, именно в этой группе превышена относительно среднего доля наиболее пессимистично настроенных («совсем не уверен»). Группа низкого временного ресурса содержит наибольшую долю респондентов (на 8% больше, чем в среднем распределении), которые выбрали неопределенный ответ («и да, и нет»).

ЖЕЛАНИЕ НАЙТИ ДРУГУЮ РАБОТУ И ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ РЕСУРСАМИ

По данным базы RLMS в России в среднем 20% сотрудников малых и средних предприятий хотели бы найти другую работу, 75% не высказывают такого желания.

Обладание временным ресурсом не сказывается заметным образом на поисковый настрой работников. Зато обладание информационным ресурсом коррелирует с желанием найти другую работу: в группе обладателей высоким уровнем информационной активности повышен процент сообщающих о таком желании (отклонение от среднего составляет 6%) и на 10% от общего по распределения по выборке снижен процент отрицающих желание найти другую работу (табл. 8).

Таблица 8

Желание найти новую работу в зависимости от обладания информационным ресурсом, %

Хотели бы Вы найти (другую) работу?	Обладание информационным ресурсом			Всего
	низкий уровень информационного ресурса	нормальный уровень информационного ресурса	высокий уровень информационного ресурса	
Да	14,7	20,3	25,7	19,6
Нет	80,9	73,7	69,7	75,1
З/О	4,4	6,0	4,3	5,2

Еще один фактор влияющий на желание перейти на другое место работы — это фактор здоровья: среди сотрудников с низкими показателями здоровья увеличена частота утвердительных ответов (30% против 20% среднего по выборке).

Значимую корреляцию показывает соотнесение желания перейти на другую работу и нынешняя обеспеченность материальным ресурсом (по объективной оценке размера дохода). Так, реже всего такое желание демонстрирует группа со средним, в нашей шкале — «нормальным» — материальным обеспечением, в этой группе статистика ответов на этот вопрос смещена от среднего почти на 10% (соотношение 11% к 87%). На 13% больше желающих поменять место занятости в группе низкого уровня обладания материальным ресурсом. При выделении групп разного уровня материальной обеспеченности, основанном на самооценке, соотношение ответов приближено к среднему по всей выборке, однако демонстрируются те же особенности распределения, что и в группах, выделенных на основе объективной оценки материального положения.

Таким образом, анализ позволяет выявить ряд взаимозависимостей, характеризующих связь ресурсоообеспеченности работников и их поведения на рынке труда. В целом, субъектность работников малого и среднего бизнеса выражена достаточно слабо, т.к. уровень обладания большинством ресурсов определяется как низкий или нормальный. Это и формирует нестабильность, уязвимость их положения как субъектов социально-трудовых отношений. Низкий уровень квалификационного и экономического ресурса не способствуют уверенности работников в своей «силе» на рынке труда и вызывают обеспокоенность и страх перед возможной потерей работы и невозможностью найти другую. Соответственно, чем выше уровень образования и лучше материальное положение, тем увереннее чувствуют себя работники на рынке труда и готовы искать лучшие варианты применения своих возможностей. Способствует возрастанию уверенности в себе как востребованном работнике и высокий уровень информационно-инновационного ресурса. Такие сотрудники наименее обеспокоены возможной ситуацией потери работы или невозможностью найти новую. Увеличивают количество оптимистических настроений обладатели нормального и высокого уровня ресурса здоровья.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ, проводимого НИУ-ВШЭ и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН (RLMS) (http://www.hse.ru/rlms).

ЛИТЕРАТУРА

[1] *Бурдье П.* Формы капитала // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 3.
[2] *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990.
[3] *Климова С.Г.* Условия и признаки субъектности наемных работников // Материалы всероссийской научно-практической конференции «Социальные проблемы труда в условиях перехода к инновационному развитию общества». СПб., 2008.
[4] *Коулман Дж.* Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3.
[5] *Митягина Е.В.* Ресурсность рабочих в условиях «двойной» российской модернизации: Дис. ... д.с.н. М., 2014.
[6] *Одяков С.В.* Методологические проблемы ресурсного подхода в исследовании социально-трудовых отношений // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 9.
[7] *Пул М.* Индустриальные и трудовые отношения // Управление человеческими ресурсами. СПб., 2002.
[8] *Радаев В.В.* Экономическая социология. М., 2008.
[9] Российский статистический ежегодник. М., 2013.
[10] *Сорокин П.А.* Система социологии: в 2 т. М., 2008.
[11] *Ядов В.А.* Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: возможность применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе // Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса. М., 2001.

RESOURCES OF THE WORKERS OF SMALL AND MEDIUM BUSINESS AND THEIR WELL-BEING IN THE LABOR MARKET

Yu.Yu. Chilipenok, O.S. Osipova

General and Strategic Management Chair
National Research University — Higher School of Economics
Rodionova St., 136, Nizhny Novgorod, Russia, 603093

The article presents the results of the study aimed to describe the employee of small and medium business as a subject of the contemporary Russian social and labor relations in terms of his resource endowments. From the theoretical point of view, the study was conducted within the resource-based approach: the main resources of small and medium business employees, their behavior in the labor market as depending on the resource supply were analyzed on the data of the Russian monitoring of the economic situation and the health of the population (RLMS) of the National Research University "Higher School of Economics". The employees' well-being in the labor market was measured by the fear to lose one's jobs, and confidence in the ability and the desire to find a new job. Based on the empirical data the authors identify average, normal levels of resource endowments, and the features of the subject of social and labor relations in the light of particular levels of different resources supply. The authors note the low economic security of small and medium business employees as a reason for the financial factor to have a decisive influence on the behavior of this category of workers in the labor market. There also conclusions about the importance of information and innovative resource and workers' health to realize their independent position in the labor market and get ready for the labor mobility.

Key words*:* socio-labor relations; small and medium business; employee; resource-based approach; availability of resources; labor market.

REFERENCES

[1] *Bourdieu P.* Formy kapitala [Forms of capital]. *Economicheskaiia sotsiologiia*. 2005. T. 6. No. 3.

[2] *Weber M.* Izbrannye proizvedeniia [Selected Works]. M., 1990.

[3] *Klimova S.G.* Usloviia i priznaki sub"ektnosti nayomnyh rabotnikov [Conditions and markers of employees' subjecthood]. *Sotsial'nye problemy truda v usloviiakh perehoda k innovatsionnomu razvitiiu obshchestva. Materialy vserossiĭskoĭ nauchno-prakticheskoĭ konferentsii*. SPb., 2008.

[4] *Coleman J.* Kapital sotsial'nyi i cherlovecheskii [Social and human capital]. *Obschestvennye nauki i sovremennost'*. 2001. № 3.

[5] *Mityagina E.V.* Resursnost' rabochikh v usloviiakh "dvoinoi" rossiiskoi modernizatsii: Dis. d.s.n. [Employees' Resources under 'Dual' Russian Modernization]. Nizhniy Novgorod, 2014.

[6] *Odiakov S.V.* Metodologicheskie problemy resursnogo podhoda v issledovanii sotsial'no-trudovykh otnosheniy [Methodological challenges of the resource-based approach in the study of social and work interactions]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy.* 2011. No. 9.

[7] *Poole M.* Industrial'nye i trudovye otnosheniia [Industrial and labor relations]. *Upravlenie chelovecheskimi resursami.* SPb., 2002.

[8] *Radaev V.V.* Economicheskaiia sotsiologiia [Economic Sociology]. M., 2008.

[9] Rossiĭskiy statisticheskiy ezhegodnik [Russian Statistical Yearbook]. M., 2013.

[10] *Sorokin P.A.* Sistema sotsiologii: v 2 t. [System of Sociology]. M., 2008.

[11] *Yadov V.A.* Sotsial'niy resurs individov i grupp kak ikh capital: vozmozhnost' primeneniia universal'noy modeli issledovaniia real'nogo rassloeniia v rossiyskom obschestve [Individual and collective social resource as a capital: Possibilities to apply a universal research model to study the stratification in the Russian society]. *Kto i kuda stremitsia vesti Rossiiu? Aktory makro-, mezzo- i mikrourovneĭ sovremennogo transformatsionnogo protsessa*. M., 2001.

КОНСТРУИРОВАНИЕ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ВИРТУАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ: ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ПРАКТИКИ САМОРЕПРЕЗЕНТАЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

О.Б. Максимова

Кафедра иностранных языков
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена специфике конструирования гендера в политической виртуальной коммуникации. Автор использует дискурсивный подход в сочетании с методом контент-анализа для проведения исследования гендерных коммуникативных стратегий и практик саморепрезентации в социальных сетях. Материалом исследования служат публикации в социальной сети «Фейсбук» в рамках интернет-флешмоба «мои 90-е». В статье аргументируется принадлежность данных материалов к политической коммуникации. В ходе анализа с использованием когнитивной модели обработки дискурса выявляется трехуровневая структура дискурса флешмоба, отображающая различные уровни вовлеченности публикаций в политический контекст. Сравнительный анализ мужского и женского участия в формировании структуры дискурса флешмоба позволяет выявить отчетливую гендерную асимметрию, которая проявляется как в самой структуре дискурса флешмоба, так и на всех уровнях данной структуры. В результате контент-анализа не было выявило заметных признаков нивелирования гендерных различий, ослабления традиционных моделей гендерно-ролевого позиционирования и манифестации андрогинной модели. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что женщины применяют большую гибкость в стратегиях саморепрезентации. Автор приходит к заключению о меньшей политизированности женского участия в дискурсе флешмоба, прослеживая данное свойство на всех уровнях структуры дискурса. В статье подчеркивается теоретическая значимость разработки методики исследования сетевого флешмоба для изучения политического сегмента сетевой коммуникации.

Ключевые слова: политическая коммуникация; политический дискурс; интернет-флешмоб; коммуникативные стратегии; гендерная идентичность; конструирование гендера; социальные сети; саморепрезентация.

Виртуальная коммуникация преобразовала и переформатировала современный политический дискурс, создав в нем сегмент существенной свободы выбора коммуникативных стратегий, в частности, воспринятых из приватной сферы [5. С. 120—135]. В виртуальном сегменте политического дискурса наблюдается сочетание иерархического и сетевого принципа коммуникации с повышением роли последнего. Это позволяет предположить возможность изменения/повышения роли гендерных различий, традиционно отнесенных в сферу приватной коммуникации, которые могут проявиться в новом качестве именно в виртуальном сегменте политической коммуникации с последующей пролиферацией во внесетевом политическом дискурсе.

Развитие электронных коммуникаций и рост численности аудитории социальных сетей способствуют усилению их влияния.

На сегодняшний день социальные сети являются одним из самых популярных ресурсов в Интернете. Коммуникация в социальной сети «Фейсбук», принадлежа-

щей к пятерке наиболее посещаемых мировых сайтов и имеющей суточную аудиторию, превысившую отметку в миллиард человек, особенно перспективна для изучения [9. P. 309—317; 10. P. 109]. Исследовательский интерес к коммуникациям в данном формате обусловлен, не в последнюю очередь, политической составляющей. Дискурс социальных сетей предоставляет обширный и хорошо структурированный материал для выявления гендерных стратегий саморепрезентации.

Существенную роль в функционировании социальных сетей играют так называемые флешмобы и связанные с ними феномены сетевой коммуникации, представляющие собой «летучую» форму социальности («единство по случаю») — идеальную площадку для социального творчества [3. С. 55; 8. P. 1788—1805; 14].

Интернет-моб как своеобразный тип дискурса интересен в том числе тем, что он создает равные коммуникативные условия для всех своих участников (мужчин и женщин) как в плане темы, так и в плане формы высказывания. Это создает наиболее комфортную исследовательскую ситуацию для сравнительного анализа мужских и женских коммуникативных стратегий и практик положительного самопозиционирования.

Целью нашего исследования являлось выявление гендерных стратегий саморепрезентации в виртуальной коммуникации, а именно в политическом дискурсе социальных сетей. При изучении гендерного фактора в сетевой коммуникации мы ориентировались на дискурсивный подход и когнитивную модель обработки дискурса [16].

Материалом исследования послужили персональные страницы пользователей сети Фейсбук, принявших участие во флешмобе «мои 90-е», состоявшемся в сентябре 2015 г., и в его сетевом обсуждении. При отборе страниц для анализа ориентиром был рейтинг популярности участников, определяемый количеством подписчиков, а также релевантная тематика публикаций, определяемая по «выделенным структурам» — визуальным маркерам наиболее важной информации: фотографиям, заголовкам, хэштегам (меткам-рубрикаторам, с помощью которых автор относит свой пост к той или иной теме), связывающим публикации с данным флешмобом, например *#остров90, #девяностые, #90ые, #ПроклятыеДевяностые, #дряньдевяностые*; выделенным фрагментам текста, такими как *«мои 90-е», «фото из 90-х», «вот они, 90-е», «Вспоминаем 90-е»* и т.п. В результате было отобрано для анализа 144 женских и 247 мужских публикаций. Исследование проводилось методом контент-анализа.

Представляется существенным вопрос о причастности отобранного материала к политической коммуникации.

Изначально акция «мои 90-е», инициированная призывом публиковать в социальных сетях воспоминания и ностальгические фотографии, не воспринималась как политическая. Ситуация кардинально изменилась, когда в сетевом обсуждении получила распространение политическая интерпретация данной акции, а именно — ее предполагаемая направленность на создание позитивного образа девяностых годов.

Политическая интерпретация флешмоба, основываясь на политической оценке девяностых годов, инициировала относительно самостоятельную дискуссию

о социально-политическом значении этой эпохи, которая примыкала к дискурсу ностальгических воспоминаний в качестве естественного обобщения.

Важным результатом такого развития событий стало то, что частные воспоминания, опубликованные в рамках флешмоба без всякого политического умысла, начали восприниматься в контексте политической интерпретации флешмоба, то есть стали политическими высказываниями «задним числом». Получилось, что неполитический флешмоб породил политическую дискуссию, которая, в свою очередь, политизировала и сам флешмоб, включив его в свою структуру.

Таким образом, высказывания-воспоминания, опубликованные в рамках флешмоба, сплелись с полемикой о значении девяностых годов и с обсуждением самого флешмоба в единый связный дискурсивный объект (дискурс флешмоба), который целиком оказался включенным в сетевой политический дискурс.

Поскольку мы установили, что эволюция флешмоба привела к тому, что в своей стационарной фазе его дискурс политизировался, структура этого дискурса должна отображать степень вовлечения конституирующих его высказываний в политический контекст. Исходя из этого мы распределили исследуемые высказывания по трем группам в зависимости от топика высказывания (о чем оно), локализующего высказывание в той или иной дискуссии (ностальгические воспоминания, дискуссия о девяностых, обсуждение флешмоба). Данное структурирование проявляет различные уровни политического контекста (политически нейтральный контекст, политический контекст девяностых, современный политический контекст).

К первой группе мы отнесли «политически нейтральные» высказывания — приватные воспоминания. Преимущественно это фотографии с краткими комментариями. В высказываниях данной группы основную коннотативную нагрузку несет визуальная составляющая, а комментарии служат денотатом. Топик высказываний этой группы — «Я», это высказывания о себе.

Во вторую группу мы поместили высказывания, в которых выявлялись признаки политических обобщений относительно эпохи девяностых, содержащие какую-то оценку, негативную или позитивную. В высказываниях данной группы основная смысловая нагрузка приходится на текстовое сообщение, а визуальная составляющая служит дополнительной иллюстрацией к текстовому сообщению.

В данной группе мы выделили две подгруппы на основании признака наличия или отсутствия частной истории (рассказа или фотографии), подкрепляющих оценочное суждение об эпохе. Топик высказываний этой группы — девяностые годы. В структуре высказывания можно выделить два уровня: микроуровень: частная история «Я и мои девяностые» и макроуровень «люди, страна, эпоха девяностых».

Третью группу нашей классификации составляют высказывания, содержащие анализ флешмоба как политической акции. В высказываниях данного типа визуальная составляющая отсутствуют. Топик данной группы высказываний: «флешмоб и его сетевое обсуждение».

Подчеркнем еще раз, что наша типология высказываний непосредственно связана с дискурсом, то есть с тем, как то или иное высказывание вписывалось

в структуру дискурса флешмоба, какую роль оно выполняло в формировании данного дискурса, в каких конкретных коммуникативных условиях оно было порождено. Участие в той или иной ветви дискурса флешмоба различалось по побудительным мотивам. В частности, выкладывание личных фотографий в рамках флешмоба могло быть обусловлено тем, что в подобных акциях осуществляется легитимизация коллективного нарциссизма, делегирование ответственности за нарушение границ приватности на всех участников данной акции.

Не случайно многие пользователи делились фотографиями с различными оговорками, демонстрируя нарочитую неловкость, например: *«Ну все побежали, и я побежала», «Так уж и быть, поддамся всеобщему угару „мои 90-е“», «Ок. Я долго скрывала. Но раз пошла такая пьянка...», «Блин, и я включилась в ваш флешмоб»* и т.п.

Что же касается высказываний о девяностых годах и о флешмобе, то здесь могли присутствовать дополнительные факторы мотивации, например, выражение солидарности/поддержки референтной группы или конкретной политической позиции.

Мы провели предварительный сравнительный анализ структуры дискурса флешмоба для участников — мужчин и женщин; затем сопоставили мужские и женские высказывания в каждом структурном элементе, с тем, чтобы выяснить, «каким образом пол автора текста... определяет тематические и стилистические характеристики этого текста» [2. С. 138]. Исходя из методики, предложенной в рамках когнитивной модели обработки дискурса [2. С. 41—67], при анализе материала мы выделяли схематические структуры, задающие общую форму дискурса и определяющие его тип (тексты, организованные по схеме плаката, тексты-нарративы, тексты полемического характера) а также общие макроструктуры (топик, тема, общий смысл, основное содержание), обеспечивающие глобальную и локальную связность дискурса флешмоба. Распределение высказываний по группам представлено в табл. 1.

Таблица 1

Распределение высказываний участников флешмоба по группам в рамках политического контекста

Группы высказываний	Женщины		Мужчины	
	Количество	%	Количество	%
Группа 1. Политически нейтральные высказывания	73	50,7	107	43,3
Группа 2. Высказывания, содержащие политическую оценку, анализ и интерпретацию эпохи				
а) частные истории	23	15,9	41	16,5
б) обобщения	14	9,7	53	21,5
Группа 3. Высказывания, содержащие оценку, анализ и интерпретацию флешмоба	33	22,9	46	18,6
Общее количество	144	100	247	100

Полученные результаты показывают, что у женщин больше относительная доля политически нейтральных, приватных высказываний (группа 1), а также оценочных суждений, основанных на личном опыте (первая подгруппа группы 2).

Это может означать, что женщины в большей степени, чем мужчины, использовали флешмоб для реализации целей положительной саморепрезентации, то есть как возможность показать себя (в том числе посредством визуальных образов). Мужчин больше заинтересовала возможность рассказать о времени, чем о себе, и именно таким образом осуществить свою саморепрезентацию.

Кроме того, наши результаты могут свидетельствовать о том, что женщины склонны отождествлять свою судьбу с судьбой эпохи, воспринимать эпоху сквозь призму собственной судьбы, экстраполировать свой личный опыт на оценку времени. Мужчины же не настолько тесно увязывают свою личную биографию с оценкой политической ситуации; они абстрагируются от собственного опыта, когда производят оценку.

Довольно часто в материалах флешмоба встречались мужские высказывания, в которых жесткая критика эпохи сопровождалась сообщением о том, что лично у автора высказывания все было хорошо. Женщины, как правило, отождествляли свое «я» с «мы»: не «я чего-то добилась», а у «нас появились возможности», и эти возможности предоставила эпоха.

Можно отметить, что данное женское свойство — восприятие эпохи сквозь призму собственной судьбы — прослеживается на трех уровнях дискурса флешмоба.

Во-первых, этот вывод можно сделать на основании того, что число женщин, участвующих в данном дискурсе, оказалось значительно меньше, чем мужчин. Можно связать этот факт с тем, что мужчины, негативно относящиеся к той эпохе, сочли нужным высказаться на эту тему независимо от того, как тогда сложилась их личная судьба. Женщины же, вспоминая «негатив» эпохи, отказывались от участия во флешмобе именно потому, что, вспоминая о тех временах, не могли абстрагироваться от своей личной судьбы.

Во-вторых, та же особенность проявилась на другом уровне дискурса, а именно в его структуре: доля женских высказываний, направленных на оценку девяностых годов, очень мала по сравнению с долей женских высказываний о себе и о своем отношении к флешмобу. В-третьих, данное свойство отслеживается и на еще более частном уровне, а именно на уровне одной группы однородных высказываний: женские оценки эпохи девяностых годов были построены преимущественно по принципу индуктивной экстраполяции личного опыта. Приведем примеры: *«Че всем так впилились эти 90-е. Выживать мне не приходилось. От слова совсем. Семерых голодных детей кормить тоже», «А я благодарна 90-м. Хорошая школа жизни. Пахала, как вол, и моя семья не нуждалась ни в чем».*

Кроме того, можно сделать вывод о меньшей политизированности женского участия в дискурсе флешмоба. Женщины в большей степени откликнулись на первоначальный (неполитический) призыв к публикации частных воспоминаний и фотографий (возможно, к ним в большей степени применима гипотеза о нарциссической мотивации участия в акции с выкладыванием личных фотографий); что же касается мужчин, то они, скорее, среагировали на эту акцию, нежели присоединились к ней, причем их реакция была преимущественно политической. Этот же вывод подтверждают и результаты по третьей группе высказываний.

Приблизительное равенство относительной доли мужских и женских высказываний достигалось за счет того, что женщины выражали преимущественно поддержку этой акции (например: *«Я не знаю откуда взялась тема про 90-е, но смотреть на старые фотки всегда прикол», «Очень классный флешмоб»*), тогда как мужчины выступали с негативной оценкой, «разоблачением флешмоба»: *«Забанил всех кто постил фотки девяностых», «В данном мероприятии... я принимать участие не буду. Это были страшные годы, подлые...»*.

Женщины, как правило, добавляли свою позитивную оценку флешмоба к приватным фотографиям, то есть к высказываниям первой группы; эти оценки не были политическими. Женская поддержка флешмоба обычно была проявлением солидарности и конформизма. Мужчины сопровождали свою негативную оценку флешмоба негативной оценкой эпохи; причем их оценки имели преимущественно политический характер.

Негативное отношение к флешмобу выражало позицию нон-конформизма, конфронтации. Характерно, что та же позиция проявлялась и в положительных мужских оценках флешмоба, выражающих не поддержку, а конфронтацию с позицией противников данной акции, например: *«Понадобилось три дня, чтобы до „реваншистской“ тусовки, наконец, дошло: флэшмоб с радостными фотографиями из 1990-х — мощнейший удар по их мифологии „лихих 90-х“»*.

Как видно из результатов, свойство меньшей политизированности женского дискурса прослеживается на всех уровнях флешмоба: в невысоком проценте абстрактных оценок девяностых годов и негативных оценок флешмоба, а также в высокой доле политически нейтральных высказываний первой группы.

Перейдем к рассмотрению коммуникативных стратегий саморепрезентации, которые использовали участники дискурса флешмоба. Прежде всего необходимо отметить, что стратегический выбор осуществлялся уже на стадии определения места высказывания в структуре дискурса флешмоба. Соответственно, идентифицируемые нами стратегии репрезентации обладали определенной спецификой, в зависимости от того, в какой группе располагались высказывания, на что они были направлены, какова была их непосредственная цель, интенция. Данную специфику мы старались выявить и учесть при определении гендерной асимметрии, выбирая переменные контент-анализа для каждой группы высказываний.

Рассмотрим первую группу высказываний, к которой относятся ностальгические воспоминания/фотографии, не имеющие никакой политической подоплеки. По своей схематической структуре это тексты-плакаты, представляющие собой соединение визуального образа (фотографии) с краткими (зачастую стандартизированными) текстовыми комментариями, позиционирующими данные высказывания в данной группе дискурса флешмоба, например: *«И мы в 90-е», «Значит, 90-ые», «А вот еще 90-е... », «Ну вот мои 90-е»*. Данные публикации обнаруживают структурное сходство с рекламными объявлениями, где репрезентация гендерно-ролевых стереотипов достаточно хорошо исследована [4. С. 169—174; 7. P. 203—222; 11; 12].

Для проведения контент-анализа визуальной составляющей публикаций было определено несколько ключевых категорий, касающиеся гендерных ролей и при-

знаков статуса. Все высказывания данной группы были направлены на «показ себя», но различались тем, «с какой стороны» человек репрезентировал себя, в какой обстановке, в каком антураже, в какой роли он/она себя позиционирует: в кругу семьи или в рабочей обстановке; в разнополой компании или в кругу друзей своего пола и возраста; в антураже, подчеркивающем высокий статус, или на каком-то нейтральном в этом смысле фоне; акцентируется ли внешняя привлекательность. Результаты контент-анализа по выделенным переменным приведены в табл. 2.

Таблица 2

Распределение визуальных высказываний участников флешмоба по ролям и деятельности

Роль/деятельность	Женщины		Мужчины	
	Количество	%	Количество	%
Внешне привлекательный объект	25	34,2	24	22,4
Работа, учеба	6	8,2	21	19,6
Статусное потребление	11	15	8	10,9
Деятельность в однополой группе	4	5,4	25	23,3
Деятельность в смешанной группе	6	8,3	6	8,2
Семейные роли	14	19,2	12	15,6
Не определена	8	10	12	11,1
Общее количество	73	100	107	100

Гендерно-ролевая асимметрия была выявлена в следующих позициях: женщины чаще позиционируют себя в одиночестве, в роли сексуально привлекательного объекта (34% фотографий против 22,4% у мужчин), а мужчины предпочитают представлять себя в рабочей/учебной обстановке (19,6% фотографий против 8,2% у женщин), а также в однополой группе (23,3% фотографий против 5,4% у женщин). Полученные результаты свидетельствуют о большей склонности женщин к визуальной репрезентации индивидуальности: женщины подчеркивали телесность своего гендерного образа, тогда как мужчины смещали себя из фокуса внимания, давали групповые фотографии или фокусировали внимание на антураже.

Рассмотрим вторую группу высказываний, к которой относятся оценочные высказывания об эпохе девяностых.

Поскольку все высказывания из данной группы посвящены девяностым годам и являются высказываниями полемическими, они проявляют субъектные позиции позитивного и негативного отношения к данной эпохе, независимо от того, содержат они частные истории или нет. Поэтому мы сочли целесообразным выявить знак отношения к девяностым годам по всей группе этих высказываний.

Результаты анализа свидетельствуют о наличии гендерной асимметрии: женщины дали положительную оценку эпохи в 19 постов из 37, то есть в 51% высказываний. Что касается мужчин, то положительная оценка девяностых была высказана в 28 постах из 94, то есть в 28% мужских высказываний.

Можно высказать предположение, что перевес аналитических высказываний у мужчин создается за счет перевеса прямых негативных высказываний о девяностых. Это предположение согласуется со сделанным ранее выводом о склонности женщин воспринимать эпоху сквозь призму собственной судьбы: женская оценка

эпохи была преимущественно экстраполяцией личных воспоминаний (зачастую пробуждаемых фотографиями), а человеку свойственно помнить хорошее.

Анализируя оценочные высказывания, мы посчитали целесообразным выявить не только знак отношения к девяностым годам, но и экспрессию этого отношения: в каких формах оно выражается, какие эмоциональные и семантические маркеры применяются для обозначения данной эпохи. Исходя из этих целей, мы провели контент-анализ всего текстового массива второй группы высказываний, осуществляя поиск коннотативных маркеров к следующим словам, тематизирующим эпоху девяностых: девяностые, время, страна, Россия, поколение, люди, период, эпоха и т.п.

Результаты исследования показывают, что мужские высказывания с положительной оценкой девяностых годов содержали следующие дескрипторы: *«важные годы», «годы открытий», «годы надежды», «молодость и победа», «время возможностей», «лучшее время», «время молодых», «лампочка, осветившая убожество»*, а также ироническое употребление штампа *«лихие девяностые»*. Что касается женщин, то они выражали свое позитивное отношение к эпохе такими словами: *«для меня они были самыми беззаботными и легкими», «самый авантюрный период в моей профессиональной биографии», «маленький, но очень яркий период моей жизни», «это было самое лучшее время в моей жизни», «90-е — это мои первые путешествия», «Все было. Это была молодость»*.

Как видно из данных результатов, мужчины выражали свое позитивное отношение к девяностым в терминах свободы, победы, надежды и возможностей достаточно отстраненно, не связывая оценку со своей личной биографией: они говорили не о себе, а об эпохе. Женщины же давали позитивную оценку эпохе в основном в терминах личного счастья, успеха, благополучия, то есть говорили как раз не об эпохе, а о себе. Если же они давали обобщенную оценку, то использовали, как правило, клише, например, *«пространство постоянно расширяющейся свободы»*.

Что касается высказываний, выражающих негативное отношение к девяностым, то принципиальных различий между мужскими и женскими средствами выражения этого отношения мы не обнаружили. В частности, мужчины высказывали свое негативное отношение следующим образом: *«самый позорный период», «дебильное время», «мусорное поколение», «эпоха рож», «ад, нищета и деградация», «лишенские 90-е», «мрачненькое время»*. Женщины выражали свой негатив следующим образом: *«ненавижу ДЕВЯНОСТЫЕ», «Ужас 90-х», «90-е? Спасибо, не надо», «Пепелище 90-х», «время было тухлое, вороватое, мутное», «Что и говорить, 90-е мирными и нежными не были в России»*.

Как мы видим, мужчины и женщины в равной степени мифологизировали картину девяностых годов, используя для изображения этого мира преимущественно черно-белую палитру. Отличие состояло в том, что мужчины смотрели на этот мир как бы извне, из современности, тогда как женщины позиционировали себя внутри этого мира, в его светлой области.

Теперь проведем анализ каждой из подгрупп данной группы оценочных высказываний о девяностых годах. В первую подгруппу вошли высказывания, пред-

ставляющие собой частные истории, сопровождающиеся коннотативными комментариями/обобщениями. В этих высказываниях мы обнаружили те же категории, которые описывал Т. Ван Дейк в его анализе схематической организации рассказов об этнических меньшинствах [2. С. 161—189]. По своей структуре это тексты-истории, выстроенные по повествовательной схеме, включающей изложение на тему «Я и девяностые» (преимущественно от лица автора), оценочное обобщение — добавление к частной истории, а также резюме/вывод.

Частные истории (независимо от того, имели ли они визуальное сопровождение), включенные нами в высказывания данной группы, существенно отличались от формально таких же историй из первой группы. Там подобные истории были опубликованы в целях саморепрезентации, здесь же — для придачи убедительности суждениям о девяностых годах, для аргументации негативной или позитивной оценки, ради которой совершались эти публикации. В первом случае люди рассказывали о себе, чтобы показать именно себя, во втором — для того, чтобы посредством личного примера показать эпоху. Поэтому частные истории всегда имеют здесь (во второй группе) какое-то дополнительное значение. Например, снимок в «служебной обстановке» с комментарием *«90-е. Карьеру, значит, делаю — тогда модно было»* может символизировать новые возможности карьерного роста, открывшиеся в девяностые годы, а снимки, сделанные в зарубежных туристических поездках с комментарием *«Самый конец 90-х, но успела! Париж»* — ликвидацию железного занавеса и т.д. Соответственно, те сюжеты и роли, которые выявляются в этих историях и фотографиях, задумывались не просто как сюжеты частной жизни (хотя они таковыми и являлись), но как некие типические сюжеты, типические роли, пригодные для экстраполяции на все общество, на всю эпоху.

Полученные нами результаты свидетельствуют о наличии гендерной асимметрии в ролевом спектре. В отобранных нами личных текстовых историях (в отличие от визуальных представлений из предыдущей группы, акцентирующих традиционные гендерные роли) женщины репрезентировали себя более гибко, чем мужчины, охватывали более широкий ролевой спектр, включающий такие взаимодополняющие позиции, как «работающая женщина», «мать», «жена». В 36% женских высказываний из данной группы акцентируются роли, связанные с карьерой и профессиональной деятельностью; в 40% женских историй женщины выступают в традиционных женских ролях матери, жены, дочери, домохозяйки. Сюжеты историй, рассказанных мужчинами, были связаны с работой, карьерой, совмещением учебы и работы в 37% случаев; 15% мужских историй затрагивали политическую тематику; в семейных ролях отца, мужа, сына мужчины репрезентировали себя в 13% рассказов.

Что же касается стратегий положительного позиционирования, выявленных нами в этих историях, то здесь гендерная асимметрия проявилась прежде всего в том, что женщины, позиционируя себя в терминах победы и успеха, далеко не всегда связывали свой успех с борьбой и преодолением препятствий; нередко победа достигалась благодаря счастливому стечению обстоятельств (*«И, вдруг, случайно, будучи на первом курсе универа, была принята в редакцию какого-то*

Мюнхенского журнала о Москве, стала получать зарплату большую, чем мой отчим, директор Шаляпинского музея»), поддержке семьи и близких (*«И подруга забрала остаток у собаки (в ее залежах), чтобы мой ребенок не остался голодным. При том, что муж работал, как каторжник. На двух работах, не жалея сил. И близкие помогали»*) или посторонних людей (*«И вот я в надежде на то, что все мужчины армянской национальности относятся ко мне с интересом, напросилась на встречу с тогдашним гендиректором АЗЛК Рубэном Асатряном, рассказала ему о газете, и он БЕСПЛАТНО... выделил нам „Москвич“ для розыгрыша среди читателей»*).

В мужских историях акцентируется борьба, инициатива, самостоятельное преодоление препятствий; в отличие от женщин, мужчины предпочитают рассчитывать на себя. Приведем примеры: *«Предвижу возражения, что проклятый ельцинизм просто бросил меня на произвол судьбы. Именно, именно. И знаете, мне понравилось. Еще раз повторяю — прекрасно понимаю всех, кому не понравилось. Но пусть они говорят от своего имени, а я от своего уже все сказал», «Я учился днем в школе, вечером в институте, ночью писал на заказ курсовики, чтобы заработать на обучение. через год решил признаться нашему мастеру во всем»*.

Если женские истории о девяностых зачастую могли быть сведены к формуле «победа без борьбы», то мужские истории, напротив, нередко содержали сюжеты борьбы без победы, например: *«Действительно пришлось работать курса с третьего. На пятом после ночной смены (уже в IT) сдавал зачет до 20.00, приехал и спал 18 часов подряд. Я своим детям такого не пожелаю. Вместо студенческой вольницы работа fulltime»*, а также пораженческие мотивы, акцентирующие негатив эпохи, например: *«А еще вспоминаю что кусочек мяса покупали раз в неделю, как лакомство... Ну а более всего — это чудовищное сосущее ощущение под ложечкой, как в сорвавшемся с троса лифте, только этим лифтом была вся страна»*.

Особенность частных историй, содержащихся в публикациях данной группы, состоит в том, что это истории двухуровневые: они содержат рассказ о себе (микроуровень) с обобщением, выводом, касающимся семантического блока «страна, эпоха, люди» (макроуровень). При этом если в женских историях макроуровень согласовывался с микроуровнем (общий вывод об эпохе следовал из частной истории), то у мужчин связь между макро- и микроуровнем не была настолько простой и однозначной. Приведем пример: *«О девяностых у меня три светлых воспоминания. В девять я познакомился с отцом. В четырнадцать начал работать. В пятнадцать — влюбляться, пить и слушать музыку. А в целом русские девяностые — ад, нищета и деградация»*.

Следующее различие проявилось в том, что женщины, в отличие от мужчин, чаще апеллировали к ценностям взаимопомощи, поддержки, солидарности, согласия, сочувствия: *«Три мамы объединились, чтобы по очереди взять гречку. Одна со спящими младенчиками на улице, 2 другие в очереди»*. Они более склонны к «Мы-позиционированию», чем к «Я-позиционированию»: *«Но это просто были МЫ..»*.

Перейдем теперь к рассмотрению группы высказываний, содержащих общие аналитические оценки девяностых годов, не опирающиеся на частные истории. В анализе высказываний данной группы мы выявляли различия в использовании коммуникативных полемических стратегий, в частности, стратегий присоединения/неприсоединения к другим субъектным позициям дискурса, а также различия, касающиеся сферы экспертизы, если суждения аргументировались экспертной оценкой. Анализ показал, что женщины более активно применяли стратегии присоединения, ссылались на мнение других участников дискуссии (мужчин) как на экспертное мнение для подкрепления своей позиции, например: *«Как здорово написал Anton Dolin, мы жили, весело, голодно, но жили до этого времени потребления!»*; мужчины оказались более склонны к конфронтации, выстраивая свою позицию в форме полемического ответа, используя при этом стратегию снижения имиджа оппонента: *«Так что ностальгирующих я понять могу. А вот старперов, которые желали бы 90-е вернуть, я не могу понять, их только психиатр понять может»*.

Анализ аргументации аналитических высказываний позволил нам выделить микротемы экспертной оценки (например, юриспруденция, демография, культура), которые мы для выявления гендерных различий сгруппировали в более крупные тематические блоки, исходя из традиционной парадигмы гендерной самоидентификации. В результате мы выделили следующие тематические блоки экспертной оценки: 1) мнение, высказываемое по вопросам, ассоциирующимся с традиционно мужскими сферами компетенции, — политикой, экономикой, управлением; 2) мнение, высказываемое по вопросам, ассоциирующимся с традиционно женскими сферами компетенции — культурой, СМИ, внешностью, модой, демографией, этикой. Результаты исследования приведены в табл, 3.

Таблица 3

Тематическая отнесенность экспертизы участников флешмоба

Тематические разделы	Женщины		Мужчины	
	Частотность	%	Частотность	%
Блок 1. «Мужская» сфера компетенции				
политика	6	37	32	60
экономика	—		2	4
законы, управление	—		2	4
Всего по блоку 1	6	37	36	68
Блок 2. «Женская» сфера компетенции				
демография	1	7,5	3	5,5
культура, СМИ	1	7,5	4	7,5
внешность, мода	1	7,5	1	2
этика	4	31,5	2	4
Всего по блоку 2	7	54	10	19
Не определено	—		7	13
	13	100	53	100

Полученные результаты свидетельствуют о сохранении традиционных гендерных различий в том, что касается сферы экспертных оценок. По блоку вопросов традиционной мужской сферы экспертизы мужчины высказываются чаще,

чем женщины. Что касается традиционно «женских» тем, то здесь голоса женщин слышны сильнее. Эти результаты согласовываются с выводами, сделанными нами на основании анализа блоггерской политической экспертизы [5. С. 120—135].

Перейдем к рассмотрению третьей группы высказываний, в которую мы включили все, что можно назвать рефлексией флешмоба. В эту группу собраны высказывания, содержащие анализ/интерпретацию флешмоба, отыскание его смысла, предположения о возможной цели и выгодоприобретателях данной акции. Подобные высказывания, как правило, сопровождались определенной оценкой (положительной или отрицательной) акции. Независимо от знака оценки, эти высказывания могли содержать позицию присоединения/неприсоединения/конфронтации, а также ее аргументацию, или же ограничиваться выражением подобной позиции. Приведем примеры: *«Я тоже присоединяюсь к флешмобу "90-е"», «Истоки этого флешмоба мне неведомы, но почему бы и не поучаствовать в нем, вспомнив прекрасные 90-е?», «А можно как-то настроить, чтоб не видеть эту вакханалию мутных древних фотачьек?», «Ух как колбасит от флешмоба 1990-х идеологов мема „лихие девяностые"!»*.

Анализ высказываний данной группы показал, что мужские положительные и отрицательные оценки флешмоба распределились приблизительно поровну (47% — «за»), тогда как подавляющее большинство женщин (84,5%) высказалось в поддержку флешмоба. При этом некоторые женщины признавали, что участвуют в них вопреки убеждениям, осознавая политический характер этой акции и не поддерживая соответствующую политическую позицию. Аргументация поддержки флешмоба в этом случае — предложение изъять эту акцию из политического контекста, то есть совместить стратегию присоединения к флешмобу как к коллективному (неполитическому) действию и стратегию неприсоединения к флешмобу как политической акции.

С одной стороны, данный результат можно трактовать в том смысле, что женщины в большей степени, чем мужчины, подвержены влиянию флешмоба как акции, легализующей «нарциссизм» за счет коллективного характера этого действия. С другой стороны, женская поддержка флешмоба может быть связана с проявлением солидарности с группой. Во всяком случае, преобладание отрицательных мужских и положительных женских оценок свидетельствует о большей политизированности мужских высказываний в данной группе: отрицательные оценки флешмоба — заведомо политические, а вот положительные оценки и поддержка этой акции, где женщины имеют преимущество, далеко не всегда носили политический характер.

Подведем некоторые итоги. Прежде всего следует сказать, что мы не обнаружили в сетевом сегменте политической коммуникации никаких признаков нивелирования гендерных различий; напротив, в рассмотренном нами дискурсе флешмоба «мои 90-е» эти различия проявились чрезвычайно контрастно, как в структуре этого дискурса, так и в каждой его отдельной части. Так, отчетливую гендерную асимметрию выявил сравнительный анализ мужского и женского участия в форми-

ровании структуры дискурса флешмоба, элементы которой составляют высказывания, различающиеся степенью и характером вовлеченности в политический контекст. Анализ показал, что женские высказывания расположились в наименее политизированных областях данной структуры: женщины в большей степени высказывались о себе, чем принимали участие в дискуссии о девяностых годах или в обсуждении флешмоба; в своих оценочных суждениях о девяностых женщины предпочитали опираться на субъективный опыт; участвуя в обсуждении флешмоба, они, в основном, выражали поддержку данной акции, игнорируя ее возможную политическую направленность.

Исследование гендерно-ролевого позиционирования в сюжетах частных историй позволяет сделать вывод, что как женщины, так и мужчины демонстрировали приверженность традиционным гендерным ролям, хотя женщины при этом применяли большую гибкость в стратегиях саморепрезентации: они нередко представляли себя и в сюжетах, связанных с личным успехом и достижением, апеллировали к ценностям самоутверждения. Мужчины же проявляли больший консерватизм в применяемых стратегиях гендерного позиционирования. Гендерная асимметрия была выявлена и в коммуникативных стратегиях, связанных с аргументацией оценочных суждений: мужчины проявляли стремление к объективности, тогда как женщины придавали убедительность своим суждениям, соотнося их с субъективным опытом.

В целом можно отметить, что анализ конфигурации мужского и женского участия, совмещенный с контент-анализом мужских и женских высказываний в каждой позиции структуры дискурса, не выявил каких-либо заметных признаков ослабления традиционных моделей гендерного позиционирования и/или манифестации андрогинной модели репрезентации. Возможно, некоторые признаки такого рода наблюдались в женских коммуникативных стратегиях: женщины, как правило, акцентировали традиционные паттерны феминности, но также репрезентировали себя в терминах борьбы и победы, свободы и независимости, ассоциирующихся с маскулинностью. Примечательно, что те позиции в структуре дискурса флешмоба, на которых мы выявили наибольшее отклонение женских коммуникативных стратегий от традиционных моделей, отличались в то же самое время и наименьшей представленностью женскими высказываниями.

В заключение хотелось бы подчеркнуть теоретическую значимость исследования дискурса сетевого флешмоба для разработки методики исследования сетевой коммуникации, особенно ее политического сегмента. Дело в том, что интернет-флешмоб можно считать элементарной и общей формой сетевого дискурса: в каждый момент в социальных сетях активизирован целый ряд политических (и не только политических) флешмобов, формирующих структуру сетевого политического дискурса, его доминирующие субъектные позиции и темы. Фактически любой информационный повод, любая важная политическая новость, любая социально значимая и актуальная тема, попав в поле сетевого обсуждения, образует своеобразный флешмоб. В таких случаях говорят, что та или иная новость

«взорвала блогосферу», подразумевая, что ее обсуждение имело взрывной характер. Масштабы могут быть разными, широта охвата и интенсивность тоже могут различаться, но общие принципы вовлечения темы в сетевой дискурс, формирования субъектных позиций высказываний — все это происходит примерно так же, как это происходило в проанализированном нами флешмобе. Дискурс флешмоба — это дискурс par excellence, и как таковой, он сам формирует свое значение, сам выстраивает свою политическую ориентацию, сам создает политические субъектные позиции высказываний. Поэтому методика исследования частного флешмоба может оказаться пригодной для исследования всей сетевой политической коммуникации; она должна иметь универсальный характер и по той причине, что структура дискурса флешмоба в большей степени определяется законами среды коммуникации, в которой запущен флешмоб, нежели его темой или социальным составом участников.

ЛИТЕРАТУРА

[1] *Буцык Е.Д.* Конструирование гендерной идентичности в политическом дискурсе // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 3.

[2] *Ван Дейк Т.А.* Язык. Познание. Коммуникация. М.: ЛЕНАНД, 2015.

[3] *Лавренчук Е.А.* Аутопойезис социальных сетей интернет-коммуникаций // Вестник РГГУ. 2009. № 12.

[4] *Максимова О.Б.* Гендерные стереотипы в рекламе: постановка проблемы и основные концепции // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2002. № 1.

[5] *Максимова О.Б.* Гендерные аспекты блоггерской политической коммуникации // Вестник РУДН. Серия «Политология». 2012. № 2.

[6] *Ушкин С.Г.* Визуальные образы пользователей социальной сети «Вконтакте» // Мониторинг общественного мнения. 2012. № 5.

[7] *Bell P., Milicc M.* Goffman's gender advertisements revisited: Combining content analysis with semiotic analysis // Visual Communication. 2002. № 1.

[8] *Deller R.A., Tilton A.* Selfies as charitable meme: Charity and national identity in the #nomakeupselfie and #thumbsupforstephen campaigns // International Journal of Communication. 2015. № 9.

[9] *Eisenlauer V.* Facebook: A multimodal discourse analysis of (semi-)automated communicative modes // Interactions, Images and Texts: A Reader of Multimodality / Ed. by C. Maier, S. Norris. Berlin: de Gruyter, 2014.

[10] *Garde-Hansen J., Gorton K.* Emotion On line: Theorizing Affect on the Internet. London: Palgrave Macmillan, 2013.

[11] *Goffman E.* Gender Advertisements. Cambridge: Harvard University Press, 1979.

[12] *Lawton E.* Gender Advertisements: Replication of a Classic Work Examining Women, Magazines, and Facebook Photographs. Smithfield: Bryant University, 2009.

[13] *Maximova O.B.* Social aspects of Internet communication: Virtual community and communication personality // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2011. № 1.

[14] *Rheingold H.* Net Smart: How to Thrive Online. Cambridge: The MIT Press, 2012.

[15] *Trotsuk I.* When methodology beats techniques; or, Why we prefer discourse and narrative analysis to interpret textual data // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. № 3.

[16] *Van Dijk T.A.* Discourse and manipulation // Discourse & Society. 2006. № 17.

GENDER IDENTITY CONSTRUCTION IN VIRTUAL POLITICAL COMMUNICATION: DISCOURSE STRATEGIES AND SELF-REPRESENTATION PRACTICES IN SOCIAL NETWORKS

O.B. Maximova

Foreign Languages Chair
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya St., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The article considers the specifics of gender construction in political virtual communication. The author employs the discursive approach combined with the content analysis to study gender communicative strategies and self-representation practices in social networks. Facebook postings within a viral flash-mob "The Island of the'90's" provided the data for the study, and the article explains the rationale for their attribution to political communication. The analysis based on the cognitive model of discourse revealed the three-level structure of flash-mob discourse that reflects different levels of publications involvement into the political context. The comparative analysis of male and female participation in the development of flash-mob discourse helped to identify a pronounced gender asymmetry in both flash-mob discourse structure and its structural levels. The content analysis showed no signs of gender differences disappearance, traditional gender-role patterns weakening or androgyne model manifestation. The results lead to the conclusion that women seem to be more flexible in their representation strategies, and women's participation in the discourse has less degree of political involvement at all structural levels. The author highlights the theoretical importance of the Internet flash-mob investigation methodology development for the study of virtual political communication.

Key words: political communication; political discourse; Internet flash-mob; communicative strategies; gender identity; gender construction; social networks; self-representation.

REFERENCES

[1] *Butsyik E.D.* Konstruirovanie gendernoy identichnosti v politicheskom diskurse [Gender Identity Construction in Political Discourse]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2015. No. 3.

[2] *Van Dijk T.A*. Yazyik. Poznanie. Kommunikatsiya [Language. Cognition. Communication]. M.: LENAND, 2015.

[3] *Lavrenchuk E.A.* Autopoyezis sotsialnyih setey internet-kommunikatsiy [Autopoiesis of Internet communication social networks]. *Vestnik RGGU*. 2009. No. 12.

[4] *Maksimova O.B*. Gendernyie aspektyi bloggerskoy politicheskoy kommunikatsii [Gender aspects of political communication in blogs]. *Vestnik RUDN. Seriya "Politologiya"*. 2012. No. 2.

[5] *Maksimova O.B.* Gendernyie stereotipy v reklame: postanovka problemyi i osnovnye kontseptsii [Gender stereotypes in advertising: Problem statement and main concepts]. *Vestnik RUDN. Seriya "Sotsiologiya"*. 2002. No. 1.

[6] *Ushkin S.G.* Vizualnyie obrazy polzovateley sotsialnoy seti "Vkontakte" [Visual images of "Vkontakte" social network users. *Monitoring obschestvennogo mneniya*. 2012. No. 5.

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДИАГНОСТИКИ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ РИСКОВ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Т.Х. Джантеев

Академия управления МВД России
ул. З. и А. Космодемьянских, 8, Москва, Россия, 125171

В статье анализируется проблема использования теоретического и прикладного потенциала социологии в выявлении и предупреждении негативных последствий организационных рисков в органах внутренних дел. Особое внимание обращается на причины организационных рисков в органах внутренних дел. К ним в статье автор относит: недостаточно качественную организацию; просчеты в проектировании организационных структур; слабую координацию и регулирование; несогласованность ресурсного обеспечения; ошибки в подборе и расстановке кадров; недостатки в организации взаимодействия с общественностью; неверное определение структуры потребностей граждан в правоохранительной сфере; низкое качество предоставляемых правоохранительных услуг; недостаточный уровень подготовки персонала к работе с гражданами. Определяется роль социологического обеспечения в диагностике ситуаций, связанных с организационными рисками. Особое внимание уделяется изучению факторов, способствующих возникновению нежелательных ситуаций, а также установлению причинно-следственных зависимостей между различными событиями, связанными с рисками. Дается оценка возможностей проявления рисковых событий. Исключительную важность приобретают прогнозирование отрицательных последствий рисковых ситуаций и разработка мер, направленных на минимизацию отрицательных последствий организационных рисков в правоохранительных органах в целом и в органах внутренних дел в частности.

Ключевые слова: социологическое обеспечение; риски; организационные риски; органы внутренних дел; социологическая диагностика; социология управления; общество риска.

С принятием в 2011 г. Федерального закона «О полиции» в Российской Федерации началось масштабное реформирование всей системы органов внутренних дел. Цели реформирования руководством страны обозначены предельно отчетливо — вернуть органам внутренних дел доверие граждан, гарантировать адекватность деятельности полиции реалиям дня, ее способность к реагированию на общественные процессы, связанные с осложнением криминогенной ситуации.

В модернизации правоохранительных органов заинтересованы сами социальные группы, граждане, считающие их средством обеспечения своей безопасности,

а следовательно, и требующие от них соответствовать своим притязаниям, потребностям и интересам, формирующие различные организационные формы общественного контроля за правоохранительной деятельностью через правозащитные организации, средства массовой информации.

Правоохранительные органы в целом и органы внутренних дел в частности представляют собой многофункциональный, сложно структурированный институт. Он эволюционирует вместе с социумом. В настоящее время в социальной структуре, составе общества, индивидуальной психологии, ценностных ориентациях россиян наблюдаются количественно-качественные изменения. Они отличаются не только положительной, но и отрицательной направленностью, что влияет на динамику преступности, отношения граждан и правоохранительных органов, создает благоприятные условия для возникновения организационных деформаций в структурах органов внутренних дел.

В соответствии с результатами изучения общественного мнения о деятельности полиции, проведенного Российским государственным социальным университетом в 85 субъектах Российской Федерации, включая Республику Крым и Севастополь, в 2014 г., 33% граждан не в полной мере доверяют полиции; 48% испытывают обеспокоенность по поводу своей безопасности; 47% граждан не чувствуют защищенности от преступных посягательств. Среди видов преступных посягательств, от которых опасается пострадать большинство граждан, основными продолжают называть следующие угрозы: пьяные водители (69%); воры (56%); хулиганы (56%); наркоманы (57%); вооруженные бандиты (53%); грабители (53%); рецидивисты и явные уголовники (54%). Сложными остаются кадрово-социальные проблемы на местах, связанные с материальной необустроенностью сотрудников, недостаточным уровнем престижа службы, мотивации к продуктивной оперативно-служебной деятельности (1).

Процесс реформирования системы органов внутренних дел направлен на ее модернизацию в новое состояние, а следовательно, рассчитан на долгосрочную перспективу. Но он характеризуется и системным характером, охватывает разные аспекты — правовые, социальные, экономические, управленческие, информационные, психологические, педагогические. Поэтому данный процесс подразумевает разностороннее научное обоснование и обеспечение. Значительное место в научном обеспечении правоохранительной деятельности органов внутренних дел занимает социология, выполняющая не просто роль средства изучения мнения граждан об органах внутренних дел, но и выработки, принятия и реализации решений на федеральном, региональном и районном уровнях организации.

Частные задачи социологического обеспечения деятельности органов внутренних дел видятся в:

— выявлении сущности социально-экономических, культурных, политических процессов в российском обществе, понимании динамики, тенденций и перспектив его развития. (Это способствует выработке адекватных стратегических и оперативных целей и задач служб и подразделений органов внутренних дел, уточнению социальных приоритетов деятельности в правоохранительной сфере);

— организации системы социального мониторинга как инструмента постоянного и опережающего получения количественной и качественной информации для целей управления правоохранительными органами на разных уровнях о динамике изменений различных объектов (регионов, подразделений, общностей, групп, организаций);

— повышении качества анализа, прогнозирования, планирования, как функций управления органами внутренних дел, совершенствовании конструктивных форм социальных отношений между обществом и полицией, между руководителями и сотрудниками подразделений;

— проведении комплексной социальной экспертизы различных программ и законопроектов;

— выработке и реализации в практике управления органами внутренних дел продуктивных социальных технологий как организационных средств решения различных проблем.

Важным направлением социологического обеспечения деятельности органов внутренних дел является анализ организационных рисков, проблем, противоречий, дисфункций, препятствующих нормальному развитию и функционированию органов внутренних дел как системы. На этой базе возможны разработка и реализация научных предложений и эффективных социальных технологий по совершенствованию организационных структур органов внутренних дел и способов правоохранительной деятельности, оптимизация управления социальными коммуникациями во внутренней и внешней средах, создание моделей продуктивного взаимодействия, информационного обмена с гражданами, развитие человеческого потенциала, гармонизация формальной и неформальной организации, морально-психологического климата в подразделениях.

Обычно под организационными рисками, безотносительно к сфере деятельности, понимаются риски, связанные с ошибками менеджмента тех или иных организаций, учреждений, их сотрудников; с проблемами системы внутреннего контроля, плохо разработанными правилами работ, то есть риски, связанные с внутренней организацией работы конкретных социальных институтов [4. С. 16—22]. Это в полной мере относится и к правоохранительным организациям.

Следует подчеркнуть, что организационные риски не могут не влиять на качество деятельности правоохранительных органов. Так, например, в последние годы к правоохранительным органам со стороны институтов гражданского общества (общественных объединений, СМИ, правозащитных организаций) предъявлялись определенные претензии относительно фактов несвоевременного, неполного предоставления интересующей информации о правоохранительной деятельности конкретных подразделений и служб. Речь шла, в частности, о фактах: претензий со стороны институтов гражданского общества к органам внутренних дел относительно несвоевременного информирования, например, о новых нормах в сфере лицензирования; отказов в предоставлении общественным организациям органами внутренних дел различных приказов; недостаточном совершенстве ведомственных сайтов, их слабой направленности на потребителей правоохрани-

тельных услуг и т.д.; задержек в своевременном информировании об ущемлении базовых прав граждан.

В этом плане проблема социологического анализа и оценки реальных и потенциальных организационных угроз и рисков является одной из наиболее сложных как в теоретическом, так и практически-управленческом аспектах. Особую значимость исследование таких рисков приобретает применительно к органам внутренних дел, выполняющим важнейшие функции по защите прав и законных интересов граждан.

При этом следует согласиться с мнением тех ученых, которые различают понятия «риска» и «угрозы» [4]. Под угрозой, как правило, понимается недостаточно исследованное отрицательное событие, которое некоторые исследователи не могут оценить при определении риска, так как данного события никогда не было, и по которому нет информации о результативных предупредительных мерах [8. С. 3]. Данное различие зримо выражается в предупредительном принципе, ориентированном на снижение угроз, сведении их к перечню определенных рисков, для перехода в дальнейшем к действиям, экспериментам, новациям.

Риск же определяется как функция трех переменных: вероятности угрозы, вероятности незащищенности и возможности потенциального воздействия [7. С. 23]. То есть риск — это (количественная) характеристика опасности. Причем определяется она частотой опасностей. Речь идет об отношении числа негативных последствий опасности (смертельные случаи, заболевания, инвалидность и т.д.), воздействующих на человека, к их числу за некий период.

Особое значение, с точки зрения социологии управления, имеют организационные риски, которые включены в саму ткань организации, постоянно воспроизводятся в ней с объективной необходимостью, а значит, требуют постоянной диагностики и предупреждения. При анализе рисков в отечественной и зарубежной научной литературе принято различать их, в частности, по уровням — глобальные, региональные, страновые, институциональные, организационные, личностные. Меньшее внимание уделяется при этом именно организационным рискам.

К примеру, в части современного отечественного законодательства, регулирующей конфликты интересов, преимущественное внимание уделяется именно личному конфликту интересов, т.е. ситуации, когда именно личная заинтересованность чиновника противоречит законным интересам людей, объединений, регионов, страны. Однако не уделяется внимание организационным конфликтам интересов. При этом сведение проблемы только к личностному аспекту, неучет организационных аспектов ведет к обеднению явления конфликта интересов, зауживается его смысл. Данный подход обычно объясняется необходимостью противостояния коррупции в стране и регионах. Между тем это отрицательно отражается на самом характере разрабатываемых управленческих решений, ориентированных на разрешение конфликтов интересов в деятельности государственного персонала.

Естественно, риски, детерминированные личностными конфликтами интересов, взаимосвязаны с интересами агента — должностного лица [3. С. 34]. Это наиболее успешное направление противодействия коррупции, если судить по уров-

ню понимания проблемы и наличию некоторого количества нормативных актов. По мнению О.В. Казаченковой, риски, рождаемые организационными конфликтами, взаимоувязаны с наличием различных требований к чиновникам со стороны самого государства [6. С. 56]. Это важный факт, так как именно организационные условия зачастую создают предпосылки для риска формирования конфликта интересов, и в органах внутренних дел в том числе.

В этом смысле также следует обратить внимание на следующие возможные факторы, способствующие возникновению риска конфликта интересов. К их числу относятся:

— недостаточный объем компетенции органа, лица, наделенного должностными полномочиями, в разработке нормативных актов, совершении действий, влекущих ее нарушение;

— риск личностного усмотрения при принятии управленческих решений в условиях недостаточности определенных процедур, конкурсного отбора на службу;

— дублирование полномочий должностных субъектов, наличие правовых пробелов;

— произвольное расширение круга лиц и органов, с которыми следует согласовывать действия;

— тенденция к отсылочным нормам, принятие противоречащих друг другу нормативных актов;

— чрезмерно общая фиксация ответственности сотрудников;

— расширение масштабов неправомерного поведения;

— внесение множества поправок в действующие законы;

— введение непрозрачных нормативных терминов, что само по себе порождает злоупотребления.

Представляется, что риск формирования условий для конфликта интересов не всегда выражается в незаконных решениях и действиях, которые совершаются вместо тех, которые установлены в законе. Зачастую решения и действия наделенных правами должностных лиц органов внутренних дел совершаются в законных формах. Но при этом они являются незаконными по результатам и мотивам использования. Такие решения и действия могут формировать скрытые (латентные) зоны риска коррупционности или скрытые области коррупционности. С этой точки зрения коррупционность законодательства, по мнению М.И. Брагинского, может вести к скрытости посягательств, коррупционного мотива или цели действий, а не просто к незаконности действий, которые совершаются лицами, наделенными должностными полномочиями в правоохранительных органах [5. С. 2].

По мнению М.Н. Делягина, наиболее сложным из организационных рисков в организациях, главным образом государственных, является риск, который порождается противоречием между установками инструкций, административных регламентов, потребностями стандартов госуслуг, плановых показателей [2. С. 26]. В данной ситуации органы власти сталкиваются с разнохарактерными требованиями. Одни из них требуют объективно применять закон. Другие требуют достичь различных показателей, с помощью которых Правительство Российской

Федерации имеет возможность оценивать работу органов власти. Оказывается, что достичь конкретных показателей с помощью применения закона можно только в случае систематической тенденциозности в реализации закона. Сама такая практика формально порицается.

Еще один организационный риск вытекает из того, что в разных органах власти отличается набор выполняемых действий и результатов деятельности. Неверный выбор средств контроля формирует стимулы для субъектов акцентировать внимание на требованиях отчетности вместо эффективной организации деятельности. Зримым примером становятся различные косвенные последствия от применения меняющихся требований показателей оценки деятельности правоохранительных органов.

Также следует указать на проблему неправомерных поручений к должностным лицам государственных учреждений и организаций. Дело в том, что сами сотрудники не в полной мере защищены от отрицательных воздействий при невыполнения конкретных поручений руководства. В системе государственного управления некоторой гарантией в этом случае является многоуровневая система ФОИВов (федеральных органов исполнительной власти). Она направлена на снижение рисков конфликта интересов среди законодательных и надзорных органов [9].

Анализ комплекса факторов, способствующих возникновению организационных рисков в органах внутренних дел, дает возможность представить их следующим образом:

Компетенционные факторы:

— значительные дискреционные полномочия органа;

— определение полномочий органа по формуле «вправе»;

— чрезмерные требования к лицу для осуществления его прав;

— выборочная трансформация объема прав сотрудников;

— свобода подзаконного правотворчества органа;

— принятие нормативных актов сверх определенной компетенции;

— замещение пробелов в законодательстве с помощью нормативных актов самого органа.

Системные факторы:

— деформированные цели и приоритеты;

— правовые коллизии.

Таким образом, профилактика и предупреждение организационных конфликтов в органах внутренних дел в значительной степени зависит от своевременного выявления и учета в управленческой практике данных факторов. Следует подчеркнуть, что организационные риски зависят от факторов как внешнего, так и внутреннего характера. Например, внутренние факторы сосредоточены в компетенции субъектов конкретных правоохранительных структур — прокуратуры, таможенных органов, полиции, и т.д., и могут регулироваться такими методами, как проведение профессиональной экспертизы действий и их условий, установление стандартов профессиональной деятельности, формализация взаимодействия

субъектов правоохранительной деятельности, в том числе в нетривиальных ситуациях [1]. Внешние факторы регулируются на уровне правоохранительной системы в целом. При этом происходит развитие законотворческой базы, а также стандартизация процедур, аппарата субъектов правоохранительных процессов. Данные процессы ведут к снижению рисков организационного характера.

Все вышесказанное наглядно свидетельствует об актуальности проблемы управления организационными рисками в правоохранительной системе. Анализируя целый ряд подходов к данной проблеме, можно выделить последовательность действий, которая должна осуществляться в этой области:

— диагностика рисковых ситуаций;
— выявление факторов возникновения рисков;
— выявление связей между факторами рисков;
— определение вероятности возникновения рисковых событий;
— понимание последствий рисковых событий;
— оценка вероятности негативных последствий при возникновении рисков;
— оценка потерь и последствий организационных рисков;
— оценка степени устранимости рисков;
— выработка мер по устранению факторов рисков;
— определение мер по минимизации последствий рисков в том случае, если невозможно устранить причины рисков.

Таким образом, предупреждение организационных конфликтов в органах внутренних дел в значительной степени зависит от их своевременного выявления и учета в управленческой практике.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Результаты социологического исследования, проведенного РГСУ в 2014 г. В рамках социологического опроса гражданам задавались вопросы об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. В опросе приняло участие более 87 тысяч россиян в возрасте 18 лет и старше (www.http.//admin.mvd.ru).

ЛИТЕРАТУРА

[1] *Гранатуров В.М.* Экономический риск: сущность, методы измерения, пути снижения. М., 2016.
[2] *Делягин М.Н.* Государственное управление: проблемы и перспективы // Проблемы теории и практики управления. 1999. № 6.
[3] *Дементьев А.Н., Качушкин С.В.* Институт конфликта интересов и предотвращение коррупции на государственной гражданской службе. М., 2004.
[4] *Иванов А.И.* Классификация рисков // Риск. 2001. № 6—7.
[5] Интервью с М.И. Брагинским // Законодательство. 1998. № 2.
[6] *Казаченкова О.В.* Конфликт интересов на государственной гражданской службе. М., 2004.
[7] *Кирюшкин В.Е., Ларионов И.В.* Основы риск-менеджмента. М., 2009.
[8] Панфилова Э.А. Понятие риска: многообразие подходов и определений. URL: www.http.teoria-practica.ru.
[9] *Федосенко В.А.* Административно-правовая регламентация служебного поведения и урегулирования конфликта интересов в системе государственной гражданской службы Российской Федерации. М., 2006.
[10] *Филиппов Л.А., Филиппов М.Л.* Оценка риска по методу Вексицкого. Барнаул, 2000.

MAIN AREAS FOR THE SOCIOLOGICAL SUPPORT OF ORGANIZATIONAL RISKS DIAGNOSTICS AND PREVENTION IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES

T.H. Dzhanteev

Academy of Management
Ministry of Internal Affairs of Russia
Z. and Kosmodemyanskii St., 8, Moscow, Russia, 125171

The article considers the use of theoretical and applied sociological studies to identify and prevent negative consequences of the organizational risks in the internal affairs bodies, such as: insufficient quality of the organizational structure; failures in the design of organizational structures; poor coordination and regulation; inconsistency of resources provision; mistakes in the selection and placement of personnel; shortcomings in the organization of interaction with the public; incorrect definition of the needs of citizens in the field of law enforcement; poor quality of law enforcement services; inadequate training of personnel for the interaction with citizens. The author describes the role of the sociological support in the diagnostics of organizational risks, and pays particular attention to the factors contributing to the occurrence of undesirable situations and to the cause-and-effect relationships between various events associated with the risks. The article emphasizes the exceptional importance of forecasting negative consequences of risk situations and developing measures to minimize negative effects of organizational risks in law enforcement in general and in the internal affairs bodies in particular.

Key words: sociological support; risks; organizational risks; police (internal affairs bodies); sociological diagnostics; sociology of management; risk society.

REFERENCES

[1] *Granaturov V.M.* Ekonomicheskij risk: sushhnost', metody izmerenija, puti snizhenija [Economic Risk: Essence, Measurement, and Ways of Reduction]. M., 2016.
[2] *Deljagin M.N.* Gosudarstvennoe upravlenie: problemy i perspektivy [Public administration: Challenges and prospects]. *Problemy teorii i praktiki upravlenija*. 1999. No. 6.
[3] *Dement'ev A.N., Kachushkin S.V.* Institut konflikta interesov i predotvrashhenie korrupcii na gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhbe [Institute of Conflict of Interests and Prevention of Corruption at the Civil Service]. M., 2004.
[4] *Ivanov A.I.* Klassifikacija riskov [Classification of risks]. *Risk*. 2001. No. 6—7.
[5] Interv'ju s M.I. Braginskim [Interview with M.I. Braginsky]. *Zakonodatel'stvo*. 1998. No. 2.
[6] *Kazachenkova O.V.* Konflikt interesov na gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhbe [Conflict of Interests at the Civil Service]. M., 2004.
[7] *Kirjushkin V.E., Larionov I.V.* Osnovy risk-menedzhmenta [Basics of Risk Management]. M., 2009.
[8] *Panfilova Je.A.* Ponjatie riska: mnogoobrazie podhodov i opredelenij [The concept of risk: Diversity of approaches and definitions]. URL: www.http.teoria-practica.ru.
[9] *Fedosenko V.A.* Administrativno-pravovaja reglamentacija sluzhebnogo povedenija i uregulirovanija konflikta interesov v sisteme gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhby Rossijskoj Federacii [Administrative and Legal Regulation of the Official Conduct and Conflict of Interests at the Civil Service of the Russian Federation]. M., 2006.
[10] *Filippov L.A., Filippov M.L.* Otsenka riska po metodu Veksitskogo [Veksitsky's Method for Assessing Risks]. Barnaul, 2000.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА В УЧЕНИИ ЕВРАЗИЙЦЕВ

С.Н. Лебедев[??], Е.И. Замараева[??]

[1]Кафедра общественных наук
Литературный институт имени А.М. Горького
Тверской бул., 25, Москва, Россия, 123104

[2]Кафедра философии
Финансовый университет при Правительстве РФ
Ленинградский просп., 49, Москва, Россия, 125993

Статья посвящена проблемам государства в учении евразийцев, одного из наиболее оригинальных и значимых течений русской общесоциологической и политико-философской мысли Русского Зарубежья в 1920—1930-е годы. Проблемы государства, поставленные евразийцами, актуально звучат в нынешнюю эпоху строительства новой российской государственности и в определенной степени обрели свое воплощение в современной политической практике. Согласно классическому евразийскому учению, все народы «России-Евразии» объединены общим «месторазвитием» и представляют собой единый исторический и социокультурный мир, органически соединивший элементы Востока и Запада. В евразийском учении о государстве провозглашается идея сильной власти и могучего государства, которое представляет интересы народа и сохраняет с ним непосредственную связь, сочетая в себе право, справедливость и закон с нормами нравственности, блага и совести. В статье анализируется ключевой евразийский концепт — «идеократическое государство», а также сущностные характеристики евразийской концепции государственного устройства, такие, как идеократия, автаркия, идея-правительница, правящий отбор. Структурирующим концептом государства является «общеевразийский национализм», который трактуется евразийцами как архетип идеологии, основа национальной идеи. Анализируются основные принципы социально-экономического устройства евразийского государства, в том числе активное участие государства в хозяйственной жизни страны, сосуществование государственной и частной форм собственности. Согласно евразийской концепции, плановое хозяйство и государственная регулировка культуры — это основы автаркического государства, которые защищают страну от экономической и гуманитарной интервенции. Делается вывод, что евразийская концепция государства может быть использована для обогащения современной научной теории, а также для решения задач модернизации российского общества на современном этапе его развития, так как она учитывает специфические национальные, геополитические, исторические и культурные особенности нашего государства и позволяет сохранить самобытность и многообразие евразийского мира.

Ключевые слова: Евразия; евразийство; идеократическое государство; идеократия; правящий отбор; идея-правительница; автаркия; общеевразийский национализм.

В переходные периоды развития страны интерес к осмыслению проблем государства и государственности явно усиливается. Процесс пересмотра основных жизненных ценностей и поиска новых нравственных, духовных и социокультурных парадигм, начавшийся в России в последние годы и связанный с переосмыслением однополярной системы мира, которая сложилась после распада СССР, заставляет обратиться к наследию отечественных мыслителей прошлого, пытавшихся осознать место и роль России в мировом историческом процессе, и в том числе к учению евразийства — одного из наиболее оригинальных и значимых течений русской общесоциологической и политико-философской мысли Русского Зарубежья — Русского мира в 1920—1930-е гг. Проблемы государства, поставленные евразийцами, актуально звучат в нынешнюю эпоху строительства новой российской государственности. Евразийские идеи сегодня востребованы различными политическими и общественными движениями России, в определенной степени обрели свое воплощение в современной политической практике. Ряд положений евразийской концепции управления государством уже нашел свое продолжение в работах современных социологов и философов, юристов и политологов, экономистов и культурологов, историков и публицистов.

Сами евразийцы определялись в историческом пространстве следующим образом: «Евразийство есть пореволюционное политическое, идеологическое и духовное движение, утверждающее особенности культуры Российско-Евразийского мира» [2. С. 7]. Россия-Евразия, с точки зрения евразийского учения, — это территория, в топографическом плане объединяющая Восточно-Европейскую, Сибирскую и Туркестанскую равнины, возвышенности и горы, отделяющие их друг от друга, которая имеет свои географические, климатические, биологические и другие особенности, отличающие ее от Евразии в собственном смысле этого понятия и определяющие политическую, социальную, культурную, историческую и экономическую жизнь народов, проживающих на этой территории. Большую часть этого пространства занимает Россия, что позволило евразийцам ввести в обиход термин «Россия-Евразия». Согласно классическому евразийскому учению, все народы «России-Евразии» относятся к уникальному единому историческому, социокультурному, этноконфессиональному миру, спаявшему воедино, органически соединившему в себе элементы Востока и Запада.

В целом основы и основания евразийской концепции государства, понимаемого как «идеократическое государство» с его «совершенно особым» «идеократическим строем», были сформулированы в трудах инициатора, основоположника, организатора, руководителя и главного идеолога классического евразийства Н.С. Трубецкого. В евразийскую концепцию государства именно Н.С. Трубецкой включает, системообразующие понятия «идеи-правительницы», «идеократического государства», «идеократического строя», а также особо значимые для понятийного аппарата классического евразийства понятия «автаркии», «особого мира», «месторазвития», «правящего отбора», «правящего слоя», «государственного правительственного актива», «общеевразийского национализма» и др.

Необходимо отметить, что такое «идеократическое государство» трактуется как «автаркическое» государство, потому что это политически и экономически

выгоднее, чем так называемая система «мирового хозяйства». «Основной плюс автаркии — ее неизменность, гарантирующая мирное сожительство внутри и вовне», — подчеркивает Н.С. Трубецкой [10. С. 521].

Автаркия является преимуществом для территорий, которые представляют собой «особый мир», связанный не только экономикой, но и геополитикой, а также общей исторической и культурной судьбой, цивилизацией, «национальными особенностями и национальным равновесием». Государственный контроль в сфере экономики и государственное регулирование в области культуры — это то, что позволяет защищать страну от вмешательства иностранного капитала и иностранного культуртрегерства, являясь вместе с тем непременным атрибутом автаркического «идеократического государства», «идеократического строя».

При этом, как это отмечает Н.С. Трубецкой, «важно также (и, может быть, всего важнее) поставить радикально вопрос о стандарте жизни и о типе цивилизации в связи с экономической автаркией. Ведь ясно, что всякая данная географическая область может или не может быть автаркична только при данном жизненном стандарте при данном типе цивилизации. Современная форма организации мирового хозяйства предполагает единый тип цивилизации, но весьма различные жизненные стандарты (социальное неравенство). Система автаркических миров, наоборот, будет многотипна в отношении цивилизаций и в то же время одностандартна в пределах каждого автаркического мира» [10. С. 522].

Следует отметить, что понятие автаркии, которое использует Н.С. Трубецкой, не является синонимом тотальной изоляции. В данном случае речь идет об оптимальных условиях существования государства в определенном социальном пространстве и времени, которые определяют государственно-державную самодостаточность, а значит, экономическую, политическую, социокультурную национальную автономию и государственную безопасность.

Согласно евразийству Россия-Евразия шла долгим путем к своему государственному идеалу вовсе не путем использования на практике порождений и ухищрений, сориентированного на меркантильный своекорыстный интерес спекулятивного рационального сознания, обусловливающего определенные стереотипы эгоистического поведения, что в определенной мере характерно именно для западной («романо-германской») цивилизации, но через свой «евразийский» самобытный религиозно-нравственный опыт, основанный на непреходящих ценностях «самоотверженного» бытия человека и сориентированный на соответствующие традиционные верования, обычаи, нормы.

При этом Н.С. Трубецкой полагал, что во все времена в народе (народах) России-Евразии жила мечта создать «государство справедливости», в котором бы и конкретно-человеческие и общественно-государственные ценности имели непреходящее значение и в государственном и в бытовом обиходе на основах справедливости, блага, равноправия. Именно в таком государстве справедливости, правды и добра возможен «подвиг власти». История России-Евразии — это вечный поиск именно такого «идеального» государства, вечное стремление обуздать человеческие страсти, добиться сознательного, добровольного и самоотверженного

подчинения их созидательным ценностно-значимым религиозно-государственным началам, притом что основополагающим принципом в евразийском учении является признание именно за государством созидательной, справедливой, в целом благой, миссии.

Рассуждая о государстве как о специфическом политическом образовании, Н.С. Трубецкой писал: «Идеократическое государство имеет свою систему убеждений, свою идею-правительницу (носителем которой является объединенный в одну-единственную государственно-идеологическую организацию правящий слой) и в силу этого непременно должно само активно организовывать все стороны жизни и руководить ими. Оно не может допустить вмешательства каких-либо не подчиненных ему, неподконтрольных и безответственных факторов — прежде всего частного капитала — в свою политическую, хозяйственную и культурную жизнь...» [12. С. 522].

В евразийском учении о государстве, таким образом, провозглашается идея сильной власти и могучего государства, которое представляет интересы народа и сохраняет с ним непосредственную связь. Такое государство сочетает в себе право, справедливость и закон с нормами нравственности, блага и совести. Обращая на это особое внимание, Н.С. Трубецкой предлагает «прежде всего, отказаться от европейских форм политического мышления, перестать преклоняться идолу (к тому же чужому) „формы правления“, перестать верить в возможность идеального законодательства, механически и автоматически гарантирующего всеобщее благополучие... оставить взгляд на человеческое общество как на бездушный механизм, — взгляд, на котором основаны все современные социально-политические идеологии. Не в совершенном законодательстве, а в духе, созидающем и укрепляющем государство через быт и устойчивую идеологию, следует искать грядущий идеал» [14. С. 325—326]. При этом в контексте евразийского учения о государстве принципиально важным видится способ отбора «правящего слоя».

В Европе, по мнению Н.С. Трубецкого, наличествуют два основных типа отбора «правящего слоя»: аристократический и демократический, характерные именно для европейской цивилизации. При аристократическом строе правящий слой отбирается по признаку знатности происхождения, т.е. по генеалогическому признаку. При демократии главным признаком отбора считается способность отражать «демократическое» «общественное мнение» и получать «демократическое» же «общественное доверие», но фактически «правящий слой» при демократическом строе составляют профессионалы, которыми чаще всего являются «профессиональные партийцы», «профессиональные журналисты», «профессиональные ораторы», «профессиональные депутаты», так сказать, «профессиональные демократы», пытающиеся, а порою и вполне способные посредством различных «профессиональных» приемов внушать и получить «общественное доверие».

Основная форма правления при демократии — это республика. «Демократический строй, обычно соединяющийся с плутократическим, предполагает не только особый экономический строй и целый ряд специфических политических институтов, но также и известные особенности культуры», — отмечает Н.С. Трубецкой.

«Характерным для этого строя является государственный минимализм, т.е. невмешательство государства в большинство отраслей культуры и быта, откуда кажущаяся независимость и автономность этих отраслей» [11. С. 443]. «Кризис демократии», по мнению Н.С. Трубецкого, вызывается прежде всего тем, что «демократическое общественное мнение» склонно постоянно меняться, влияя тем самым на текущую политику и непрерывно порождая различные противоречия и конфликты. Поэтому при «демократическом строе» постоянно существует опасность окончательного распада «демократического» государства.

Н.С. Трубецкой решительно отвергает как «аристократический (военно-аристократический)», так и «демократический (плутократическо-демократический)» строй как негодные для будущей новой России и предлагает новый подход к строительству будущего российского государства с принципиально иным политическим, экономическим, социальным, культурным и бытовым укладом и новым типом отбора правящего слоя. Это вновь создаваемое «идеократическое государство» должно быть сильным, так как только могущественное государство жизнеспособно и жизнедеятельно, а этому не способствуют ни парламентаризм, ни многопартийность, ни принцип разделения властей. Такое «идеократическое государство», «особый мир», «месторазвитие», какое представляет из себя Россия-Евразия, Н.С. Трубецкой предлагает как идеальную модель будущего «совершенного», «правильного» государства.

Каковы же характерные особенности подобного государства? Во-первых, «государственный максимализм», т.е. активное участие государства во всех сферах жизни общества. Во-вторых, «близко стоящая к народу» сильная власть, основанная на «выборном начале» при постоянном совершенствовании техники выборов и работы выборных учреждений. И, наконец, усиленное «огосударствление» общественных организаций» при их широком и активном участии в государственном строительстве. При этом многопартийность, столь характерная для демократии, вовсе не должна поощряться, притом что либо «совет вождей», либо «один из вождей», т.е. лидер «единой и единственной» партии должен быть наделен высшей властью в «идеократическом» государстве. Наряду с этим в «идеократическом государстве» непременно должен существовать и «свой» «правящий слой», и «свой» особый «государственный правительственный актив».

Н.С. Трубецкой так трактует понятие «правящий слой»: «Взгляд на государственно организованное человеческое общество как на живое организованное единство предполагает существование в этом обществе особого *правящего слоя*, т.е. совокупности людей, фактически определяющих и направляющих политическую, экономическую, социальную и культурную жизнь общественно-государственного целого», — пишет он [11. С. 407]. Далее он специально останавливается на определении понятия «государственный правительственный актив» именно в связи с обозначением его роли и функций применительно к «идеократическому государству». «Можно сказать, что в идеократическом государстве государственный правительственный актив состоит из сплоченных в сильную и внутренне дисциплинированную организацию членов «единой и единственной

партии»; поскольку эта партия возглавляется советом вождей (политбюро, ЦК и т.д. и т.д.), этот совет и является фактическим возглавителем государства; если же один из вождей — членов упомянутого совета — пользуется большим по сравнению с другими престижем и влиянием, то он оказывается фактическим главой государства», — указывает Н.С. Трубецкой [11. С. 415]. При этом права представителей и «правящего слоя», и «государственного правительственного актива» функционально жестко связаны с обязанностями: чем больше прав, тем больше обязанностей и ответственности. Между тем и «правящий слой», и «государственный правительственный актив» в «идеократическом государстве», согласно Н.С. Трубецкому, отбираются по приоритетному признаку, которым является высокая степень приверженности «идее-правительнице».

В связи с этим Н.С. Трубецкой вводит в евразийский обиход категорию — «идеократия», т.е. понятие, означающее новый тип государственного управления, при котором главным принципом отбора в формировании «правящего слоя» является «служение определенной идее». Основным признаком отбора правящего слоя при идеократии является общность миросозерцания — «общей идеи» — представителей «правящего слоя». Н.С. Трубецкой не раз возвращался к определению понятия «идеократия», неоднократно корректируя и уточняя его концепт. Так, в своей статье «О государственном строе и форме правления», опубликованной в восьмом выпуске «Евразийской хроники» (Париж, 1927. Выпуск 8), Н.С. Трубецкой писал: «Тот новый тип отбора правящего слоя, который ныне выковывается жизнью и призван прийти на смену как аристократии, так и демократии, может быть обозначен как *идеократия,* идеократический строй. При этом строе правящий слой состоит из людей, объединенных миросозерцанием» [11. С. 445].

А вот в своей более поздней статье, напечатанной в одиннадцатом выпуске «Евразийской хроники» (Париж, 1935), Н.С. Трубецкой, сопоставляя и оценивая «демократический» строй и строй «идеократический», отмечает: «Одной из основ евразийства является утверждение, что демократический строй современности должен смениться строем идеократическим. Под демократией разумеется строй, в котором правящий слой отбирается по признаку популярности в известных кругах населения, причем основными формами отбора являются в плане политическом — избирательная кампания, в плане экономическом — конкуренция. Под идеократией же понимается строй, в котором правящий слой отбирается по признаку преданности одной общей идее-правительнице» [12. С. 523].

Чтобы правильно осуществлять свои функции, «идеократический» «правящий слой» должен будет воспринять и в самом себе воплотить основные начала евразийского миросозерцания. Поэтому принципиально важной характеристикой «идеократического» «правящего слоя» должно быть единство суждений и устремлений, «подчиненность центральной идее», «единство миросозерцания».

С точки зрения Н.С. Трубецкого, «правящий отбор» предусматривает постоянное пополнение «правящего слоя» и «государственного правительственного актива» лучшими представителями народа. Вместе с тем в «идеократическом

государстве» должна существовать особая система образования и воспитания, которая дает возможность вырасти и выучиться достойным, создавая таким образом естественный «кадровый резерв» готовых к жизни, сильных духом граждан, которые смогли бы найти себя в различных отраслях народно-хозяйственной и государственной деятельности, постоянно пополняя «правящий слой» и «государственный правительственный актив».

Практика «правящего отбора» должна быть направлена на то, чтобы воспитать верность евразийским идеям, широкий кругозор, организованность, уважение к труду и стремление постоянно учиться и совершенствоваться. Этому должны способствовать в том числе и внешкольные организации молодежи. Основная задача всей системы подготовки будущих граждан — это любовь к Родине и уважение ее прошлого, т.е. та «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам», о которой писал А.С. Пушкин. Ведь, с точки зрения Н.С. Трубецкого, только те народы жизнеспособны, где существует культ предков и национальных героев (например, Китай и Япония).

Вместе с тем в «идеократическом государстве», в отличие от «демократического», общественное мнение может и должно быть обусловлено и стабилизировано «общими» «идеократическими» ценностями и идеалами, которые изначально заложены в основание «идеократической» государственной программы.

Идеократия ставит в качестве одной из своих основных задач выявление, идеологическое обоснование, закрепление, распространение и реализацию общих «идеократических» ценностей и идеалов на государственном уровне: «Необходима живо ощущаемая общность культурных и исторических традиций, непрерывность месторазвития и прежде всего отсутствие чувства национального неравенства» [12. С. 527]. Но и при наличии в «идеократическом государстве» соответствующих целей, ценностей и идеалов необходима также и предлагаемая самой жизнью соответствующая идеология, конгруэнтная «идее-правительнице» и направленная на созидание справедливости, правды, блага. В программном евразийском документе «Евразийство. Опыт систематического изложения» указано: «Идеей-правительницей подлинно идеократического государства может быть только благо совокупности народов, населяющих данный автаркический мир» [3. С. 354].

Созидающая «благо», государствообразующая «идея-правительница» является своеобразным архетипом идеологии многонационального общеевразийского «идеократического» государства. Именно в качестве такой «идеи-правительницы» евразийцы предлагают так называемый «общеевразийский национализм», трактуемый ими как единый наднациональный интерес народов России-Евразии, связанных общностью исторических судеб, который изначально способствовал созданию и совершенствованию самого Государства Российского, определял в течение многих веков его внешнюю и внутреннюю политику и экономику, способствовал выработке системы общемировоззренческих ориентиров, ценностей и идеалов, консолидации социокультурной среды и этноконфессиональных отношений.

Весьма симптоматично, что один из основных концептуальных программных евразийских документов — «Евразийство (в формулировке 1927 г.)» начинается

так: «1. Россия представляет собою особый мир. Судьбы этого мира в основном и важнейшем протекают отдельно от судьбы стран к западу от нее (Европа) а также к югу и востоку от нее (Азия). 2. Особый мир этот должно называть Евразией. Народы и люди, проживающие в пределах этого мира, способны к достижению такой степени взаимного понимания и таких форм братского сожительства, которые трудно достижимы для них в отношении народов Европы и Азии» [4. С. 217].

Чтобы отдельные территории России существовали как целое государство, нужно, по мнению евразийцев, наличие единого субстрата государственности. Замена национального субстрата классовым не определяет прочности государства. «Следовательно, национальным субстратом того государства, которое называется СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонародная нация и в качестве таковой обладающая своим национализмом. Эту нацию мы называем *евразийской*, ее территорию — *Евразией*, ее национализм — *евразийством*» [13. С. 423]. «Судьбы евразийских народов переплелись друг с другом, прочно связались в один громадный клубок, который уже нельзя распустить, так что отторжение одного народа из этого единства может быть произведено только путем искусственного насилия над природой и должно привести к страданиям» [13. С. 425]. «Это „братство народов“ выражается в том, что здесь нет противоположения „высших“ и „низших“ рас, что взаимные притяжения здесь сильнее, чем отталкивания, что здесь легко просыпается „воля к общему делу“», — полагал в свою очередь П.Н. Савицкий [7. С. 302].

Евразийский принцип объединения народов имеет культурно-историческую основу: государственно-политическое единство России исходит из исторической, геополитической, экономической, правовой и, самое главное, цивилизационно-культурной общности народов, живущих в «евразийском месторазвитии». Как отмечал известный исследователь евразийства Н.С. Семенкин, «из цивилизационной специфики России вытекает и особая природа ее государственности. Этим же предопределяются и основные государственные задачи — всеми средствами сохранять единство и территориальную целостность Евразии, оберегать евразийскую культуру и „общеевразийский национализм“. Для решения этих задач государство должно создать соответствующую политическую и экономическую платформу» [9. С. 215].

Фундаментальные принципы социально-экономической основы «идеократического государства» были изложены в программном документе «Евразийство (формулировка 1927 г.)»: «Политика государства в экономической области должна базироваться, по мнению евразийцев, не на предоставлении возможности наибольшего обогащения, но на начале служения каждого своим согражданам и народно-государственному целому» [4. С. 219]. Из этого положения можно сделать вывод о приоритетах евразийской экономической программы: во-первых, провозглашается активное участие государства в хозяйственной жизни страны; оно должно контролировать и регулировать экономическую жизнь. Во-вторых, в экономике должно быть обеспечено сосуществование государственной и частной форм собственности. Однако это вовсе не отменяет государственного контроля

и регулирования экономики. При этом государственный контроль и государственное регулирование экономики предусматривают гармоничное сочетание как «рыночного», так и «планового» подходов с учетом соответствующих, постоянно меняющихся обстоятельств.

Согласно классическому евразийскому учению, совершенно необходимыми являются государственное регулирование и всесторонний контроль экономической жизни «идеократического государства»: «Евразийцы являются сторонниками широкого *государственного регулирования и контроля хозяйственной жизни*, а также сторонниками принятия на себя государством существенных хозяйственных функций» [4. С. 225]. Что же касается проблем государственного экономического регулирования посредством государственного планирования, то здесь евразийцы ориентируются именно на государственно-правовую систему: «Силою государственного законодательства, регулирующего частную промышленность с условиями концессионных договоров, также и частная промышленность должна быть помещена в рамки общего плана. Евразийцы не только отстаивают развитие функций госплана как органа, объединяющего государственную политику, но и высказываются за внесение плановости в отрасли, в настоящее время недостаточно ею проникнутые» [4. С. 228].

Применительно к евразийскому учению отдельные важные правовые и экономические аспекты проблемы государства специально рассматривались П.Н. Савицким и Н.Н. Алексеевым. Так, П.Н. Савицкий, как специалист в области экономики и экономической географии, уделял особое внимание экономическим проблемам в контексте классической евразийской теории государства. В статье «Хозяин и хозяйство» он обосновывает необходимость создания оригинальной евразийской экономической концепции как учения о хозяйстве, хозяине, «хозяйнодержавии». При этом решение основных экономических проблем для государства, регулирующего хозяйственную (экономическую) сферу, П.Н. Савицкий усматривает в эффективном сочетании лично-индивидуального и государственно-державного начал. При этом необходимо «сопряжение, в величинах, соразмерных друг другу, *лично-хозяйного и державного* (как символа «общественного») начал» [8. С. 150]. Характеризуя же предлагаемый им новый термин «хозяйнодержавие», он отмечает: «Так должна именоваться система идеологических воззрений и социально-политических действий, которая поставит в поле зрения образ «хозяина» и положит первой (хотя не единственной) своей задачей насыщение экономической действительности *лично-хозяйственным началом*» [8. С. 152].

Н.Н. Алексеев анализ конгруэнтных экономических и политических (государствоведческих) проблем часто увязывает с рассмотрением соответствующих правовых проблем. Так, в своих «евразийских» трудах, он достаточно много внимания уделяет разработке теории собственности, ее политико-правовых и социально-экономических аспектов. В этой связи Н.Н. Алексеев предлагает следующее определение собственности: «Собственность есть такое отношение между людьми, при котором праву собственника на господство и распоряжение над встречающимися в ограниченности и не принадлежащими к высшим ценностям

предметам соответствует универсальная обязанность других людей терпеть власть собственника и не вмешиваться в ее определенные проявления» [1. С. 203]. При этом он выделяет такие важнейшие, с его точки зрения, типы собственности, подлежащие особому вниманию, контролю и регулированию со стороны государства: собственность на землю, собственность на произведенный продукт и собственность на орудия труда. Соответствующее государственное регулирование в сфере экономики, по его мнению, совершенно необходимо.

Между тем Н.Н. Алексеев вполне допускает возможность одновременного сосуществованию разных форм собственности. При этом государство сохраняет частным собственникам их права, но оно же и следит за тем, как этими правами они пользуются, не расходится ли это с общей государственной экономической программой, с государственными целями и ценностями. Частная собственность не отменяется, но права собственников должны быть обязательно сбалансированы соответствующими обязанностями собственников по отношению к такому государству. Вместе с тем Н.Н. Алексеев полагает, что необходимо разграничить частные права и публичную власть, поддержать государствообразующие начала, не допуская неконтролируемых пагубных проявлений экономического индивидуализма, создавая экономику, наполненную новым содержанием в соответствии с сущностью, содержанием и функциями государства. В этом с ним оказывается вполне солидарен Л.П. Карсавин, который в статье «Основы политики», опубликованной в № 5 «Евразийского временника» в 1927 г., пишет: «В хозяйстве представляются необходимыми *как существование частно-соборных и индивидуальных хозяйств*, так и *их согласование или объединение в одно хозяйство, соборно*. Такое согласование и объединение предполагает организацию, т.е. действительное личное бытие субъекта хозяйства, а не распадение его в хозяйственной анархии, и подчинение хозяйственной сферы сфере государственной, преимущественно осуществляющей единство всей культуры» [5. С. 190].

Подводя итог, стоит отметить, что евразийское учение о государстве не утратило своего значения и актуальности до сих пор. Так, евразийский идеал «идеократического государства» может быть использован для заметного обогащения современной научной теории. Актуальной ныне является также концепция евразийского наднационального государства, в котором каждая нация имеет возможность сохранить самобытность, внести свой вклад в многообразие евразийского мира и в то же время является частью союза, объединенного общими целями и задачами, ведь «идеократическое государство» в классическом евразийстве предстает как государство общенародное, что предполагает сплоченность, солидарность, единение народа и централизованной государственной власти. Не менее актуальны предположения евразийцев о возможности сочетания преимущества «рыночного» и «планового» подходов в экономической сфере. Современный мировой финансово-экономический кризис показывает, что возможности саморегулирования рыночной экономики переоценены, поэтому необходимо усилить роль государства в хозяйственной сфере. Это свидетельствует о важности и актуальности евразийского учения о государстве, играющем активную роль в экономической политике страны, контролирующего и регулирующего все сферы экономики, но вместе с тем дающего необходимую свободу предпринимательству.

ЛИТЕРАТУРА

[1] *Алексеев Н.Н.* Собственность и социализм. Опыт обоснования социально-экономической программы евразийства // Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998.
[2] Евразийство: Декларация, формулировка, тезисы. Прага: Евразийское книгоиздательство, 1932.
[3] Евразийство. Опыт систематического изложения // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М.: Русская книга, 1992.
[4] Евразийство (Формулировка 1927 г.) // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993.
[5] *Карсавин Л.П.* Основы политики // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993.
[6] *Савицкий П.Н.* Географические и геополитические основы евразийства // *Савицкий П.Н.* Континент Евразия. М.: Аграф, 1997.
[7] *Савицкий П.Н.* Геополитические заметки по русской истории // *Савицкий П.Н.* Континент Евразия. М.: Аграф, 1997.
[8] *Савицкий П.Н.* Хозяин и хозяйство // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993.
[9] *Семенкин Н.С.* Русская философия: софиология, имеславие, евразийство. М.: Республика, 2012.
[10] *Трубецкой Н.С.* Мысли об автаркии // *Трубецкой Н.С.* Избранное. М.: Росспэн, 2010.
[11] *Трубецкой Н.С.* О государственном строе и форме правления // *Трубецкой Н.С.* Избранное. М.: Росспэн, 2010.
[12] *Трубецкой Н.С.* Об идее-правительнице идеократического государства // *Трубецкой Н.С.* Избранное. М.: Росспэн, 2010.
[13] *Трубецкой Н.С.* Общеевразийский национализм // *Трубецкой Н.С.* История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995.
[14] *Трубецкой Н.С.* У дверей. Реакция? Революция? // *Трубецкой Н.С.* История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995.

THE STATE IN THE EURASIAN DOCTRINE

S.N. Lebedev[??], E.I. Zamaraeva[??]

[1]Social Sciences Chair
Maxim Gorky Institute of Literature
Tverskoy Blvd., 25, Moscow, Russia, 123104

[2]Philosophy Chair
Financial University under the Government of the Russian Federation
Leningradskiy prosp., 49, Moscow, Russia, 125993

The article considers the role of the state in the Eurasian doctrine, one of the most distinctive and significant movements of the Russian sociological and political-philosophical thought abroad in the 1920—1930's. The issues addressed by the Eurasians are still relevant under the current epoch of the new Russian statehood construction and to a certain extent are implemented in the contemporary political practice. According to the classical Eurasian doctrine, all nations of "Russia-Eurasia" are united by the "place of

development" and constitute a single historical and socio-cultural world, which organically combines elements of the East and the West. The Eurasian doctrine of the state proclaims the idea of strong government and powerful state, which represents the interests of the people and maintains direct connections with its citizens by combining the law and justice principles with the norms of morality, welfare and conscience. The article examines the key Eurasian concept "ideocratic state" and the essential characteristics of the Eurasian concept of the state system, such as ideocracy, autarchy, idea-ruler, and ruling selection. The key state-forming concept is "Pan-Eurasian nationalism" interpreted by the Eurasians as an archetype of ideology, a basis of the national idea. The authors consider basic principles of the socio-economic structure of the Eurasian state, including active participation of the state in the economic life of the country, the coexistence of public and private properties. According to the Eurasian doctrine, the state-planned economy and the state regulation of culture form the foundations of autarchic states that protect the country from economic and humanitarian intervention. The authors come to the conclusion that Eurasian theory of the state can significantly enrich nowadays scientific theory and help to solve the tasks of modernization of the Russian society at the present stage for it takes into account specific national, geopolitical, historical, and cultural characteristics of our state and allows to preserve the identity and diversity of the Eurasian world.

Key words: Eurasia; Eurasianism; ideocratic state; ideocracy; ruling selection; idea-ruler; autarchy; Pan-Eurasian nationalism.

REFERENCES

[1] *Alekseev N.N.* Sobstvennost' i sotzializm. Opyt obosnovaniya sozial'no-ekonomihceskoy programmy eurazijstva [Property and socialism. Rationale for the social and economic program of Eurasianism]. *Russkiy narod i gosudarstvo*. M.: Agraf, 1998.

[2] Eurazijstvo: Deklaraziya, formulirovka, tezisy [Eurasianism: Declaration, Wording, Theses]. Prague, 1932.

[3] Eurazijstvo. Opit sistematicheskogo izlozenija [Eurasianism: A systematic presentation]. *Puti Eurazii. Russkaja intelligencija i sudbi Rossii*. M., 1997.

[4] Eurazijstvo (Formulirovka 1927) [Eurasianism (1927 Version)]. *Rossiya mezdu Europoj i Aziej: eurazijskij soblazn. Antologija*. M.: Nauka, 1993.

[5] *Karsavin L.P.* Osnovy politiki [Basics of the political thought]. *Rossiya mezdu Europoj i Aziej: eurazijskij soblazn. Antologija*. M.: Nauka, 1993.

[6] *Savitskiy P.N.* Geografihceskiye I geopolitihceskiye osnovy eurazijstva [Geographical and geopolitical foundations of Eurasianism]. *Savitskiy P.N. Kontinent eurazija*. M.: Agraf, 1997.

[7] *Savitskiy P.N.* Geopolitihceskiye zametki po russkoy istorii [Geopolitical notes on the Russian history]. *Savitzkiy P.N. Kontinent eurazija*. M.: Agraf, 1997.

[8] *Savitskiy P.N.* Hozain i hozaystvo [Master and economy]. *Rossiya mezdu Europoj i Aziej: eurazijskij soblazn. Antologija*. M.: Nauka, 1993.

[9] *Semenkin N.S.* Russkaya filosofiya: sofiologija, imeslavije, eurazijstvo [Russian Philosophy: Sophiology, Glorification, Eurasianism]. M.: Respublika, 2012.

[10] *Trubetzkoy N.S.* Misli ob avtarkii [Thoughts on autarchy]. *Trubetzkoy N.S. Izbrannoe*. M.: Rosspen, 2010.

[11] *Trubetzkoy N.S.* O gosudarstvennom stroje i forme pravleniya [On the political system and the form of government]. *Trubetzkoy N.S. Izbrannoe*. M.: Rosspen, 2010.

[12] *Trubetzkoy N.S.* Ob idee-pravitel'nitze ideokraticheskogo gosudarstva [On the ruling idea of the ideocratic state]. *Trubetzkoy N.S. Izbrannoe*. M.: Rosspen, 2010.

[13] *Trubetzkoy N.S.* Obtsheeuraziyskij nazionalizm [Pan-Eurasian nationalism]. *Trubetzkoy N.S. Istorija. Kultura. Yazik*. M.: Progress, 1995.

[14] *Trubetzkoy N.S.* U dverey. Reakziya? Revol'uziya? [At the door. Reaction? Revolution?]. *Trubetzkoy N.S. Istorija. Kultura. Yazik*. M.: Progress, 1995.

РЕЦЕНЗИИ

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ И «КОНСТРУКЦИЯ» ЧЕЛОВЕКА В НАУЧНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ О ТЕЛЕ

Нудельман Р. **Неизвестное наше тело. О полезных паразитах, оригами из ДНК и суете вокруг гомеопатии…** М.: Ломоносовъ, 2014. — 240 с.

Найт Р. **Смотри, что у тебя внутри. Как микробы, живущие в нашем теле, определяют наше здоровье и нашу личность** / Пер. с англ. Е. Валкина. М.: Изд-во АСТ: CORPUS, 2015. — 160 с.

Мы живем в удивительное время, не устающее поражать все новыми открытиями относительно того, как мы «функционируем» в качестве одновременно и социальных, и биологических существ. Второе обстоятельство представляется более интересным, чем первое, потому что с момента зарождения социологии «биологическая (или органическая) метафора» использовалась, чтобы на простых и понятных примерах показать, как возможно общество: мы видим вокруг себя лишь массу разных людей, а потому факт существования социальных общностей — невидимых научно невооруженному глазу — требует убедительных объяснений.

В последние годы «оптика» научного взгляда на человека стала размываться: весьма неожиданно он оказался в центре книжного бума, на разных примерах и весьма убедительно демонстрирующего, сколь сильно его социальные качества, с трудом поддающиеся социологической фиксации и однозначному объяснению, физиологически и биологически детерминированы.

Книга микробиолога Роба Найта научно-популярным языком описывает суть происходящей сегодня в микробиологии революции — благодаря новейшим технологиям ученым удалось сделать поразительные открытия в мире населяющих (и составляющих) наше тело микроскопических существ. Многие из этих открытий, по сути, снимают с человека тяжелый груз ответственности за ряд эмоций, реакций, вкусов и поступков просто потому, что не только наше физическое здоровье, но наше настроение и даже «саму нашу личность» определяют «микробы, в немыслимых количествах обитающие почти в каждом уголке нашего организма» (с. 4).

Книга Найта — одна из множества вышедших в последнее время научно-популярных работ, однако его текст стоит в этом ряду несколько особняком, несмотря на общую для подобных работ тональность (где-то юмористическую, где-то критическую, где-то снисходительно-констативную) и набор тематик (например, обсуждение проблемы вакцинации, о которой в России не было принято задумываться еще пару поколений назад, а сегодня это предмет бурных дискуссий, судебных разбирательств и пр.).

Как правило, столь «глубоко» (почти в буквальном смысле) авторы научно-популярных работ в человека не заглядывают, и дискурсивный формат объяснения механизмов функционирования человека носит обычно менее радикальный характер в плане биологизаторского объяснения социальных проблем (скажем, до сих пор депрессия считалась скорее результатом социальной депривации, чем инфекционным заболеванием). Яркий пример научно-популярных работ более «традиционного» типа — книга Рафаила Нудельмана «Неизвестное наше тело»: она также состоит из пяти глав и отличается критическими и юмористическими интонациями, но в целом затрагивает тематику не так «глубоко», как работа Роба Найта о микробиоме.

Книга Нудельмана олицетворяет некий условный стандарт прекрасной научно-популярной работы. Автор мастерски оперирует поэтическими и литературными цитатами и примерами, которые наряду с легкой юмористической тональностью текста и его открыто постулируемой просвещенческой задачей придают повествованию увлекательность почти приключенческого жанра. Если спрятать от читателя обложку и заставить его начать знакомство с книгой с авторского обращения, то он вполне может подумать, что речь пойдет не о паразитах и прочей «мелочи», а об особой субкультуре или группе (закрытой, а потому малоизвестной, или неприятной, а потому неинтересной): «Всю жизнь, пока мы живем, рядом с нами идет чья-то чужая, незнакомая жизнь. Кто-то рядом с нами кашляет, кто-то чихает, кто-то зевает, а кто-то даже и стонет». Впрочем, интрига на этих двух фразах заканчивается — в следующей автор поясняет, что «приглядишься, прислушаешься, — ба, да это ж мое тело!» (с. 7).

Помимо тональности и тематических акцентов уже на первых страницах книги автор обозначает две характерные для подобного типа работ особенности: во-первых, частые апелляции к социальным и антропологическим аналогиям, чтобы пояснить (микро)биологические процессы и явления, например, тело — «наша единственная в своем роде собственность» (с. 7), вирус гриппа и сиаловая кислота «исполняют в нашем теле полный изящества танец» (с. 8); затяжной спор между приверженцами разных трактовок синдрома хронической усталости «остряки называют „израильско-палестинским конфликтом современной медицины“, предсказывая ему такой же нескорый конец» (с. 93) и т.д. Во-вторых, очевидны сугубо практические задачи автора: он стремится не только превратить загадки нашего организма в понятные любому читателю вещи, проясняющие принципы и перспективы «ремонта» тела в случае разных заболеваний, но и развенчать мифологемы о том, что можно и не нужно делать со своим телом с помощью «якобы медицины», «которая дает миллионы противоречивых рецептов „правильной диеты“, раз-

водит лекарства в отношении „атом — на вселенную“ и объявляет аутизм результатом прививки» (с. 8).

Работа Нудельмана более тематически насыщена, чем книга Найта, но столь же логически последовательна. В первой главе Нудельман раскрывает «загадки» организма — почему мы икаем, когда мы чихаем, для чего мы зеваем, почему не пьем ночью (почему нам не хочется пить), что делает в нас железо, на кой нам цинк (так звучит название раздела), нужна ли нам боль и почему у нас разные пальцы. Попутно автор приводит забавные научные факты (например, длительные приступы икоты передаются по наследству и чаще встречаются у мужчин), четкие определения понятий, суммирует накопленные на сегодня сведения, подчеркивая, что многие отрывочны и неполны, и историко-антропологические данные, вводящие биологическую проблематику в социологический контекст. Так, в древние времена чихание связывалось с потусторонними силами и имело возвышенный характер, «пока не пришла наука и все не испортила... безжалостно низведя Великий Чих с его былого престола и дав ему весьма прозаичное объяснение» (с. 15); зевок ладошкой мы прикрываем потому, что древние люди считали его попыткой души покинуть тело и пытались ее не выпустить; «подобно сексу и голоду, на чувстве боли основаны все социальные отношения, и они же лежат в конечном счете в основе всякого подчинении, власти и государства-левиафана» (с. 55).

Вторая глава посвящена разгадке тайн болезней и проблем, «вносящих тяжелый разлад в нашу тончайше отлаженную биологическую машину» (с. 76), в качестве которых рассмотрены: простуда вульгарис; аспен-синдром, которому очень не повезло с названием по причине множества далеких от медицины ассоциаций; вирус гриппа и его помощники (молекулы), которые исполняют «изысканно-согласованные пируэты совершенно замечательного по изяществу и тонкости молекулярного танца» (с. 81); «синдром хронический усталости», на который «не жалуется разве что очень ленивый человек, хотя и он иногда, плетясь за модой, тоже жалуется» (с. 90), хотя «трудно всерьез относиться к болезни, о которой нет согласия даже в медицинских справочниках» (с. 91); ожирение (история о полезном паразите) — его причиной сегодня считается не столько неправильная диета и стресс, сколько хеликобактер пилори — «наша спиралевидная сожительница внутри желудочно-кишечного тракта» (с. 99); токсоплазмоз (история о паразите вредном); синдром дефицита внимания и гиперактивности; будущее мужской половой хромосомы, которое одни ученые описывают весьма пессимистически, а другие их за это яростно критикуют.

В третьей главе автор «проникает» в глубины человеческого организма, где обнаруживает гены, белки и истоки разных болезней. Здесь рассмотрен ряд актуальных сегодня вопросов, в частности, причины синдрома Дауна, «этой скверной генетической случайности», личные и социальные последствия которой автор оценивает по-медицински жестко, за что может быть подвергнут критике со стороны приверженцев социальной трактовки синдрома как особости, но не болезни, требующей лечения. Согласно Нудельману, «для родителей это тяжелый крест... но многие матери отказываются от аборта, обрекая себя (и ребенка) на пожизненную трагедию, потому что лечить генетические заболевания медицина пока еще не умеет» (с. 123).

В третьей главе чаще, чем в остальных частях книги, встречаются слова «странный» и «странности», призванные обозначить сокрытые прежде или пока для науки причины ряда явлений. Например, загадка испорченного гемоглобина — сохранение потенциально смертельной мутации в коллективе людей (серповидноклеточной анемии определенного вида), потому что она дает своим носителям выживательное преимущество (защиту от малярийного плазмодия). Фактически речь идет о «благодеянии убийцы» (так, ген, ответственный за смертельный наследственный недуг цистофиброз, спас европейцев от вымирания от холеры): «что хорошо, а что плохо для выживания, решают в конечном счете локальные условия [*эту фразу можно использовать в любой социологической работе*]... эволюция никогда не одаряет одним только добром — она всегда вынуждает нас принимать вместе с ним и неизбежное зло» (с. 149). В качестве примера автор приводит болезнь Альцгеймера — следствие возрастания длительности жизни: «если какой-то призрак и бродит по нашей состарившейся планете [пожилых людей], то это — призрак Альцгеймера» (с. 150).

Четвертая глава «Свет в конце туннеля» призвана внушить читателю оптимизм относительно грядущих возможностей науки в целом и медицины в частности в сфере лечения, восстановления и сохранения нашего тела. Автор характеризует и уже имеющиеся, и только намечающиеся решения ряда вопросов: 1) как доставить лекарство «до нужного органа или ткани, преодолев химические, физические и все прочие биологические преграды на пути», потому что иначе лечение превратится в «требование разрубить саблей пуховую подушку, попасть из пушки по воробьям или укусить самого себя за локоть» (с. 171); 2) каковы перспективы и свершения наномедицины, прежде всего наночастиц в диагностике заболеваний на максимально ранней стадии и доставке нужных химических веществ в поврежденные места организма.

К этому моменту читатель оказывается на завершающих страницах книги, где автор все чаще апеллируют к социальным проблемам, используя социальные аналогии и метафоры. Скажем, он полагает, что сегодня «нанотехнологии стали модой, на них возлагают большие, порой самые фантастические надежды, вплоть до быстрого превращения индустриально отсталых стран в передовые» (с. 177), хотя преимущественно надежды человечества связаны с медицинским применением микроскопических умных «машин», «наноботов», которые «будут проникать с кровью в любые закоулки тела и лечить там любые повреждения».

Частично нанобудущее уже наступило, что автор демонстрирует на примере магнитных наночастиц в коронарных стентах: «Будущее приходит по-разному. Иногда по-бетховенски властно грохоча кулаком, а порой — вот как лет двадцать назад, когда сначала в специальной литературе, а потом и в массовой печати начали появляться отрывочные сообщения о новом и необычном биологическом инструменте» (с. 183).

Отдельного упоминания в четвертой главе заслужили стволовые клетки и возможности создания искусственной крови («из кожи заказчика»). Автор предвкушает будущее, когда «в газетах будут мелькать объявления типа: „Быстро и дешево! Производство крови из кожи заказчика!“» (с. 200). Выглядит лозунг мрачновато,

но в то же время оптимистично — с точки зрения подразумеваемого подобной доступностью крови решения важнейших для человечества медицинских проблем.

Книги Нудельмана и Найта сближает как увлечение социальной метафорикой, так и то, что научно-публицистический характер обеих работ определяет не только стиль изложения (просто, доступно, понятно), но и критика современного общества. Во-первых, Нудельмана явно огорчает нынешняя информационная вседоступность, позволяющая человеку свято верить в свою способность мгновенно превращаться в эксперта по чему угодно: «Если вы подключитесь к дренажной трубе по имени Гугл... то из русского отвода трубы на вас первым долгом хлынет мутный поток всевозможного мусора... Я иной раз удивляюсь — кто там на русском Гугле ухитряется так изобретательно собирать именно то, что имеет самое далекое отношение к запрашиваемому?» (с. 74). В результате «что такое стволовые клетки, известно сегодня всем, включая грудных младенцев» (с. 192). С другой стороны, Нудельман выступает и против обожествления научного знания: «научные парадигмы — не совсем то же, что божьи заповеди: они могут меняться» (с. 102).

Во-вторых, ему категорически претят «модные псевдодиетические крайности» — как попытки перехитрить природу. «Она миллиарды лет терпеливо отлаживала баланс своих биохимических реакций, и поэтому не стоит соваться в достигнутое ею тончайшее равновесие, чтобы не оказаться слоном в посудной лавке» (с. 170).

Возвращаясь к суете вокруг диеты в пятой главе, Нудельман попутно проходится и по политкорректности, «когда людей не принято называть жирными или даже тучными — они “страдающие ожирением”... они действительно страдающие, потому что ожирение — это некрасиво... неудобно... и небезопасно» (с. 201). Вывод автора: популярная диетология — околонаучная дисциплина, потому что, несмотря на огромное количество «замечательных диетологических открытий XX века... в 2000-е годы впервые в истории число жирных людей во всем мире сравнялось с числом недоедающих. Какой замечательный итог диетологических усилий!» (с. 209).

В-третьих, Нудельман критически относится к громким лозунгам и, по сути, предлагает сконцентрироваться на рутинной научно-исследовательской работе: «Не говорите мне о Сколково. Сколково — оно еще вона где, а реальная нанотехнология — она уже вот, в статье...» (с. 187). Громкие лозунги раздражают автора как применительно к научной индустрии, так и за ее пределами, скажем, в антипрививочном движении: «...Вот уже на телеэкране страстно выкрикивает некто, что-де он не станет прививать своего ребенка против коклюша и прочих возможных болезней, потому что вакцины эти заражают детей аутизмом. И тщетно сидящий напротив врач мягко возражает распалившемуся родителю, что эти истерические опасения давно уже опровергнуты многочисленными научными исследованиями, — родитель невменяем и требует тут же, немедленно — вынь и положь все „за“ и „против“, чтобы „люди сами могли разобраться и решить“» (с. 211) (автор опять возвращается к проблеме веры обывателя в свою всеэкспертность).

Пятая глава книги суммирует критические аргументы автора в отношении диет и антивакцинистского движения, а в качестве третьего сюжета для размышлений обрисовывает ситуацию с гомеопатией.

Автор тезисно фиксирует исторический путь гомеопатии, обнаруживая здесь немало благородных мотивов, но в итоге с грустью констатирует ненаучность претензий гомеопатии, вновь переводя проблему из медицинской плоскости в социальную: «Почему в гомеопатию верят? Этот интересный вопрос составляет часть другого, более интересного вопроса: почему люди верят вообще... Многие миллионы секулярных людей, а также еще большие миллионы... адептов всевозможных религий сегодня объединяет вера в летающие тарелки, тайны египетских пирамид, коды Библии... и многие другие мифы, общим для которых является их квазинаучная упаковка» (с. 223). Кроме того, «люди во все времена ждут от врачей чудес. Но в наше время они ждут их особенно нетерпеливо. И, не дождавшись, обращаются к тем, кто такие чудеса предлагает, кто их рекламирует... И кое-кому эта вера действительно помогает — когда скрытые восстановительные ресурсы организма оказываются для этого достаточны [*видимо, отсылка к эффекту плацебо*]... Гомеопатия процветает... и даже многие из серьезных врачей уже стали подрабатывать в свободное время на этой моде [!], но, в общем-то, гомеопаты оказались в некой ловушке. Те из них, кто понимает, что своим благосостоянием они обязаны пустой таблетке, успокаивают себя мыслью, что, всячески скрывая этот печальный факт, они помогают больному верить в излечение... Остальные, к счастью, верят в благодетельную силу своих растворов точно так же, как и их больные, и потому пылают праведным гневом против критиков, а тем более разоблачителей» (с. 225).

Книга Роба Найта «Смотри, что у тебя внутри...» — прекрасно иллюстрированная, написанная понятным и увлекательным языком небольшая работа, состоящая из семи лаконично названных глав. В них «вшиты» несколько важных для любого социолога идей, позволяющих переформулировать извечный, хотя и претерпевший в XX в. некоторые трансформации, вопрос социологии «как возможно общество?» в любой иной, проблематизирующий «статус» составных элементов общества («что именно в человеке зависит от него самого?», «каково соотношение биологического и социального» и т.п.), поскольку история и размышления над проблемами типа «эффекта плацебо» убедили нас, что биологическое, пусть не всегда и не в полной мере, но подконтрольно социальным детерминациям и личностному контролю.

Идея гипербиологической детерминации человека навязывается читателям в юмористическом ключе (например, автор благодарит родителей «за их гены, их идеи и их микробов» — две причины признательности не социально-биографичны), что вряд ли было бы возможно в работе, претендующей на социологический «статус», как и предложение автора самоопределиться в наборе из «человеческого существа, двуногого животного с бесконечными возможностями разума, наследника всего сущего, никогда не прочитавшего до конца ни одного пользовательского соглашения».

Автор убеждает читателя, что любой из нас — это «триллионы мельчайших существ, обитающих в наших глазах, ушах и обширных поместьях, именуемых нашим кишечником» (с. 9). Автор убедительно и прямолинейно говорит о необходимости «смирить наше эго»: «Астрономия уже объяснила нам, что наша планета — вовсе не центр Вселенной, эволюция научила нас, что человек — лишь один из видов животных. Составление человеческого микробиома учит нас, что в доме нашего тела наш собственный голос тонет в хоре независимых (и взаимозависимых) форм жизни с их собственными устремлениями и программами». А чтобы у читателя не оставалось сомнений, что «он — это около ста триллионов микробных клеток» (с. 11), в тексте приведены забавные иллюстрации: например, клетки человека составляют в человеке меньше половины черепной коробки (в совокупном объеме, а не по размещению, конечно), а клетки микробов занимают все остальное наше телесное пространство.

Чтобы доступно описать реалии микромира внутри нас, автор совершает удивительный (по крайней мере, для традиционного социологического дискурса) контрапост: привычная для историко-социологических работ биологическая метафорика («органическая солидарность» Э. Дюркгейма, «органическая метафора» Г. Спенсера и концепты других основателей социологического эволюционизма) сменяется в книге Найта противоположностью — метафорикой социальной, выполняющей аналогичную функцию — объяснить процессы микробиологические (подобно тому как биологическая метафора, объясняя процессы социальные, заслужила важную эпистемологическую позицию в истории теоретической социологии).

Человек, по Найту, — это особая экосистема: «совокупность микробов внутри нас представляет нечто вроде объединения различных сообществ [*!*]; и разные части организма населяют различные группы видов, имеющих специализированные функции... Разнообразие микроорганизмов помогает объяснить даже такие индивидуальные особенности, которые мы привыкли списывать на случайность или невезение... Например, некоторые из нас действительно вкуснее с точки зрения комаров, и главная причина столь избирательной „аппетитности“ — различия в составе микробных сообществ, обитающих на нашей коже» (с. 12).

Благодаря современным технологиям можно составить «микробную карту тела», провести «полную перепись» [*!*] живущих в нас микроорганизмов (зафиксировать свой микробиом), выяснить реальные причины многих заболеваний, включая ожирение, артрит и депрессии: «микроорганизмы глубоко включены практически во все аспекты нашей жизни и впрямь заставляют нас по-иному взглянуть на вопрос: „Что же это значит — быть человеком?“» (с. 12). Столица микробного сообщества — кишечник, «мегаполис [*!*] длиной до десяти метров, полный извилистых улиц и укромных уголков. Микробам здесь раздолье: тепло, изобилие пищи и питья, да и канализация под боком. С точки зрения микроба наш кишечник похож одновременно и на Нью-Йорк, и на какую-нибудь восточную нефтяную столицу» (с. 33). Иммунная система — «это охранник в банке, который открывает огонь, лишь когда один из посетителей вдруг перепрыгивает через прилавок и начинает набивать мешок деньгами» (с. 60).

В книге множество «ошеломительных», по мнению автора, сведений о необозримом мире, которые вместе с яркими художественными и историческими иллюстрациями фиксируют эволюцию представлений о жизни — от непосредственно наблюдаемого невооруженным глазом или в микроскоп до изменения «древа жизни» благодаря сравнению разных форм на клеточном уровне с использованием рибосомной рибонуклеиновой кислоты (родственницы ДНК), секвенированию ДНК и взрывному увеличению мощности компьютеров. В целом повествование предельно констативно и сфокусировано на микробиологических проблемах, и они часто описываются в юмористическом ключе — для популяризации обсуждаемых вопросов через акцент на их социальных последствиях.

Автор начинает свой рассказ с оценки, сколько микробов обитает внутри нас (в сумме их так много, что 99% генов в нашем теле — это гены микробов), по ходу первой главы подтверждая научными данными обыденные представления о теле: что здоровые люди часто являются «домом» для опасных микробов, но «одомашненные» бактерии защищают нас от «плохих» незнакомых бактерий; что «повозиться в грязи иногда полезно», особенно в детстве и в сельской местности, потому что если иммунная система в детстве «простаивает», не подвергаясь атакам бактерий и вирусов, то потом чересчур остро реагирует на малейшие раздражители — отсюда, в частности, аллергии, но это не значит, что нужно поощрять ребенка «есть тухлое мясо или лизать больничный пол» (с. 69); что курение вредно не только для курильщиков, но и для обитающих внутри нас существ; что многие болезни, которые врачи прежде связывали со стрессами, неправильным питанием и пр. (например, язва желудка), в большинстве случаев вызываются бактериями, которые тихо-мирно живут внутри нас, но «иногда вдруг на нас набрасываются».

Вторая глава книги призвана дать ответ на вопрос, откуда берется наш микробиом: начало его формирования автор иллюстрирует историей рождения своей дочери, подчеркивая, что рождение — практически единственный момент в жизни, когда микробиомы всех людей более или менее одинаковы. По мере взросления сообщества наших одомашненных микропитомцев становятся все более разными, потому что зависят от диеты (определяет баланс бактерий в кишечнике), болезней и способов лечения (прием антибиотиков радикально меняет микробиом). Признавая пока еще неподтвержденность многих своих положений, автор все же констатирует, что наряду [*!*] с языковыми и культурными различиями народы различаются и микробами, прежде всего вследствие диеты (кто-то ест больше мяса, кто-то — больше зерновых), хотя важны также генетические и экологические факторы.

Третья глава фиксирует поразительные и пока не до конца установленные масштабы нашей зависимости от собственных микробов, в которой автор видит один плюс — «вполне реальную перспективу, что когда мы научимся лучше понимать микробиом и даже влиять на него, он может начать нас исцелять» (с. 57).

Проблема в том, что участие микробов в заболевании не означает, что от них нужно вообще избавиться; далеко не все заболевают, когда в нас попадают возбудители болезней; пока непонятны возможности целенаправленного воздействия на микробиом (связь ожирения с микробами подтверждена, а потенциал совершенствования микробиома посредством диет — пока нет).

Социальные последствия многообразия микромира рассмотрены в главе на примере проблем ожирения и квашиоркора (недоедания): «...микробиом может наказать нас как устойчивой тучностью, так и хроническим истощением» (с. 75). Здесь автор возвращается к уже не раз обозначенной ранее в позитивном ключе проблеме микробного разнообразия: «Человек, который всегда слушает исключительно один и тот же музыкальный жанр или представителей только одной политической партии, оказывается не готов к широкой дискуссии о музыке или политике. Так и наш организм терпит поражение, если он не сталкивался с многообразием микробов» (с. 75).

Четвертая глава может шокировать читателя-социолога уже самой постановкой вопроса, хотя автор пытается смягчить удар: «Наши разум, настроение, поведение — то, что и определяет нашу личность, — уж эти-то явления наверняка имеют исключительно человеческую природу? Может быть, и нет... появляется все больше свидетельств, что микробы играют роль и в нашем характере, и в настроении... Из своего командного пункта [*!*] внутри нашего тела микробы не только регулируют наше пищеварение, усвоение лекарств и выработку гормонов — взаимодействуя с нашей иммунной системой, они могут влиять и на наш мозг» (с. 77). Данное утверждение автор иллюстрирует исследованиями о причастности бактерий к психическим и нервным расстройствам, показывает, что микробы контролируют наш аппетит, тревожность, панические атаки, депрессивные состояния и синдром хронической усталости. Причастность эта зафиксирована, но механизмы ее пока не вполне понятны, и наиболее интересен для науки прикладной вопрос — можем ли мы так изменить своих микробов, чтобы с их помощью изменить себя (невозможный вопрос для приверженца социологизма).

В пятой главе автор еще больше радикализирует этот вопрос: «Можем ли мы создать с помощью микробиома улучшенную версию себя?» — и отвечает: «Мы просто обязаны это сделать. Ведь мы постоянно изменяем свой микробиом, если меняем соотношение растительной и животной пиши в своем рационе... пользуемся антибактериальным мылом... Но что, если делать это целенаправленно?» (с. 93). В качестве первых попыток подобного воздействия автор рассматривает пребиотики — «удобрения» для микробов (отталкиваясь от метафоры микробиома как газона с травками); пробиотики — живые организмы для спасения нашего «газона», если его залило, он зарос сорняками или с ним случилось еще что-то ужасное. Впрочем, пока большинство клинических исследований пребиотиков и пробиотиков находятся на стадии доказательства их безопасности и действенности: «шумихи и рекламы вокруг пробиотиков гораздо больше, чем надежных исследований» (с. 97), что социологически объяснимо — всем хочется быть красивыми и здоровыми, и на этом желании можно быстро заработать. На шумиху работает и то, что пробиотики не являются в строгом смысле лекарством, поэтому люди считают, что им подходит любой пробиотик, и легко верят рекламе. Возможны и более радикальные меры воздействия на наш «газон», призванные избавить его от болезней, например, вакцинации: автор категорически не приемлет аргументацию противников вакцинации, которую объясняет неадекватными страхами общества).

Отдельная глава книги Найта посвящена антибиотикам, повальное увлечение которыми автор оценивает крайне негативно, считая, что как раз из-за антибиотиков людям следует беспокоиться куда больше, чем из-за прививок: «Люди с ума сходят из-за вакцинации, хотя почти все ужасы, которые о ней рассказывают, не имеют под собой научного основания или уже опровергнуты ...а риски хорошо изучены и относительно редки» (с. 107). Тогда как «антибиотики по действию можно сравнить с напалмом. Они действуют сразу на множество организмов внутри нас, уничтожая наше микробное наследие, и последствия этого для нашего личного и общественного здоровья мы еще только начинаем осознавать» (нецелевое уничтожение «хороших» бактерий вместе с «плохими»; бактерии учатся обманывать лекарства благодаря «беспорядочной половой жизни» [*!*]; антибиотики меняют развитие микрофлоры ребенка, что может повлечь ожирение). «Антибиотики — это яды, просто они более токсичны для бактерий, чем для человека» (с. 108).

Завершает книгу предложение автора любому желающему присоединиться к одному из краудфандинговых проектов «гражданской науки» — «Нутро Америки» (в приложении проект подробно описан), поучаствовав тем самым в картировании микробиома и использовав свой «шанс узнать, из какого именно дерьма [в прямом смысле, но с микробиологической точки зрения] все мы состоим». Перспектива заманчивая, но высока вероятность, что об этой возможности узнает не каждый читатель, потому что в силу брезгливости и экзистенциального ужаса (не очень приятно осознавать, что внутри тела идет неподконтрольная жизнь) не сможет дочитать ее до конца.

Вероятно, социологически подготовленного читателя подобные книги могут ужаснуть возможными последствиями для трактовки социального. Согласитесь: мышление, испорченное социологическим образованием, все же склонно гипертрофированно воспринимать социальное в человеке и мыслить его как результат социализации и интериоризации норм, ценностей и стереотипов, как «жертву» идеологем, доказывающим, сколь много в нашей телесной жизни зависит от убеждений и мотивов. Подобные же книги ставят под сомнение привычные интерпретации личности, поскольку ее интеллектуальные и эмоциональные возможности оказываются детерминированы и внутренними «колонизаторами» ее тела, практически таковое и составляющими.

Одно дело — признать и принять тот факт, что бутерброд в нашем кишечнике переваривают бактерии, что естественный наш запах определяется микробами, живущими на коже, что у каждого из нас есть, помимо обычных, еще и микробные отпечатки пальцев, и в скором времени их можно будет использовать для идентификации человека. Совсем другое дело узнать, что твои мысли и чувства — лишь результат микрожизни внутри тебя. Кстати, антифеминисты получают подтверждение биологической детерминации несхожести мужчин и женщин: например, «микробные сообщества на руках у женщин, как правило, более разнообразны, чем у мужчин» (с. 24); и, по юмористическому признанию Найта, микробиом мужских гениталий изучен слабо по сравнению с микробиомом женских гени-

талий, хотя последний и плохо предсказуем, потому что может меняться при смене полового партнера и в зависимости от происхождения и локальных условий жизни.

Рассмотренные научно-популярные работы исключительно интересны и важны для социальных исследователей, кому важно понимать истоки и последствия декларируемых сегодня изменений в акцентах дилеммы «биологическое—социальное». Однако новейшая история человечества столь серьезно дистанцировала нас от биологических основ нашего существования (яркий пример — ритуальные практики погребения, которые отстранили близких умершего от физиологического «восприятия» его смерти и заботы о его теле), что читатели, испытывающие страх или брезгливость, думая об активной жизни внутри себя микроскопических тварей, для которых наш организм служит домом, вряд ли смогут продраться сквозь подобные тексты.

С другой стороны, позитивность гиперфизиологического, «препараторского» отношения к телу преподносится современной массовой культурой как важный элемент социальной жизни, например, в массе телесериалов, посвященных жизни больниц с акцентом на отношениях врачей и пациентов, или в сериалах типа «Кости», где знание биохимических процессов и костной «природы» человека помогает расследовать преступления и понимать принципы организации социальной жизни и т.д.

Подобные книги информативны и интересны, другой вопрос — насколько в принципе легко свыкнуться с мыслью, что в тебе идет почти бесконтрольная жизнь миллиардов крошечных существ (до сих пор большинство микробов нашего организма не удалось вырастить в лаборатории, чтобы исследовать), хоть как-то понять которую человеку без соответствующего образования помогают социальные аналогии и метафоры.

И.В. Троцук

SOCIAL METAPHORS AND THE HUMAN “CONSTRUCTION” IN THE SCIENTIFIC PUBLICISM ON THE BODY

Nudelman R. Neizvestnoe nashe telo. O poleznyh parazitah, origami iz DNK i suete vokrug gomeopatii… [Our Unknown Body. On Beneficial Parasites, DNA Origami, and the Bustle around Homeopathy…]. M.: Lomonosov, 2014. 240 s.

Knight R. Smotri, chto u tebja vnutri. Kak mikroby, zhivushhie v nashem tele, opredeljajut nashe zdorove i nashu lichnost [Follow Your Gut: The Enormous Impact of Tiny Microbes] / Per. s angl. E. Valkina. M.: Izd-vo AST: CORPUS, 2015. 160 s.

НАШИ АВТОРЫ

Вэй Жочжу — аспирантка кафедры теоретической и специальной социологии Московского педагогического государственного университета (e-mail: 657961008@qq.com).

Дементьева Изабелла Федоровна — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Российской академии наук (e-mail: If.dementjewa@yandex.ru).

Джантеев Таугери Харшимович — адъюнкт Академии управления Министерства внутренних дел России (e-mail: beshtau.2011@mail.ru).

Диас Николас Хуан — доктор политологии, профессор, директор отделения социологических исследований и изучения проблем безопасности Европейского университета в Мадриде (e-mail: 100613.2721@compuserve.com).

Замараева Елена Ивановна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (e-mail: zamaraeva_e@mail.ru).

Ивлев Евгений Анатольевич — сотрудник Социологической лаборатории кафедры социологии Российского университета дружбы народов (email: ivlevdjon@mail.ru).

Ильмухин Василь Наильевич — аспирант кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: vilmukhin@mail.ru).

Лебедев Сергей Николаевич — кандидат философских наук, доктор экономических наук, профессор кафедры общественных наук Литературного института имени А.М. Горького (e-mail: statia 54@mail.ru).

Максимова Ольга Борисовна — кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов (e-mail: maximovaob@mail.ru).

Максимова Светлана Геннадьевна — доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий Алтайского государственного университета (e-mail: svet-maximova@yandex.ru).

Миняжев Тимур Рифатович — кандидат социологических наук, доцент кафедры теоретической и специальной социологии Московского педагогического государственного университета (e-mail: tr.minyazhev@m.mpgu.edu).

Морковкина Анастасия Геннадьевна — аспирант кафедры социологии коммуникативных систем социологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (e-mail: soccomsys@mail.ru).

Осипова Ольга Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры общего и стратегического менеджмента Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: Chernyavskaya-OS@yandex.ru).

Павленко Екатерина Сергеевна — младший научный сотрудник Центра культурсоциологии и антропологии образования Института образования Научно-исследовательского университета — Высшая школа экономики (e-mail: epavlenko@hse.ru).

Попов Михаил Юрьевич — доктор социологических наук, профессор, главный редактор научного журнала «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» (e-mail: Popov-52@mail.ru).

Розанова Нина Николаевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры управления Смоленского государственного университета (e-mail: rozznina@yandex.ru).

Самыгин Петр Сергеевич — доктор социологических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Ростовского государственного экономического университета (e-mail: samygin78@yandex.ru).

Самыгин Сергей Иванович — доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом и социологии Ростовского государственного экономического университета (e-mail: samygin78@yandex.ru).

Тарасова Екатерина Олеговна — аспирантка кафедры социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета (e-mail: tarasova_eo@mail.ru).

Троцук Ирина Владимировна — доктор социологических наук, доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии на-

родного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации (email: irina_trotsuk@rambler.ru).

Харченко Елена Игоревна — ассистент кафедры методологии и методов социологических исследований Киевского национального университета имени Тараса Шевченко (e-mail: akh_univ@mail.ru).

Чилипенок Юлия Юрьевна — кандидат социологических наук, заведующая кафедрой общего и стратегического менеджмента Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: YuChil@rambler.ru).

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: СОЦИОЛОГИЯ» ПРИГЛАШАЕТ К СОТРУДНИЧЕСТВУ АВТОРОВ*

В журнале публикуются статьи по методологии, истории и теории социологии, статьи по результатам социологических и междисциплинарных исследований по широкому кругу вопросов социально-гуманитарного знания на русском и английском языках, а также реферативные обзоры и рецензии.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, оформленные в строгом соответствии со следующими правилами:

1. **Объем рукописи** — от 24 до 40 тысяч знаков (с пробелами) для статей, от 12 до 20 тысяч знаков — для рецензий. Формат страницы — А4, шрифт — Times New Roman, размер шрифта — 12, межстрочный интервал — полуторный, нумерация страниц не проставляется. Отступ первой строки абзаца — 1,25 см, поля на странице — 30 мм слева, 20 мм справа, сверху и снизу. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», — на номер страницы в источнике (например, [1. С. 126]; ссылка на несколько источников — [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).
2. Все **таблицы, схемы, графики, рисунки и другие иллюстрации** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. Таблицы должны иметь заголовок, размещаемый над табличным полем, рисунки — подрисуночные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.
3. **Формулы** размечаются, поясняются и снабжаются библиографическими ссылками.
4. Пронумерованный **список библиографии** не должен превышать 1 страницы и приводится **в конце статьи**. Список библиографических источников дается в алфавитном порядке: в статьях на русском языке указываются сначала источники на русском языке, далее — на иностранном; в статьях на английском языке указываются сначала источники на иностранных языках, далее — на русском с транслитерацией средствами латинского алфавита (ГОСТ 7.79-2000). Библиографические описания оформляются в соответствии со следующим образцом:

   [1] Национальная доктрина образования в Российской Федерации // Вестник МАН ВШ. 2000. № 3.

* Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

[2] *Фадеев В.Н.* Моделирование устойчивого развития предприятия. Харьков, 2001.
[3] *Арутюнов С., Козлов С.* Диаспоры: скрытая угроза или дополнительный ресурс. URL: http://www.ng.ru/science/2005-11-23/14_diaspory.html.

После библиографического списка должна быть приведена транслитерированная версия русскоязычных изданий с корректными переводами названий библиографических источников на английский язык в квадратных скобках.

5. Статьи должны быть напечатаны на одной стороне листа. К статье прилагается ее **электронная версия на диске.** Статья может быть принята **по электронной почте (**socjournalrudn@pfur. ru**) только при наличии** перечисленных ниже обязательных для приложения к статье материалов.

   К статье обязательно прилагаются:

   - **аннотация** (резюме) объемом 250—300 слов на русском и английском языках;
   - **список 8—10 ключевых слов** на русском и английском языках; каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;
   - **авторская справка** на русском и английском языках, где указываются: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность, ученая степень, а также **данные для связи с автором** — адрес места работы, включая почтовый индекс, номер телефона (служебный, мобильный), электронный адрес.

Решение о публикации выносится в течение шести месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Материалы, не принятые к изданию, не возвращаются. Редакция не вступает с авторами в переписку в случае отказа от публикации представленных ими статей.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений. **Категорически не допустимы** фальсификация, манипуляция и «изобретение» данных, а также любые некорректные заимствования (плагиат) — от присвоения авторства чужой статьи до использования материалов исследований, проведенных другими авторами, без корректных ссылок на источники заимствований.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения, редколлегии и редакции.

Представляя в редакцию рукопись, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

С содержанием вышедших номеров и аннотациями статей можно ознакомиться на сайте журнала в Интернете: www.vestnik.rudn.ru.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

SCIENTIFIC JOURNAL «BULLETIN OF PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA. "SOCIOLOGY" SERIES» INVITES AUTHORS

The journal publishes articles on the methodology, history and theory of sociology, on the results of sociological and interdisciplinary research on a wide range of social issues in Russian and English, and reviews.

The Editorial Board accepts for reviewing only articles that fulfill all the following requirements:

1. The size of the manuscript — 24—40 thousand characters (including spaces) for articles and 12—20 thousand characters for reviews. Page format — A4, font — Times New Roman, font size — 12, line spacing — 1.5, with no page numbering; indent of the paragraph first line — 1.25, the fields of the page — 30 mm left, 20 mm right, top and bottom. References are given in the text in square brackets with the first number indicating the publication number in the bibliography, and the second number standing after the capital letter 'P' — the page number in the publication (e.g., [1. P. 126]; if there are several references — [1. P. 126; 4. P. 43]). Notes are given in brackets, e.g., (1).
2. All tables, graphs, pictures and other illustrations should be embedded in the text, numbered and titled. Tables should have a title placed above them, pictures — captions under them. If there is more than one table/picture in the article, they should be numbered.
3. Formulas should be marked, explained and provided with references.
4. The numbered bibliography should not exceed one page and should be placed at the end of the article. The publications should be mentioned in alphabetical order: in the articles in Russian, the Russian references are mentioned first; in the articles in English — publications in foreign languages, then in Russian with the transliteration according to the GOST 7.79-2000. Bibliographic descriptions should conform to the following model:

   [1] Национальная доктрина образования в Российской Федерации // Вестник МАН ВШ. 2000. №3.

   [2] *Фадеев В.Н.* Моделирование устойчивого развития предприятия. Харьков, 2001.

   [3] *Арутюнов С., Козлов С.* Диаспоры: скрытая угроза или дополнительный ресурс // URL: http://www.ng.ru/science/2005-11-23/14_diaspory.html.

   After the bibliography, there should be a transliterated version of the Russian publications with the correct English translation of the titles in brackets.
5. Articles should be printed on one side of the sheet. The author should also provide an electronic version of the article on the disk or via e-mail (socjournalrudn@pfur.ru) with the following mandatory materials attached:
   - ♦ abstract (summary) of 250-300 words both in Russian and English;
   - ♦ a list of 8—10 key words separated by a semicolon both in Russian and English;

- author information both in Russian and English: full name, place of work, position, academic degree, contacts — business address, including zip code, telephone number (office, mobile), e-mail address.

The Editorial Board makes a decision within six months from the date of the manuscript registration. If the manuscript was not accepted, the Editorial Board does not return it to the author. The Editorial Board does not explain to authors the grounds for refusal to publish the article.

The authors are responsible for the choice and accuracy of the facts, quotations, statistical and sociological data, names, geographical names and other information mentioned in the articles.

The published articles may not reflect the point of view of the Editorial Board.

If the author submits the manuscript, he undertakes not to publish it in whole or in part in any other journal without the permission of the Editorial Board.

Full-text issues and summaries of the articles can be found on the website: www.vestnik.rudn.ru.

In all reprints, the reference to the journal is obligatory.

Научный журнал

ВЕСТНИК
Российского университета дружбы народов

Серия:
СОЦИОЛОГИЯ

Май 2016, том 16, № 2

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61214 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов» (ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, Россия, 117198)

Редактор *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка: *Е.П. Довголевская*

Адрес редакции:
Российский университет дружбы народов
ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@pfur.ru

Адрес редакционной коллегии серии «Социология»:
ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2, Москва, Россия, 117198
Тел.: (495) 433-20-22
e-mail: socjournalrudn@pfur.ru

Подписано в печать ??.??.2016. Выход в свет ??.??.2016. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 28,83. Тираж 500 экз. Заказ № 435

Цена свободная.

Типография ИПК РУДН
ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419
тел. (495) 952-04-41

Scientific journal

BULLETIN
of Peoples' Friendship University of Russia

Series:
SOCIOLOGY

May 2016, Vol. 16, N 2

Editor *K.V. Zenkin*
Computer design *E.P. Dovgolevskaya*

Address of the editorial board:
Peoples' Friendship University of Russia
Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: ipk@pfur.ru

Address of the editorial board
Series «Sociology»:
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198
Ph. +7 (495) 433-20-22
e-mail: socjournalrudn@pfur.ru

Printing run 500 copies

Open price.

Address of PFUR publishing house
Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph. +7 (495) 952-04-41

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал **20826**

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН
Серия «Социология»

Количество комплектов:

на 2016 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на журнал **20826**

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН
Серия «Социология»

Стои-мость	подписки	_____ руб. ___ коп.	Количество комплектов:	
	переадресовки	_____ руб. ___ коп.		

на 2016 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

Количество комплектов:

на 2016 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс) (адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на журнал

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия

Стоимость	подписки	_____ руб. ____ коп.	Количество комплектов:	
	переадресовки	_____ руб. ____ коп.		

на 2016 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс) (адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДЛЯ ЗАМЕТОК